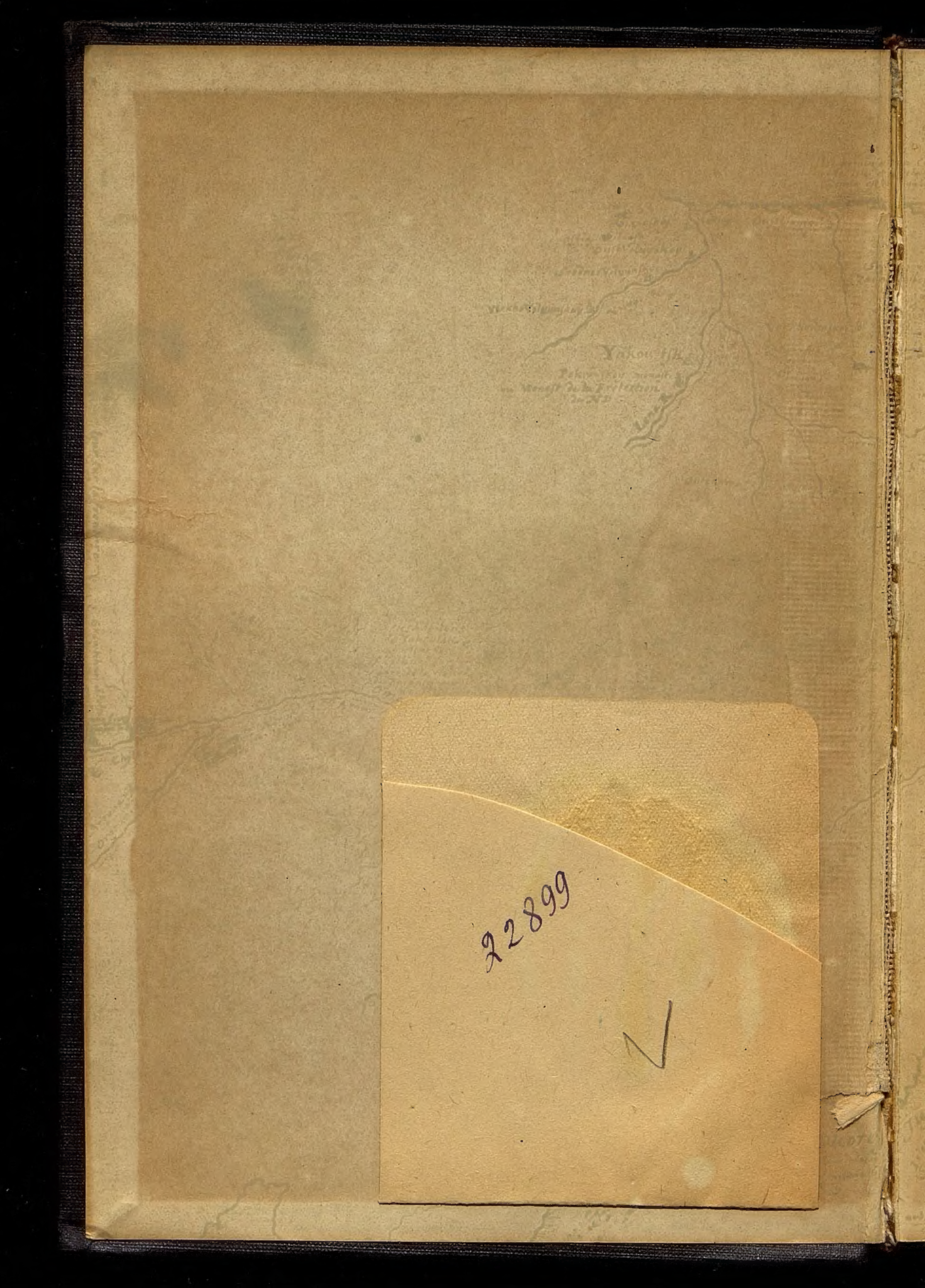
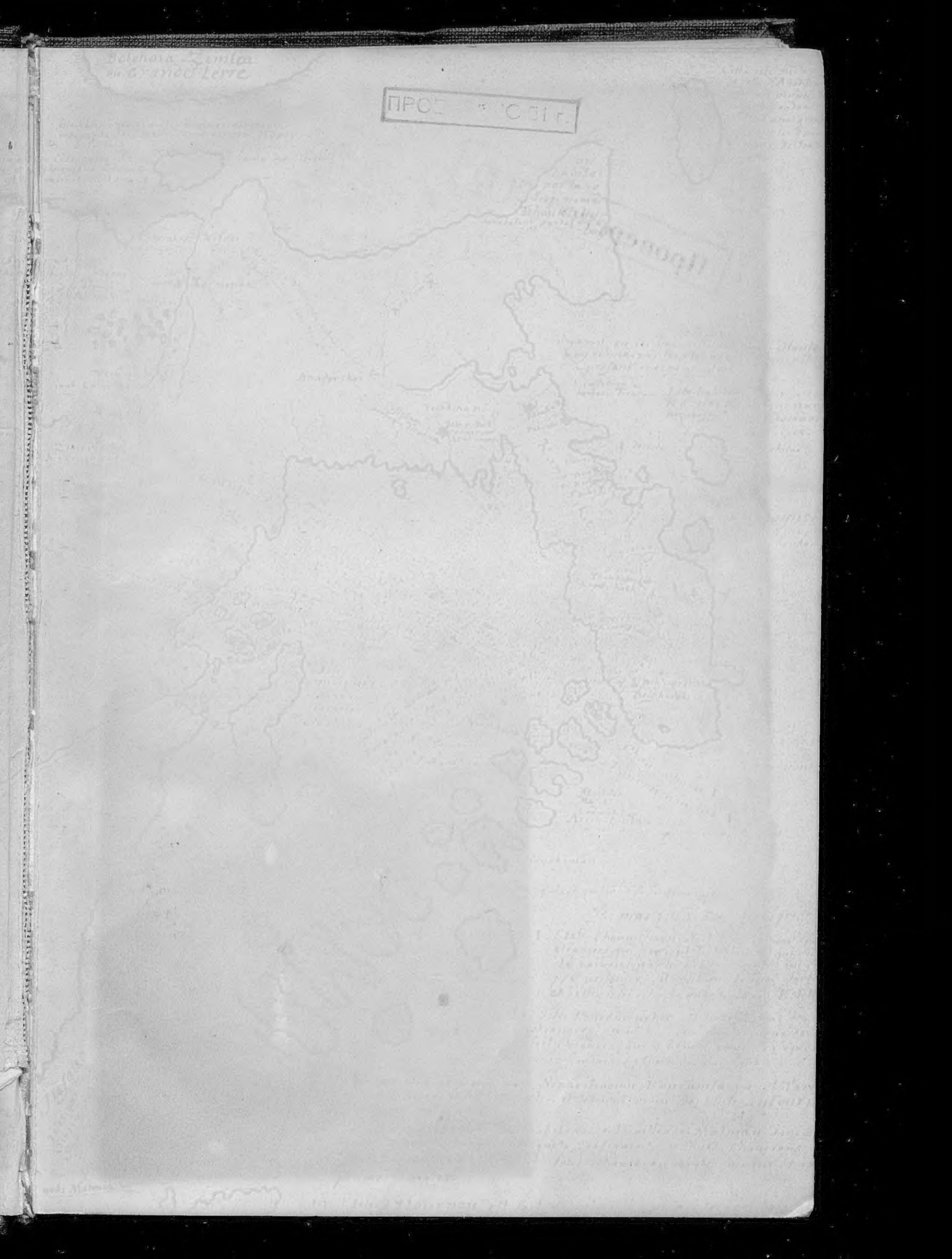
Л.С.БЕРГ

ОТКРЫТИЕ КАМЧАТКИ И ЭКСПЕДИЦИИ БЕРИНГА


22899

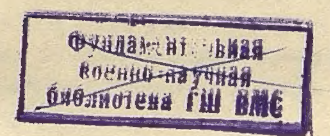


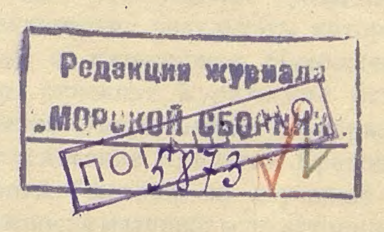
ПОЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА

Л. С. БЕРГ

ОТКРЫТИЕ КАМЧАТКИ И ЭКСПЕДИЦИИ БЕРИНГА

1725—1742





ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЛАВСЕВМОРПУТИ · ЛЕНИНГРАД · 1935

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая работа имеет своею целью описать ход экспедиций Беринга, выяснить научные результаты, добытые участниками экспедиций, и сравнить их скудные и нередко наивные, но вместе с тем полные живого интереса данные с тем, что известно о тех же местах ныне. Я старался не упускать из виду даже мелочей, помня слова Василия Берха (Первое морское путешествие Россиян. СПб. 1823):

„Поелику экспедиция кап. Беринга есть первое морское путешествие Россиянами предпринятое; то все малейшие подробности оного должны быть приятны для любителей отечественных древностей. Ежели многие из них покажутся теперь странными, то тем не менее достойны уважения, ибо являют постепенный ход вещей от первого начала до нынешнего совершенства“.

Следует помнить, что экспедиции Беринга, продолжавшиеся с 1725 по 1742 год, представляют громадное предприятие, научные и практические результаты которого неисчислимы. Укажем только на главнейшее. Нахождение пути через Берингов пролив, описание Курильских островов и северной Японии, открытие северо-западной Америки Чириковым и Берингом, исследование Камчатки Крашенинниковым и Стеллером, работы Гмелина по изучению Сибири, неоценимые по своей важности материалы по истории Сибири, собранные Г. Миллером, и, наконец, совершенно исключительный подвиг описания северных берегов Сибири от Вайгача до Анадыря, делающий имя наших моряков бессмертным

в истории географических открытий, — таков лишь краткий перечень того, что добыто трудами Камчатской экспедиции.

Снаряжение и осуществление ее происходило в невероятно тяжелых условиях. Американский капитан Е. Бертольф, много плававший в северо-восточной части Тихого океана, отзывается об этой экспедиции следующим образом: „Плавания Беринга и Чирикова есть события громадного значения. Эти мореплаватели пересекли Тихий океан и открыли северо-западный берег Америки ценою ужасных потерь и перед лицом неописуемых трудностей. Моряк следит за перипетиями их борьбы с все возрастающим уважением, преклоняясь перед людьми, которые совершили такое великое дело с столь неподходящими для его исполнения средствами".

Описанию экспедиций Беринга предпослана история открытия Камчатки, так как только с этого времени стали возможны плавания на север и восток Тихого океана. Об этом можно судить по тому, что самой экспедиции Беринга в XVIII веке было присвоено наименование Камчатской.

В XVIII столетии у моряков было в ходу астрономическое счисление: сутки считались с полудня предыдущего дня; в нижеследующем даты приводятся по обычному, гражданскому счислению.

Второе издание книги по сравнению с первым (1924 г.) значительно пополнено данными по истории ознакомления с берегами Берингова пролива.

Июнь 1935 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПЕРВАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ БЕРИНГА К БЕРИНГОВУ ПРОЛИВУ

1725—1730

I. Анианский пролив

Рассмотрим сначала, как представляли себе на Западе область Берингова пролива до экспедиции Беринга, т. е. до первой четверти XVIII века. Это нужно потому, что представления западноевропейских географов об интересующих нас местах послужили одним из поводов к снаряжению первой экспедиции Беринга.

„Соединяется ли Азия к Северовостоку с Америкою, или нет? важной всегда был вопрос между описателями земноводного нашего шара. С одной стороны казалось, что по изображенному на разных географических и морских картах *Анианскому проливу* никакого соединения быть не должно; с другой стороны принято и то в рассуждение, что никто не мог показать с достоверностью, когда и кем оной пролив найден". Так начинает знаменитый историк Герард Миллер свое „Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю с Российской стороны учиненных", напечатанное в первой книжке ежемесячного журнала *„Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие"*, издававшегося в Петербурге Академией наук, начиная с января 1758 года.[1]

Вопрос, который поставил Миллер в 1758 году, был окончательно разрешен не ранее чем через 65 лет трудами Ф. Врангеля, произведшего в течение 1821—1823 годов съемку

---

[1] Это чрезвычайно ценное издание, ставшее ныне библиографической редкостью, выходило при Академии наук с 1755 по 1764 г., — первые три года под заглавием *Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие*, с 1758 по 1762 под приведенным в тексте названием, а в 1763—1764 гг. под именем *Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах.* — Начало статьи Миллера помещено на первой странице январской книжки 1758 г., конец в ноябрьской — за тот же год. Каждые шесть книжек составляют один том.

берегов северо-восточной Азии от устья Индигирки до острова Колючина, до которого с востока доходил Биллингс. Данная Врангелю в 1820 году инструкция поручала ему „определить положение Шелагского мыса и описать берег, лежащий от оного к востоку, разрешив тем навсегда гипотезу о соединении Азии с Америкой“.[1]

Авторы инструкции справедливо считали, что плавания Беринга (1728) и Кука (1778) не разрешают вопроса о соединении Азии с Америкой, ибо и при наличии Берингова пролива мост между обоими материками мог находиться где-либо западнее. В этом отношении сведения о плавании Дежнева 1648 года давали не оставляющий места сомнению ответ, но в начале XIX века Дежневу, очевидно, не доверяли, хотя, как мы убедимся ниже, совершенно без основания.

Если мы взглянем на карту Азии в каком-нибудь из атласов конца XVI или всего XVII столетия, то увидим, что на месте нынешнего Берингова пролива между Азией и Америкой нанесен *Аннанский пролив*, о котором упоминает и Миллер. Так, это название мы встречаем на знаменитой карте Меркатора Nova et aucta orbis terrarum descriptio 1569 (рис. 1), находим его (Stretto di Anian) и на карте Тартарии, помещенной в весьма распространенном в свое время атласе Абрагама Ортелия 1570 года (рис. 2), видим его под именем Anian fretum и в не менее популярном атласе Гондия (Hondius) 1606 года,[2] есть он и на карте Вита 1660 года (рис. 5).

Что это за пролив? Можно ли думать, что в основе представлений об Аннанском проливе лежат реальные данные о проливе между Азией и Америкой, или же здесь мы имеем дело со случайной догадкой, предвосхитившей истину? Вопрос занимал многих, и ему посвящена целая литература.[3]

---

[1] Литке. Известие об экспедициях к северным берегам Сибири. Записки, издаваемые Адмиралт. департ., VI, 1824, с картой.

[2] Копии карт Ортелия и Гондия можно найти у В. Кордта. Матер. по истории русской картографии, серия 2, вып. 1. Киев, 1906, табл. XVII и XVIII, а Меркатора у Nordenskiöld. Facsimile-Atlas, p. 95.

[3] H. Yule. The book of Ser Marco Polo the Venetian. L., II, 1871, p. 211, 3-е изд., II, 1903, p. 266. — S. Ruge. Fretum Anian (Die Geschichte der Beringstrasse vor ihrer Entdeckung). Abhandlungen und Vorträge zur Geschichte der Erdkunde. Dresden, 1888, p. 53—70 (1-е издание этой статьи вышло в 1873 г.; 2-е является переработанным). — Chr. Sandler. Die Anian-Strasse und Marco Polo. Zeitschr. Gesell. Erdkunde, Berlin, XXIX, 1894, p. 401—408. — Л. Багров. Изв. Географ. общ., 1915, стр. 493. —

Рис. 1. Карта северных стран Г. Меркатора 1569 г. из атласа Р. Меркатора 1595 г. (из Nordenskiöld. Facsimile-Atlas).

На месте Берингова пролива Streto de Anian. На американской стороне Аннанского пролива нанесено Anian regnum Аннанское царство).

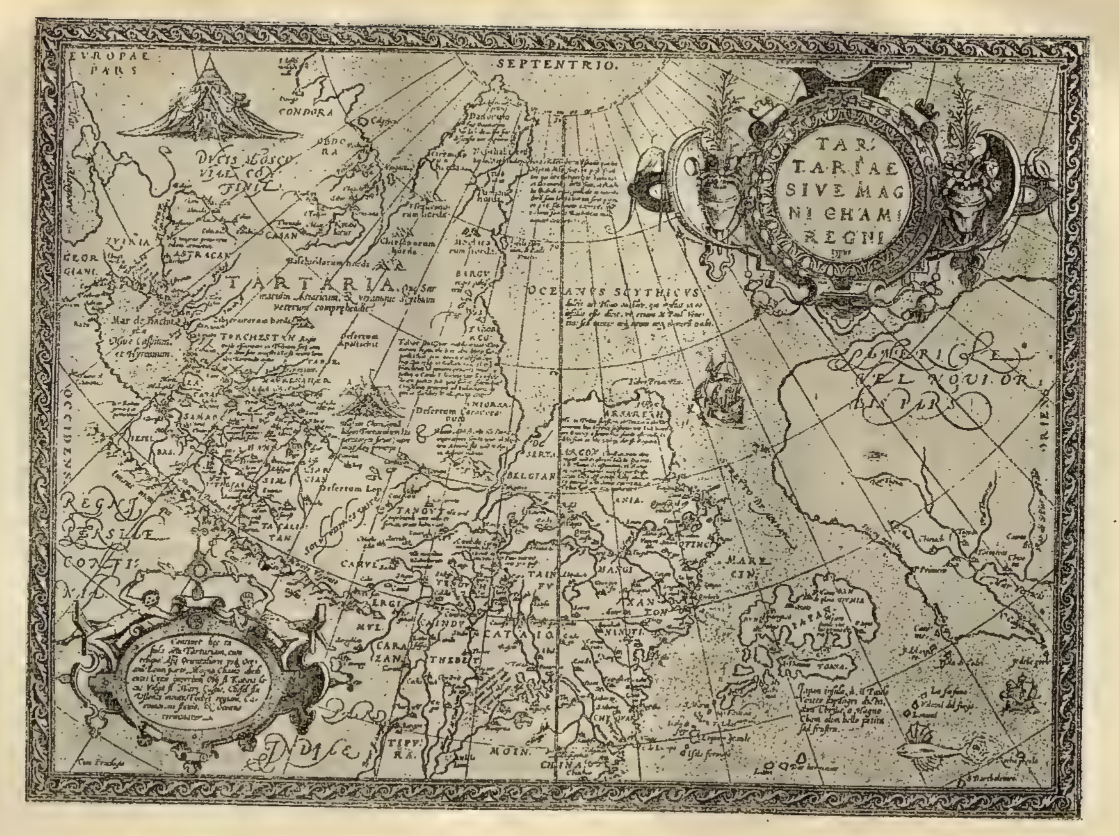


Рис 2. Карта Тартарии Ортелия 1570 г. (из Л. Багрова).
На месте Берингова пролива Stretto di Anian.

Впервые в картографический обиход представление о проливе Anian введено итальянским картографом Гастальди. На одной из карт его, относящейся к 1562 году, но до нас не дошедшей (известен только текст к ней), уже нанесен Stretto di Anian. Затем мы находим его на карте Северной Америки, опубликованной в Венеции в 1566 году и известной под именем карты Зальтиери (правильнее — Zalterio) или карты Лафрери[1] (рис. 3). Есть основания думать, что она просто скопирована с недошедшей до нас карты Гастальди 1562 г.,[2] который таким образом является основоположником представления об Анианском проливе, или, как выражается Маринелли, изобретателем его.

После этого Анианский пролив, получив всеобщее признание картографов, встречается на множестве карт, между прочим — в столь распространенных изданиях, каковыми были атласы Ортелия и Меркатора. Мы находим его еще долгое время после открытия Беринга (1728), именно вплоть до 1777 года, когда видим Fretum Anian на одной из карт, изданных Sam. Engel'ем в Базеле.[3]

Происхождение названия Аниан

Происхождением своим название Anian, несомненно, обязано Марко Поло,[4] упоминающему провинцию Anin.[5] В не-

G. Sykes. The mythical straits of Anian. Bull. Amer. Geogr. Soc., 1915, p. 161—172. — O. Marinelli. Lo stretto di Anian e Giacomo Gastaldi. Rivista Geogr. Ital., XXIV, 1917, p. 39—49. — Новейшая работа об Анианском проливе, G. E. Nunn, Origin of the Strait of Anian concept. Philadelphia, 1929, 36 pp., известна мне лишь по реферату в Geogr. Review, 1930, p. 353; автор держится мнения, что представление об Анианском проливе не основано ни на каких реальных данных.

[1] Уменьшенная копия карты Zaltieri помещена у A. E. Nordenskiöld. Facsimile-Atlas to the early history of cartography. Stockholm, 1889, p. 129.

[2] Marinelli, 1917, p. 48.

[3] Ruge, l. c., p. 69.

[4] Путешествовал в 1271—1295 гг.

[5] На что впервые указал O. Peschel в Geschichte der Geographie. München, 1865, p. 248, прим. 1. Сомнения Hennig'a (Peterm. Mitt., 1935, № 4, p. 125) ни на чем не основаны. Анианский пролив, говорит он, не может вести своего имени от провинции Anin или Aniu Марко Поло, потому что Аниу это Анам или Тонкин. Но ведь провинция Аниа была приурочена к области Берингова пролива не Марком Поло, а картографами! Стоит посмотреть на карты второй половины XVI столетия, и мы в области Анианского пролива найдем всю географическую номенклатуру Марко Поло: на карте восточной Азии, составленной Гастальди в 1561 году (см. Sykes,

которых рукописях и изданиях (напр., у Рамузио 1559) вслед за главой 4-й книги III путешествия Поло имеется следующая глава, представляющая собою очевидную вставку, хотя, говорит Юль, возможно, сделанную самим путешественником. Вот полный перевод этого места: [1]

„Если, оставив гавань *Зайтум* (Zaitum, Zaiton), плыть на запад и несколько на юго-запад 1500 миль, то можно достичь залива *Хейнан* (Cheinan); длина этого залива равна двум месяцам пути, если плыть по нему на север. Вся юговосточная сторона этого залива омывает берега провинции Манзи (Manzi), а к другой — примыкают провинции *Аниа* (по другим рукописям: Аму, Аниу, Анин; Ania, Amu, Aniu, Anin) и *Толоман* (по другим рукописям Коломан; Toloman, Coloman), а также многие другие вышеупомянутые. В этом заливе бесчисленное количество островов, из коих почти все густо населены. И есть на них много песочного золота, которое собирают из моря в устьях рек. И еще есть медь и другие вещи. И они торгуют тем, что есть на одном острове, в обмен на то, чего у них нет. И ведут еще торговлю с материком, продают им золото, медь и другие вещи, а у них покупают то, что им нужно. На большей части этих островов растет довольно хлебов. Этот залив так велик и столько людей там живет, что он кажется как бы особым миром“.

Дадим прежде всего толкование географических имен. *Зайтум* — это портовый город Цюань-чжоу, прибл. под 25° с. ш. [2] Залив *Хейнан* — по толкованию Юля [3] — это или название острова Хайнань (Гайнан), или, вероятнее, Анам. Нам представляется, что Хейнан есть имя острова Хайнань. *Манзи* или *Манги* (Manzi, Mangi, у персидских авторов *Мачин*) это — южный Китай. [4] О провинциях *Анин* и *Коломан* (Толоман) Марко Поло довольно подробно рассказывает в 57-й

fig. 7), мы видим на севере провинцию Аниа (Ania pro:) рядом с другими, заимствованными у Марко Поло именами, каковы провинции Mangi, область Qvincl, залив Cheinam и др.

[1] Оригинальный текст из Рамузио приведен у Сандлера вместе с немецким переводом (l. c., p. 403), английский перевод у Yule, II, 1903, p. 266, русский — в книге: И. П. Минаев. Путешествие Марко Поло, 2-е изд. под ред. В. В. Бартольда. Зап. Русск. геогр. общ. по отд. этн., XXVI, 1902, стр. 244—245. Приведенный в тексте перевод сделан мною.

[2] Yule, II, 1903 p. 237. У арабов Зейтун.

[3] l. c., p. 266.

[4] Yule, l. c., p. 144.

Рис. 3. Карта Северной Америки, изданная Зальтерио в 1566 г. (из Nordenskiöld. Facsimile-Atlas).
На месте Берингова пролива Streto de Anian.

и 58-й главах книги II.[1] Юль полагает,[2] что название Анин относится к южной части провинции Юнь-нань, именно к округу города Линь-аня, в окрестностях коего живет народ *ho-nhi*, давший начало названию Анин. Напротив, Кордье, редактор третьего издания книги Юля, вслед за Потье (Pauthier), видит в Анине или, правильнее, Аниу (Aniu) *Nan-yué*, т. е. северный Анам.[3] Наконец, Шариньон, последний по времени комментатор Марко Поло, думает, что дело идет об апо или ане — народе в Юнь-нане.[4] Что же касается провинции Коломан или Толоман, то Кордье считает верным чтение *Толоман* (= варвары Ту-лао), приурочивая это название к южной части Юнь-наня, возле Линьаня, Чжэнцзяна и др.[5]

Как бы то ни было, не может быть сомнения в том, что провинции Анин и Толоман нужно поместить на юге Юньнаня или на севере Анама.[6] Далее, контекст ясно показывает, что Анин и Толоман III книги, лежащие на берегах залива Хейнан, тожественны с Анином и Толоманом II книги, о которых мы только-что говорили. Таким образом, отпадает фантастическое предположение Сандлера,[7] будто Аниа есть область Иезо, Сахалина и Курил, где живут *айны*, что Толоман есть Камчатка, жители коей (камчадалы) называют себя *ительмен*, что Chorcha Марко Поло есть *чукчи*,[8] а „особый мир“, представляемый заливом Хейнан, есть *Америка*, о которэй камчадалы могли получить сведения от коряков. Невероятно, чтобы Марко Поло мог получить сведения о камчадалах, не говоря уже о чукчах.[9]

---

[1] См. Минаев, l. c., стр. 189—190.
[2] l. c., p. 120, 122.
[3] Cordier in Yule, II, 1903, p. 131.
[4] A. Charignon. Le livre de Marco Polo. Livre II, Pékin, A. Nachbaur, 1926, p. 266 (здесь приведено чтение Amu).
[5] Cordier, l. c., p. 124.
[6] Таков же взгляд и Ruge, l. c., p. 61.
[7] Sandler. Zeitschr. Gesell. Erdkunde, Berlin, 1894, p. 406.
[8] Sandler, p. 407. — Страна Chorcha, Ciorcia и Churchin, о которой говорит Марко Поло в 46-й главе книги III и в 5-й главе книги V, есть Манджурия, страна *джурдженей* (чжурчжэней), племени манджурского происхождения, владевшего северным Китаем в XII веке (см. Yule, 1, 1903, p. 226, 231, 343, 344; В. Бартольд в: Минаев, l. c., стр. 82, прим. 1; стр. 112, прим. 1).
[9] В китайской литературе можно найти следы знакомства с северной Сибирью. Так, о сибирском мамонте упоминается при описании событий, случившихся во время династии Хань (140—87 до нашей эры). Есть сведения о еще более ранних свидетельствах (IV век до нашей эры). Моржо-

Правильное толкование вышеприведенного описания залива Хейнан очень затруднительно. Главным камнем преткновения является громадная длина этого залива: 1500 миль к западу от Зайтона и в длину два месяца пути с юга на север! И вот на карте Зальтерио (рис. 3) мы видим, что из обширного залива Golfo Chinan, в свою очередь отходящего на север от Mare de Mangi, ведет узкий пролив Streto de Anian в Ледовитый океан.

Итак, приурочение названия „Анианский" к проливу между Азией и Америкой не имеет за себя никаких разумных оснований и есть плод незнакомства с топографией восточной Азии.

Источники, по которым нанесен на карты Анианский пролив

Но теперь является вопрос, чем вообще объясняется нанесение на старых картах пролива — как бы его ни называли — между Америкой и Азией?

Высказывались иногда предположения, не могли ли быть собраны сведения о Беринговом проливе испанскими мореплавателями первой половины XVI века, когда из Мексики было отправлено несколько экспедиций вдоль тихоокеанского берега к северу. Так, акад. Бэр[1] спрашивает, не дошли ли слухи об этом проливе до Франсиска Уллоа, посланного Кортесом из Калифорнии на север в 1525 году. Но эта экспедиция, отправленная не в 1525, а в 1539 году, дошла на север только до 31° с. ш., т. е. не достигла даже современной границы между Мексикой и Соединенными Штатами. Можно упомянуть еще, что преемник Кортеса, Мендоса, снарядил новую экспедицию на север под начальством Фернандо де Аларкон. Она поднялась в 1540 году на север лишь до 32° с. ш. В 1543 году экспедиция под начальством Хуана

вая кость была известна китайцам еще в VII веке до н. э.; она входила в состав дани, которую приносили народы, имевшие связь „с Камчаткою" (Laufer, 1925). Но, понятно, до Марко Поло не могли дойти имена народов севера, с которыми китайцы не имели непосредственных сношений. О севере западной Сибири у Марко Поло есть сведения в главах CCXVI и CCXVII, где рассказывается о северном царе Канги и о темной стране, граничащей с Великой Россией и богатой дорогими мехами — соболем, горностаем, белкой, черной лисицей и др. Никаких названий народов здесь не приведено.

[1] Baer. Peter's des Grossen Verdienste um die Erweiterung der geographischen Kenntnisse. Beiträge zur Kenntniss des Russ. Reich., XVI, 1872, p. 290.

Рис. 4. Карта Америки Мюнстера 1540 г. (из Nordenskiöld. Facsimile-Atlas).
Северная Америка отделена от Азии безымянным проливом.

Родригес Кабрильо достигла 41° с. ш. (северная часть штата Калифорнии). Вот и все крайние достижения в северной части Тихого океана за первую половину XVI века. Очевидно, все упомянутые мореплаватели были так далеко от Берингова пролива (66° с. ш.), что никак не могли собрать сведений о нем у туземцев. Даже после 1562 года, когда впервые на картах появляется Анианский пролив, еще очень много прошло времени, пока европейцы проникли ближе к Аляске. Знаменитый Ф. Дрэк поднялся в 1579 году лишь до 42° с. ш. или, может быть, лишь немного севернее (до Орегона?).

Таким образом, это предположение отпадает.

Посмотрим на карты Азии конца XV и начала XVI столетия. На глобусе Бегайма (Behaim) 1492 года, сделанном накануне открытия Америки, Азия изображена отграниченной на востоке океаном. То же на карте Рюйша (Ruysch) 1508 года, где уже нанесена Америка (но здесь Гренландия присоединена к материку Азии).[1] На карте Америки, составленной Мюнстером для базельского издания Птоломея 1540 года, Новый Свет изображен довольно удовлетворительно и на северо-западе отделен безымянным, не очень широким проливом от Азии (рис. 4). Напротив, очень широкий пролив между „Китаем“ и Северной Америкой мы видим на карте Трамезини (Tramezini) 1554 года.[2] На карте восточной Азии, составленной Гастальди в 1561 году, на самом севере Китая обозначена провинция Ania,[3] а недалеко от нее Golf de Heinam. Оставалось только дать проливу название, и это было сделано в 1562 году тем же Гастальди.

Таким путем представление об Анианском проливе водворилось в картографической литературе с конца XVI столетия. Не было, конечно, недостатка и в других попытках изобразить взаимоотношения Азии и Америки. Например, на карте мира, составленной уже не раз упомянутым Гастальди в 1550 году, Северная Америка вплотную соединена с Азией.[4] Но возобладало другое течение — то, которое изображало Новый Свет в виде острова, — вероятно, потому, что оно шло навстречу страстному желанию найти северо-

[1] Копию этой карты см. у: Л. С. Багров. Карты Азиатской России. Петроград, 1914, стр. 5. — Багров. История географической карты. Вест. арх. и истории, издаваемый Археол. инст., XXII, Петроград, 1917, стр. 20.

[2] Копия у Sykes, fig. 8.

[3] Там же, fig. 7.

[4] Там же, fig. 6.

западный и северо-восточный проходы в Тихий океан, т. е. пути туда вокруг северных берегов Америки и Азии. Еще в 1525 году итальянский писатель Павел Иовий, получивший подробные географические сведения о Московском государстве от посланника Дмитрия Герасимова, высказал следующие соображения: „Достаточно хорошо известно, что Двина, увлекая бесчисленные реки, несется в стремительном течении к северу и что море там имеет такое огромное протяжение, что по весьма вероятному предположению, держась правого берега, оттуда можно добраться на кораблях до страны Китая, если в промежутке не встретится какой-нибудь земли“.[1]

Стоило появиться в атласах второй половины XVI века Анианскому проливу, как сейчас же нашлись люди, утверждавшие, что они прошли этим проливом из Тихого океана в Ледовитый. В те времена для мистификаций в области Арктики был громадный простор. Некий английский моряк письменно удостоверил, что он в 1573 году читал опубликованный в Лиссабоне отчет о плавании, совершенном одним англичанином в 1567 году из Тихого океана в Атлантический вокруг Северной Америки.[2] Такого же типа рассказ о подобном плавании Хуана де Фука в конце XVI столетия. Напротив, испанский капитан Лоренсо Феррер де Мальдонадо в 1598 году якобы прошел вокруг Северной Америки, из Атлантического океана в Тихий, причем „открыл“ Анианский пролив, который в его отчете изображен с большими подробностями.[3] Всякому знакомому с историей исследования Арктики ясно, что такого рода плавания не могли быть совершены в XVI веке.

Не было недостатка в подобных мистификациях и в следующем столетии, и на эту удочку попадались и серьезные ученые. В 1640 году некий адмирал де Фонте якобы прошел по Анианскому проливу, который он помещает где-то в области Британской Колумбии; по этому проливу можно проникнуть из Тихого океана прямо в Гудсонов залив, минуя Ледовитое море. Астроном и картограф Ж.-Н. Делиль, член Петербургской и Парижской академий, подробно изобразил фантастические открытия адмирала на карте, изданной в Париже в 1752 году — т. е. уже после того как был открыт

[1] М. П. Алексеев, Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Том I, XIII—XVII вв. Иркутск, 1932, стр. 261.
[2] Sykes, p. 166.
[3] Там же, p. 168—170.

Рис. 5. Арктика, карта F. de Wit 1660 г., из атласа Blaeu (из F. Wieder. Monumenta cartographica, Hague, III, 1929).

На карте нанесен Аннанский пролив.

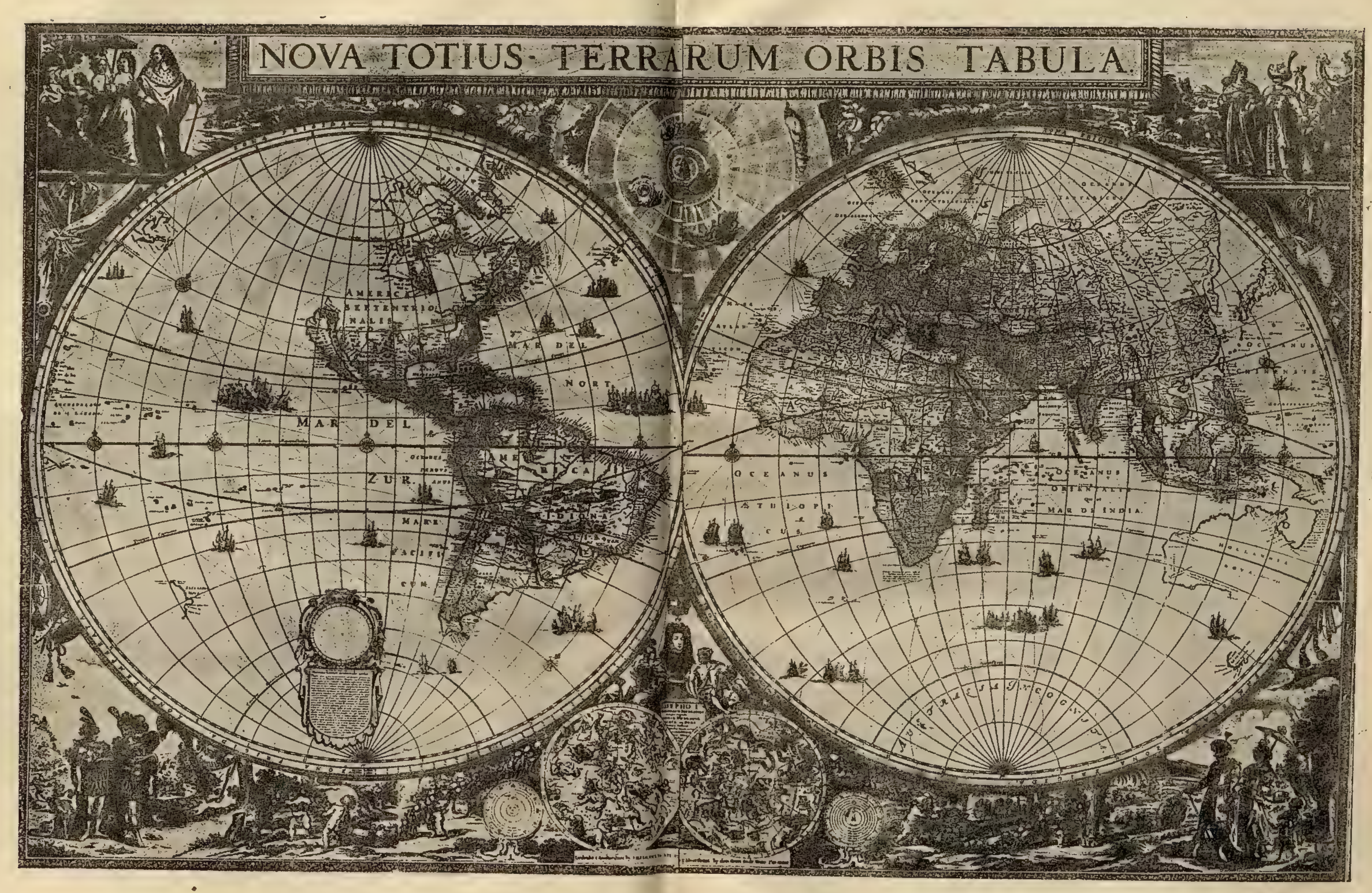
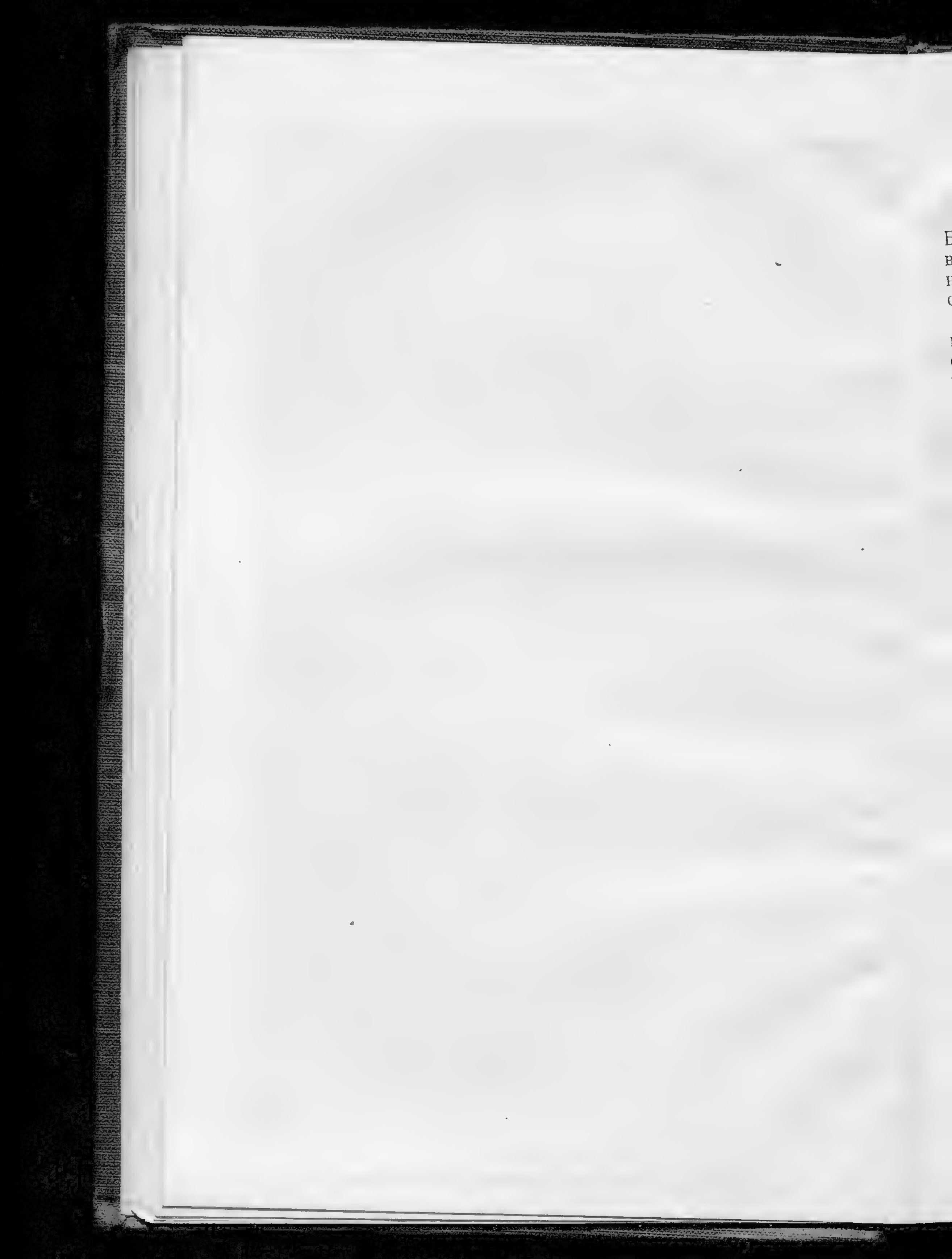


Рис. 6. Полушария из атласа Blaeu 1648 г. (Из F. Wieder, Monumenta cartographica, III, 1929).

Обратите внимание на то, что между Японией и северо-западной Америкой изображено сплошное море.

Рис. 7. Карта северной части Тихого океана, опубликованная в 1752 г. Ж.-Н. Делилем в Париже (из Greely).

На карте нанесены фантастические открытия адмирала де Фонте. Отмечены также плавания Беринга 1728 г. и Чирикова 1741 г. На карточке вверху слева имеется Анианский пролив.



Берингов пролив (рис. 7). В своей брошюре, вышедшей в том же году и о которой мы будем говорить в конце нашей книги, Делиль с полным доверием описывает фантастические плавания де Фонте.

В самое последнее время проф. Генниг[1] снова находит возможным высказать предположение, не побывали ли около середины XVI века какие-нибудь испанские мореплаватели в области Берингова пролива. Но в пользу этого взгляда автор не может привести решительно никаких доказательств, кроме того, что на карте т. н. Зальтерио 1566 г., воспроизведенной выше (рис. 3), берег северо-западной Америки нанесен якобы „удивительно правильно“, и имеется Берингов пролив в виде Streto de Anian.

II. Современный Берингов пролив

Приведем сначала некоторые географические сведения о берегах Берингова пролива. Эти данные окажутся нам полезными для последующего изложения (см. рис. 8).

Пролив Беринга имеет в самом узком месте в ширину 48 морских миль, или 89 километров. Посреди самой узкой части пролива расположена группа островов *Гвоздева*, или *Диомида*, один из коих (а какой — в точности неизвестно) был открыт *Берингом* в 1728 году. Островов три, и впервые они были точно положены на карту и определенно наименованы капитаном Бичи (Beechey) в 1826 году.[2]

1. Западный остров, или *Ратманова*, названный так еще *Коцебу* в 1816 году,[3] или Большой Диомид, имеет в длину около 5 км, в ширину $1^3/_4$ км, высота острова до 500 м над морем; ближайшее расстояние от острова до материка Азии составляет 32 км; на юго-западном мысу острова имеется небольшое эскимосское поселение,[4] состоявшее в 1926 году всего из 6 или 7 семейств,[5] между тем сотник

---

[1] R. Hennig. Eine Kenntnis der Bering-Strasse im 16. Jahrhundert? Peterm. Mitteil., 1935, № 4, p. 122—125.

[2] F. W. Beechey. Narrative of a voyage to the Pacific and Beering's strait 1825—28. Vol. I. London, 1831, p. 337—338.

[3] Коцебу. Путешествие в южный океан и в Берингов пролив для отыскания северовосточного морского прохода, предпринятое в 1815—18 годах на корабле Рюрик. Часть I. СПб. 1821, стр. 100.

[4] D. Jenness. Little Diomede Island, Bering Strait. Geogr. Review, 1929, January, p. 81.

[5] По сведениям, собранным во время переписи 1897 г., на о. Ратманова было два поселения; сел. Ималин с 173 душами и сел. Кугнеп с 38 душами

Кобелев, бывший на о-ве Ратманова или, по его обозначению, Имовлине 26 июля 1779 года, говорит о двух острожках, в которых жили 203 мужчины и 195 женщин.[1] Население уменьшилось от эпидемии оспы, бывшей здесь в начале нынешнего столетия. На карте Загоскина[2] остров Ратманова носит туземное (эскимосское) название Имаклит.

2. Средний остров, Малый Диомид, или *Крузенштерна,* отстоит от западного на $3^1/_2$ км, от материка Америки (мыса принца Уэльского) на 40 км; площадью он втрое меньше первого; высота его 400 м (рис. 9). В ясные дни с острова Крузенштерна можно видеть оба материка — Азию и Америку. Живут на нем тоже эскимосы. В 1925 г. их было 94 (в 1779 г. при Кобелеве 160). Бичи дает острову эскимосское название *Игналук* (Ignalook). Эскимосское название острова Ратманова *Имахлик* (жителей острова — *имахлит*), острова Крузенштерна *Инетлик* (жителей — *инетлит*).[3] В чукотской передаче конечное *к* изменяется в *н*: *Имахлин.*

3. Наконец, третий остров, или, точнее, необитаемая скала Fairway, названная так Бичи, лежит на 18 км к югу от острова Крузенштерна. Эскимосы называют ее *Угияк.*

Все три вышеназванные острова в Беринговом проливе впервые усмотрел Кук 9 августа н. ст. 1778 года, но он им не дал названий.[4] Сарычев 2 августа ст. ст. 1791 года тоже видел все три острова, которые он, хотя кратко, но совершенно ясно описал.[5]

Коцебу же (1816) приводит четыре, но он счел также мыс Восточный, или Дежнева, за остров, ибо мыс этот,

(см. С. Патканов. О приросте инородческого населения Сибири. СПб. 1911, изд. Акад. наук, стр. 130).

[1] Перечень из дневной записки казачьева сотника Ивана Кобелева, посыланного 1779 года в марте месяце из Гижигинской крепости в Чукоцкую землю. Собрание сочинений, выбранных из месяцословов. Часть V. СПб. 1790, изд. Акад. наук, стр. 370; к этой статье, первоначально напечатанной в Месяцослове историч. и географ. на 1784 г., стр. 1—8, приложена карта. Гвоздев в 1732 году тоже видел два поселения (см. ниже).

[2] Л. Загоскин. Пешеходная опись части русских владений в Америке, произведенная 1842—44 г. Часть I. СПб., 1847, карта.

[3] По сообщению В. Г. Богораза.

[4] Troisième voyage de Cook ou Voyage á l'Océan Pacifique 1776—1780. Франц. пер. Т. III, Paris, 1785, p. 297—299.

[5] Сарычев. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану с 1785 по 1793 г. Часть II. СПб., 1802, стр. 99.

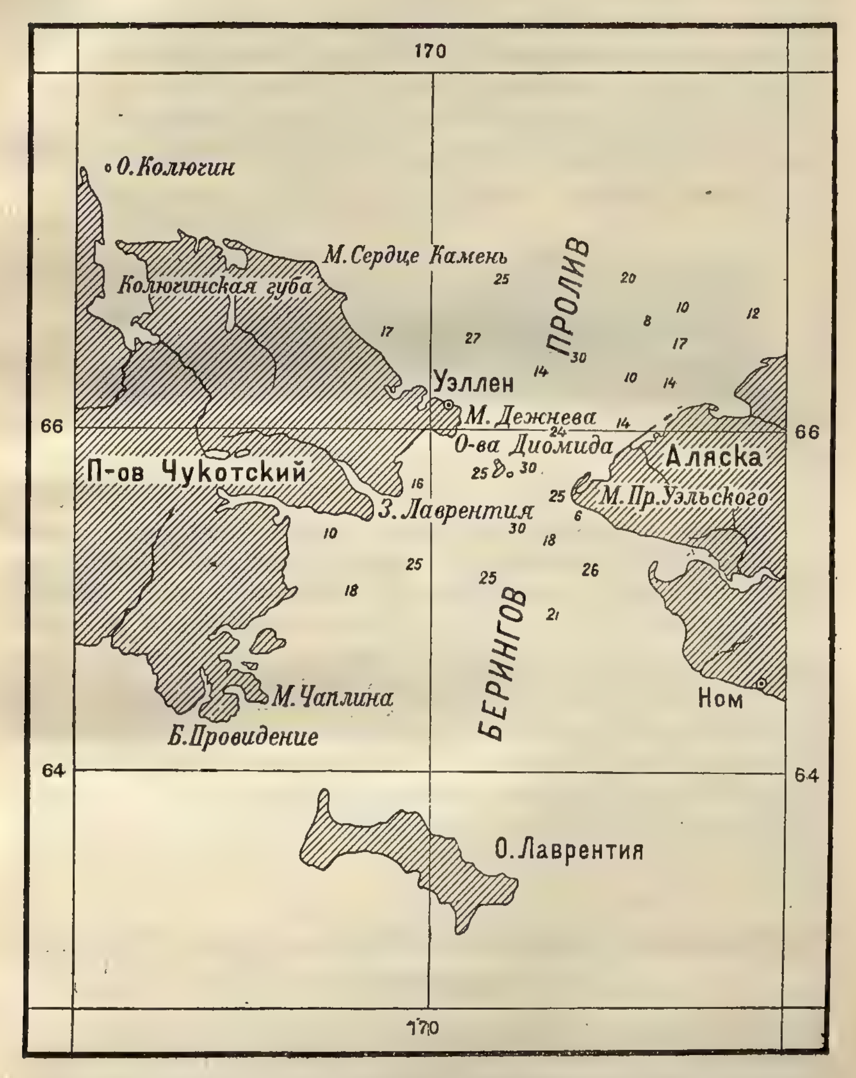


Рис. 8. Берингов пролив (с карты Главного гидрограф. управления). Глубины в морских саженях.

как сообщает Литке,[1] со всех сторон кажется островом; высота его 850 м. Равным образом, и противолежащий на американском берегу мыс *Ныхта*, названный Куком мысом *принца Уэльского*, тоже представляется островом; высота его 700 м; здесь есть эскимосское поселение.

Область мыса Дежнева у чукчей называется *Пеек*. По южную сторону мыса имеется эскимосское поселение, называемое чукчами *Нуукан*, а эскимосами *Набукак*.

Рис. 9. Остров Малый Диомид, или Крузенштерна, в Беринговом проливе (из Jenness, 1929).

Граница между СССР и Соединенными Штатами Америки пролегает посреди между островами Ратманова (советский) и Крузенштерна (американский). Туземцы раньше ездили поперек Берингова пролива из Азии в Америку и обратно, но делали это обычно только летом, с июня по сентябрь, ибо зимою по проливу несет лед на север (изредка, впрочем, пролив замерзает); главный торг происходил на острове Крузенштерна. Чукчи и азиатские эскимосы привозили шкуры домашнего оленя и получали в обмен американскую пушнину: меха рыси, выдры, бобра, красной лисицы, белого и голубого песца, куницы (Mustela americana). Жители островов промышляют моржей, тюленей и иногда китов.

III. Плавание Дежнева 1648 года через Берингов пролив

В 1648 году якутский казак, устюжанин Семен Дежнев, выйдя из устья Колымы на шести кочах, обогнул мыс Восточный, или Дежнева, и высадился к югу от устья Анадыря.

---

[1] Ф. Литке. Путешествие вокруг света на военном шлюпе Сенявине 1826—29. Отделение мореходное. СПб., 1835, стр. 196, 255.

Отписки и челобитные Дежнева были впервые найдены Миллером в 1736 году в якутском архиве и были по достоинству оценены знаменитым историографом.[1]

В 1914 году вышел труд американского автора Гольдера, в котором развивается взгляд, будто все сообщения Дежнева о его плавании по Берингову проливу есть сплошной вымысел.[2] Но соображения Гольдера совершенно неосновательны, как показано ниже. Приведем прежде всего подлинные фактические данные о походе Дежнева.

Отчет Дежнева

В отписке, посланной якутскому воеводе в апреле 1655 года с Анадыря, Дежнев говорит:[3] 20 июня 1648 года[4] „с Ковымы реки [Колыму в XVII и XVIII столетиях нередко называли Ковымой] послан я Семейка на новую реку на Анандыр для прииску новых неясачных людей". 20 сентября того же года „идучи с Ковымы реки морем, на пристанище торгового человека Федота Алексеева Чухочьи люди на драке ранили, и того Федота со мною Семейкою на море рознесло без вести, и носило меня Семейку по морю после Покрова Богородицы всюду неволею, и выбросило на берег в передней

---

[1] Краткое описание плавания Дежнева впервые опубликовано по данным Г. Миллера в статье: „Известия о северном ходе россиян из устий некоторых рек, впадающих в ледяное море", напечатанной в издававшихся Академией наук „Примечаниях к С.-Петербургским ведомостям" от 21 июня 1742 г. (анонимная статья эта составлена академиком Х. Н. Винцгеймом, о чем см. П. Пекарский. История Имп. Академии наук, I, 1870, стр. 479). Подробное описание напечатано Г. Миллером в его упомянутой в начале нашей книги работе, в „Сочинениях и Переводах ... ". 1758, январь, стр. 8—21. (То же по-немецки: G. Müller. Sammlung russischer Geschichte, Bd. III, 1758, p. 7—20). Копии с документов, сделанные в Якутске для Миллера, целиком напечатаны в издании: Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Том IV, СПб., 1851, стр. 8—27 (документы №№ 4—7). Ценные дополнения находим в статье: Н. Оглоблин. Семен Дежнев (1638—1671 гг.). Журн. Мин. нар. просв., часть 272, 1890, стр 249—306.

[2] F. A. Golder. Russian expansion on the Pacific 1641—1850. Cleveland (Ohio), 1914, pp. 368. Плаванию Дежнева посвящена глава III: A critical examination of Deshnef's voyage, pp. 67—95. В приложении перепечатано все относящееся к походу Дежнева из статьи Миллера на немецком языке; это же переведено и на английский язык (p. 268—281). Также дан английский перевод текстов из Дополн. к Актам истор., p. 282—288.

[3] Дополн., стр. 25—26. В скобках — мои пояснения.

[4] При цитатах из исторических документов даты приводятся по старому стилю.

конец за Анандыр реку;[1] а было нас на коче всех двадцать пять человек, и пошли мы все в гору, сами пути себе не знаем, голодны и холодны, наги и босы, а шел я бедной Семейка с товарыщи до Анандыры реки ровно десять недель, и попали на Анандыр реку внизу близко моря"... „А с Ковымы реки итти морем на Анандыр реку есть нос, вышел в море далеко, а не тот нос, который от Чухочы реки лежит, до того носу Михайло Стадухин не доходил, а против того носу есть два острова [Диомида, или Гвоздева], а на тех островах живут Чухчы [эскимосы], а врезываны у них зубы, прорезываны губы, кость рыбей зуб [моржовые клыки], а лежит тот нос промеж сивер на полуношник, а с Рускую сторону [западную] носа признака: вышла речка, становье тут у Чухочь делано, что башни из кости китовой, и нос поворотит, кругом к Онандыре реке подлегло, а доброго побегу от носа до Онандыри реки трои суток, а боле нет, а итти от берега до реки недале, потому что река Анандыр пала в губу".[2]

В другой отписке, поданной Семеном Дежневым и Никитой Семеновым якутскому воеводе тогда же, что и вышеприведенная (1655), сначала рассказывается[3] про неудачную попытку Михаила Стадухина пройти морем с устья Колымы на восток: в июле 1649 года[4] Стадухин ходил морем с Колымы на новую реку Погычу (Покача);[5] после семидневного плавания по морю Стадухин вернулся 7 сентября того же года назад на Колыму, не найдя никакой реки, встретил он только „небольших людей Коряцких".[6] Затем Дежнев и Семенов прибавляют:

„Не доходил он Михайло до Болшого каменного носу, а тот нос вышел в море гораздо далеко, а живут на нем люди Чухчи добре много, против тогож носу на островах живут люди называют их зубатыми, потому что пронимают

---

[1] В челобитной Дежнева от 1662 г., впервые найденной Оглоблиным, этот эпизод рассказывается так: „и прошед Анандырское устье, судом Божим те наши все кочи море разбило" (Оглоблин, стр. 303).

[2] Доп., стр. 26.

[3] Доп., стр. 21.

[4] Даты взяты из челобитной Ветошки, где вкратце сообщается о том же походе. Доп., стр. 13.

[5] О ней см. ниже, стр. 44.

[6] В настоящее время коряки далеко не доходят до берегов Ледовитого океана: северный предел их распространения, в бассейнах Пенжины и Еропола, не доходит до 65° с. ш. См. карту у W. Jochelson. The Koryak. Jesup North Pacific Expedition, vol. VI, pt. 1, 1905, при стр. 382.

они сквозь губу по два зуба немалых костяных, а не тот, что есть первой Святой нос от Колымы, а тот Болшой нос мы Семейка с товарыщи знаем, потому что розбило у того носу судно служиваго человека Ерасима Онкудинова с товарыщи, и мы Семейка с товарыщи тех разбойных людей имали на свои суды, и тех зубатых людей на острову видели ж, а от того носу та Анандыр река и корга далеко". [1]

Разбор отчета Дежнева

Это и весь материал, каким мы располагаем для суждения о плавании Дежнева. Материал — скудный, что и говорить. Однако, при обсуждении его нужно иметь в виду, что задачей отписок и челобитных Дежнева является вовсе не доказательство его приоритета на открытие пути с Колымы на Анадырь вокруг Азии — о величии своего географического подвига якутский казак и не подозревал; он стремился обеспечить за собою первенство в открытии знаменитой корги, или косы (Русской Кошки), отделяющей Анадырскую губу от моря: „ту коргу и морского зверя и заморную кость зверя того" (моржа) приискал не Юрий Селиверстов, а он, Дежнев, с товарищи. Поэтому Дежневу не было никакой необходимости выдумывать о походе морем вокруг Чукотской земли: если бы он, как полагает Словцов [2] и вслед за ним Гольдер, [3] дошел морем только до Шелагского мыса или даже лишь до Чаунской губы, а отсюда, следовательно, прошел по-суху на Анадырь, то ему не было бы причины скрывать этот путь и вместо него выдумывать другой: ведь, вполне очевидно, что Дежнева интересовало только дойти наикратчайшим путем до корги, а каким способом — морем ли или по-суху — это было для него совершенно безразлично. Поэтому мы не видим никаких оснований заподазривать здесь Дежнева в неправде.

---

[1] Доп., стр. 21. В недошедшем до нас документе, выписку из которого приводит Миллер (Сочин. и перев., 1758, янв., стр. 19), это место изложено так: „Большой Чукоцкой нос состоит весь из камня, он, Дежнев, довольно об нем известен, потому что Анкудинова кочь у оного разбило, и сей нос не тот, что перьвой от Колымы реки зовомой Святым носом. Подлинная признака большого Чукоцкого носа есть та, что против оного лежат острова, на коих живут люди зубатые, и сих людей видел он, Дежнев, а не Стадухин и Селиверстов, а Корга при устье реки Анадыря находится от помянутого носу в далеком расстоянии".

[2] П. Словцов. Историческое обозрение Сибири. 2 изд., СПб., 1886 (1 изд. 1838), стр. 58.

[3] Golder, p. 82, 85—86.

Читая отчет об этом героическом плавании из Колымы в Анадырь, совершенном в середине XVII столетия, нельзя не удивляться отваге тогдашних мореходов и знанию ими своего дела. Такой переход и в наше время дело не легкое, а в XVII веке наши мореплаватели плавали по Ледовитому морю в кочах — небольших плоскодонных парусных судах, на которых можно было ходить только по ветру. Амстердамский бургомистр Витсен в своем „Судостроении“ говорил про русских: „De Moscoviten zijn slechte zeelieden, konnen niet als voor wint zeilen“ — московиты плохие моряки, они могут ходить только по ветру. Но опытные в мореплавании голландцы не раз пробовали в конце XVI века на своих судах проникнуть в устья Оби, и это им не удавалось, тогда как пустозерцы (на р. Печоре) в 1584 году говорили английскому купцу Маршу: „морем пройти от Вайгача в устье Оби — пустое дело“ (from Vaygats to the mouth of Ob, by Sea, is but a small matter to sayle).[1]

Переходим теперь к рассмотрению фактической стороны отчета Дежнева. Она такова:

20 июня 1648 года Дежнев вышел из устья Колымы на восток. 20 сентября по близости Большого Каменного, или Чукоцкого, носа, носящего теперь имя мыса Дежнева (рис. 10), высаживались на берег и имели стычку с чукчами. После этого начались бури, которые носили кочи по морю, пока, после 1 октября, не выбросило их к югу от устья Анадыря; от места крушения до устья этой реки пришлось итти пешком десять недель.

Тщательное рассмотрение отписок Дежнева и его товарищей показывает, что Большой Каменный, или Чукоцкий, нос есть, без всякого сомнения, мыс Дежнева, а не какой-либо иной. В самом деле, два острова против „Носа“ — это острова Диомида. Зубатые чукчи — это эскимосы, которые прежде на островах Диомида носили в прорезах нижней губы украшения из моржового зуба, камня, кости. Ношение таких втулок, или labret, как их называют американские авторы, или колюжин, по терминологии наших этнографов, и доселе распространено среди аляскинских эскимосов, но у эскимосов азиатских и островов Гвоздева и св. Лаврентия обычай этот в настоящее время, как свидетельствуют Нельсон и Богораз, исчез и вообще повсюду выводится по мере соприкосновения с белыми. Однако, на американских

[1] Гамель. Англичане в России, II, стр. 219.

берегах Берингова пролива еще в 1877—1881 годах, когда здесь производил исследования Нельсон, это украшение было весьма распространено. Носят втулки здесь только мужчины, но к югу от реки Кускоквима и женщины. Протыкают нижнюю губу близ углов рта и вставляют втулки в виде округлых бляшек или зубьев или запонок и т. д., иногда размерами до 90 мм (на берегах Берингова пролива 35—50 мм). Тяжелые каменные втулки оттягивают вниз

Рис. 10. Мыс Дежнева (фотография Л. А. Портенко).

нижнюю губу, обнажая зубы и десны. Иногда их на время еды удаляют.[1] Чукчи, которые никогда не носят и не носили подобных украшений, прозвали из-за этого эскимосов островов Диомида, а также противолежащего берега Америки *ротастыми* (йыкыргаулыт), а русские назвали *зубатыми*. Мы увидим далее, что „зубатые чукчи" фигурируют неоднократно в описаниях области Берингова пролива.

„Становье в виде башен" из кости китовой, о котором упоминает Дежнев, это остовы чукотских подземных или, точ-

[1] Nelson, p. 44—50, табл. XXII. — Коцебу (стр. 107), бывший на мысе принца Уэльского в июле 1816 года, сообщает про здешних эскимосов, что „в губах они носят моржевые кости".

нее, полуподземных жилищ, сделанные из ребер и челюстей кита.[1] Теперь чукчи в таких сооружениях не живут устраивая жилища более легкого типа.

Далее, Дежнев говорит, что возле упомянутого становья по западную сторону мыса, впадает в море речка. Близ селения Увелен (на карте Уэллен), расположенного на берегу Ледовитого океана, в трех милях к западу от мыса Дежнева, имеется лагуна, принимающая много пресной воды и соединяющаяся с морем узким протоком.[2] Этот проток мог быть принят за речку. А кроме того в 1912 году, в 15 милях к западу от м. Дежнева открыта довольно большая река, доступная в устье для судов средней величины. Местность при устье этой реки называется чукчами *Сеймун.* [3]

Оглоблин (l. c., стр. 268—269) считает Большой Каменный нос за Чукотский мыс, лежащий под 64°15′ с. ш. Это неверно по тому, что на всем пути Дежнева впереди Шелагского мыса самый приметный и самый высокий мыс — это есть мыс Дежнева, и, по впечатлению, какое он производит на мореплавателя, он далеко оставляет за собою невзрачный Чукотский мыс. Кроме того, мыс Дежнева еще потому заслуживает особого упоминания, что на траверзе его *впервые* приходится резко менять курс: до мыса Дежнева судно, идущее с Колымы в Берингово море, держит курс на *юго-восток*, а от мыса Дежнева поворачивает на *юго-запад.* Это именно и имеет в виду Дежнев, когда говорит, что нос лежит „промеж сивер на полуношник“ (т. е. между севером и северо-востоком) и что „нос поворотит, кругом к Онандыре реке подлегло“. Миллер,[4] Врангель[5] и Шокальский[6] считают Большой Каменный нос за мыс Восточный, или Дежнева. Между тем, почтенный историк Сибири

---

[1] В. Иохельсон. Древние и современные подземные жилища племен сев.-вост. Азии и сев.-зап. Америки. Ежегод. Русс. антроп. общ., II, СПб., 1908, стр. 37—42.

[2] См. Лоцию Берингова моря, 1909, стр. 286, и Дополн., 1912, стр. 47—48. Также Каллиников, стр. 18.

[3] М. П. Витте. Матерьялы для лоции Северного Ледовитого океана и устья р. Колымы. Записки по гидрогр., XXXVI, 1913, стр. 278.

[4] Миллер. Сочин. и перев., 1758, янв., стр. 11. Большой Чукоцкой Нос Миллера есть мыс Дежнева: см. об этом ниже.

[5] Ф. фон Врангель. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820—24 гг. Часть I, СПб., 1841, стр. 12—13.

[6] Ю. М. Шокальский. Семен Дежнев и открытие Берингова пролива. Изв. Рус. геогр. общ., XXXIV, 1898, стр. 498.

П. Словцов,[1] отрицая правдивость рассказа Дежнева, принимает, что стычка с чукчами происходила или при Чаунской губе, или при мысе Шелагском, „где тоже есть два острова, подле Кекурнаго мыса; от того или другого места сражения Дежнев с товарищи мог в 10 недель добраться до залива Креста". Словцову следует и Гольдер.

Между тем, против Шелагского мыса нет никаких островов; острова (Аион и Раутан) лежат с правой руки (если итти от Колымы). Не может быть сомнения в том, что Шелагский мыс есть „первой Святой нос от Колымы" Дежнева.

Отметим теперь некоторые другие неточности и ошибки Оглоблина. Только-что мы говорили, что он считает Б. Каменный нос за Чукотский нос. Но при этом он полагает, что его Чукотский нос есть Чукотский нос Миллера. Между тем, это ошибка. *Большой Чукоцкой нос* Миллера есть именно тот мыс, который мы теперь называем мысом Дежнева. Название Чукотский нос ведет свое происхождение от самого Дежнева (см. выше), а Миллер следует в своем приурочении рассказу Дежнева, карте Шестакова (о которой будет сказано ниже) и сведениям Павлуцкого.[2] Беринг на своей карте 1730 года[3] назвал Чукотским тот мыс, который находится против острова Лаврентия, но Миллер при описании первого путешествия в соответственном месте[4] совсем не приводит этого крайне неудачного названия.[5]

---

[1] П. А. Словцов. Историческое обозрение Сибири. Том I, 1838; стр. 105; 2-е изд. СПб, 1886, стр. 58; т. II, изд. 1886, стр. X.

[2] Миллер. Сочин. и перев., 1758, ч. I, стр. 7, 196, 394, 408; ч. II, стр. 404. См. также карту, изданную особо, 1758.

[3] Копию ее см. в брошюре Л. С. Багрова. Карты Азиат. России, СПб., 1914, стр. 19.

[4] Миллер. Сочин. и перев., 1758, ч. 1, стр. 392.

[5] Название Чукоцкий мыс, как мы сказали, встречается на карте Беринга 1730 г. В судовом журнале бота „Гавриил", выписки из коего опубликовал Литке (l. c., 1835, стр. 233—235), названия этого нет, но для южной части берега, соответствующей северному входу в Анадырский залив, приводится широта 64°20′ (см. также стр. 216 у Литке). На этой широте судно Беринга 10 августа 1728 г. лавировало у берега, который сначала идет на восток, а затем заворачивает к северу. По близости Беринг имел 8 августа встречу с чукчами, отчего и дал рассматриваемому мысу название Чукотского, не имея, повидимому, в виду отождествлять его с крайней восточной оконечностью Азии. По крайней мере в своем „Донесении об экспедиции к восточным берегам Сибири" (напечатано в Записках Военно-топогр. депо, часть X, 1847, стр. 69—79) Беринг, отметив, что он 15 августа 1728 г. достиг 67°18′ с. ш., сообщает: „земля более к Северу не простирается, а к *Чюкоцкому* или к *Восточному углу* земли никакой неподошло и возвратился" (стр. 76). В помещенном здесь же „Каталоге

Плавание Беринга в проливе его имени в 1728 г. изображено Оглоблиным (стр. 272—277) совершенно неправильно. Здесь все сплошь неверно.

Наконец, несправедливо мнение Оглоблина (стр. 270—272, 279), что плавание Дежнева было вскоре забыто и сибирскими властями, и высшей администрацией и что о подвиге его ничего не было известно до Миллера (1758, точнее 1742, как указано выше, стр. 29). Мы увидим далее, что это далеко не так.

Необоснованные сомнения Гольдера

Переходим теперь к попыткам Гольдера опорочить отчет Дежнева.[1]

1. Дежнев дважды говорит, что Большой Каменный нос находится „в далеком расстоянии" от Анадырской губы, а затем, по мнению Гольдера,[2] сам себе противоречит, утверждая, будто „от носа до Онандыри реки трои суток, а боле нет".

На самом деле никакого противоречия здесь нет. Как известно, понятия далеко и близко — есть понятия относительные. Полемизируя с Стадухиным и доказывая, что тот не мог дойти морем до „корги", Дежнев говорит, что от Каменного Носу до корги далеко. Описывая же свое собственное плавание, он указывает время, в какое, по его мнению, можно пройти от Носа до Анадыря „добрым побегом", т. е. при благоприятных условиях, и определяет этот срок в трое суток. И, действительно, указанное расстояние, равное

городам и знатным местам" приводится *Чукоцкой угол к Осту* — 64° 25′ с. ш. (стр. 77), а для места встречи с чукчами выше (стр. 76) указывается 64°30′ (Литке, стр. 235, полагает, что свидание с чукчами могло быть или у мыса Якун, или у мыса Чиньг-ан). Для того мыса, который теперь называют Чукотским и для которого Беринг дает широту один раз 64°20′, другой — 64°25′, Литке (стр. 216) указывает 64°16′, а Кук (l. c., p. 343) 64°13′. Кук тоже отмечает (p. 338), что восточный мыс Азии есть Чукотский нос, а тот мыс, который Беринг назвал этим именем, лежит к юго-западу. Отметим еще, что определения широт, сделанные Куком, не очень сильно разнятся (принимая, конечно, во внимание тогдашнее несовершенство методов) от определений Беринга, что подтверждает сам Кук (рис. 343). Это может служить полным опровержением всех соображений Оглоблина (см. ниже) по поводу плавания Беринга.

[1] Недоверие Гольдера разделяет также рецензент его книги J. F. B[addley] в Geographical Journal, XLVII, 1916, p, 469. Заметим, что Golder по большей части повторяет возражения Словцова.

[2] Golder, p. 78; ср. Словцов, I, изд. 1886, стр. 59.

460 милям,[1] при скорости судна в 6 узлов в час, может быть пройдено в трое суток. Придираться к словам Дежнева здесь не приходится, ибо его, начиная от мыса Дежнева и вплоть до высадки на берег, все время преследовала жестокая непогода.

2. Другое противоречие видит Гольдер[2] в том, что, по Дежневу, от Большого Каменного носу до устья Анадыря побегу морем не более трех суток, и вместе с тем не более времени займет и сухопутное путешествие „and it would take no more time to go by land, because the Anaduir falls in to the sea".

Указывая на это противоречие, — мнимое, как мы сейчас покажем, — Словцов, выпустивший свой труд в 1838 году, мог основываться только на тексте Миллера, который в данном месте неточно передает слова Дежнева. Именно, Миллер в „Сочинениях и Переводах", 1758, январь, стр. 12, говорит: „От помянутого (т. е. Чукоцкого) носу до реки Анадыря можно поспеть способным ветром на коче в трои сутки, да и сухим путем расстояние будет не далее, потому что река Анадырь впала в губу". Между тем в подлинной отписке Дежнева, опубликованной в 1851 году,[3] мы читаем: „А доброго побегу от носа до Онандыри реки трои сутки, а боле нет, а итти от берегу до реки недале, потому что река Анадырь пала в губу".

Это нечто совсем иное, чем у Миллера и Гольдера. Три дня ходу пешком не от Носу до Анадыря, а от берега моря (от „корги") до устья Анадыря, ибо река впала в губу (а не прямо в море). Действительно от Русской кошки („корги"), отделяющей Анадырский лиман (или губу) от Анадырского залива, и до устья реки Анадыря по-суху километров 80—100.[4] Таким образом, и здесь противоречие отпадает.

3. Гольдер спрашивает, каким образом Дежневу могло понадобиться десять дней на то, чтобы дойти от места крушения (куда?), между тем как от мыса Дежнева до Анадыря всего три дня ходу.[5]

---

[1] Лоция Берингова моря, 1909, стр. 398.
[2] Golder, p. 78, 81; ср. также Словцов, l. c., стр. 59.
[3] Доп. к Акт. ист., IV, стр. 26.
[4] См. П. И. Полевой. Анадырский край. Часть I. Труды Геолог. ком., вып. 140, 1915, стр. 44, карта.
[5] Golder, p. 81. Срав. Словцов, стр. 58, прим.: „когда 3 дня ходу от носа до Анадыра, с чего Дежнев после боя шатается 10 недель, чтобы добраться до реки?"

Мы только-что показали, что, по Дежневу, вовсе не три дня сухопутного хода с Носа до Анадыря. Но если бы даже и так, то все возражение Словцова и Гольдера есть результат непонимания текста. После 20 сентября, когда наши мореходцы были в Беринговe проливе, начались бури, их унесло далеко на юг и выбросило на берег к югу от Анадыря, так далеко, что до устья реки им пришлось итти десять недель. Что же тут невероятного? Была уже поздняя осень, даже зима по здешнему климату, дороги Дежнев и его товарищи не знали: „сами пути себе не знаем,— говорит он,—холодны и голодны, наги и босы". В найденной Оглоблиным челобитной Дежнева 1662 года совершенно определенно говорится: „прошед Анадырское устье, судом божиим те наши все кочи море разбило".[1]

4. Гольдер ставит в упрек Дежневу даже то, что ему не удалось, после кораблекрушения в Беринговe проливе, сразу достичь устья Анадыря![2]

5. Из слов Дежнева: в 1648 году, „месяца сентября в 20 день, идучи с Ковымы реки морем, на пристанище торгового человека Федота Алексеева Чухочьи люди на драке ранили" Гольдер (р. 81) делает заключение, что 20 сентября Дежнев был недалеко от Колымы и, следовательно, к 1 октября, когда он потерпел крушение, он не мог достичь мыса Дежнева, а тем более Анадыря. Но из отчета Дежнева совершенно не следует, чтобы 20 сентября он был недалеко от Колымы. Напротив, совершенно очевидно, что 20 сентября Дежнев был по близости Большого Каменного носа. На берег же выкинуло наших мореплавателей не 1 октября, а после 1 (11) октября („носило меня Семейку по морю после Покрова Богородицы").

6. „Против того ж носу на островах живут люди, называют их зубатыми".[3] На это Гольдер (р. 81—82) возражает, что острова Диомида не лежат против мыса Дежнева и расположены так далеко от мыса, что с моря, во всяком случае, нельзя видеть, какие украшения носят жители. Описание Дежнева и его товарищей подходит более к мысу Шалагскому, против которого есть два острова. Если же принять,

---

[1] Оглоблин, стр. 265, 303. Ср. также стр. 281.

[2] „Ankudinof's kotsh was wrecked on the cape and the survivors were taken on board the other boats and the voyage continued, and yet the party did not come any nearer to the Anaduir, but was wrecked miles and miles from the river" (р. 81).

[3] Доп. к Акт. ист., IV, стр. 21.

что он высаживался на островах, то придется согласиться с тем, что 1) Дежнев зря тратил дорогое время, 2) что он не держался ближе к материку, где именно он и мог бы найти реку.[1]

Взгляд на карту сейчас же показывает нам, что, плывя с Колымы на Анадырь, судно имеет против мыса Дежнева на створе архипелаг Диомида, но против мыса Шалагского, как мы уже говорили, никаких островов на створе нет. Высаживался ли Дежнев на островах Диомида или нет,—мы этого не знаем, но Дежнев и Семенов определенно говорят, что они „тех зубатых людей на острову видели". Нет ничего невероятного в том, что, налившись водой на западную сторону Большого Каменного носа, где „вышла речка", Дежнев приблизился к островам Диомида и или высаживался здесь на берег, или встретился с эскимосскими байдарами, как это неоднократно случалось и другим мореплавателям.

7. В отписке 1655 года Дежнев говорит, что он потерпел крушение, по толкованию Гольдера (p. 85, 282), „на переднем конце Анадыря" (on the forward end of the Anaduir), а в 1662 году он пишет, что его выкинуло на берег против устья Анадыря. Не зная, как истолковать эти сообщения, американский автор принимает, что здесь на самом деле говорится не об Анадыре, а о какой-то другой реке — возможно об одной из впадающих в Чаунскую губу, оттуда Дежнев сухопутьем пробрался на Анадырь.

Между тем, выражение „выбросило на берег в передний конец за Анадырь реку" вовсе не значит „на переднем конце Анадыря", а означает то же самое, что „прошед Анадырское устье". Передним концом Дежнев называет свое плавание к югу от устья Анадыря, подразумевая, очевидно, под „задним концом" обратный сухопутный поход к устью той же реки. Если бы Дежнев, действительно, потерпел крушение у Чаунской губы, то ему самое благоразумное было бы итти обратно домой, на запад в Нижнеколымск. Ибо время было позднее, около половины октября, и итти зимою через горы на Анадырь, не зная дороги, без собак или оленей, было бы совершенным безумием. Путь от Чаунской губы до Маркова на Анадыре, прежде обычный, но потом заброшенный, прошел в 1909 г. Каллиников на собаках, но путешествие стоило больших трудов и потребовало более трех недель.[2]

---

[1] Golder, p. 81—82.
[2] Каллиников, стр. 33.

8. Выйдя 20 июня с Колымы, Дежнев все равно не имел бы, говорит Гольдер (р. 86), времени, чтобы достичь морем Анадыря; один переход от низовьев Колымы до берега моря занял бы целый месяц, ибо река вскрывается гораздо ранее моря. Все это совершенно опровергается новейшими плаваниями. Так, в 1912 году Колыма у устья очистилась ото льда 15 июня нового стиля; когда очистилось здесь море у берегов, мне неизвестно, но 1 июля льды в море были видны лишь на горизонте.[1] Наиболее благоприятным временем для плавания от устья Колымы до Берингова пролива являются август и сентябрь (нового стиля), в общем около двух месяцев,[2] но иногда плавание возможно уже с начала июля, как было в 1648 году. Таким образом, времени, чтобы достичь Анадыря, было достаточно.

Вот и все существенное, что можно было извлечь из возражений американского автора. Мы видим, что они ни в малейшей степени не могут поколебать нашей уверенности в правоте Дежнева. Он, действительно, первый из европейцев прошел по Берингову проливу.

Остается еще одно соображение Гольдера: это полная безрезультатность плавания Дежнева для современников и для следующих поколений, которые не знали ни о нем самом, ни о его морском походе, пока Миллер не открыл Дежнева в 1736 г.[3] Так ли это на самом деле, об этом мы скажем в следующей главе.

IV. Сведения XVII века о северо-востоке Азии

Чертеж Сибирской земли XVII века

В 1667 году, по указу царя Алексея Михайловича и по распоряжению тобольского воеводы Петра Годунова, составлен и *отпечатан* в Тобольске „Чертеж Сибирския земли“, бывший ранее известным по шведским копиям, а в 1914 году найденный Л. С. Багровым[4] в рукописной русской копии („список печатнаго подлинного чертежа“) в одном из атласов

---

[1] Зап. по гидрогр., XXXVI, 1913, стр. 286—287.

[2] Дополнения к IV части Лоции сев.-зап. части Вост. ок. СПб., 1912, стр. 83—84.

[3] Golder, р. 88.

[4] Л. С. Багров. Карты Азиатской России. Петроград, 1914, стр. 11 (копия). Уменьшенная копия есть также в „Атласе Азиатской России“, изд. Переселенческим управлением. СПб., 1914, стр. 1.

Ремезова (рис. 11). На этой карте или, вернее, чертеже, восток Сибири омывается морем, в которое впадают реки Лена, Камчатка и Амур. Путь по морю из устья Лены в устье Амура совершенно свободен. В объяснительной записке к этому чертежу 1667 года, под названием „Чертеж всей Сибири, збиранный в Тобольске по указу царя Алексея Михайловича“,[1] никаких данных о морских путешествиях из Колымы на восток нет. Но во всяком случае, данные о реке Камчатке, нанесенной на чертеже, могли получиться только в результате походов Дежнева, Стадухина и их преемников на Анадыре.

В 1672 году чертеж 1667 года вышел новым, исправленным изданием (рис. 12).[2] Здесь контуры Сибири таковы же, что и на чертеже 1667 года, но в море, омывающее с востока Сибирь, впадают Алазея, Колыма (с Блудной) и Амур. Реки Камчатки на чертеже нет. В объяснительной записке к чертежу или „Списке с чертежа Сибирския земли“[3] имеются сведения об интересующем нас пути, но довольно сбивчивые: „А Амурским морем в Китайское царство ходу нет для того, что лежит камень кругом всея земли, от Мангазейского моря[4] и до Амурского и тот камень протянулся в море, и около его обойти никто не может для того, что льды великие притискают и ростирают. А взойти на него человеку не возможно, а есть проход в Китайское царство“ (стр. 49). Здесь впервые появляется указание на „камень“ (хребет), которого обойти никто не может и который с тех пор появляется на многих отечественных и иностранных картах, изображающих северо-восток Сибири. Этот „необходимый“ камень или нос, как он именуется в позднейших источниках, есть то Шелагский мыс, остановивший Стадухина в 1649 году,[5]

---

[1] Напечатан в книге: А. Титов. Сибирь в XVII веке. Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. М. 1890, стр. 25—28. Здесь же приложена копия чертежа 1667 г. в шведской копии, сделанной в 1669 г. Прютцем (Prütz). Шведская копия, сделанная Кронеманом, воспроизведена у Кордта (Материалы по истории русской картографии. 2-я серия, вып. 1, Киев, 1906, табл. XXII).

[2] Л. Багров, там же, стр. 13 (копия), также Атлас Азиат. России, стр. 2.

[3] Напечатан у Титова, стр. 41—54.

[4] *Мангазея* — название острога на р. Тазе, Мангазейская земля — страна по Тазу, Пуру и до Енисея, Мангазейское море — Северное Ледовитое в пределах Западной Сибири. См.: Д. Анучин. Город Мангазея и Мангазейская земля. „Землеведение“, 1903, № 4, стр. 35—46.

[5] Мы знаем определенно, что Стадухин посылал в Якутск подробное описание пройденных им стран, а также чертежи. В отписке якутскому воеводе от 1 марта 1658 г. Стадухин сообщает (Дополнения к Актам исто-

то Чукотский полуостров. Повидимому, автор чертежа 1672 года представлял себе, что пройти из Мангазейского (т. е. Ледовитого) моря в Амурское (т. е. в Тихий океан) нельзя только из-за льдов: на чертеже 1672 года (как и на чертеже 1667 г.) *никакой преграды на пути между Колымой и Амуром нет.* То же подтверждается дальнейшим текстом „Списка" (стр. 53—54): „А от усть Колыми реки и кругом земли мимо устей рек Ковычи[1] и Нанаборы[2] и Ильи[3] и Дури[4] до каменной преграды, как бывает, что льды перепу-

рич., IV, 1851, стр. 122), что им отправлены „книги и чертеж земли и рекам". Речь идет об Анадыре, Гижиге, Тауе. То же делал и Дежнев: в своей отписке 1655 г. он упоминает про „той реки Анандыре чертеж с Онюя реки и за Камень на вершину Анандыру и которые реки впали большие и малые и до моря и до той корги, где вылягает зверь". (Доп., IV, стр. 22).

[1] Миллер (Сочин. и перев., 1758, янв., стр. 15) сообщает, что в 1644 г. Стадухин узнал в Нижнеколымске о большой реке Погыче, или Ковыче, впадающей в море за рекою Колымою „с лишком три дни ходу по тому морю способным ветром". В 1649 г., как мы уже указывали, Стадухин вышел на двух кочах из устья Колымы, чтобы найти р. Погычу. Он шел семь суток на парусах, но никакой реки не видал. „Тогда,—говорит Миллер (стр. 16),—известно учинилось, что Погыча есть та же самая река, которая называется Анадырем". Но это неверно. *Погыча*, или *Похача*, или *Покача* (точнее, *Покач*) есть река, впадающая в Берингово море к западу от мыса Олюторского или Ананнон. Она некогда славилась соболями, что и привлекало сюда колымчан (см. Bogoras. Chukchee, p. 683). Об этой же реке Ковыче упоминается в „Описании новыя земли, сиречь Сибирского царства", которое известно по рукописям конца XVII столетия. Здесь говорится: „И от Байкала моря пошел пояс камень великой и не проходной позаде Лены реки, а пошел тот камень далече в море-океан на 500 поприщ, и для того с Лены морем в Китайское государство и в великую реку Амуру проходу и проезду нет. Из того ж камени к лесной стороне в государской державе много рек пало: Даура, Блудная, Улья, Ковыча, Колыма, Алазея, Индигирка, Тача, Пияная, Блудная, Хромая, Яна, Омолоха Оленек, Волоковая, Анабара, Волок река ж" (Титов, l. c., стр. 88; также: Сибирские летописи, изд. Археограф. коммиссии. СПб., 1907, стр. 388—389).

[2] Нанабора — это, очевидно, не Анабара, как полагает Титов (указатель, стр. II), а Анадырь. Правда, Анадырь упоминается далее в правильной транскрипции, но несомненно здесь текст составлен по двум источникам. Отметим, что на карте Исбрантс Идеса 1704 года Анадырь фигурирует под именем *Анаборы* (Anabora).

[3] Р. Улья, впадающая в Охотское море. При устье ее в 1639 г. заложено ясачное зимовье. Здесь провел зиму 1645/46 г. Поярков на возвратном пути с Амура в Якутск.

[4] Даура? На карте Витсена 1687 г. в Тихий океан впадают с севера: Tschundim, Daura, Anadira, Tsudona, Kamtzetna (Камчатка), Pensia (Пенжина), Todui, Towui (Тауй), Lama и пр.; кроме того в бассейне Шилки, в Даурии, есть еще Daoere. Как бы то ни было, реки под названием Даура на самом деле нет.

Рис. 11. Чертеж Сибири Петра Годунова 1667 г. (из Л. Багрова).

стят, и до того камени парусом добегают в одно лето, а как льды не пустят и по 3 года доходят. А через тот камень ходу день: а как на него человек взойдет, и он оба моря видит — Ленское и Амурское; а перешед через камень, приходят на реку Анадыр и тут промышляют кость рыбью.[1] А на той земли живут Гилянские люди;[2] а противо устья Камчатки реки вышел из моря столп каменной, высок без меры, а на нем никто не бывал.[3] А которые реки в гиляндской земли, и тем рекам имена подписаны. А в реке Анадыру есть два волока к реке Ламу[4] да на реку Блудную; а Лама река пала в Амурское море, а Блудная пала в Колыму реку, а Колыма в Ленское море; а меж рек Нанаборы и Ковычи протянулся в море нос каменный, и тот нос на-силу обходят".[5]

Представления о топографии северовосточной Азии у автора этого отрыва весьма сбивчивы. Но из последних слов его мы во всяком случае можем заключить, что Каменный нос, хотя „на-силу", но все же обходят.

Тут мы видим влияние двух источников, одного—утверждающего о существовании „необходимого" носа на пути с Колымы на Анадырь, другого — возможно, дежневского — говорящего о трудном, но все же проходимом пути.

---

[1] Моржовые клыки.

[2] Гиляки.

[3] Мыс Столбовой на восточном берегу Камчатки.

[4] Река *Лама* есть та же *Охота*, что указано на 23-й карте Ремезова. Охотское море прежде называлось Лама или Ламским от тунгусского *ламу* — море.

[5] О том же сообщали русские уполномоченные иезуитам во время переговоров, поведших к заключению с Китаем Нерчинского договора 1689 г.: „московиты нам прибавили, что они обошли берега морей Ледовитого и Восточного и что они повсюду нашли море, кроме одного места, протянувшегося на северо-восток, где имеется горная цепь, сильно выдвинувшаяся в море. Они не могли дойти до оконечности этих гор, которые недостижимы" (inaccessibles). Автор этой статьи, патер Жербиллон, полагает, что если Азия где-нибудь соединяется с Америкой, то именно в этом месте, и во всяком случае здесь расстояние между Азией и Америкой не должно быть велико (Gerbillon in J. B. du Halde. Description... de la Chine, IV, Paris, 1735, p. 57). С этим небезинтересно сопоставить то, что говорит Исаак Масса в своем „Кратком описании путей... в Сибирь", напечатанном в Амстердаме в 1612 г.: „Америка соединяется около Китая с какой-нибудь из трех частей старого мира, подобно тому как Африка соединяется с Азией узким перешейком около Красного моря" (М. П. Алексеев. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей, т. I, XIII—XVII вв., Иркутск, 1932, стр. 261).

Сказание о великой реке Амуре

Более подробные сведения мы находим в относящейся к концу XVII столетия (до 1689 года) рукописи „Сказание о великой реки Амуре, которая разгранила русское селение с Китайцы“. Здесь сообщается следующее:

„А в той Гилянской земле впали реки в море: 1) Лама, 2) Охота, 3) Тавуй, 4) Тодуй,[1] 5) Пенжин, 6) Камчатка, а против той Камчатки столб каменной высок гораздо, 7) река Чулдан,[2] 8) Анадырь. А Амурским морем в Китайское царство проходу пределан путь каменем, будто стеною и объехать нельзя, льды не пропускают; а есть проход в Китайское государство с другую сторону. А на вышеописанных реках Русские люди бывают и промышляют рыбью кость. А река Анадырь течет из камени; а тот камень возмется от Байкальской пучины и до моря, и в моря прошел такожде стеною, а конца никто не знает, объехать нельзя, потому что льды не пропускают. А через тот камень поперег ходу пешему день, и с него оба моря по обе стороны видят с верху. От того камени до реки Колымы бегают парусами на кочах однем летом; а как льды не пропустят, и в то время ходят года по два, по три и больши. А вверху той Анадыри реки чрез тот камень есть волок на Блудную реку: Блудная пала в Колыму реку, и те места край и конец Сибирской земли“.[3]

Повидимому, автор „Сказания“ представлял себе северо-восток Азии в виде длинного гористого мыса, который нельзя обойти из-за льдов. Но, очевидно, у него не было сомнения в том, что моря, куда впадают Лена и Амур, соединяются. Вот что он говорит далее: „А от устья Лены реки и до устья Амура реки морем плавать нельзя для того, что по морю ходят льды великие, да и вышепоименованную каменную гору, которая идет от Байкала и до моря далеко, обходить нельзя же, льдами разбивает, как ветер бывает и льды, и краями великими зашатаются; и пустится по морю шум и вал великой, что никоими мерами не возможно друг от друга голосу слышать“ (стр. 112).

[1] *Тодуй* — есть, повидимому, тот же Тауй (*Тавуй*, у Ремезова на картах 19,23 *Товуй*).

[2] На карте Г. Миллера Nouvelle carte des decouvertes faites par des vaisseaux russiens... 1758 река Tschendon нанесена на месте нынешней реки Гижиги. Название этой реки в памятниках имеет варианты: Чулдан, Чундон, Чудон, Чендон. См. также Миллер. Сочин. и перев.., 1758, янв. стр. 18.

[3] Титов, стр. 109—110.

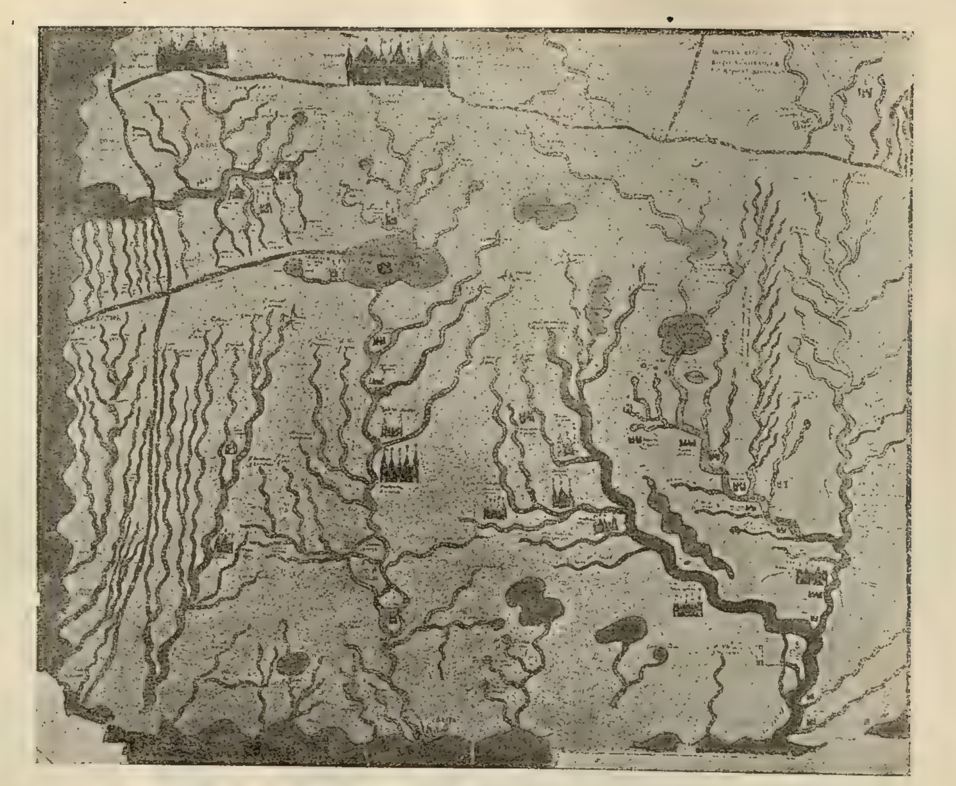


Рис. 12. „Чертеж всей Сибири до Китайского царства и до Никанского" 1672 г. (из Л. Багрова).

„История Сибири“ Крижанича

Совершенно определенные, не оставляющие никакого сомнения, данные по интересующему нас вопросу можно найти у Крижанича.

Уроженец Хорватии, католический патер, Юрий Крижанич приехал в Москву в 1659 году, в 1661 году был отправлен за интриги в ссылку в Тобольск, в 1676 году прощен. В 1680 году он написал любопытную записку о Сибири под названием Historia de Sibiria.[1] Здесь он сообщает следующие сведения (стр. 158, 214):

„Было и другое сомнение: соединено ли Ледовитое море с Восточным, омывающим с востока Сибирь, затем южнее области Даурию и Никанию[2] и наконец царство Китайское; или же моря эти, то есть, Ледовитое море и Восточное, или Китайское, отделены друг от друга каким-нибудь материком, простирающимся от Сибири на восток? Сомнение это в самое последнее время было разрешено воинами Ленской и Нерчинской области: они, собирая с туземцев дань, прошли всю эту страну до самого океана и утверждают, что к востоку нет никакой твердой земли и что сказанные моря ничем друг от друга не отделены, но что Сибирь, Даурия, Никания и Китай (или Сина) с востока омываются одним сплошным океаном.

На вопрос же некоторых, могут ли корабли от гавани св. Михаила Архангела,[3] или же от устья реки Оби и города Березова, плывя беспрерывно около берегов Сибири, Даурии и Никании, приплыть к Китаю, упомянутые воины отвечали, что в Ледовитом море лед никогда не тает вполне, но в течении всего лета по водам плавают в большом количестве огромные глыбы льда, сталкиваясь между собою; поэтому глыбы эти (особенно при сильном ветре) могут уничтожить какое угодно судно“.

Эти сведения, полученные Крижаничем в Тобольске между 1661 и 1676 годами, не могут относиться ни к чему другому кроме плавания Дежнева 1648 года, хотя Крижанич имени последнего не называет и изображает дело так, как будто вопрос мог быть разрешен в XVII веке исследованиями с суши.

---

[1] Напечатана по латыни и в русском переводе у Титова, l. c., стр. 117—160 и (перевод) 161—216.

[2] Никания — это южные провинции Китая, которые в средине XVII в. вели борьбу с новой, манджурской династией, завладевшей Пекином.

[3] Архангельск.

Свидетельство Крижанича может служить опровержением весьма распространенного взгляда, будто в Сибири ничего не было известно о плаваниях с устья Колымы на Анадырь.[1] Неизвестно было только имя Дежнева, но о походе его хорошо знали и, как увидим ниже, рассказывали о нем даже Берингу.

Витсен

В 1687 году в Амстердаме вышла карта амстердамского бургомистра Н. Витсена „Nieuwe Lantkaarte van het Noorder en Ooster deel van Asia en Europa.[2] В предисловии и в тексте своего известного труда Noord en Oost Tartarye, вышедшего в 1692 году,[3] Витсен говорит, что он пользовался чертежом 1667 года и, очевидно, объяснительной запиской к нему. Но, несомненно, в его руках был и список 1672 года, а также некоторые из других, упомянутых нами выше, рукописных описаний Сибири XVII века.

Рассмотрение карты Витсена показывает следующее. Общее очертание северо-восточной Азии очень напоминает то, что мы видим на чертежах Сибири 1667 и 1672 годов. На месте Чукотской земли нанесен длинный и узкий полуостров, направляющийся на северо-восток и названный *Seres Kamen ofte Over de Klip*, т. е. „Серес Камень или Через Утес“;[4] у северной оконечности обозначено *Nebchodimy nos ofte Onmeydelyke hoek*, т. е. „Необходимый нос“, название, как мы видели, встречающееся и в Списке 1672 года. Это первое картографическое изображение Необходимого носа“. В Тихий океан (Oceanus Orientalis) впадают реки Анадырь, Камчатка (Kartzanki sive Kamtzetna), Пенжина (Perschon sive Pensia), Тодуй, Товуй, Лама, Улья (Uliam), Охота и др. Здесь мы видим ясное влияние Списка. Очевидно, у Витсена был не один картографический и литературный источник, а несколько, о чем можно судить по вариантам, напр. Anadira, Anadim, Anadwar. Северный Ледовитый океан (Oceanus

---

[1] Миллер, 1758, стр. 7—8; Golder, 1914, p. 88, 91.

[2] Экземпляр этой карты, составляющий громадную редкость, имеется в Публичной библиотеке в Ленинграде. В 1897 г. она переиздана в Амстердаме в натуральную величину (издатель F. Müller, текст составил F. G. Kramp). Все надписи этой карты перепечатаны целиком в полезной книге G. Cahen. Les cartes de la Sibérie au XVIII-e siècle. Nouv. Arch. des missions scientifiques et littéraires. Nouv. série. Fasc. 1 Paris, 1911, p. 61—76.

[3] К этой книге карта 1687 года не приложена.

[4] Cahen, l. c., p 62, полагает, что на самом деле это значит Сердце-Камень (?).

Septentrionalis) разделяется на две части: к западу от Лены Mare Tartaricum olim Mare Glaciale ofte de Mangesche See (т. е. Мангазейское море, — название, которое, как мы видели, встречается в объяснительных записках к чертежам 1667 и 1672 годов), к востоку от Лены—De Zee Lenskogo (Ленское море; взято непосредственно с русского, в родительном падеже). Вдоль берега Тихого океана с севера на юг указаны следующие народы: чукчи (Tzuktzi), чуванцы (Tzuwanci— племя, жившее между чукчами и юкагирами, ныне почти исчезнувшее; остатки его живут по верхнему Анадырю и Пенжине), ходынцы (Chodinci — это один из чуванских родов; они помещены на Анадыре), далее Xuxi (повидимому, те же чукчи, но в другой транскрипции), коряки, Korleki (кереки? одно из коряцких племен), тауйцы (Towuy, обитатели бассейна Тауя; один из тунгусских родов (?); „Товуйская земля" указывается и на картах Ремезова, и именно на берегу Тихого океана, южнее ламутов), наконец — тунгусы.

В 1706 году G. Delisle выпустил в Париже Carte de Tartarie, составленную главным образом по Витсену с добавлениями по Идесу. Карта эта пользовалась большим распространением в начале XVIII в. У северо-восточной оконечности Азии изображен знаменитый узкий полуостров („Нос"), на котором расположена цепь гор с надписью „Noss chaine de Montagnes"; тут же надпись, получившая громадное значение в истории исследований северо-востока Азии: „On ne sait pas ou se termine cette chaine de montagnes, et si elle ne va pas joindre quelque autre Continent", т. е. „неизвестно, где кончается эта горная цепь и не соединяется ли она с каким-либо другим материком" — вопрос, занимавший еще Жербиллона и на который Крижанич уже дал вполне определенный отрицательный ответ. В Сибири в это время прекрасно было известно, что с Колымы на Камчатку можно пройти морем, но авторитет Делиля, „первого королевского географа", заставлял в этом сомневаться. В 1725 году в Амстердаме вышло сочинение Вебера (Weber), Nouveaux Mémoires sur l'état présent de la Grande Russie ou Moscovie, с картой, представляющей копию карты Делиля (1706) с очень небольшими дополнениями и исправлениями. У северо-восточного конца Азии мы видим тот же „Нос", но он снабжен знаменательной припиской: „Chaine de montagnes qui se joignent a ce qu'on croit au continent de l'Amerique", т. е. „Горная цепь, которая соединяется с тем, что считают за материк Америки".

Атлас Ремезова

Влияние чертежей Сибири 1667 и 1672 годов ясно сказывается и на Атласе Ремезова, законченном в Тобольске в 1701 году. Контуры северо-восточной Азии повторяют очертание чертежей и следуют тексту к ним. Так, на листе 21-м, озаглавленном „Чертеж всех Сибирских градов и земель" и составленном в Москве в 1698 году,[1] к востоку от Лены, впадающей в Ледовитое море, изображен узкий и длинный хребет-мыс, далеко вдающийся в море. Но Яна, Колыма и другие реки впадают в Тихий океан, и путь от устья Колымы к Анадырю, а также к рекам Камчатке и Амуру, по морю совершенно свободен. На листе 17-м, носящем название „Чертеж земли Якуцкого города", между рекой Колымой и Люторой (т. е. Олюторой) в море вдается небольшой полуостров, на коем написано: „живут люди неясашные", а над этим: „Нос непроходимой падет свершины Анадырской в море а конца у него не ведают, а живут на том носу иноземцы многие неясаш[ные] коряки и чюкчи". Это, таким образом, изображение Чукотского полуострова.

Последняя, 23-я карта Ремезовского Атласа весьма замечательна. Нося название „Чертеж и сходство наличие земель всей Сибири", она представляет собою первую этнографическую карту этой страны. Как указывает Ремезов, карта эта составлена в Тобольске 8 июня 1673 года. Здесь к востоку от Лены видим длинный и узкий полуостров, на котором написано: „Камень конца не имат". На восточном берегу Сибири, считая с севера, живут Чюкчи, Коряки, Камчадалы, Ламуты, Гиляки.

Карта Страленберга

После полтавской битвы был взят в плен шведский офицер Филипп Табберт, впоследствии на родине получивший фамилию Страленберга. Пробыв в Сибири 13 лет (1709—1722), он много здесь путешествовал (между прочим — с Мессершмидтом) и слышал не мало об открытиях русских в северо-восточной Азии. Интересуясь географией, он в 1715 году составил в Тобольске карту Сибири, но она

---

[1] См.: Чертежная книга Сибири Семена Ремезова. СПб. 1882, изд. Археограф. коммиссии. Лист 21-й воспроизведен также в „Атласе Азиатской России", СПб. 1914, изд. Переселенч. упр., лист № 3, и, наконец, Л. С. Баговым в брошюре: Карты Азиатской России, 1914.

Рис. 13. Карта Азиатской России Страленберга 1730 г. (из Л. Багрова).

была у него украдена. Другую, переработанную, у него отнял в 1718 году кн. Гагарин. Наконец, по заключении Ништадского мира, Страленберг поднес Петру Великому в Москве в третий раз составленную карту Сибири.[1] Вернувшись на родину, он опубликовал в 1730 году карту Российской империи в приложении к своему труду „О севере и востоке Европы и Азии".[2] На карте, носящей название „Nova Descriptio Geographica Tattariae Magnae ... una cum Delineatione totius Imperii Russici imprimis Sibiriae accurate ostensa", мы видим против устья Индигирки надпись: „отсюда русские, пересекая море, загроможденное льдом, который северным ветром пригоняет к берегу, а южным отгоняет обратно, достигли с громадным трудом и опасностью для жизни области Камчатки" (рис. 13).

Карта Страленберга, основанная, как мы сказали, на сведениях, собранных в Сибири в 1709—1722 годах, является лучшим опровержением мнения Оглоблина и Гольдера о полной неизвестности плавания в Сибири Дежнева. Но еще до опубликования карты Страленберга 1730 года, собранные им о Сибири данные получили распространение заграницей, и на двух картах, вышедших в Голландии в 1726 и 1727 годах, мы уже встречаем указания на плавания русских вокруг северо-восточной оконечности Азии (об этом будет подробнее сказано ниже).

Как мы увидим далее, в 1711 году чукчи в области мыса Дежнева говорили Попову, что к ним и раньше ходили русские морем на кочах.

Свидетельства Беринга и Крашенинникова

Что в Сибири хорошо было известно о возможности пройти морем с Колымы на Анадырь, об этом свидетельствует сам Беринг. В одном из своих представлений, посланных из Енисейска летом 1725 года, т. е. еще на пути к Тихому океану, он писал: „Ежели б определено было итти с устья Колымы до Анадыра, *где пройти всемерно возможно*, о чем новые Азийские карты свидетельствуют, *и жители сказывают, что прежь сего сим путем хаживали*, то могло б

[1] В. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. I, СПб., 1862, стр. 354—355.

[2] Ph. Strahlenberg. Das Nord- und Ostliche Teil von Europa und Asien. Stockholm, 1730, с картой. О своих картах 1715 и 1718 гг. Страленберг упоминает на стр. 10.

быть исполнено желаемое [т. е., разрешение вопроса о том, соединяется ли Азия с Америкой] с меньшим коштом“ (т. е., скорее чем через Охотск и Камчатку).[1]

Крашенинников, бывший на Камчатке в 1737—1741 годах, рассказывает следующее:[2]

„Кто перьвой из Российских людей был на Камчатке, о том не имёю достоверного свидетельства; а по словесным известиям приписывается сие некакому торговому человеку Федоту Алексееву, по которого имени впадающая в Камчатку Никул речка Федотовщиною называется: будто он пошел из устья реки Ковымы Ледовитым морем в семи кочах, будто погодою отнесен от других кочей и занесен на Камчатку, где он и зимовал со своим кочем; а на другое лето обошед Курильскую лопатку [т. е. мыс Лопатку] дошел Пенжинским морем до реки Тигиля, и от тамошних Коряк убит зимою со всеми товарищи, к которому убивству аки бы они причину сами подали, когда один из них другого зарезал: ибо Коряки, которые по огненному их оружию выше смертных почитали, видя что и они умирать могут, не пожелали иметь у себя гостей толь страшных“.[3]

Доходили ли на самом деле спутники Алексеева до реки Камчатки или нет, трудно сказать,[4] но характерно, что на Камчатке сохранилось предание о походе Дежнева.

Из предыдущего мы можем сделать следующие выводы.

Достоверность сообщений Дежнева не подлежит никакому сомнению. Она подтверждается, помимо данных, вытекающих из разбора описания Дежнева, еще 1) чертежами

---

[1] А. С. Полонский. Первая Камчатская экспедиция Беринга 1725—29 года. Зап. Гидрогр. департ., VIII, 1850, стр. 548—549. — По словам Вебера (Weber. Das veränderte Russland. III, Hannover, 1740, p. 158), Берингу „тамошние“ (т. е., повидимому, камчатские) жители передавали, что за шестьдесят (на самом деле — за восемьдесят) лет до того прошло с „Лены“ судно на Камчатку. О том же, такими же словами, что и Вебер, передает Ж.-Н. Делиль (De l'Jsle. Erklärung der Charte von den Neuen Entdeckungen welche gegen Norden des Süder-Meers ... gemacht worden sind. Berlin, 1753, p. 14).

[2] С. Крашенинников. Описание Земли Камчатки. С. Петербург, II, 1755, стр. 190. Ср. также ниже, стр. 73—74.

[3] Ср. также Г. Миллер. Сочинен. и перев., 1758, янв., стр. 18—21 (рассказывается как предание камчадалов. Вероятно, со слов Крашенинникова). — G. W. Steller. Beschreibung von dem Lande Kamtschatka. Frankfurt und Leipzig, 1774, p. 222—223. — Дополн. к Акт. истор., IV, № 7, стр. 27.

[4] Известие о плавании Алексеева кругом Камчатки вплоть до р. Тигиля (на западном берегу) неправдоподобно.

1667 и 1672 годов, 2) словами Крижанича 1680 года, 3) свидетельством карты Страленберга 1730 года, основанной на сведениях 1709—1722 годов, 4) сообщением Беринга из Енисейска 1725 года, 5) словами чукчей, сказанными на Чукотском носу (т. е., в области мыса Дежнева) в 1711 году Попову, о чем будет сказано ниже.

Но оба берега Берингова пролива и острова Гвоздева были впервые осмотрены Федоровым и Гвоздевым в 1732 году.

V. Лейбниц и вопрос о Беринговом проливе

Среди черновых бумаг Лейбница, хранящихся в Ганноверской библиотеке, профессору Герье удалось разыскать одну чрезвычайно любопытную записку, составленную философом в 1697 году. В это время через ганноверские владения проезжало русское посольство, и записка, вероятно, предназначалась для подачи Петру I, через Лефорта. Попала ли она в руки Петра, неизвестно. В этой записке Лейбниц намечает ряд реформ, необходимых, по его мнению, для России. Между прочим, он советует составлять карты, записывать языки и обычаи, изучать промыслы и естественные произведения, производить астрономические наблюдения, наблюдать склонение магнитной стрелки и, наконец, *исследовать берега северо-восточной Азии, чтобы узнать, соединяется ли Азия с Америкой или же они разделены проливом.* [1]

Последний вопрос не переставал интересовать Лейбница. В 1711 году, в письме к Брюсу он просит сообщить ему сведения, доставленные лицами, которые, по приказанию Петра, ходили в Сибирь и к „Ледовитому мысу" (Eiss Cap): не могут ли эти данные служить к разрешению спора о существовании моря между Азией и Америкой: одни его допускают, другие отрицают. „Никто, — говорит Лейбниц, — не может лучше царя разрешить миру это сомнение, и это будет славнее и даже важнее всего, что сделано в свое время египетскими царями для исследования истоков Нила". [2]

---

[1] Вл. Герье. Отношения Лейбница к России и Петру Великому по неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке. СПб., 1871, стр. 14, 18 (оттиск из Журн. Мин. нар. просв.), см. также: Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому. Издал В. Герье, СПб. 1873, изд. Акад. наук, стр. 19.

[2] Герье, 1871, стр. 126; 1873, стр. 192.

23 сентября нов. ст. 1712 года Лейбниц послал Брюсу подробную записку о желательности лингвистических изысканий и магнитных наблюдений в России. В конце этой записки философ возвращается к своей любимой идее о границе Азии и Америки. „Только в одном месте,—говорит он,[1]—эта граница не исследована, и это место находится во владениях царя; большая полоса земли тянется далеко на север, к так называемому, хотя еще неизвестному, Ледовитому мысу, и нужно было бы исследовать, существует ли этот мыс и оканчивается ли им та полоса земли. Я полагаю, что туземцы окрестной области могли бы предпринять такое путешествие в летние месяцы, когда солнце почти не заходит, и совершить его, если не сразу, то по крайней мере постепенно, тем более, что, вероятно, возможно устроить стоянки и с их помощью подвигаться все далее. Исследование это может быть произведено не только сухим путем, но еще легче водою по обеим сторонам. Тогда, может быть, объяснится, суживается ли там суша или расширяется, а, следовательно, увеличивается или уменьшается вероятность, что она оканчивается мысом. Морское течение, порода рыб и другие условия на тех и других берегах, может быть, еще прежде дадут возможность судить о том, соединяются ли моря, находящиеся по обе стороны“.

Наконец, в письме к царю из Вены от 26 октября 1713 года Лейбниц напоминает ему о том же проекте.[2] В 1716 году Лейбниц около недели провел с Петром на водах в Пирмонте (Брауншвейг) и, без сомнения, беседовал с ним по вопросам, касающимся пролива между Азией и Америкой. В письме к Бурге от 2 июля 1716 г. Лейбниц сообщает: „Царь осведомляется о всех механических искусствах; но главный его интерес сосредоточивается на всем, что относится к мореплаванию, и поэтому он любит также астрономию и географию. Я надеюсь, что через него мы узнаем, соединена ли Азия с Америкой“.[3] 22 июня того же года Лейбниц через Шафирова подал в Пирмонте записку, в которой указывает по пунктам, какими способами царь мог бы с великой славой содействовать цивилизации и развитию наук. Здесь упоминается о необходимости собирать лингвистические материалы, производить наблюдения астрономические, а также

---

1 Герье, 1871, стр. 146—147; 1873, стр. 248—249.
2 Герье, 1873, стр. 312.
3 Герье, 1871, стр. 187; 1873, стр. 360.

над склонением магнитной стрелки, собирать растения, животных и ископаемых не только в России, но и в сопредельных странах на востоке и, наконец, исследовать вопрос о соединении Азии с Америкой.[1] О том же Лейбниц повторяет и в другой обширной записке, поданной, повидимому, в Пирмонте тогда же.[2]

Таким образом, мысль о том, соединяется ли Азия с Америкой, не оставляла Лейбница в течение двадцати лет, и он неустанно напоминал Петру о необходимости разрешить эту загадку.

Как же относился Петр к настояниям Лейбница? Как мы увидим после, лишь в конце 1725 года состоялось постановление об организации экспедиции для разрешения вопроса, где Азия „сошлась с Америкой". Посылая эту экспедицию, Петр задавался целью найти проход через Ледовитый океан в Китай и Индию, но не последнюю роль в осуществлении плана Петра играл пресловутый Анианский пролив. Вот какие любопытные данные сообщает по этому вопросу А. К. Нартов, „механик и токарного искусства учитель", состоявший при Петре последние годы.[3]

„В начале генваря 1725 года,—говорит он,—Петр Великий, за несколько недель до смерти, сочинил и написал собственною рукою наказ Камчатской экспедиции, которая долженствовала проведывать и отыскивать мореходством того, не соединяется ли Азия к северо-востоку с Америкою, отдал оный наказ генерал-адмиралу Апраксину. Призванному к себе генерал-адмиралу, вручив, говорил следующее: „Худое здоровье заставило меня сидеть дома; я вспомнил на сих днях то, о чем мыслил давно и что другие дела предприять мешали, то есть о дороге через Ледовитое море в Китай и Индию. На сей морской карте проложенной путь, называемый Аниан, проложен не напрасно. В последнем путешествии моем в разговорах слышал я от ученых людей, что такое обретение возможно. Оградя отечество безопасностью от неприятеля, надлежит стараться находить славу государству через искусства и науки. Не будем ли мы в исследовании такого пути счастливее Гол-

---

[1] Герье, 1871, стр. 189; 1873, стр. 346.

[2] Герье, 1871, стр. 194; 1873, стр. 360.

[3] Л. Н. Майков. Рассказы Нартова о Петре Великом. Записки Акад. наук, LXVII, прил. № 6, 1891, стр. 98—99 (рассказ № 149). — Рассказы эти, по всей вероятности, были обработаны для печати А. А. Нартовым, сыном предыдущего.

ландцев и Англичан, которые многократно покушались обыскивать берегов американских?[1] О сем то написал инструкцию; распоряжение же сего поручаю, Федор Матвеевич, за болезнию моею, твоему попечению, дабы по сим пунктам, до кого сие принадлежит, исполнено было".

Правдивость этого рассказа не вызывает никаких сомнений.[2] Инициатором экспедиций Беринга, по справедливости, надо считать Лейбница.

Итак, картографический миф в виде Анианского пролива, домысел италианских картографов XVI века, основанный на темных словах Марко Поло, явился побудительной причиной к снаряжению экспедиции Беринга, повлекшей за собою открытие Берингова пролива на том самом месте, где помещали мифический Stretto di Anian. Поистине, удивительна судьба некоторых картографических фантазий.

VI. Большая земля — Америка

Дежневу, как мы видели, удалось в 1648 году впервые обогнуть северо-восточную оконечность Азии с запада, и то же повторил в 1728 году Беринг с востока. Заслуга Дежнева огромна, и никто не может отрицать, что мысу Восточному с полным правом присвоено имя славного русского мореходца. Но ни отважному якутскому казаку, ни осторожному главе камчатской экспедиции нельзя, по справедливости, приписать честь открытия пролива, названного впоследствии Беринговым, ибо ни Дежнев, ни Беринг берегов американского материка не видели. Обычно принимают, что Берингов пролив впервые описан Куком в 1778 году. Однако, нужно заметить, что русским о существовании пролива, т. е. земли (материка) за мысом Дежнева, было известно задолго до Кука, и имелось даже специальное название для Америки, именно — Большая Земля. Как мы увидим ниже, за несколько десятилетий до Кука существовали основанные на съемках русские карты, на которых были нанесены оба берега пролива.

---

[1] Ср. об этом у Weber. Das veränderte Russland. III, Hannover, 1740, p. 160.

[2] Ср. также Миллер. Сочин. и перев., 1758, янв., стр. 6—7, где намекается, что Петр в бытность свою в Голландии в 1717 г. беседовал с географами о вопросах, касающихся соединения Азии и Америки.

Сведения Мусина-Пушкина

У образованных русских людей конца XVII века уже зародилась мысль, что от области низовьев Колымы не так далеко до Америки. В 1686 году посетил Москву французский иезуит Филипп Авриль. Здесь бывший смоленский воевода Иван Алексеевич Мусин-Пушкин („Mouchim-Pouchkim“), сообщил Аврилю некоторые сведения о Сибири. У путешественника шел с воеводой разговор на тему, откуда произошло население Америки. И вот каков был взгляд Мусина-Пушкина.[1] При устье Колымы („Kawoina“ — Ковыма) есть большой населенный остров, замечательный охотою на моржа (Авриль, который, очевидно, никогда ранее не слыхал об этом животном, вместо моржа называет здесь бегемота!). Жители этих стран, выезжающие на лов с семействами, могли быть занесены на льдинах до северной оконечности Америки, „которая не очень удалена от этой части Азии, прилегающей к Татарскому морю“. Американцы, обитающие по берегам, близким к Азии, своим обликом очень похожи на тех островных жителей, которые занимаются боем моржа. Далее воевода прибавил, что на американском берегу находят многих животных, которые водятся также и в Московии, особенно бобров. Животные эти могли попасть в Америку по льду.

Такова гипотеза Мусина-Пушкина. Как бы ни относиться к ней, но все же очевидно, что смоленский воевода, которого Авриль аттестует в качестве одного из умнейших людей, каких он только видал, совершенно ясно представлял себе, что северо-восточные берега Азии близко подходят к Америке. Характер сведений, какими он обладал об этой последней стране, именно нахождение там бобров и сходство жителей с обитателями Азии, показывает, что он черпал из первоисточника — возможно, из дел Сибирского Приказа. „Остров“ против устья Колымы — это Медвежьи острова, о которых мы еще будем иметь случай говорить.

Сведения Атласова

Первые более определенные сведения о Большой Земле принес, насколько мне известно, пятидесятник Владимир Атла-

[1] Ph. Avril. Voyage en divers états d'Europe et d'Asie, entrépris pour découvrir un nouveau chemin à la Chine. Paris, 1692, 4°, p. 210—11. Также. Сведения о Сибири и пути в Китай, собранные миссионером Ф. Аврилем в Москве, в 1686 году. Русский Вестник, изд. Н. И. Греча, 1842, № 4, отдел II, стр. 98—99.

сов, назначенный в 1695 году приказчиком на Анадырь. В бытность в Москве он в феврале 1701 года дал в Сибирском приказе между прочим следующее показание:[1]

„А меж Колымы и Анандыря реки необходимой нос, которой впал в море, и по левой стороне того носу на море летом бывают льды, а зимою то море стоит мерзло, а по другую сторону того носу весною льды бывают, а летом не бывают. А на том необходимом носу он Володимер не бывал. А тутошние инородцы чюкчи, которые живут около того носу и на устье Анандыря реки, сказывали, что против того необходимого носу есть *остров*, а с того острову зимою как море замерзнет приходят иноземцы, говорят своим языком и приносят соболи худые, подобны зверю хорьку, и тех соболей соболя с три он Володимер видел. А хвосты у тех соболей длиною в четверть аршина, с полосами поперечными черными и красными“.

Извлечение из сообщений Атласова впервые опубликовал в 1730 году Страленберг,[2] приводящий, однако, некоторые подробности, отсутствующие в „скаске“ Атласова, записанной в Москве. Именно, у шведского автора мы читаем, что между устьями Колымы и Анадыря есть двойной нос, называемый *Шалагским* и *Анадырским*. Против Анадырского носа есть *большой остров* и т. д. Шалагский нос это не что иное, как „необходимый“ нос или Чукотский полуостров; Анадырский нос — это мыс при входе в Анадырский залив (так называемый „Чукотский нос“ современных карт). Подробности об изображении Большой Земли на карте Страленберга (1730) мы приведем немного погодя, сперва же сообщим те сведения, которые могли служить для нее источником.

Сведения Попова

Г. Миллер, в бытность свою в Якутске в 1736 году, нашел в тамошних архивах между прочим следующие данные.

В 1710 году якутский воевода Дорофей Траурнихт, по поручению стольника кн. В. И. Гагарина (племянника кн. М. П. Гагарина), собирал в Якутске сведения об островах против устья реки Колымы и земли Камчатки, „какие в оных

[1] Н. Оглоблин. Две „скаски“ Вл. Атласова об открытии Камчатки. Чтения в Общ. ист. и древн. Росс., Москва, 1891, кн. 3, отд. I, стр. 12.

[2] Strahlenberg, l. c., p. 432—433.

живут люди, и под чьим владением, чем питаются, и сколь те острова велики, и много ль морем от материка расстояния".[1] Между прочим, Траурнихт приказал пятидесятнику Матвею Скребыкину, который посылался приказчиком в Анадырский острог, проведать о чукотском народе и о стране, тем народом обитаемой. Скребыкин, исполняя поручение, донес, что в сентябре 1711 года он допрашивал в анадырском остроге[2] якутского служилого человека Петра Попова, промышленного человека Егора Толдина и новокрещенного юкагира Ивана Терешкина, которые сообщили ему следующее.[3] В январе 1711 года Попов с двумя спутниками, служившими ему толмачами, спустился в устье Анадыря для сбора ясака с чукоч; согласно предписанию пошел, „в Нос" (т. е., к области мыса Дежнева), где ему надлежало проведывать немирных чукоч, постараться „ласкою и приветом" привлечь их к платежу ясака и взять у них аманатов (заложников). Вместе с тем Попову „велено присматриваться подлинно: на чем у тех Чукочь меж собою по их вере в подлинном договоре верная твердость, и по каким они местам живут, по каменям [т. е. в горах], или подле моря, оленные или пешие, и чем они кормятся и *не значатся ли из того Носу какие в море острова*; и если какие острова значатся, и про те островы спрашивать у тех Носовых Чукочь: есть ли какие на тех островах люди и звери, и какое они у себя имеют богатсво. И присмотря и проведая о всем, велено ему Петру записывать в книгу имянно, и *той их Чюкоцкой земле написать чертеж* и тот чертеж за рукою подать в Анадырском остроге в судной избе".[4] Первая задача, объясачить носовых чукоч, Попову не удалась; жившие на Носу немирные чукчи объявили ему: „*и прежде сего русские люди у них чукоч кочами морем бывали* [очевидно, намек на плавание Дежнева], и в то де время они чукчи им русским никакого ясаку не платили, и ныне платить не будем, и детей своих в аманаты не дадим". Если бы у нас и были какие-нибудь сомнения в том, что Дежнев обогнул северо-восток Азии, то слова чу-

---

[1] Миллер. Сочин. и перев., 1758, ч. I, стр. 104.

[2] Анадырский острог заложен на Анадыре в 1649 г. Дежневым близ того места, где теперь с. Марково. Упразднен в 1764 г.

[3] Миллер. Там же, стр. 200—202. Показание Петра Попова с копии, снятой Миллером, напечатано полностью в Памятниках сибирской истории XVIII века. Книга I (1700—13). СПб, 1882, стр. 456—459.

[4] Памятники сиб. ист., I, стр. 457.

коч с полной определенностью подтверждают факт его плавания.

Другую, географическую часть поручения Попов выполнил с полным успехом. Приводим полностью его весьма важные сообщения („Памятники сиб. ист.“, I, стр. 458—459):

„По их вере, в подлинном договоре меж собою у них Чюкочь твердость дают порукою солнце.

Оленные Чюкчи в Носу живут по каменям, ради оленных своих табунов кочуют по разным местам. А пешие Чюкчи[1] по обе стороны Носу живут по коргам подле море, в земляных юртах, где коротает морж. А кормятца они Чюкчи, оленные и пешие, промышляют по каменям и по рекам диких оленей[2] и морскими китами, моржем, белугою, нерпами, корением и травою.[3]

Против того Анандырского Носу с обоих сторон с Ковымского моря[4] и с Анандырского[5] есть де значитца *остров*[6] и про тот остров подлинно ему Петру с товарищи сказывали Носовые Чюхчи Макачкины с родниками: есть де на том острову *люди зубатые*[7], а веры де и иной всякой обыкности и языку не их Чюкоцкова, особый, и из давных де лет и поныне у них Носовых Чюкочь с теми островными людьми меж собою немирно, ходят друг на друга с боем; а бой де у тех островных людей лучной и у Чюкочь такой же. И он Петр с товарищи тех островных людей у них Чюкочь взятых в полону видал человек с 10. А зубы у тех людей, кроме природных, есть вставливаные моржевого зубья маленькие кости, подле природные, в щеках.[8] А с того де Носу на тот остров летним временем в байдарах веслами перебегают

[1] Теперь их называют сидячими или морскими.

[2] Как чукчи охотятся за дикими оленями, когда те переплывают реки, можно прочитать у W. Bogoras, The Chukchee. Jesup North Pacific Expedition. Vol. VII. Leiden and New York, 1904—1909, p. 132—136, или Г. Майдель. Путешествие по сев.-вост. части Якутской обл. в 1868—70 гг. Зап. Акад. наук, LXXIV, прил. № 3, 1894, стр. 200—204.

[3] О пище чукоч ср. Bogoras, p. 193—199; Каллиников, стр. 90—93, 99—101.

[4] Ковымское, или Колымское, море есть Северный Ледовитый океан.

[5] Анандырское, или Анадырское, море это Берингово.

[6] Америка, см. ниже.

[7] Эскимосы, см. выше, стр. 93.

[8] Приведем здесь соображения проницательного С. Крашенинникова (Описание Земли Камчатки, I, 1755, стр. 126): „Народ, который живет на островах около Чукотского носа, и имеет с Чукчами обхождение, с сими людьми [т. е. жителями Америки] конечно одного роду: ибо и у оного вставливать кости за красу почитается“.

одним днем, а зимою на оленях на легке переезжают одним же днем. И есть де на том острове всякой зверь, соболи и куницы и лисицы всякие, и песцы, и волки, и розсомаки, и медведи белые, и морские бобры, и держат де у себя великие табуны оленей.[1] А кормятца де они морскими зверями и ягодами и кореньем и травою. И всякой на том острову есть де лес: кедр,[2] сосна, ельник, пихтовник, листвяк. И тот островной лес он Петр с товарищи у них Чюкочь в байдарах и в ветках[3] и в юртах видели. А живут де они островные люди собою також, что де и они Чюкчи; и началных де людей никого у них нет. А в Носу зверя, кроме лисиц красных[4] и волков, иного никакого нет, и того малое число, для того, что зверю быть в том Носу не у чего, лесу никакова нет. А по смете Носовых оленных и пеших Чюкочь лушников с 2000 и болше, кроме Анадырских решных, а решных человек с 50 и больше.[5]

Островных де людей, применяясь он же Макачкин и островные люди, которые у них Чюкочь в полону, сказывали ему Петру с товарищи: есть де их при них Чюкчах втрое, и он де Макачкин на том острове бывал по многие годы в походах, и называют они Чюкчи тот остров *болшею землею*. А из Анадырского острогу ход до самого Носу прямою землею чрез Белую реку[6] на Матколь[7] аргышами[8] на оленях недель с 10 и больше, если пурги нет, а Матколь

---

[1] Это неверно: эскимосы домашних оленей не держали; разведением оленей в Аляске стали заниматься только с 1891 года.

[2] Кедра в Аляске нет.

[3] Ветками в Сибири называют легкие лодки из бересты или из трех досок, годные только для одного человека. Обычно у чукчей в употреблении лодки из моржовой кожи. О ветках см. Г. Майдель, стр. 202, 521.

[4] Здешняя лисица есть подвид обыкновенной; она носит название Vulpes vulpes anadyrensis Allen 1903.

[5] Количество всех чукчей (не одних только носовых), мужчин, женщин и детей, Богораз (1934, стр. 17) исчисляет к 1901 г. в 12 тысяч; из них четверть сидячие, остальные оленные. Такое же число дает и перепись 1897 года. См. С. Патканов. О приросте инородческого населения Сибири. СПб., 1911, стр. 126, изд. Акад. наук. Перепись 1926—1927 г. указывает количество чукчей в 12 331.

[6] Левый приток Анадыря.

[7] Это, очевидно, Матачингай — высшая точка Чукотского полуострова, лежащая в вершине залива Креста и по своей высоте (2625 м, согласно определению Литке) весьма приметная: окружающие возвышенности не превосходят 450—600 м.

[8] С грузом.

чюкоцким названием камень есть, подле большую губу, в середнем Култуске".[1]

Мы имеем здесь совершенно определенное указание на материк Америки, обитаемый зубатыми людьми, т. е. эскимосами. Эти последние действительно раньше подвергались нападениям как со стороны островных эскимосов, так и азиатских.[2] Но в этих набегах участвовали и сидячие чукчи, как рассказывает Попов.[3]

Отметим весьма точное обозначение американских эскимосов, как народа сидячего: они, действительно, домашних оленей не держали.

Приведя вышеупомянутый рассказ чукоч, Миллер (стр. 204) в конце сообщает с их же слов два известия, которые он называет „баснословными", именно: „На упомянутой земле [т. е., на Большой Земле] будто есть люди, которые имеют хвосты псовым подобные, говорят языком особым, часто между собою воюются, веры никакой не знают, платье носят такоеж соболье, лисье и оленье, и питаются морскими зверями и дикими оленями". Основанием для этого рассказа о хвостатых людях могло служить следующее. Эскимосы по нижнему Кускоквиму и к северу от него нередко носят платья из шкурок сурков (Marmota caligata) и сусликов (или „еврашков", Citellus parryi), украшенные хвостами этих животных.[4] Между Юконом и Кускоквимом эскимосы делают шапки из цельной шкурки песца, свешивая хвост животного вниз.[5] Малемуты и другие носят на поясе сзади волчий или росомаший хвост.[6]

Другой „баснословный" рассказ чукоч таков: „Да на той же земле яко бы есть и такие люди, у коих ноги подобны вороновым, и кожа на ногах такая же, и зимою обуви никакой не носят; а язык у них особой". Поводом к этому

---

[1] Култуск — это опечатка, вм. култук. Култуком в Сибири и Туркестане зовут залив. Слово тюркского корня (по-киргизски култук=залив).

[2] E. W. Nelson. The Eskimo about Bering Strait. XVIII Ann. Rep. Bureau Amer. Ethnology, 1899, p. 330.

[3] Это подтверждает и Bogoras, p. 53. Набеги чукоч на эскимосов продолжались вплоть до 90-х годов XVIII столетия (см. Вестник Русск. географ. общ., XVIII, 1856, стр. 20 отдела V), и Биллингс видел у чукчей „одну американскую пленницу" (там же). О набегах чукоч на „американцев" говорит и Сарычев, посетивший Чукотскую землю в 1791 г. (Путеш., II, стр. 108).

[4] Nelson, p. 32; Загоскин, II, стр. 20.

[5] Nelson, p. 33, фиг. 3.

[6] Загоскин, II, стр. 22.

рассказу смогло служить почитание, каким окружают аляскинские эскимосы ворона. Тотем ворона, в виде ноги этой птицы с тремя пальцами, весьма часто изображается на самых разнообразных предметах: на вооружении, платье, на деревянных вещах домашнего обихода, даже (у одного эскимосского мальчика в бухте Провидения, т. е. на азиатском берегу) в виде татуировки на лбу. Обычно охотник, принадлежащий к „племени ворона“, носит в своем колчане пару ног ворона.[1]

Хотя вышеприведенные данные Попова (1711) и чукоч (1718) извлечены Миллером из Якутского архива лишь в 1736 году, но подобного рода сведения всегда служили предметом живого интереса со стороны сибиряков и быстро распространялись устно со слов промышленников, жадных до новых земель, богатых пушным зверем: а на Большой Земле, как ходили слухи, „соболей и лисиц превеликое множество“.

Карта Страленберга

Возвращаемся к карте Страленберга[2] (рис. 13).

К востоку от устья Колымы изображен длинный и узкий полуостров (очень похожий на тот, что к востоку от Лены у Ремезова), населенный чукчами (*Tzuckzi*) и оканчивающийся мысом *Noss Tszalatskoi*, т. е. Шелагским;[3]

---

[1] Nelson, p. 324—325, фиг. 114—116.

[2] Кроме книги Страленберга, карту эту можно найти в копии у A. Nordenskiöld. Periplus. Stockholm, 1897, табл. 38. Надписи же все перепечатаны у G. Cahen, l. c., p. 178—191.

[3] В тексте это название пишется *Tschalatskoi*. Шелагский мыс (Ерри) получил свое наименование от вымершего ныне народа *шалагов*. О них первые сведения принес, как мы видели, Атласов, впервые сообщивший о Шелагском мысе, Г. Миллер (Сочин. и перев., 1758, февр., стр. 113) рассказывает со слов Ивана Вилегина (1723) о „шелагах, которые суть род чукчей“. Упоминает о них Ф. Врангель (Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю совершенное в 1820—24 г.г. Часть II, СПб., 1841, стр. 289): на Шелагском мысу один старик чукча вызавал себя за потомка „древних *шелагов*, или, как чукчи обыкновенно называют, *чаванов*; от имени сего народа река и залив получили название *чаванских* или *чаунских*“. Другие чукотские названия этого народа, приводимые Врангелем (II, стр. 332), *чауаджан* и *чавача*. В заливе Лаврентия один старик в 1821 г. рассказывал Шишмареву (Сведения о чукчах 1821 г. Зап. Гидрогр. департ., X, 1852, стр. 191), что Шелагский нос называется *Чавака*; „народы, живущие около м. Чавака, называются *Чаваки*“. Чавак — это эскимосское произношение чукотского *чаван*, ср.: река Чаван (Чаан) или Чаун, впадающая в Чаунский залив. Таким

сведение о мысе Шелагском Страленберг, как мы видели, заимствовал у Атласова. Далее идет *Terra Tzuckza*, Чукотская Земля, у южного конца коей мыс *Noss Anadirskoi alias Caput Patientiae*—Анадырский нос или мыс Терпения.[1] К востоку от Чукотской Земли, отделенный от нее широким проливом, нанесен большой, удлиненный остров, изображающий, очевидно, Америку; на нем надпись: „живущие на этом острове люди отличаются от обитателей материка языком и нравами; материковые жители их называют *Puchochotski* или *Pogukotzki*; последние ведут войну с гюхегами (*cum Giuchiegis*)“. Между этим большим островом и материком Азии нанесено несколько мелких островов, у которых подпись: „обитатели этих островов называются *Giuchiegy* или *Giuchetzi*“. Эти последние есть, очевидно, не что иное, как эскимосское название киги, которое относится, однако, не к обитателям островов Гвоздева, а к материку Америки: азиатские эскимосы называют мыс принца Уэльского, а также находящееся там эскимосское поселение, *Киги*, а обитателей этого селения *кихми;* от этих имен происходит чукотское название Америки — *Кыымын,* а обитателей ее — *кыымылыт.*[2]

Что представляют собою *Puchochotski* или *Pogukotzki*, трудно сказать с уверенностью. Может быть, это — „пухоходцы“,[3] название, которое русские могли прилагать к жителям островов Гвоздева за их обыкновение носить платье из птичьих шкурок. Об этом обычае свидетельствуют русские источники XVIII века,[4] а Нельсон[5] изображает даже эскимосское платье с островов Гвоздева, изготовленное из шкурок голубиного чистика (Cepphus columba, морская птица из семейства Alcidae) и опушенное сверху и снизу

образом, возможно, что народ *чаачен*, о котором говорят чукчи, есть не что иное, как шалаги. Ср. об этом также Богораз, 1934, стр. 6—7, 45 (который, однако, полагает, что чаачен и шалаги разные народы; но, по моему, неправильно). Шелагский мыс Страленберга — есть мыс Дежнева.

[1] Сюда перенес Страленберг мыс Терпения, находящийся на восточном берегу Сахалина и открытый 27 или 28 июля 1643 г. голландцем Фризом на корабле Castricum!

[2] В. Г. Богораз. Чукчи. I, Лгр., 1934, изд. Инст. народ. Севера, стр. 9.

[3] А может быть это значит, что они носят платье из пушнины? Вообще, на объяснении, данном мною выше, я не настаиваю, предоставляя разрешение этого вопроса будущим исследователям.

[4] См. ниже, при описании карты Львова.

[5] Nelson, p. 34—35, табл. XVI.

медвежьим и оленьим мехом.[1] Это же название — пухоходцы — на картах встречается вплоть до 1752 года, когда мы его находим, в форме Puchochotskes, на карте Ph. Buache: Carte des Nouvelles Découvertes entre la partie Orientale de l'Asie et l'Occidentale de l'Amerique... Paris, 1752.

Как мы указывали выше, Страленберг первоначальный набросок своей карты составил в Тобольске в 1718 году. Из Сибири он привез ее в Москву, и здесь ею пользовались иностранцы. Этим путем объясняется появление на западе карт, вышедших ранее опубликования труда Страленберга (1730) и заключающих собранные им сведения. Так, на анонимной карте, вышедшей в Лейдене в 1726 году под заглавием Carte nouvelle de l'Asie Septentrionale и приложенной к книге Histoire genealogique des Tatars traduite du manuscript Tartare d'Abulgasi-Bayadur-Chan..., Азия на северо-востоке кончается мысом Suetoi nos (Святой Нос), около которого несколько островов и подпись: Les batimens Russes passent par icy pour aller a Kamtzchatskoy, т. е. русские суда проходят здесь на пути в Камчатку.[2] Затем в 1727 году в Амстердаме вышла тоже анонимная карта под названием La Russie asiatique tirée de la Carte donnée par orde du feu Czar, приложенная к Recueil des Voiages au Nord, t. VIII. Как мы уже говорили, после Ништадтского мира Страленберг поднес Петру Великому свою карту Сибири и, вероятно, ее то и получил анонимный автор карты 1727 года; это доказывается и тем, что она очень похожа на вышеупомянутую карту 1726 года. Но заключает и кое-что новое. У северо-востока Азии имеется большой остров, на котором живут известные нам уже „пухоходцы" (Puchochotschi); о них надпись говорит, будто они платят русским дань пушниной и бобровыми мехами. А в проливе значится: Les Russes venants de la Lena et des autres Rivieres à l'Est de la Lena passent par ici avec leurs batiments pour aller négocier avec les Kamtschadahles, т. е. русские, плавающие из Лены и из других рек к востоку от Лены, проходят здесь на судах с целью вести торговлю с камчадалами.

---

[1] Впрочем надо отметить, что и материковые эскимосы с американских берегов Берингова пролива употребляют иногда на платье шкурки птиц: бакланов, люриков (Simorhynchus pusillus), кайр (Uria), гаг, уток, гусей и др. (Nelson, p. 31). Особенно же распространено было прежде платье из птичьих шкурок (ар, топорков, урилов и ипаток) среди алеутов.

[2] Страленберг в своей книге (p. 10) сам упоминает, что на этой карте 1726 г. использованы его данные.

Таким образом, ко времени 1-й Камчатской экспедиции Беринга 1725 -1729 годов не только в Сибири, но и в западной Европе было уже хорошо известно, что Азия не соединяется с Америкой. Данные о походе Дежнева 1648 года задолго до Миллера (1758) стали достоянием западноевропейской литературы и картографии. Петр тоже был знаком с картой Страленберга, но мысль о том, „не сошлася ль Америка с Азией", давно занимала его, и еще в 1719 году, отправляя геодезистов Евреинова и Лужина для исследования Курильских островов, он дал им между прочим поручение заняться и этим вопросом, прибавляя, что это „надлежит зело тщательно сделать". Однако Евреинову и Лужину удалось посетить только Курильские острова и Камчатку.

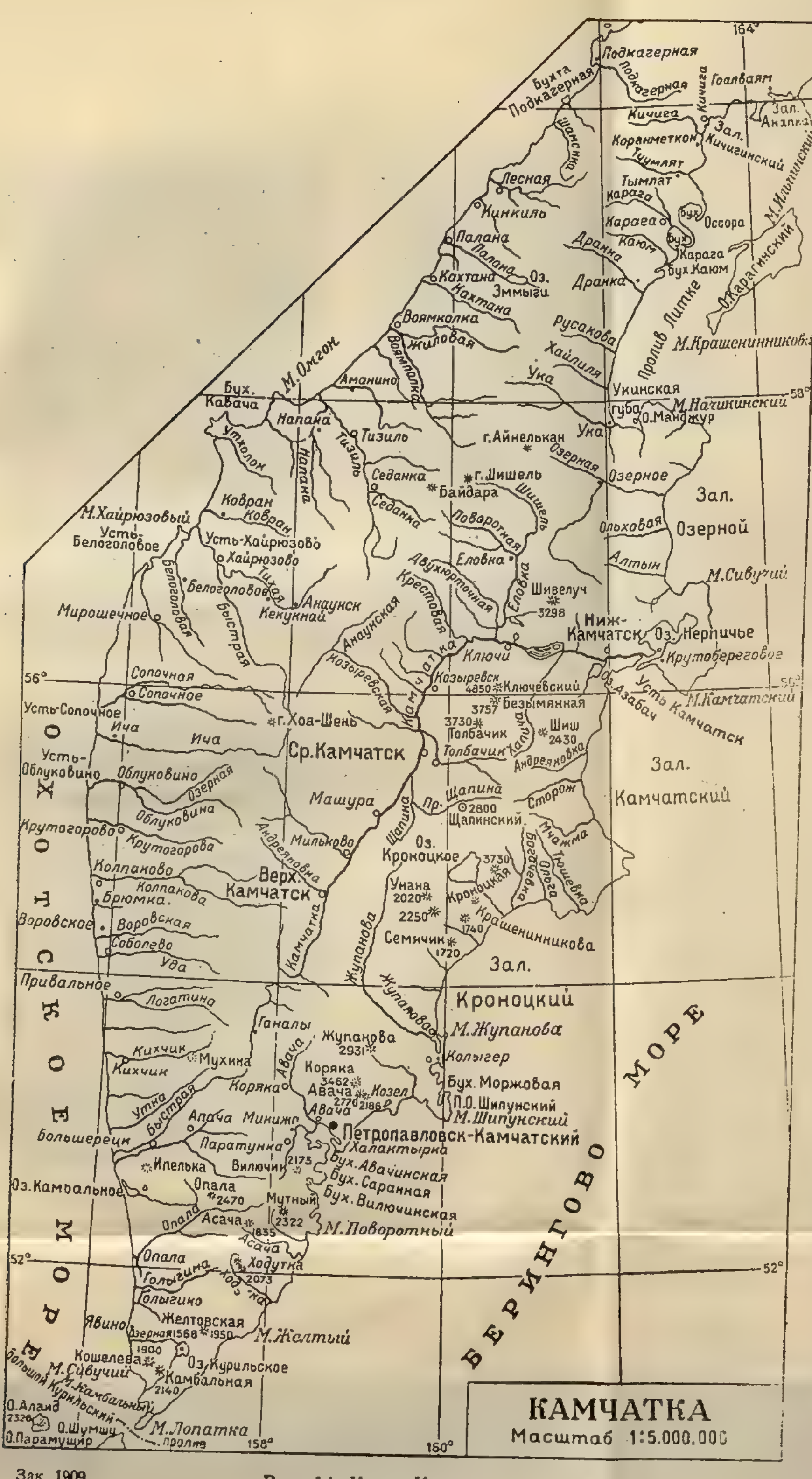
О том, какими сведениями по части северо-востока Азии обладали компетентные люди в России ко времени начала Беринговой экспедиции (1725), можно судить по карте Сибири геодезиста Зиновьева, составленной в 1727 году и хранящейся в московском архиве комиссариата по иностранным делам. Она опубликована впервые французским ученым G. Cahen в 1911 году.[1] Карта эта изготовлена в Селенгинске по поручению дипломата Савы Владиславича Рагузинского и его помощника комиссара Степана Колычова для надобностей при переговорах с Китаем, поведших к заключению Кяхтинского договора 1728 года. На северо-востоке Азия омывается морем, куда вдаются два мыса: Нос Шалацкой (Шелагский) и Нос Анадырской. К югу от последнего тянется полуостров Камчатка. Никаких островов, имеющих отношение к Америке, нет. Как бы то ни было, составители карты ясно представляли себе, что Азия на северо-востоке не соединяется ни с каким материком. Открытия Беринга в проливе его имени, конечно, не могли иметь влияния на эту карту, так как сделаны позднее (в августе 1728 года).

VII. Открытие Камчатки[2]

В середине XVII столетия русские утвердились на Анадыре и здесь вскоре прослышали про Камчатку. Наименование „Камчатка" встречается уже на чертеже Сибири

---

[1] G. Cahen, l. c., p. 164.
[2] См. карту, рис. 14.



Зак. 1909.

Рис. 14. Карта Камчатки.

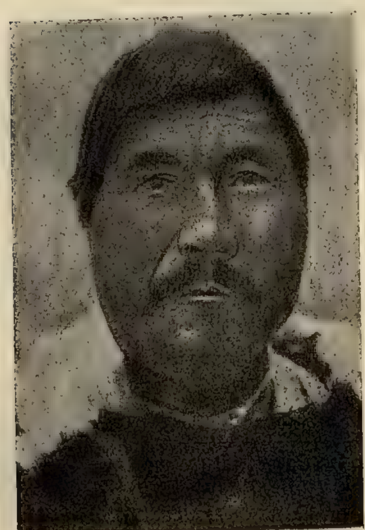


Рис. 15—17. Типы камчадалов. Снято в 1910 - 1911 годах (из Иохельсона, 1928).

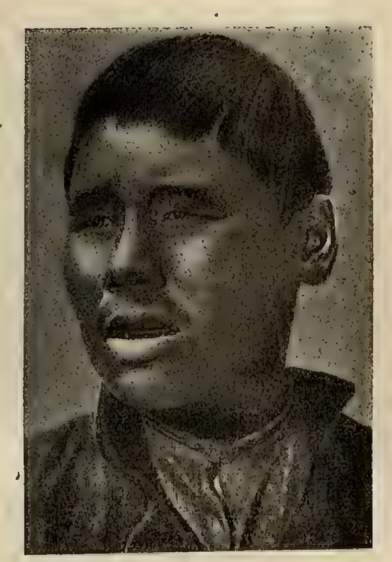


Рис. 18—20. Типы камчадалов.
Снято в 1910—1911 годах
(из Иохельсона, 1928).

Петра Годунова 1667 года (рис. 11, посреди левого края), а в „Списке с чертежа 1672 года“ говорится о реке Камчатке. Слово это перешло к русским через посредство коряков, как указал впервые еще Крашенинников (1755): *кончал*— это коряцкое название камчадалов (сами себя камчадалы зовут *ительмен*), *Кончат*—есть долина реки Камчатки, а *кончаток*—значит „в долине Камчатки“.

Камчадалы, коряки и чукчи (см. этнографическую карту, рис. 54), по языку, по материальной и духовной культуре и по физическому типу, весьма близки друг к другу и вместе с тем резко отличаются от всех других народов северной Азии. Напротив, целый ряд признаков сближает их с индейцами Северной Америки, от которых они отделены внедрившимся клином эскимосов, этнически совершенно чуждых и тем и другим. Язык камчадалов, как и коряков и чукоч, относится к тому же полисинтетическому типу, что и языки индейцев. Этнографы проводят границу между Азией и Америкой не по Берингову проливу, а по линии от устья Колымы до впадения Гижиги в Тихий океан.

Камчадалы, или ительмены (рис. 15 - 20), в настоящее время сильно смешались с русскими. Перепись 1926 года отметила на Камчатке 3400 камчадалов, но бóльшая часть их представляла собою помесь с русскими. Лишь в восьми поселках по западному берегу полуострова, в пределах современного Коряцкого национального округа, между селением Седанка на севере и Сопочным на юге сохранялся еще во время переписи камчадальский (ительменский) язык; им говорило 825 человек. Жители Седанки говорят на наречии, переходном к коряцкому языку. Кроме камчадальского языка, в указанных восьми селениях в ходу еще своеобразный русско-камчадальский жаргон. Наречия камчадалов, живших по реке Камчатке, а также тех, которые обитали раньше в южной части полуострова, к югу от реки Большой, совершенно исчезли и вытеснены русским языком.

Честь географического открытия Камчатки и первого этнографического описания камчадалов выпала на долю Атласова. Есть, правда, темные слухи, что Камчатка была впервые открыта спутниками Дежнева, обогнувшего в 1648 году северо-восток Азии. На пути от Берингова пролива к Анадырю коч (судно) Федота Алексеева отнесло к югу. Через несколько лет после этого (1654) Дежнев, проведывая с Анадыря морские берега, где жили коряки, отгромил у них якутскую „бабу“, бывшую раньше у Алексеева. Якутка

рассказала, что Алексеев умер от цынги, а товарищи его частью побиты, частью ушли на лодках неизвестно куда.[1] Другие известия, сообщаемые Миллером, говорят, что часть людей Алексеева, следуя вдоль берега Камчатки к югу, достигла реки Камчатки, где построили зимовье. Во время похода Атласова 1697—1699 годов камчадалы передавали ему, что много лет тому назад при впадении реки Никулы или Федотовки в Камчатку жил некто Федотов (может быть, сын Федота Алексеева) с товарищами. Когда часть русских отправилась к Пенжинскому (т. е. Охотскому) морю, камчадалы и коряки истребили русских, которых они раньше считали за богов. Миллер говорит, что еще во время первой Камчатской экспедиции (1728—1729) на реке Федотовке, устье которой в 190 км ниже Верхнекамчатска, видны были остатки двух русских зимовий.[2] Крашенинников, бывший на Камчатке в 1737—1741 годах, тоже подтверждает, что, по „словесным известиям", первым русским на Камчатке был Федот Алексеев, „по которого имени впадающая в Камчатку Никул речка Федотовщиною называется".[3]

Доходили ли на самом деле спутники Алексеева до р. Камчатки или нет, трудно сказать (Крашенинников думает, что сам Алексеев вряд ли доходил), но ничего невозможного здесь нет. Но зато, конечно, неправдоподобно известие, передаваемое по слухам Крашенинниковым, будто Алексеев обогнул всю Камчатку (кругом Лопатки) и на судах достиг реки Тигиля (на западном берегу).[4]

В августе 1695 года из Якутска послан в Анадырский острог приказчиком пятидесятник Владимир Атласов.[5] Атласов представляет собою личность совершенно исключительную. Человек малообразованный, он вместе с тем обладал недюжинным умом и большой наблюдательностью, и пока-

---

[1] Дополнения к Актам историч., IV, № 7.

[2] Миллер. Сочин. и перев., 1758, I, стр. 19—21.

[3] Крашенинников. Описание Земли Камчатки, II, 1755, стр. 190. Об этой речке, названной по имени некоего Федьки („Fetka"), упоминает и Стеллер (G. W. Steller. Beschreibung von dem Lande Kamtschatka. Frankfurt und Leipzig, 1774, p. 222).

[4] В передаче Стеллера (l. c., p. 223) выходит, что русские попали на Тигиль за 10 лет до покорения Камчатки. Стеллер высказывает предположение, что русские прошли сухим путем с Анадыря на Пенжину, а отсюда морем на байдарах до Тигиля.

[5] О нем см. Н. Оглоблин. Новые данные о Владимире Атласове. Чтения в Общ. истории и древн. росс., Москва, 1888, кн. I, отд. 2, стр. 1—30.

зания его, как увидим далее, заключают массу ценнейших этнографических и вообще географических данных. Ни один из сибирских землепроходцев XVII и начала XVIII веков, не исключая и самого Беринга, не дает таких содержательных отчетов. А о моральном облике Атласова можно судить по следующему. Пожалованный после покорения Камчатки (1697—1699) в награду казачьим головой и посланный снова на Камчатку для довершения своего предприятия, он, на пути из Москвы в Камчатку, решился на крайне продерзостное дело: будучи в августе 1701 года на реке Верхней Тунгуске, он разграбил следовавшие на судах купеческие товары. За это, несмотря на заслуги, был посажен, после пытки, в тюрьму, где просидел до 1707 года, когда прощен и снова отправлен приказчиком на Камчатку. Здесь, во время восстания казаков в 1711 году, убит.

После этого краткого биографического отступления возвращаемся к истории открытия Камчатки.[1]

В 1696 году из Анадырска был послан к корякам на реку Опуку якутский казак Лука Морозко. Но он проник гораздо далее на юг, именно до реки Тигиля, за четыре дня пути не доходя до реки Камчатки.[2] Морозко взял камчадальский острожек и привез домой „не ведомо какие письма“ — быть может, японские с разбившихся у берегов Камчатки японских судов.[3]

В начале 1697 года из Анадырска отправился и сам Атласов — для приску новых землиц и приведения в подданство неясачных людей, для чего взял с собою 60 служилых и промышленных людей и 60 ясачных юкагиров. Пошли

---

[1] Показания Атласова, одно в Якутске 3 июня 1700 г., другое — в Москве, в Сибирском приказе, 10 февраля 1701 г., полностью см. у: Н. Оглоблин. Две „скаски“ Вл. Атласова об открытии Камчатки. Чтения в Общ. ист. и древн. росс., Москва, 1891, кн. 3, отд. I, стр. 1—18. Перепечатаны в издании. Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке. Лгр. 1935, изд. Инст. народов Севера, стр. 25—33 Подробное извлечение из показаний Атласова в Сибирском приказе напечатал впервые Ph. Strahlenberg в своей книге „Das Nord und Ostliche Teil von Europa und Asia“, Stockholm, 1730, p. 431—438. Кроме того, сведения о походе Атласова можно найти у Крашенинникова (l. c.), Миллера (l. c.), Спасского (Вестн. Русск. географ. общ., XXIV, 1857) и Сгибнева (Морской Сборн., 1869, № 4).

[2] Миллер. Сочин. и перев., 1758, I, стр. 291—292. — С. Крашенинников. Описание Земли Камчатки. СПб. II, 1755, стр. 192.

[3] По словам Словцова, Морозко нашел японские бумаги не в камчадальских, а в коряцких юртах. П. Словцов. Истор. обозр. Сибири, I, 1838, стр. 246 (2 изд., 1886, стр. 135—136).

на оленях на Пенжину, прибыли сюда через $2^1/_2$ недели и здесь собрали с пеших (т. е., оседлых, не имеющих оленей) коряков, которых было свыше трехсот душ, ясак красными лисицами.

Про здешних коряков Атласов сообщает, что ружье у них — луки и копье, начального человека они над собою не знают, а „слушают которой у них есть богатой мужик". Из товаров им надобны железо, ножи, топоры и пальмы (пальмы — это широкие железные ножи). Соболей в устье Пенжины нет, и местные коряки питаются рыбой, нерпой (тюленем) и „всяким зверем". Одежду и обувь носят оленью, а подошвы нерпичьи. Юрты у них ровдужные (из оленьих кож). Для промысла нерп и китов имеют большие байдары из нерпичьей кожи, длиной саженей шесть, поперек сажени полторы, садится на них человек по 30—40. Наружность коряков Атласов рисует так: „пустобородые, лицом русаковаты, ростом средние". Говорят своим языком, а „веры никакой нет, а есть у них их же братья шеманы — вышеманят, о чем им надобно: бьют в бубен и кричат".

В настоящее время южною границею распространения оседлых коряков на Камчатке является река Тигиль на западном берегу, Укинская губа и Карагинский остров на восточном. Но кроме того кочевые коряки есть на западном берегу Камчатки, где они доходят до с. Бологоловаго, а в иные годы (около 1925 г.) южнее 55° с. ш.[1], а частью и на восточном берегу (в Карагинском районе). В районе реки Тигиля коряки соприкасаются с камчадалами. По переписи 1926 года, на полуострове числилось около 3900 коряков; кроме того в прилегающих частях материка жило свыше $3^1/_2$ тысяч коряков. Коряк на языке этого народа значит „оленный", сами же себя оленные коряки называют *чаучу*, что значит оленевод.

С устья Пенжины Атласов шел две недели на оленях по западному берегу Камчатки, а затем повернул на восток, к берегам Тихого океана, к корякам-олюторцам, что сидят по реке Олюторе (правильнее Алютора). Прибыли сюда в феврале 1697 года. Призвав олюторцев, ранее никогда не видавших русских, „под высокую царскую руку ласкою и приветом", обложили их ясаком, „писали с них лисиц", которых они промышляют близ своих юрт. Хотя

---

[1] Е. П. Орлова. Коряки полуострова Камчатки. Северная Азия, 1929, № 3, стр. 83—84 (до р. Воровской).

у них неподалеку в горах есть белые соболи, но они их не промышляют, „потому что в соболях они ничего не знают“. Оружие у них луки и стрелы, костяные и каменные, а железа в этой стране нет. Об олюторцах Атласов совершенно правильно замечает что, язык их „и во всем подобие коряцкое“. Но юрты у них земляные, „подобны остяцким юртам“. „Белыми“ здешние соболи названы так потому, что вообще

Рис. 21. Коряцкий поселок в начале XX века (снимок В. И. Иохельсона, Инст. антр. и этногр. Акад. наук).

камчатские не так темны, как баргузинские, олекминские и витимские; а это в торговом отношении большой недостаток.[1]

На Олюторе Атласов разделил свой отряд на две половины и одной партии приказал итти вдоль восточного берега Камчатки на юг; по свидетельству Крашенинникова, во главе этого отряда был поставлен Лука Морозко. Сам же Атласов, вместе с другой партией, повернул к западному берегу и пошел на юг. На реке Палане, впадающей

[1] Камчатский соболь представляет особую географическую форму, Martes zibellina kamtschadalica, отличающуюся крупным черепом и сравнительно не яркой окраской. Баргузинский же, олекминский и витимский соболь принадлежит к форме Martes zibellina princeps.

в Охотское море, часть юкагиров, из бывших в отряде, изменнически убили нескольких казаков, многих — и в том числе начальника отряда — переранили, а сами ушли. В таком тяжелом положении Атласов вынужден был просить себе на помощь отряд Луки Морозки. Извещенные через верного юкагира, те прибыли и выручили Атласова.

Дойдя южнее устья реки Кигыла (Тигиль), казаки повернули на реку Камчатку. При устье реки Крестовки (Кануч), впадающей в реку Камчатку, поставили крест с надписью „205 [т. е. 1697] году, июля 18 дня поставил сей крест пятидесятник Володимер Атласов с товарыщи". Этот крест был в целости еще во время Крашенинникова, т. е. сорок лет спустя.[1]

На реке Камчатке казаки нашли четыре острога, а возле них около 400 юрт. Жители — это были *камчадалы* — обрадовались приходу русских и дали ясак. Такое предупредительное поведение камчадалов объясняется тем, что у них были взаимные междоусобия. Объясаченные камчадалы просили Атласова помочь им против их же сородичей с низовьев Камчатки, которые нападали на них и грабили. Атласов согласился, посадил служилых людей, юкагиров и камчадалов в струги и отправился вниз по Камчатке.

По обе стороны реки было видно много больших камчадальских селений, юрт по 300—400—500. Через три дня достигли того места, куда звали камчадалы. Здесь было до 400 юрт. Вследствие отказа камчадалов платить ясак, погромили их, а жилища („посады") выжгли. Отсюда Атласов пошел обратно вверх по Камчатке, на старое место, а для проведывания иноземцев, живших по реке Камчатке вниз до моря, отправил казака.

Посланный принес известие, что от реки Еловки (приток Камчатки) до моря есть 160 острогов, в каждом по 150 и 200 человек. Острожками русские называли камчадальские „юрты", т. е. землянки, укрепленные земляным валом и частоколом. Подобные укрепления камчадалы стали воздвигать только после появления казаков. Если предыдущие данные верны, то к концу XVII века в низовьях Камчатки жило около 25 тысяч камчадалов. Общее число камчадалов Патканов исчислял для 1897 года в 4 тысячи душ, а для 1741 — в 12—13 тысяч душ.[2]

---

[1] Крашенинников, I, 1755, стр. 17.

[2] С. Патканов. О приросте инородческого населения Сибири СПб., 1911, изд. Акад. наук, стр. 134. В 1724 г. к трем острогам: Нижне.

О камчадалах Атласов сообщает подробные и крайне любопытные этнографические сведения. „Возрастом“, т. е. ростом, они невелики, с бородами средними, лицом походят на зырян. С этим небезынтересно сопоставить описание наружности этого народа, какое дает Крашенинников (II, 1755, стр. 14, 15): „Камчадалы так как Мунгалы ростом ниски, телом смуглы, немохнаты, черноволосы, малобороды,

Рис. 22. Камчадальский балаган. Снято в 1910—1911 годах (из Иохельсона, 1928).

лицом калмыковаты с покляпыми носами, косолапы... Лица у камчадалов не столь продолговаты и скуласты, как у других народов, щеки у них одутловаты, губы толсты и рот превеликой“.

По словам Атласова, камчадалы одежду носят соболью, лисью и оленью и пушат платье собаками. О том же предмете Крашенинников (II, стр. 42) сообщает следующее: „материя, из которой камчадалы прежде сего носили платье, и ныне по большей части носят, оленьи, собачьи, нерпичьи и других как морских, так и земных зверей, и птичьи кожи, которые они без разбору в одну шубу сшивали“. „Вкруг

камчатскому, Верхнекамчатскому и Большерецкому было приписано ясачных 5138 человек (Сгибнев. Морск. сборн., 1869, № 4, стр. 107).

подолу, рукавов и вкруг куля опушиваются куклянки[1] рослою белою собачиною, что выше всякого пуху почитается“ (стр. 43).

Юрты у них, продолжает Атласов, зимние земляные, а летние на столбах, вышиною от земли сажени по три, „намощено досками и покрыто еловым корьем, а ходят в те юрты по лестницам“. Своеобразные свайные постройки камчадалов, или балаганы, сохранились до сих пор (рис. 22). По описанию Крашенинникова (II, стр. 28—29), балаганы устраиваются так: ставят девять свай вышиной сажени по две и больше; сверху столбы укрепляют перекладинами, на которые настилают колья и траву; таким образом получается помост, на котором помещают шалаш из кольев.

Во времена Атласова население на Камчатке, как мы уже указывали, было сравнительно густое: он встречал помногу юрт, расположенных одна возле другой иногда по несколько сот.

Питаются камчадалы, по его словам, рыбою и зверем. Едят рыбу сырую; на зиму запасают ее, складывая в ямы и засыпая их землею; „и та рыба изноет, и тое рыбу вынимая кладут в колоды и наливают водою, и розжегши каменья кладут в те колоды и воду нагревают“. „И ту рыбу с тою водою размешивают и пьют, а от тое рыбы исходит смрадной дух“. О том, что камчадалы варили рыбу и мясо в деревянной посуде раскаленными камнями свидетельствует и Крашенинников (I, стр. 230, II, стр. 32). К второму тому „Описания Земли Камчатки“ (стр. 38) приложена таблица, на которой изображено, как камчадалы „жир варят из рыбы каленым каменьем в лодках“. Этот же самый способ приготовления жира в лодках видел Дитмар в селении Ключах на реке Камчатке еще в 1852 году.[2] Поразительно, что тот же способ варки жира из рыб в лодке при помощи раскаленных камней видели в 1882 году братья Краузе у индейцев тлинкитов на реке Чилкат, впадающей в Lynn Canal (приблизительно под $59^1/_3$° с. ш.). Рыба, из которой готовят здесь жир, это Thaleichthys pacificus, *саг* тлинкитов, eulachon американских англичан, близкая к корюшке. К работе Краузе приложена и таблица, изображающая, как тлинкиты добывают жир из этой рыбы.[3]

[1] Т. е. верхнее платье.

[2] К. Дитмар. Поездки и пребывание в Камчатке в 1851—55 гг. СПб., 1901, изд. Акад. наук, стр. 326.

[3] A. Krause. Die Tlinkit-Indianer. Jena, 1885, p. 177—178, Taf. III.

Способ кипячения воды при помощи раскаленных камней известен и у многих других народов: айнов, эскимосов, полинезийцев, новозеландцев и др.[1]

Как мы видели, пища камчадалов показалась Атласову смрадной. То же впечатление вынес и Крашенинников (II, стр. 53): „самое деликатное камчатское кушанье кислая

Рис. 23. Глиняный горшок из раскопок древнего камчадальского жилища на берегу оз. Налычева (из Иохельсона, 1928).

Обратить внимание на ушки внутри горшка для подвешивания над огнем. Диаметр горшка около 45 см.

рыба, которую они квасят в ямах... Можно за истину сказать, что скверняе духу не бывает от упади, однако Камчадалам кажется оной ароматным. Иногда сия рыба так в ямах изгнивает, что не инако ея, как ковшами чер-

---

[1] См. Н. Харузин. Этнография. I, 1901, стр. 163—164.— Небезынтересно отметить, что на севере России до недавнего времени варили пиво, положив в кадку несколько раскаленных камней. Так делали в Архангельском крае (по словам Л. Я. Штернберга), в б. Тотемском у. Вологодской губ. (сообщение М. Едемского), в Туруханском крае (М. Кривошапкин. Енисейский округ и его жизнь. СПб., 1865, II, стр. 138).

пают, но такая для собак употребляется и подбалтывается в опаны[1] их вместо муки овсяной".

Посуду деревянную и глиняные горшки (рис. 23) камчадалы делают, по словам Атласова, сами, а кроме того у них есть посуда „левкашеная и олифляная", которая приходит к ним с „острова, а под которым государством тот остров, того не ведают". Речь здесь идет, очевидно, о японской лаковой посуде, которая из Японии попадала сначала к дальним курильцам, потом к ближним, а эти привозили ее на южную Камчатку. Левкас (с греческого leukas) это, по словарю Даля, „у иконописцев и позолотчиков род жидкой шпаклевки, мел с клеем, для подготовки под краску и позолоту". Как объяснил мне покойный С. М. Дудин, при изготовлении японской лаковой посуды деревянную посудину сначала левкасят, а потом проолифливают. Шренк (1887) считал, что у камчадалов, равно как и у коряков и чукчей, не было, до прихода русских, глиняной посуды. Но это, как мы только-что видели, неверно. Археологические раскопки, произведенные Иохельсоном на Камчатке, доставили образцы камчадальской керамики (рис. 23).

Атласов не упустил отметить, какие русские товары могут найти сбыт у камчадалов; это — „одекуй лазоревый", т. е. голубой бисер, и ножи. Выменивать эти товары можно на соболей, лисиц, „больших бобров" (т. е. на так называемых морских бобров, Enhydra lutris) и выдр.

Во времена Атласова оружие у камчадалов было такое: „луки усовые, китовые, стрелы каменные и костяные, а железа у них не родитца". Огненного ружья очень боятся и русских называют огненными людьми. Крашенинников (II, стр. 4) сообщает и камчадальское название русских: *брыхтатын*, что значит „огненные люди"; камчадалы думали, что русские имеют огненное дыхание.

Когда русские пришли на Камчатку, население этой страны переживало каменный век: металлов камчадалы и здешние коряки не знали. Крашенинников (II, стр. 31—34) с удивлением рассказывает, как они из камня и кости делали топоры, ножи, копья, стрелы, „ланцеты" и иглы. „Топоры у них делались из оленьей и китовой кости, также из яшмы, на подобие клина, и привязывались ремнями к кривым топорищам плашмя, каковы у нас бывают теслы. Ими они долбили лодки свои, корыта, чаши и прочее, од-

[1] Похлебка.

нако, с таким трудом и с таким продолжением времени, что лодку три года надлежало им делать, а чашу большую не меньше года. Ножи они делали из горного зеленоватого или дымчатого хрусталя на подобие ланцов востроконечные и насаживали их на черенье деревянное. Из того же хрусталя бывали и стрелы, копья и ланцеты, которыми кровь и поныне пускают. Швальные иглы делали они из собольих костей, и шили ими не токмо платье и обувь, но и подзоры весьма искусно“ (стр. 32).

По словам Крашенинникова (II, стр. 34), ему сообщали, что камчадалы еще до русских были знакомы с железом — очевидно, через посредство курилов, которые в свою очередь получали его от японцев. „И будто камчадалы Японцов Шимаман называют для того, что чрез них узнали железные иглы; ибо игла по Камчатски Шишь называется“. Но это очевидно, народная, камчадальская этимология:[1] *шимаман*, без сомнения, происходит от *ям-шисам* (yam-shisam), как курильцы называли японцев; в переводе — „южные соседи“ (*ям* — юг, *шисам* — соседи); айны острова Иезо называют японцев просто *шисам*. Тории справедливо указывает, что не японцы получили имя от камчадальского названия иглы, а наоборот, железная игла называлась у камчадалов по курильскому наименованию японцев.

Камчадалы, продолжает Атласов, „державства великого над собою не имеют, только кто у них в котором роду богатее, того больше и почитают“. Отдельные роды ведут между собою войны. „А к бою временем бывают смелы, а в иное время плохи и тороплтвы“ (т. е. трусливы). На бой выходят зимою на лыжах, а летом дерутся иногда голыми. Ко времени прихода русских камчадалы понастроили много острожков, сидя в которых бросали каменьями из пращей и руками. Но особенного вреда казакам они причинить не могли. Несчастных камчадалов истребляли безжалостно. Вот как описывает это дело Атласов: „И к тем острожкам руские люди приступают из-за щитов и острог зажигают, и станут против ворот, где им [иноземцам] бегать, и в тех воротах многих их иноземцов-противников побивают. А те острожки сделаны земляные, и к тем руские люди приступают и разрывают землю копьем, а иноземцам на острог взойти из пищалей не допустят“.

Камчадалы имеют лодки, которые поднимают человек по 10 и по 20. Скота никакого не держат, есть только собаки,

[1] R. Torii. Journ. Coll. Sci. Univ. Tokyo, XLII, № 1, 1919, p. 89—90.

величиною как и у нас, „только мохнаты гораздо, шерсть на них длиною в четверть аршина“. „А соболей промышляют кулемами [т. е. ловушками] у рек, где рыбы бывает много, а иных соболей на дереве стреляют“. Жен имеют, кто сколько может, по одной и более (до четырех). „А веры никакой нет, только одне шаманы, а у тех шаманов различье с иными иноземцы: носят волосы долги“.

Объяснялся с камчадалами Атласов при посредстве коряков, живших у русских и знакомых с русским языком, „а он, Володимир, по коряцкому и по камчадальскому языку говорить ничего не знает“, добросовестно указывает Атласов.

Возвращаемся к походу Атласова. Когда он вернулся с низовьев реки Камчатки, то убедился, что оленные коряки угнали его оленей. Атласов пошел за ними в погоню, догнал у „Пенжинского моря“, т. е. на берегу Охотского моря, и после жаркого боя, во время которого пало около 150 коряков, отбил оленей. Отсюда пошел к реке Иче, где прослышал о пленнике японце, о чем мы подробно говорим ниже.

Двинувшись отсюда на юг, „наехали они курильских мужиков 6 острогов“.[1] Это первое упоминание о малоизвестном народе, *курилах,* обитавших на самом юге Камчатки. Курилы отказались дать ясак; один из курильских острожков был взят, и засевшие в нем 50 курилов перебиты, „а к иным острожкам не приступали, потому что у них никакова живота нет и в ясак взять нечего“.[2] Курильские иноземцы „видом против камчадальцов чернее и бороды меньше“.[3] В земле их теплее, чем у камчадалов, почему и соболи у них хуже; а бобров больших (т. е. морских) и лисиц красных[4] много. Далеко вглубь Курильской земли Атласов не продвинулся. По его словам, он не доходил до Бобровой, или Каланской, реки за три дня. Такого названия сейчас нет. Крашенинников

---

[1] Чтен. Общ. ист. и древн., 1891, кн. 3, стр. 9.

[2] В 1705 г. пятидесятник Колесов посылал на немиримых курил казака Ламаева с 40 служилыми. Курилы не согласились платить ясака; сто человек из них было побито, а остальные покорились. А. Сгибнев. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке. Морской Сборн., 1869, № 4, стр. 77.

[3] Повидимому, это описка — вместо „больше“, ибо, согласно описаниям, у камчатских курилов бороды были больше, чем у камчадалов. Но и в пересказе Страленберга (l. c., p. 435) про курилов говорится: hätten nicht viel Bart ums Maul.

[4] Одна из цветовых вариаций обыкновенной лисицы; здешняя форма — это Vulpes vulpes beringiana или близкая к ней (С. И. Огнев, Звери вост. Европы и сев. Азии, II, М., 1931, стр. 338).

говорит,[1] что под именем Каланской Атласов подразумевал, вероятно, реку Озерную (или Игдыг), вытекающую из Курильского озера: в устье ее промышляли морских бобров (Enhydra) или каланов. От этой реки три дня ходу до реки Голыгиной или Нынгычу (Нынгучу). Досюда, по всем вероятиям, доходил Атласов. С этим сообразуется и сообщение камчатских старожилов, которые говорили Крашенинникову, что Атласов доходил до реки Голыгиной, устье которой рядом с устьем Опалы.[2] По Опале жили еще камчадалы,[3] и Голыгина, или Нынгучу, была таким образом первой из курильских рек. Ее-то и подразумевает Атласов, когда говорит, что „против первой Курильской реки на море видел как бы острова есть“.[4]

Курилы, жившие на юге Камчатки, это айны, смешавшиеся с камчадалами. О курилах мы будем иметь случай говорить подробнее ниже, здесь же мы отметим, что остатки аинской географической номенклатуры до сих пор встречаются на самом юге Камчатки; так, селение Явино, расположенное севернее реки Озерной, несет свое имя от аинского (курильского) слова *явень* (yawen), что, по данным Тории,[5] значит „впадина“, „долина“.

С реки Голыгиной вернулись на реку Ичу. Здесь все олени пали, и пришлось зазимовать, поставив зимовье. Отсюда на реку Камчатку Атласов отправил служилого Потапа Сюрюкова с 14 русскими да 13 юкагирами. Оставшиеся на Иче служилые стали просить о возвращении на Анадырь. Атласов согласился и 2 июля 1699 года с 15 служилыми и 4 юкагирами вернулся в Анадырск, имея с собою ясачной казны 330 соболей, 191 красную лисицу, 10 лисиц сиводущатых,[6] 10 бобров морских, парку (одежду) соболью, 7 лоскутов бобровых. Многие соболи были без хвостов „для того, что они камчадалы у соболей хвосты режут и мешают в глину и делают горшки, чтоб глину с шерстью вязало; а из иных шьют наушки“.

---

1 II, стр. 193.

2 Г. Спасский (Владимир Атласов, покоритель Камчатки. Вестн. Русск. геогр. общ., 1858, ч. XXIV, стр. 164) тоже говорит, что Атласов дошел на юг „до реки Ингачи или Голыгиной“, но, повидимому, это сведение заимствовано у Крашенинникова.

3 Крашенинников, I, стр. 68.

4 Чтения Общ. ист. и древн., 1891, кн. 3, отд. I, стр. 16.

5 Torii, l. c., p. 49.

6 Сиводушка — это одна из цветовых вариаций обыкновенной лисицы; у нее брюхо черновато-бурое. Вообще сиводушка представляет нечто среднее между красной лисицей и чернобурой.

Насколько правильно указание об использовании собольего волоса в качестве вяжущего вещества, не берусь сказать,[1] но во всяком случае, до прихода русских соболь у камчадалов не был в большой чести: по словам Крашенинникова,[2] камчадалы отдали преимущество собачьему меху перед собольим, а ловили соболей более для мяса, которое употребляли в пищу. Рассказывали, что туземцы смеялись над казаками, променивавшими ножик за 8 соболей, а топор за 18.

В Анадырск Атласов привез камчадальского „князца", имея в виду доставить его в Москву „для подлинного о той земле уведомления", но в Кайгородском уезде (на реке Каме) „иноземец" умер от оспы.

Переходим теперь к географическому описанию Камчатки, какое дает Атласов.[3]

„А зима в Камчатской земле тепла против московского, а снеги бывают небольшие, а в курильских иноземцах снег бывает меньше".

Сведения о малоснежных зимах на Камчатке относятся, очевидно, к западному берегу: в 1910 году в Большерецке (52°48′ с. ш.) выпало 450 мм осадков, из коих лишь 17% в виде снега, тогда как в Петропавловске количество осадков, выпадающих в виде снега, составляет нередко 50 и более процентов общей суммы осадков. В долине реки Камчатки, как и на западном берегу, зимы малоснежны.[4]

„А солнце на Камчатке бывает в день долго против Якуцкого блиско вдвое. А летом в Курилах солнце ходит прямо против человеческой головы и тени против солнца от человека не бывает". Это, конечно, неверно, потому что даже на самом юге Камчатки, под 51° с. ш. солнце никогда не подымается выше $62^1/_2$° над горизонтом.

„А от устья итти вверх по Камчатке реке неделю есть гора — подобна хлебному скирду, велика гораздо и высока, а другая близь еенж — подобна сенному стогу и высока гораздо: из нее днем идет дым, а ночью искры и зарево. А сказывают камчадалы: буде человек взойдет до половины тое горы, и там слышат великой шум и гром, что человеку терпеть не-

---

[1] С. И. Руденко (Материальная культура древнего населения крайнего востока арктической Азии, рукопись) приводит указания (Murdoch, 1892; Boas, 888) на употребление эскимосами перьев и собачьего волоса при изготовлении и починке глиняной посуды.

[2] I, стр. 215.

[3] Чтения Общ. ист. и древн., 1891, кн. 3, отд. I, стр. 13 сл.

[4] В. А. Власов. О климате Камчатки. Камчатская экспедиция Рябушинского. Метеор. отд., вып. I, М., 1916, стр. 140—142.

возможно. А выше половины той горы которые люди всходили, назад не вышли, а что тем людям на горе учинилось, не ведают“.

Крашенинников (II, стр. 79—80) также подтверждает, что камчадалы считают за грех всходить на вулканы. Дитмара, в 1852 году, жители с. Ключевского отговаривали от восхождения на Ключевскую сопку.[1]

„А из под тех гор вышла река ключевая, в ней вода залена, а в той воде, как бросят копейку, видеть в глубину сажени на три“.

Гора, из которой идет дым и пламя, это Ключевская сопка (4860 м), а другая, повидимому, Шивелуч (3300 м).

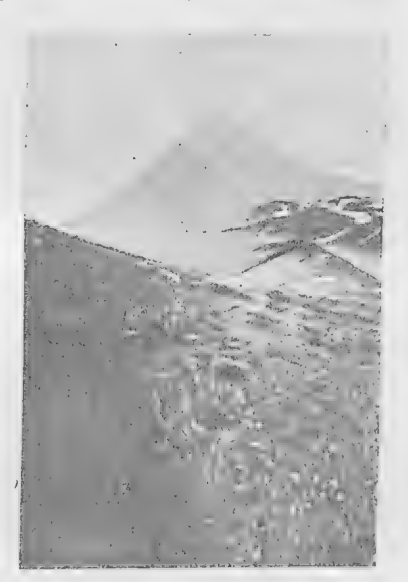


Рис. 24. Ключевская сопка (4860 м).

„А на море около люторов [т. е. олюторов] зимою лед ходит, а все море не мерзнет. А против Камчатки [реки] на море лед бывает ли, не ведает. А летом на том море льду ничего не бывает“. „А по другую сторону той Камчадальской земли на море зимою льду не бывает, только от Пенжины реки до Кигылу [Тигиля] на берегах лед бывает небольшой, а от Кыгылу вдаль ничего льду не бывает. А от Кыгыла реки до [от?] устья ходу бывает скорым ходом пешком до Камчатки реки, через камень [т. е. через горы], в 3-й и в 4-й день. А Камчаткою на низ плыть в лотке до моря 4 дни. А подле моря медведей и волков много“.

„А руды серебреные и иные какие есть ли, того не ведает и руд никаких не знает“.

„А в Камчатской и в Курильской земле ягоды — брусница, черемха, жимолость, величиною меньши изюму и сладка против изюму“.

Брусники, Vaccinium vitis-idaea, много на Камчатке. Плоды черемухи, Prunus padus, которая растет в изобилии по сред-

---

[1] Дитмар, 1901, стр. 321—322.

ней Камчатке, камчадалы едят с большой охотой как свежими, так и в виде лепешек, приготовляемых из растертых и высушенных на солнце плодов; большие охотники до зрелой черемухи также медведи.[1] Здешняя съедобная жимолость, Lonicera edulis, имеет прекрасные черно-синие ягоды, употребляемые в пищу как свежими, так и в виде варенья.

„Да ягоды ж растут на траве от земли в четверть, а величиною та ягода немного меньши курячья яйца, видом созрелая зелена, а вкусом что малина, а семена в ней маленькие что в малине“. Это, очевидно, то же растение, о котором Крашенинников[2] и Стеллер[3] упоминают под камчадальским именем *котконня*; по любезному сообщению В. Л. Комарова, „котконня“ есть Trillium obovatum, растение из семейства лилейных, ныне называемое на Камчатке „кукушкиными тамарками“. Белые трехлепестковые цветки этого растения массами распускаются в березняках к середине июня (нов. стиля).

„А на деревьях никакова овоща не видал. А есть трава, иноземцы называют *агататка*, вышиною растет в колено, прутиком, и иноземцы тое траву рвут и кожуру счищают, а средину переплетают таловыми лыками и сушат на солнце, и как высохнет, будет бела, а тое траву едят, вкусом сладка, а как тое траву изомнет, и станет бела и сладка что сахар“. Речь идет о „сладкой траве“, Heracleum dulce (из семейства зонтичных), из которой туземцы добывали сахар и вообще употребляли как сладкую приправу, а русские гнали вино; сок из сладкой травы, добытый весною, служил для истребления вшей на голове.[4]

„А деревья ростут кедры малые, величиною против можжевельнику, а орехи на них есть. А березнику, лиственничнику, ельнику на Камчадальской стороне много, а на Пенжинской стороне по рекам березник да осинник“. Малый кедр — это Pinus pumila, кустарниковый кедр, кедровник или сланец, орехи которого играют важную роль в жизни не только местных жителей, но и медведя и соболя. Хвойные леса центральной Камчатки представлены частью рощами из даур-

---

[1] Дитмар, стр. 340, 342.
[2] Крашенинников, I, стр. 203.
[3] Steller, 1774, p. 93.
[4] Крашенинников, I, стр. 196—200. Стеллер (стр. 84) говорит, что на Большой реке камчадалы называли сладкую траву *кат* (kath), ср. *агататка* у Атласова; на р. Камчатке — *аунгч*. По-русски виды рода Heracleum называются борщовником или борщом.

ской лиственицы (Larix dahurica), частью лесами из аянской ели (Picea jezoensis или P. ajanensis). Ель обычно смешана с лиственицей, осиной и березой. Кроме того, по горным склонам растут светлые леса из развесистой и кудрявой каменной березы (Betula Ermani), имеющей серую или красноватую кору. По долинам рек растет белая береза, (Betula japonica), близкая к японской форме этого дерева.[1]

Переходим к описанию фауны. „А рыба в тех реках в Камчатской земле морская, породою особая, походит одна на семгу, и летом красна, а величиною больше семги, а иноземцы ее называют *овечиною*. И иных рыб много, 7 родов розных, а на русские рыбы не походят. И идет той рыбы из моря по тем рекам гораздо много и назад та рыба в море не возвращается, а помирает в тех реках и в заводях. И для той рыбы держится по тем рекам зверь — соболи, лисицы, выдры". Под именам „овечины" здесь разумеется чавыча (Oncorhynchus tschawytscha), рыба из рода восточных лососей, которой Атласов дает название, заимствованное из языка сидячих коряков (*евоч*).[2] Чавыча самая лучшая и самая крупная из камчатских проходных (т.-е. из входящих из моря в реки для икрометания) рыб: она весом бывает до 40 кг, длиною до метра. Средний вес ее на реке Камчатке около 8 кг. Входит она первая в реки (Камчатку, Авачу, Большую и др.).[3] Крашенинников очень хвалит чавычу: „из тамошних рыб нет ей подобной вкусом"; „Камчадалы так высоко почитают объявленную рыбу, что перво изловленную изпекши на огне сьедают с изъявлением превеликой радости". Как правильно указывает Атласов, чавыча и родственные ей тихоокеанские лососевые, каковы кета, горбуша и некоторые другие, мечут икру раз в жизни, а затем погибают. По словам Атласова, рыбы — здесь имеется в виду красная рыба, или лососевые — входит в реки „гораздо много". Вот как описывает Крашенинников, бывший на Камчатке в 1737—1741 годах, ход лососевых: „Все рыбы на Камчатке идут летом из моря в реки такими многочисленными рунами, что реки от того прибывают, и, выступя из берегов, текут до самого вечера, пока перестанет рыба входить в их устья. По збытии воды остается на берегях сон-

---

[1] В. Комаров. Два года на Камчатке. „Землеведение", 1911, № 1—2, стр. 163—166; также: Путешествие по Камчатке в 1908—1909 г. г. М., 1912, стр. 409—416 (Камчат. эксп. Ф. Рябушинского, Ботан. отд., в. 1).

[2] Крашенинников, II, стр. 176; I, стр. 345.

[3] Крашенинников, I, стр. 314—316.

ной рыбы столь много, что такого числа в больших реках нельзя надеяться, от чего по том такой срам и вонь бывает, что без сумнения следовало бы моровое поветрие, ежели бы сие зло непрестанными воздух чистящими ветрами не отвращалось. Ежели острогою ударишь в воду, то редко случается, чтоб не забагрить рыбу. Медведи и сабаки в том случае больше промышляют рыбы лапами, нежели люди в других местах бреднями и неводами“. [1]

Последовательность хода красной рыбы, по теперешним сведениям, такова: 1) чавыча, 2) нярка, или красная, 3) кета, или кайко (хайко), 4) горбуша, 5) кижуч. Атласов говорит о 7 или 8 „родах“ рыб. Может быть, он имеет в виду и другие из проходных лососевых: мыкыжу (Salmo mykiss), семгу (Salmo penshinensis), гольца (мальму), кунжу.

„А в Курильской земле зимою у моря птиц—уток и чаек много, а по ржавцам лебедей многож, потому что те ржавцы зимою не мерзнут. А летом те птицы отлетают, а остаетца их малое число, потому что летом от солнца бывает гораздо тепло, и дожди и громы большие и молния бывает почасту. И чает он, что та земля гораздо подалась на полдень“. Лебедей, действительно, на Камчатке много как зимою, так и летом. [2] Дитмар в Верхнекамчатске видел в январе на незамерзшей реке множество лебедей. [3]

„А в море бывают киты великие, нерпа, каланы, и те каланы выходят на берег по большой воде, и как вода убудет, и каланы остаются на земле и их копьями колют и по носу палками бьют, а бежать те каланы не могут, потому что ноги у них самые малые, а береги дресвяные, крепкие“.

Каланы — это морские бобры или, правильнее, морские выдры (Enhydra lutris), ибо с настоящими бобрами они, кроме качества меха, не имеют ничего общего. Они в настоящее время уцелели на Камчатке только у мыса Лопатка.

Об этнографических наблюдениях Атласова сказано выше.

Относительно сельского хозяйства он замечает: „А в Камчадальской и в Курильской земле хлеб пахать мочно, потому что места теплые и земли черные и мягкие, только скота нет и пахать не на чем, а иноземцы ничего сеять не знают”. Также Беринг, вернувшись в Петербург после первого посещения Камчатки, писал про эту страну в своих „Предложе-

---

[1] Крашенинников, I, стр. 310—311.
[2] Крашенинников, стр. 336.
[3] Дитмар, 1901, стр. 175.

ниях", поданных в апреле 1730 года, следующее: „можно там и землю пахать и всякой хлеб сеять: понеже в бытность мою учинена проба обо всяком огородном овощу, також и рожь при мне сеяна; а прежде нас сеяли ячмень, репу и конопли, которая и уродилась; токмо пашут людьми".[1]

Как известно, опыты земледелия на Камчатке дали благоприятные результаты: в 1934 году на Камчатке под овощными культурами было 1716 гектаров. Из огородных растений на Камчатке хорошо удаются картофель, репа, брюква, капуста, лук, горох и др. Кроме того разводят ячмень и коноплю в с. Ключевском.

Этим мы заканчиваем рассмотрение отчета Атласова.

Сухопутное сообщение с Камчаткою через Якутск и Анадырск представляло значительные трудности. Имея в виду установить связь с Камчаткою морем, через Охотск, Петр I в 1713 году приказал послать людей „для проведывания через Ламское море камчацкого пути".[2] Ламское море — это Охотское, от тунгусского слова ламу, что значит море. Но еще ранее, 9 сентября 1710 года, Василию Савостьянову, посланному на Камчатку, наказывалось „из камчадальских острогов проведывать пути к Тоуйскому и к Ламскому острогам через Ламское море русскими людьми или ясачными иноземцы, как мочно; а проведав, писать о том в Якуцкой имянно".[3]

Первое плавание русских на Камчатку Охотским морем состоялось в 1716 году. Еще в 1714 году были присланы в Охотск из Якутска матросы и корабельные плотники во главе с якутским служилым Кузьмою Соколовым. В следующем году построили здесь судно длиною в 18 м. В июне 1716 года вышли в море и достигли Камчатки у устья р. Тигиля. На берегу застали только пустые юрты, так как камчадалы со страху разбежались. Поплыли далее и прибыли к реке Харьюзовке, а затем к реке Иче и, наконец, к Крутогоровой, где застали камчадалов и казаков, живших для сбору ясака. Зазимовали поблизости, в устье реки Компаковы (теперь Колпакова, приблизительно под 55° с. ш.). Миллер, со слов Стеллера, сообщает, что здесь выбросило на берег кита с острогою, на которой была надпись латин-

[1] Записки Гидрограф. департ., IX, 1851, стр. 429 (сообщено А. Соколовым).
[2] Пам. Сиб. ист., II, стр. 37.
[3] Пам. Сиб. ист., I, стр. 427.

скими буквами.[1] Зимою Соколов ездил в Нижнекамчатск, а в начале мая следующего 1717 года отправились в море, но, задерживаемые льдинами, только в половине июля прибыли в Охотск. С того времени, говорит Миллер, „между Охотском и Камчаткою был проезд морем непрестанной".[2]

Открытие морского пути на Камчатку через Охотское море было событием чрезвычайной важности. До того сообщение Якутска с Камчаткой шло, как мы говорили, через Анадырский острог, причем одна дорога до Анадырска требовала около полугода. Из Анадырска на Камчатку было две дороги: одна к устью Пенжины, а затем морем вдоль западного берега Камчатки до реки Тигиля, другая—к Олюторскому острогу, а отсюда морем вдоль восточного берега полуострова до реки Камчатки.

VIII. Первая экспедиция Беринга 1725—1730 гг.

1. Снаряжение

23 декабря 1724 года[3] последовал указ о назначении экспедиции, а 6 января 1725 года, за 3 недели до своей смерти, Петр I собственноручно написал инструкцию Берингу следующего содержания:[4]

„1) Надлежит на Камчатке или в другом там месте сделать один или два бота с палубами.

2) На оных ботах[5] возле земли, которая идет на Норд и по чаянию (понеже оной конца не знают) кажется, что та земля часть Америки.

3) И для того искать, где оная сошлась с Америкой: и чтоб доехать до какого города Европейских владений, или ежели увидят какой корабль Европейской, проведать от него, как оной кюст называют и взять на писме и самим побывать на берегу и взять подлинную ведомость и поставя на карту приезжать сюды".

Эту инструкцию Беринг получил 5 февраля, уже после смерти Петра, и в этот же день выехал из Петербурга. Часть экспедиции отправилась ранее, еще 24 января.

[1] Миллер. Соч. и перев., 1758, I, стр. 319.— Крашенинников, впрочем, в этом сомневается (II, стр. 303).

[2] Миллер, стр. 316—320.

[3] Стиль старый, как и всюду ниже.

[4] А. С. Полонский. Первая Камчатская экспедиция Беринга 1725—29 г. Зап. Гидрограф. департамента, VIII, 1850, 535—556.

[5] Здесь, очевидно, пропущено слово „плыть".

В состав этой, так называемой Первой камчатской экспедиции, входили, кроме Беринга, лейтенанты Алексей Чириков и Мартын Шпанберг, гардемарин (впоследствии мичман) Петр Чаплин и свыше 60 человек матросов, солдат и мастеровых, не считая штурманов, геодезиста и др.

Несколько слов об участниках экспедиции. Витус Беринг (по-русски его звали Иван Иванович) был родом датчанин, служивший в России с 1704 года. Биография его до 1727 года известна мало. Родился он в 1680 году в Ютландии. В 1703 году плавал в Остиндию. Петр I пригласил его на службу в балтийский флот с чином мичмана. Морское дело Беринг знал, был честный и добрый человек, но нерешительный, а потому мало пригодный для начальствования в таком сложном предприятии, как экспедиция на Камчатку. Он был чересчур осторожен и слишком придерживался правила tu nisi venti debes ludibrium cave.[1] К тому же к научным вопросам он не выказывал никакого интереса. Но как бы то ни было, экспедиции, во главе коих стоял Беринг, сделали громадное научное дело; сам командор погиб геройской смертью на острове, названном впоследствии его именем.

Лейтенант Алексей Ильич Чириков был один из лучших офицеров своего времени — умный, образованный, скромный и твердый, как характеризует его А. Соколов. Он начал службу гардемарином флота в 1716 году. Скончался в 1748 году. Лейтенант Мартын Шпанберг, родом датчанин, был хороший моряк, но грубый и жестокий человек, вызывавший множество неудовольствий. Умер в 1761 году.

План экспедиции был таков: через Сибирь сухопутьем, в Охотск, отсюда на судах в Камчатку и далее морем проведывать, соединяется ли Азия с Америкой.

Путь по Сибири шел через Вологду, Тотьму, Устюг, Сольвычегодск, Кайгородок, Соликамск, Туринск, Тюмень, Тобольск. В Тобольск прибыли 16 марта (1725 года) и затем отправились уже водою, Иртышем и Обью, до Маковского острога, что на Кети, притоке Оби. Отсюда по суху перебрались в Енисейск (70 км). Затем снова пошли водою по Енисею и Верхней Тунгуске до устья Илима, впадающего в Верхнюю Тунгуску. В Илимске, куда прибыли в конце сентября 1725 года, зазимовали.

---

[1] Гораций, Оды, I, 14: если ты не хочешь сделаться игрушкой ветров, берегись.

Зимою в Усть-Кутском, на Лене, были построены суда, на которых весною следующего года отправились вниз по Лене к Якутску, куда и прибыли в июне.

Теперь предстояло из Якутска по-суху переправиться в Охотск — задача чрезвычайно трудная и в настоящее время. Большую часть провизии и легкие вещи отправили в конце августа вьюком на 663 лошадях, из коих 267 пали в дороге; остальные же в половине и конце октября добрались до Охотска. Беринг приехал в Охотск еще раньше, 1 октября.

Более громоздкие вещи были отправлены из Якутска водою, по Лене, Алдану, Мае и Юдоме. С верхнего течения Юдомы, именно с Юдомского креста, вещи должны были по суху быть перевезены в Охотск. Караван, шедший под начальством Шпанберга, не дошел далее устья Юдомы, ибо здесь был застигнут морозами. Для ускорения Шпанберг решил часть вещей перевезти зимой на нартах, запрягая их людьми. В начале ноября вышло по направлению к Охотску сто нарт; из них 40 в январе 1727 года достигли, с величайшими трудностями, Охотска. Морозы были ужасные, провизии не хватало. „Идучи путем,—говорит Беринг, — оголодала вся команда, и от такого голоду ели лошадиное мертвое мясо, сумы сыромятные и всякие сырые кожи, платье и обувь кожаные“. Многие в дороге погибли, некоторые убежали.

В Охотске в это время было всего с десяток дворов, и для размещения команды пришлось строить избы, для снаряжения—амбары; кроме того нужно было готовить суда. Лошади, пришедшие в Охотск, все от бескормицы пали, и команда должна была на себе таскать камни, глину, лес. Людям же пришлось дотаскивать на себе разбросанные по Юдоме грузы. С ропотом пошли они на эту работу в феврале. Многие погибли, не мало разбежалось. Только в апреле часть из этих вещей была доставлена в Охотск.

Еще до прибытия Беринга в Охотск, здесь для экспедиции был выстроен в 1725 году „шитик“,[1] который спу-

[1] Шитик — это судно северного, беломорского типа. В основу шитика, имевшего до 10 м длины, при ширине до 4,3 м, клалось выдолбленное из одного дерева днище („труба“), к которому „нашивались“ (откуда и самое название шитика)— обыкновенно ивовыми прутьями — боковые доски, пазы же проконопачивались мхом; снасти и паруса для шитиков часто делались из оленьих кож, якоря — деревянные, с подвязками из камней. См. Н. П. Загоскин. Русские водные пути и судовое дело в до-Петровской России. Мат. для опис. русск. рек, XVI, Казань, 1909, стр. 454.

стили на воду в июне 1727 года и назвали „Фортуною". На нем нужно было достичь восточного берега Камчатки. Но Беринг не решился огибать мыс Лопатку. Вместо этого он 30 июня отправил „Фортуну" с грузом провизии под начальством Шпанберга в Большерецк, что близ устья реки Большой на западном берегу Камчатки. Шпанберг успел в скорости обернуться обратно в Охотск, и 4 сентября все, Беринг, Чириков и Шпанберг, собрались в Большерецке.

Теперь, согласно плану начальника экспедиции, надлежало весь груз перевести по-суху на восточную сторону Камчатки в Нижнекамчатск, на расстояние в 900 км. Предприятие очень трудное, которого можно было бы избежать, если бы обогнуть Камчатку водою.

В Большерецке в это время было всего 14 дворов русских. Зимою часть грузов на камчадальских собаках была перевезена на восточный берег Камчатки. Это дело Беринг описывает так: „каждый вечер в пути для ночи выгребали себе станы из снегу, а сверху покрывали, понеже живут великие метелицы, которые по тамошнему называются пурги, и ежели застанет метелица на чистом месте, а стану себе сделать не успеют, то заносит людей снегом, отчего и умирают". Для несчастных камчадалов экспедиция Беринга была сущим бедствием: со всех селений были собраны собаки, так что население осталось без перевозочных средств. Кроме того, камчадалы, занятые перевозкой грузов, упустили удобное зимнее время для звериного промысла. Большая часть доставленных собак погибла, так что и на будущее время собственники их были разорены.[1]

---

[1] Беринг распорядился не брать ясаку с тех камчадалов, которые состояли при экспедиции, но сборщики взыскивали с них ясак в свою пользу. Особенно отличался взяточничеством и жестокостью комиссар Новгородов и его помощники. Про них участники камчатского бунта 1731 г. рассказывали, что в 1730 г. они, кроме двойного ясака, брали по пяти голов с души „в чащину" (камчатское слово, означающее взятку) соболями и лисицами, а у кого не было зверей, то кухлянками, парками, женами и холопьями; да в 1731 г. брали по три ясака да по пяти чащин. „Сверх того сбирали „неподобные" [т. е. неуказанные] сборы: сладкую траву, кипрей, сарану, уток, гусей, юколу, ушканину; собирали ясаки за умерших и били за недачу на смерть. За обором кормов камчадалы голодают и умирают; а по отнятии жен и детей и от смертного битья многие давились и, не стерпя таких обид, стали быть в зломыслии". (Сгибнев. Морской Сборник, 1869, № 4, стр. 117—118, 122—123). Возможно, что одним из поводов к восстанию 1731 г. были также непомерные тягости, возложенные на камчадалов экспедицией Беринга.

1909—Л. С. Берг. 7

В январе 1728 года в Верхнекамчатск прибыл Беринг, в марте переехавший в Нижнекамчатск. В это время в Верхнекамчатске было всего 17 дворов, в Нижнекамчатске около 50, а во всей Камчатке не более 150 служивых. В Нижнекамчатске Беринг 4 апреля приступил к постройке судна длиной в 60 футов. Лес возили на собаках, смолу курили („сидели“) из лиственицы. Усердно заготовляли провиант: покупали оленей, ловили рыбу сетями, сделанными из крапивы, вываривали соль из морской воды, сидели вино из сладкой травы (Heracleum lanatum или H. dulce).[1]

8 июня судно было спущено на воду и названо „Св. Гавриилом“.

2. Плавание к Берингову проливу

13 июля 1728 года бот „Св. Гавриил“ вышел из устья реки Камчатки в море, погрузив провианту на 40 человек на год.

29 июля миновали устье Анадыря, 1 августа открыли губу, названную губой св. Креста, 6-го вошли в губу св. Преображения, где налились водою. 8-го, под $64\frac{1}{2}$ с. ш., подошли к одной губе, где к судну пригребли в кожаной лодке (из кожи сивучей) восемь чукоч, которые, объясняясь через посредство бывших на „Св. Гаврииле“ коряцких толмачей, сказывали, что „земля их делает две губы и обращается к устью реки Колымы и всюду прилегло море и великие отмели; и на море, в которое впала река Колыма, всегда носит льды“. „На море де знаем один остров, на котором живут люди нашего рода, а кроме того никаких островов и земель не знаем“.[2]

9—11 августа обходили Чукотский нос, 10 августа открыли остров, названный именем св. Лаврентия. Полагают, что это тот же остров, о котором говорили чукчи. Но следует иметь в виду, что на острове этом, по крайней мере теперь, живут эскимосы; в 1890 году их было 267 душ.

Затем вошли в пролив, теперь называемый Беринговым, и 13 августа, под широтою 65°30′ стали держать совет, итти ли к северу и сколь далеко. Шпанберг предлагал подвигаться вперед до 16 августа, а затем вернуться назад. Мнение же Чирикова было таково:

---

[1] Зап. Гидр. департ., VIII, стр. 547.

[2] Там же, стр. 550. См. также Дневник Чаплина, Вахтин, Русские труженики моря, 1890, стр. 56—57.

„Понеже известия не имеется, до которого градуса ширины из северного моря подле восточного берега Азии, от знаемых народов Европейским жителям бывали, и поэтому не можем достоверно знать о разделении морем Азии с Америкою, ежели не дойдем до устья реки Колымы, или до льдов — понеже известно, что в Северном море всегда ходят льды — того ради надлежит нам непременно, по силе данного Вашему Благородию указа, подле земли итти, ежели не воспрепятствуют льды или не отыдет берег на запад к устью реки Колымы, до мест показанных в означенном е. и. в. указе; а ежели земля будет поклоняться еще к N, то подлежит по двадцать пятом числе сего настоящего месяца в здешних местах искать место, где бы можно было зимовать, а наипаче против Чукотского носа, на земле, на которой, по полученной сказке от Чукоч через Петра Татаринова, имеется лес.[1] А ежели до означенного числа будут противные ветры, то в то время всегда искать зимовой гавани“.

Беринг не последовал совету рассудительного и храброго моряка. А между тем к разрешению поставленной экспедиции задачи нужно было итти только таким путем, какой предлагал Чириков: надлежало плыть к устьям Колымы, на что по состоянию погоды и льдов, а также по времени — 15 (26) августа — была полная возможность. Только этим способом можно было удостовериться в том, что между Азией и Америкой нет соединения. Осторожный командор присоединил свой голос к мнению Шпанберга.

14 августа „довольно видели котов“, т. е. морских котиков. 15-го достигли 67°18′ с. ш[2]. Так как тут земли больше не было видно, то Беринг решил, что задача исполнена: Азия не соединяется с Америкой, и приказал вернуться обратно. В своем донесении[3] он говорит об этом так:

„А 15 дня того же августа пришли в ширину северную 67 градусов 18 минут. Рассуждал, что по всему видимому и по данной инструкции блаженныя и вечнодостойныя памяти его императорского величества исполнено, понеже

---

[1] Здесь имеется в виду, очевидно, не Петр Татаринов, приказчик Анадырского острога, а Петр Попов, о показании которого см. выше, стр. 63.

[2] Dall, 1890, p. 45, полагает, что настоящее положение этого места, вероятно, 67° 24′ с. ш., 193° 15′ в. д. от Гринича, т. е. ближе к берегу Аляски, в заливе Коцебу.

[3] Зап. Военно-топогр. депо, X, 1847, стр. 74.

земля более к Северу не простирается, а к Чюкоцкому или к Восточному углу земли никакой не подошло, и возвратился".

Таким образом Берингу не удалось видеть ни американского берега, ни заворота азиатского к западу.

На возвратном пути открыли остров св. Диомида (на самом деле тут два острова, Ратманова и Крузенштерна).[1]

20 августа пригребли на четырех лодках человек сорок чукоч, которые привезли с собой для продажи мяса, рыбы, лисиц, белых песцов „мест с 15 да 4 зуба моржовых, которые служители команды у них раскупили на иглы да на огнивы". Чукчи объяснили, что родники их ходят на Колыму сухим путем, на оленях, а морем не хаживали, что далеко по морскому берегу живут люди их рода и что русских они давно знают. А один сообщил, что бывал в Анадырском остроге.[2]

1 сентября прибыли к устью р. Камчатки и зазимовали в Нижнекамчатском остроге.

В июне следующего, 1729 года Беринг пытался отсюда достичь американского берега: „камчатские жители сказывали, что будто в ясные дни они видят землю через моря".[3] Камчадалы имели в виду остров Беринга. Выйдя из Нижнекамчатска 5 июня на восток, Беринг уже 8-го, из-за сильного ветра с туманом, повернул обратно, обошел южный мыс Камчатки (мыс Лопатка), положил его на карту и 2 июля вошел в Большерецкое устье. Отсюда 23 июля пришли в Охотск.

29 августа Беринг был уже в Якутске, а 1 марта 1730 года вернулся в Петербург, после пятилетнего отсутствия.

Нельзя не отметить, что Беринг не решил с непререкаемой очевидностью поставленной ему задачи: узнать, не соединяется ли Азия с Америкой, ибо, как указал Чириков, мост между ними мог находиться где-нибудь к западу от того места, где прошел „Св. Гавриил".

О ходе экспедиции мы имеем весьма скудные сведения, и все наиболее существенное, что известно, приведено выше.

3. Некоторые научные результаты

Сам Беринг ничего не напечатал относительно результатов своего плавания. По возвращении в Петербург, в марте 1730 года, он представил карту (рис. 25) и краткий от-

[1] Об этих островах подробности см. выше, стр. 25—28, 32.
[2] Беринг, там же.
[3] Донесение Беринга.

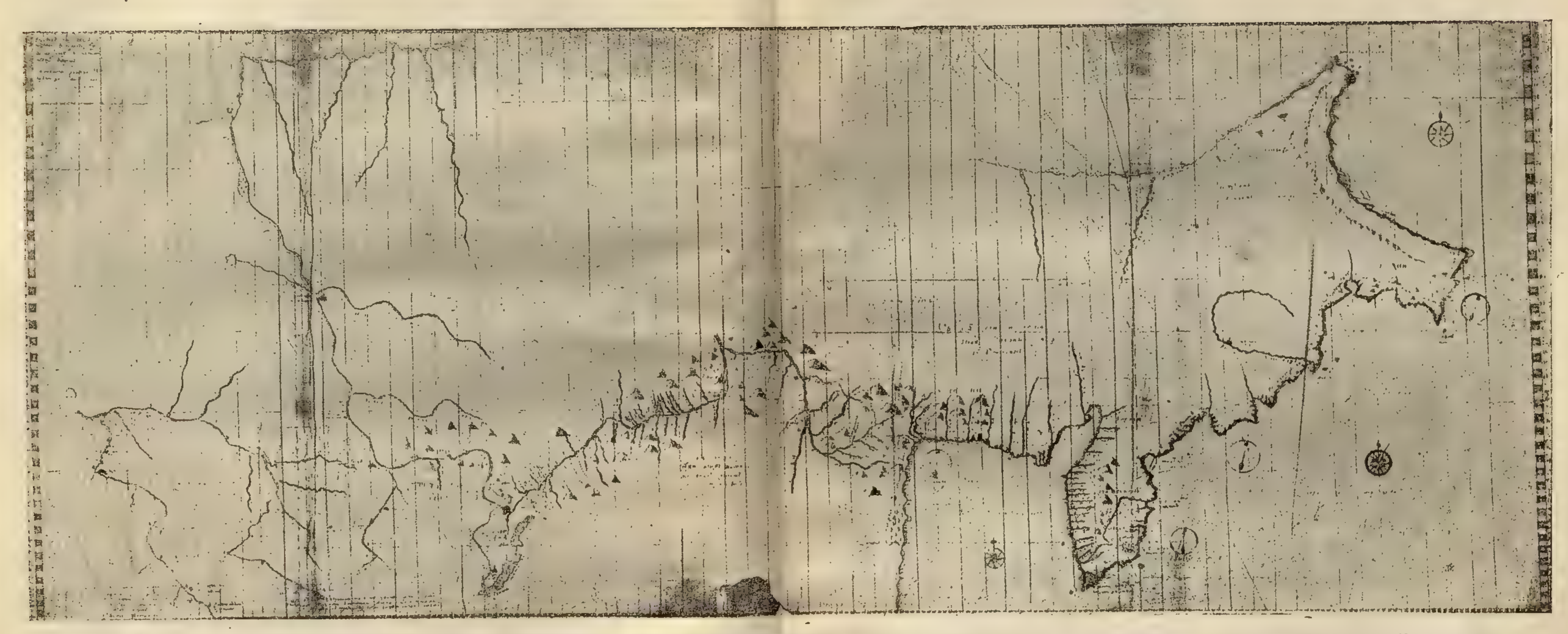


Рис. 25. Копия с карты Беринга 1730 г., перечерченная мичманом Петром Чаплиным и затем снова перечерченная геодезистом Иваном Ханыковым. (Из картографического архива Академии наук).

чет. И то и другое было впервые опубликовано в самом неподходящем месте и потому до сих пор лицам, занимавшимся историей экспедиции Беринга, оставалось неизвестным. Мы говорим о четырехтомном „Описании Китая“ французского иезуита Дю-Гальда. В последнем томе этого труда, вышедшем в Париже в 1735 году, помещен краткий отчет о путешествии Беринга,[1] а равно и карта, составленная Д'Анвиллем в 1732 году.[2] Дю-Гальд говорит, что карта Беринга была послана (кем не сказано) польскому королю „как предмет, достойный его внимания и любопытства“, а королем переслана Дю-Гальду. Очевидно, к карте был приложен и отчет, написанный, судя по транскрипции географических имен, по-польски. Опубликованный в книге Дю-Гальда отчет о пути на Камчатку и плаваниях 1728—1729 годов представляет пересказ донесения Беринга императрице Анне Иоанновне 1730 года. По-русски он напечатан впервые в 1847 году и перепечатан Вахтиным в 1890 году. Здесь помещены некоторые небезынтересные сведения о якутах и камчадалах, частью повторенные и в „предложении“ Беринга, поданном им в Петербурге в апреле 1730 года, и впервые напечатанные полностью Соколовым в 1851 году.[3]

О якутах (рис. 26, 27) Беринг сообщает следующие интересные факты.

„Якуты имеют у себя скота довольно, лошадей и коров, а пропитанием и одеждою довольствуются все от скота, а которые скота мало имеют, оные рыбою; веру держат идолопоклонническую, кланяются солнцу, луне да изо птиц лебедю, орлу и ворону; имеют у себя в великой чести ворожеи, которые по тамошнему называются шеманы, они же у себя имеют болванов маленьких, а по их шайтаны; а по признанию, что оные от татарской породы“.[4]

О камчадалах Беринг рассказывает: „По их зловерию пакость имеют, если жена или скот какой родит двоих, то одного из них тотчас задавят которой час родится и при-

---

1 Relation succinte du voyage du capitaine Beerings dans la Sibérie. Помещено: в J. B. du Halde. Description géographique, historique, chronologique, politique et physique de l'empire de la Chine et de la Tartarie chinoise .... IV, Paris, 1735, p. 452—458.

2 Carte des Pays, traversés par le Cap. Beerings depuis la Ville de Tobolsk jusqu'à Kamtschatka, 1732.

3 Соколов. Зап. Гидр. деп., IX, стр. 427—435.

4 Зап. Военно-топограф. депо, X, 1847; Вахтин, стр. 89.

знавают себе за великий грех, ежели не задавят одного из двоих родившихся".[1]

„А народ Камчатской имеет обыкновение, когда захворает человек и пролежит немного, хотя и не при смерти, тогда выбрасывают вон и пропитания ему дают мало, то от голоду умирают; старый или молодой человек не похочет более жить, то выйдет в зимнее время на мороз и голодом умирают; и многие сами себя давят; а ежели случится утопать в реке одному, а многие видят, то ему споможения не чинят, а ставят себе в великий грех ежели избавят от потопления; и тако напрасно много народу от такого их обыкновения погибает. Того ради надлежит приказать накрепко, чтоб болезнующих из домов не выказывать и самим себя не умерщвлять".[2]

Далее Беринг передает про камчадалов, что они оставляют то жилище, в котором скончался человек; мертвых не хоронят в землю, а выбрасывают на съедение собакам. Коряки же (у Дю-Гальда это, по описке, приписано курилам) мертвых сжигают, „понеже им такой их обычай хотя и запрещается, но токмо не под страхом".

Про камчатских русских Беринг говорит, что они ни хлеба, ни скота не имеют, для передвижения пользуются собаками, питаются рыбой, кореньями, ягодами, дикими птицами и морскими животными. Из овощей на Камчатке хорошо родится репа: „такая великая годом живет, какой и в России мало находится, а имянно: по 4 репы в пуд".

Сообщаемые Берингом сведения о камчадалах правильны. Стеллер передает, что камчадалы выбрасывали опасно больных на съедение собакам или оставляли одних в юртах, где их пожирали собаки.[3] Надо думать, это что делалось с согласия самих умирающих, дабы сократить их мучения; так, по крайней мере, говорит Стеллер в другом месте.[4] Случалось, что больные сами уходили в лес и здесь обрекали себя голодной смерти; тела их оставлялись на растерзание диких зверей.[5] Ничтожного повода камчадалу было довольно, чтобы лишить себя жизни. Во время следствий 1741 и 1742 годов камчадалы нередко кончали жизнь самоубийством. Самый распространенный способ самоубийства был —

[1] Зап. Гидр. деп., X, 1847; Вахтин, стр. 93.
[2] Соколов, стр. 432, ср. также Du Halde, р. 456—457.
[3] Steller. Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, 1774, р. 354.
[4] р. 294.
[5] р. 354, 294.

Рис. 26. Якутка у хотона (хлева). (Из коллекций снимков Института антропологии и этнографии Академии наук).

утопить себя, потом повеситься, потом зарезаться. Нередко прибегали к самоубийству старики, придя к убеждению, что они стары и ни к чему не годны. В 1737 году, рассказывает Стеллер,[1] по этой причине один старик просил своего сына повесить его на балагане (летнее жилище на столбах), что сын и исполнил; однако, ремень оборвался, и отец, упав, стал бранить сына за неловкость. Тогда сын снова его повесил и на этот раз более удачно. И у чукоч

Рис. 27. Якутка с оседланной лошадью (бывший Якутский округ; из коллекций Инст. антроп. и этн. Академии наук).

старики, соскуча жизнью, просят иногда своих родственников насильно пресечь им жизнь. О таком случае, происшедшем около 1820 года, рассказывает Врангель.[2] О том же подробно говорит Богораз, который за время с 1890 по 1901 год слышал о двадцати случаях подобной смерти среди чукоч. Один из чукоч, почувствовав сильную боль в желудке, ночью просил своих товарищей убить его, что те и исполнили. Вообще добровольная смерть считалась делом как бы почетным. Добровольная смерть встречается также среди эскимосов и наблюдалась среди коряков. У курилов (т. е.

[1] p. 294.

[2] Ф. Врангель. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледов. морю. СПб. 1841, I, стр. 345.

айнов), говорит Крашенинников (II, стр. 184), „самоубийства не меньше бывает, чем у камчадалов“.[1]

Точно так же весьма распространены были самоубийства среди алеутов. Про жителей, например, острова Атхи, Вениаминов рассказывает, что они лишали себя жизни от печали по родным (сыну, племяннику, мужу, жене), от неудачи; предпочитали также добровольную смерть пленению неприятелем.[2] Про коняг (эскимосское племя, живущее на острове Кадьяк) Давыдов рассказывает следующее: „равнодушие сих дикарей к жизни достойно удивления. Самоубийства здесь от самых малых причин иногда происходят, и об отвращении оных мало заботятся. Когда кто скажет, что он хочет убиться или утопиться, то его не станут ни удерживать, ни уговаривать об оставлении сего намерения и даже, увидев его утопающего, ни кто не поедет спасать“.[3]

О распространении самоубийств среди камчадалов говорит и Крашенинников; особенно участились самоубийства после покорения Камчатки, так что из Москвы даже был прислан указ, „чтоб Россиянам не допускать камчадалов до самовольной смерти“,[4] вероятно, — результат „предложений“ Беринга. Во время войны камчадалы, если военное счастье им изменяет, закалывают жен, детей и кончают жизнь самоубийством.[5] По словам того же автора,[6] „за смертной грех почитают утопающего избавить от погибели, для того, что по их суеверию, тем, кои изловят, самим утонуть будет“.

---

[1] Добровольная смерть стариков встречается и у других народов. Так, про зауральских самоедов Ю. Кушелевский (Северный полюс и земля Ялмал. СПб., 1868, стр. 52) рассказывает следующее: „Остяки называют самоедов орхой (дикий). В преданиях самоедов и остяков еще по настоящее время сохранилось в памяти следующее обыкновение самоедских предков. Удрученный летами самоедин, когда чувствовал себя неспособным к промыслам и езде на оленях, тогда жизнь свою считал в тягость себе и своему потомству. Вследствие этого и вследствие убеждения, что в загробной жизни он может быть купцом, приказывал убить себя в честь счастливой жизни своего потомства, а тело свое съесть. Этот обряд отцеубийства исполняли дети при шаманстве с особенным благоговением и тело съедали .... Еще недавно был такой случай: лет 15 тому назад самоед, руководясь убеждениями своих предков, съел свою мать, старую и неспособную к труду“.

[2] И. Вениаминов. Записки об атхинских алеутах и колошах. (Записки об островах Уналашкинского отдела, часть III), СПб. 1840, стр. 9.

[3] Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова. Часть II, СПб, 1812, стр. 33; см. также стр. 33—35, 40—42.

[4] Крашенинников. II, стр. 16.

[5] Там же, стр. 65.—Steller, p. 238.

[6] Там же, стр. 79. —Steller, p. 295.

Стеллер прибавляет, что утопающему не только не помогали, но, напротив, старались утопить его, полагая, что лучше ему умереть; если же утопающему удавалось спастись, то считали его как бы зачумленным: не пускали в свое жилище, не давали пищи, не говорили с ним, принимая его как бы за настоящего мертвеца.

Крашенинников подтверждает, что в случае появления на свет двойни, одного младенца камчадалы умерщвляли.[1] То же делали и курилы.[2] Мертвых камчадалы вытаскивали из юрты, привязав ремень на шею, и отдавали на съедение собакам, считая, что кого съедят собаки, тот на том свете будет ездить на добрых собаках.[3] Жилища, в которых кто-нибудь умер, они всегда покидали из страха, чтобы к ним не пришел умерший.[4] То же делали и курильцы на южных Курильских островах.[5] Коряки[6] и иногда чукчи[7] сжигают мертвых, а курилы — по крайней мере, островные — умерших зимою хоронили в снег, а летом в землю.[8]

Отметим некоторые наблюдения, сообщенные Чириковым в его путевом журнале.[9]

Про реку Обь он под 22 июня 1725 года сообщает: „Река Обь гораздо велика во многих местах меж устьями реки Иртыша и Кеты (Кети). Рыбы в себе содержит множество стерлядей, осетров, муксунов, нельма, щуки, язи и протчая премножество, токмо не вкусна“.

Под 6 июня 1726 года, на Лене, ниже Киренска, записано: „жители по Лене в разных местах сказывали, что мая 14 дня на вечер было великое трясение земли с час временем“.[10] 8 февраля 1727 года в Якутске „при захождении солнца был около его круг огневидной, а в кругу в двух местах к N и S были кружки величеством против солнца, гораздо светлей всего круга; наипаче светлей был северный“. Здесь описано явление

---

[1] Крашенинников, II, стр. 127.

[2] Там же, стр. 184.

[3] Там же, стр. 135—136.

[4] Там же, стр. 136, 78.

[5] Г. Шелехов. Путешествие. Ч. I, СПб. 1812, стр. 131.

[6] Крашенинников, II, стр. 166. То же коряки делают и теперь (В. И. Иохельсон)

[7] Bogoras. Chuckchee, p. 522, 532.

[8] Крашенинников, II, стр. 184. Полонский (стр. 383) говорит что островные курилы зарывали покойников неглубоко в землю.

[9] Напечатан у Вахтина, стр. 74—85.

[10] О землетрясении этом не упоминается в „Каталоге землетрясений Российской империи“ И. Мушкетова и А. Орлова (Зап. Геогр. общ. по общ. геогр., XXVI, 1893),

круга и побочных солнц около солнца; побочные солнца можно видеть на кругах лишь тогда, когда солнце близко к горизонту. Все явление наблюдается обычно во время зимних антициклонов, когда нередко бывают перистые облака; отражение солнечных лучей в кристалликах, из которых состоят перистые облака, и дает начало кругам и побочным солнцам.

Под 14 апреля 1727 года: „С последних чисел минувшего марта явилась на жителях якутского города болезнь, именуемая корь, а апреля до настоящего числа весьма умножилась, ибо все болезновали, которые прежде в оной болезни не были, а болезни сей в Якутске, по словам здешних жителей, больше 40 лет не бывало, что удостоверяет и настоящая скорбь, ибо жителей в 50 лет и старее обходит, а которые меньше 45 лет, на всех была, а лежали по две недели, а прочие и больше". Здесь отмечается любопытный случай поголовной эпидемии кори. Вопреки общераспространенному мнению, корь — не только детская болезнь: она поражает всех, не болевших ею. Лучше всего об этом можно судить по хорошо известной в литературе эпидемии кори 1846 года на Фарерских островах, куда эта болезнь была занесена из Копенгагена; тогда здесь переболели корью решительно все, не болевшие раньше, вплоть до стариков.

IX. Открытие обоих берегов Берингова пролива Федоровым и Гвоздевым в 1732 году

Карта Шестакова

В 1726 году в Петербург явился казацкий голова Афанасий **Шестаков**[1] из Якутска и показывал карты (очевидно, составленные кем-либо из более знающих людей, ибо сам он был человек неграмотный), на которых в соседстве с крайним северо-востоком Сибири обозначен берег под названием Большой Земли. Карты эти в оригинале пока не отысканы, но их имел в своих руках Г. Миллер, а также Иосиф-Николай Делиль, петербургский академик (1726—1747).

В картографическом отделении Академии наук мне удалось найти рукописную французскую копию (№ 3636, см. табл. 28) одной из этих карт, во всем, кроме языка надписей, сходную с той, которую описывает Миллер. Наша ко-

[1] Г. Миллер. Сочин. и перев., 1758, часть 1, стр. 119, 195.

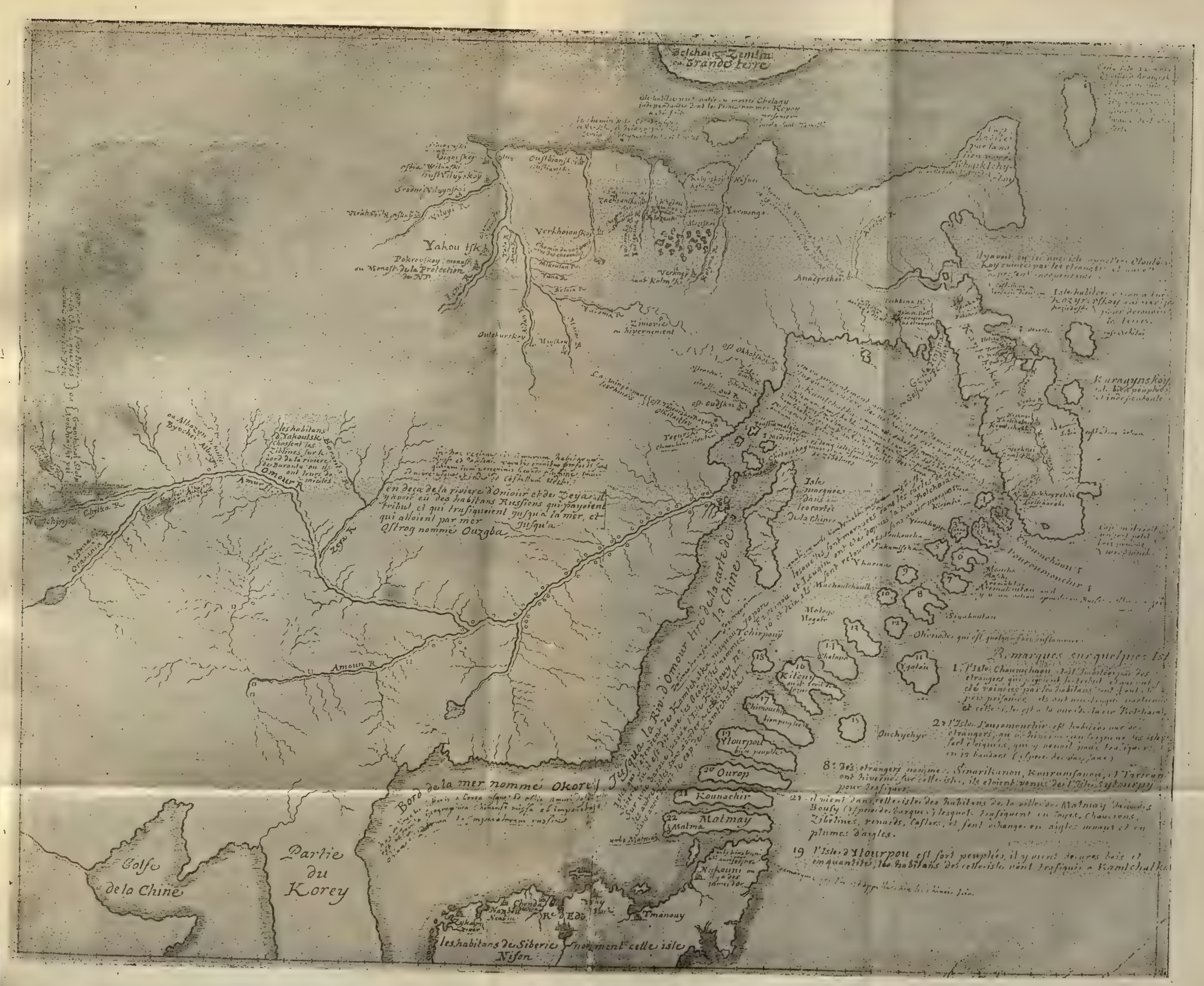


Рис. 28. Карта Шестакова, не позже 1726 года (№ 3636 картографического архива Академии наук).
Изображает Северо-восточную Азию: Чукотский край, Камчатку, Курильские острова, бассейн Амура и пр.

пия не имеет ни даты, ни заголовка. О том, что это так называемая карта Шестакова, можно судить по другой французской копии, сохраняющейся среди рукописей Делиля в Париже, в Национальной библиотеке. Эта последняя копия, впервые воспроизведенная Гольдером,[1] значительно разнится от нашей; Миллер тоже говорит,[2] что в Петербурге циркулировали „разные карты его [Шестакова] сложения", из коих одна досталась Миллеру. На нашей карте, кроме французских надписей, есть еще латинские, сделанные другой рукой — быть может, обер-секретарем сената Иваном Кириловым. Время составления этой карты датируется между 1722 (на ней упоминается о плавании Евреинова и Лужина к Курильским островам) и 1726 годами.

На карте Шестакова нас, в данный момент, интересует следующее (текст надписей берем, где он есть, из описания Миллера):

В Ледовитом море, против устий Алазеи и Колымы, в расстоянии двух суток от материка, изображен остров *Копаев,* на котором живут непокорные *шелаги.* Копай — это был шалагский старшина („князец"), обитавший будто бы на указанном острове, как значится на французской копии. Сведения о Копае и об островах против Колымы доставили в Якутск в 1723 году сын боярский Федот Амосов и промышленный человек Иван Вилегин.[3] Последний рассказывал, что в 1720 году он по льду ездил с устья р. Чукочьей, что к западу от Колымы, на остров, где жителей не видали, но обнаружили старые „юрты" и места старых „юрт". Остров этот в ясные дни виден с устья р. Чукочьей. Это, конечно, 1-й Медвежий, или Крестовский остров. Но по мнению Вилегина, „протянулась земля оная мимо реки Индигирки и Святого носу до устья реки Яны, а с другой стороны простирается мимо Колымского устья до жилищ Шелагов, которые суть род Чукчей. Сие ему сказал Шелагинской мужик Копай, к которому он ездил в 1723 году и взял с него ясак". В этом представлении соединен 1-й Ляховский остров Новосибирского архипелага с Медвежьими островами и, может быть, с Землей Врангеля. В 1724 году

---

[1] F. A. Golder. Russian expansion on the Pacific 1641—1850. Cleveland, 1914, p. 111.

[2] Сочин. и перев., стр. 119, 195.

[3] Миллер. Сочин. и перев., 1758, ч. 1, стр. 112—118.—Ф. Врангель. Путешествие по северным берегам Сибири и Ледовитому морю, совершенное в 1820—24 годах. СПб. I, 1841, стр. 27—31.

и Амосов побывал на Первом Медвежьем острове, где нашел оставленные „юрты“ из выкидного леса.

Надо заметить, что еще в 1647 году Стадухин сообщил в Якутске, со слов „некоторой женки из живущих на Колыме народов“, что в Ледовитом море, против устья реки „Чюхчи“, т. е. Чукочьей, впадающей западнее Колымы, есть остров, куда чукчи переезжают с Чукочьей в один день на оленях и бьют моржей.[1] Слухи об этом острове, подобно тому как и о Копаевом, имеют основание в существовании Медвежьих островов. Стадухин, как и после него Вилегин, придавал острову, на котором добывают моржа, фантастические размеры: от Святого Носа до Колымы. Мало того, по догадке Стадухина, этот громадный „остров“ или земля есть продолжение Новой Земли.

Неясные рассказы о Большом, или Копаевом острове, сплетаясь с темными сведениями чукоч о земле против мыса Якан, т. е. о Земле Врангеля, и с более определенными данными о *Большой Земле,* т. е. Аляске, давали повод доморощенным сибирским картографам обозначать на картах названные острова и земли. Но возвращаемся к карте Шестакова.

К северу от острова Копая, в расстоянии менее двух суток езды от него, обозначен берег *Большой Земли,* относительно которой на парижской (но не на нашей) копии сообщается, будто она открыта шалагским князьцем (par le prince Chelashy), т. е. тем же Копаем, в 1723 году. На самом деле, сведения о Копае и о Крестовском острове были принесены в 1723 году упомянутым выше Амосовым, посетившим Копая на острове Аионе (или Сабадее, при входе в Чаунскую губу). На парижской копии относительно Большой Земли (Bolchaia Zemla) прибавляется, что там много жителей, много соболей, лисиц, бобров, куниц (fouines) и лесу; все это, как мы видели (стр. 65), действительно, подходит к Большой Земле, т. е. к Аляске. Против устья реки Анадыря, в большем отдалении от материка чем остров Копая, обозначен значительный остров с надписью: „Остров против Анадырского носу, на нем многолюдно и всякого зверя довольно, дань не платят, живут своею областью“. На парижской копии прибавлено, что на острове много соболей, лисиц и других

---

[1] Дополнения к Актам историч., III, 1848, стр. 99—100. — Миллер, l. c., стр. 14—15. — Л. С. Берг. История географического ознакомления с Якутским краем. „Якутия“, изд. Акад. наук, 1927, стр. 17—23.

животных. Здесь мы имеем вторичное изображение той же Аляски. На крайнем северо-востоке Азии, на месте Чукотской земли, изображен полуостров Святой нос, на котором надпись: „в носу Чукчи немирные, бой имеют каменьем из шибалок, лисиц красных много“.

На карте Шестакова весьма любопытно смешение данных о Медвежьих островах с сведениями об Аляске. Замечательно, что такого же рода предположения о близости „острова у устья Колымы“ к Америке были и у Мусина-Пушкина (см. выше, стр. 61).

В Петербурге Шестаков брался привести в подданство непокорных чукоч, а затем проведать землю против Чукотского носа и объясачить жителей ее. Этот энергичный человек сумел внушить доверие к себе, и ему поручено было начальство над целой экспедицией, в состав которой входили, кроме него, штурман Яков Генс, подштурман Иван Федоров, геодезист Михайло Гвоздев, рудознатец Гердебол, 10 матросов; в Тобольске присоединились капитан Дмитрий Павлуцкий и 400 человек команды из казаков.[1]

Все это происходило уже после отправления Беринга в его первую камчатскую экспедицию: как мы говорили, Беринг выехал из Петербурга 5 февраля 1725 года.

Итак, Шестаков отправился в июне 1727 года из Петербурга в Якутск. Прибыв из Якутска в Охотск, он осенью 1729 года пошел морем в Тауйск, что на берегу Охотского моря, потерпел здесь крушение и весною 1730 года погиб в стычке с чукчами на реке Шестаковке, или Егач, впадающей в Пенжинскую губу. Но за три дня до смерти Шестаков распорядился послать людей на судне кругом Камчатки, наказывая им дойти до реки Анадыря и привести в ясачный платеж жителей *Большой Земли,* находящейся, как думал Шестаков, против Анадыря.

Плавание Федорова и Гвоздева

Преемник Шестакова, капитан Павлуцкий продолжал дело своего начальника. Он снарядил осенью 1730 года новую экспедицию к Большой Земле в составе двух судов. Одно из них разбилось у берегов Камчатки, а другое, проведя две зимы на Камчатке, было отправлено на север под начальством подштурмана Ивана Федорова, у которого по-

[1] Миллер. Там же, стр. 400 сл.

мощником был геодезист Михаил Гвоздев. По возвращении из экспедиции, Федоров умер на Камчатке в феврале 1733 года, и честь открытий, сделанных им, современем была приписана Гвоздеву, впервые о них более подробно сообщившему лишь в 1741 и 1743 годах.[1]

В отчете Гвоздева не приводится никаких определений широт. Равным образом, не имеется и карты. Изложение Гвоздева не отличается ясностью, но следует иметь в виду, что в Беринговом проливе ориентироваться очень трудно, ибо, как мы указывали, мысы кажутся островами, и это вводило в заблуждение мореплавателей, гораздо более опытных, чем Федоров и Гвоздев (например, Коцебу в 1816 году).

23 июля 1732 года Федоров вышел из устья Камчатки и 3 августа достиг „Анадырского носа“ — повидимому, мыса, называемого теперь Чукотским. 5 августа пришли „к Чюкоцкому носу к южной стороне“. Это, очевидно, не мыс Дежнева, а какой-нибудь из мысов к северу от мыса Чаплина. Отсюда на следующий день пригребли чукчи на двух байдарах. 7 августа Федоров высаживался на берег; здесь „осмотрели две юрты пустые, деланы в земле, китовыми костьми, старые и разрытые“.[2] Это, очевидно, были остатки древних полуподземных чукотских жилищ. 8-го числа подняли якорь, но на следующий день вернулись опять на старое место. Через два дня пошли далее, повидимому — вдоль берега на север, и 13 августа, когда заштилело, высадились на берег и увидели над речкой юрты; „осмотрели оных юрт числом шесть, сделаны в земле, деревянные, лесу елового“. Это место было где-нибудь к югу от мыса Дежнева. 15 августа в 11 часов утра подняли якорь и с попутным ветром пошли далее: 16 или 17 августа[3] осмотрели *остров*, — вероятно, Ратманова. Лавируя, вернулись 17-го снова к материку Азии и здесь „увидели на Чюкоцком носу юрты“. На двух байдарах пригребли туземцы, которые „про себя сказали, что *Чюкчи зубастые*, а про свое жилье сказали, что

---

[1] Первый поход русских к Америке. Записки Гидрограф. департ., IX, 1851, стр. 78—107. — Эта статья, без сомнения, принадлежит перу Ал. Соколова.

[2] Стр. 92.

[3] Следует иметь в виду, что в XVIII столетии моряки считали за начало суток не 12 часов ночи, а 12 часов дня. И, например, 7 часов пополудни 17 августа в отчете Гвоздева, на самом деле, означает 7 часов пополудни 16 августа.

самой *Чюкоцкой нос*". Судя по этим данным, Федоров был на мысу Дежнева, именно у эскимосского села Нуукан. Следует только иметь в виду, что здешние эскимосы сами себя не называют „зубатыми"; это могло быть их чукотское название, если они в 30-х годах XVIII столетия еще не перестали носить втулок (хотя о ношении втулок Гвоздев ничего не говорит). Сами же себя азиатские эскимосы называют *юыт*, т. е. люди, или *юпиыт*, т. е. настоящие люди.

Как бы то ни было, отсюда пошли „к острову", повидимому, Ратманова. Гвоздев так описывает свое пребывание здесь:[1] „С острова стали по нас из луков стрелять, и мы против их противления выстрелили из трех фузей [т. е. ружей], и велел толмачу спрашивать об них: какой народ? И они о себе сказали, что Чюкчи,[2] и между тем сказали, что родники наши пошли с Оленными Чюкчами против Капитана биться и там де их всех побили".

Капитан, о котором упоминал „чукча", это, несомненно, Павлуцкий, который 14 июля 1731 года имел близ Чукотского носа (т. е. у мыса Дежнева) сражение с чукчами, уже третье по счету. В сражении этом „с чукотской стороны — говорит Миллер,[3] — было урону более, нежели с Российской стороны прибытку, потому что и тем Чукчи к подданству не склонились". Замечательно, что в бою на стороне чукоч участвовали, оказывается, и эскимосы, — факт, на который до сих пор, насколько мне известно, не было обращено внимания. Это подтверждает и Миллер:[4] „уверяют, что между убитыми на последнем сражении неприятелями найден один, у коего по обеим стороном рта на верхней [это ошибка — на самом деле, на нижней] губе были дыры, в которые вставливаются зубы из моржовых зубов вырезанные".[5]

Возвращаемся к описанию Гвоздева. Жителей острова (Ратманова) спрашивали про Большую Землю, „и они про

---

[1] Зап. Гидр. деп., IX, стр. 96.

[2] Странно, что здешние эскимосы назвали себя чукчами. Толмач Федорова, взятый на Камчатке, мог быть (как и толмач Беринга, см. Миллер. Соч. и перев., 1758, ч. 1, стр. 392) только коряком, который был в состоянии легко объясниться с чукчами, но не с эскимосами. Но многие из азиатских эскимосов, а также эскимосов островов Гвоздева, понимают по-чукотски.

[3] Сочин. и перев., 1758, ч. I, стр. 408.

[4] Там же.

[5] См. об этом также С. Крашенинников. Описание Земли Камчатки. I, 1755, стр. 126, и Steller. Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, 1774, p. 240—241.

оную землю не сказали сколь велика или остров; а на оной земле какие люди, про то они сказали нашим: Чюкчи, и там де у нас большие Чукчи“. Эти разговоры велись на северном конце острова, где было всего две юрты. Посетив юрты, которые были „в земле, деревянные, лес еловый и сосновый“, нашли в них корма „моржовина да китовина, а иных никаких кормов не видали“, т. е. те же предметы питания, что и сейчас. С северного конца острова пошли морем к южному. Здесь нашли около двадцати юрт. И в конце XIX века на юго-западном мысе о-ва Ратманова имелось значительное поселение. Попытка толмача склонить здешних жителей к ясачному платежу не удалась. С острова видели *Большую Землю*.

По описанию Гвоздева,[1] первый посещенный им остров (по теперешнему остров Ратманова) имеет в длину три километра, в ширину один. Леса на нем нет. В расстоянии полумили от первого острова имеется второй, меньший (теперь — остров Крузенштерна). Прибыв к нему 20 августа, посылали на берег для переговоров шлюпку, но она была встречена выстрелами из луков.

20 или 21 августа пошли к Большой Земле и стали в четырех верстах от берега. Никаких жилищ здесь не было. Очевидно, это место находится к северу, точнее — к северо-востоку от мыса Принца Уэльского, на котором лежит эскимосское поселение. Подняв якорь, „пошли подле земли к южному концу“ т. е. к мысу Принца Уэльского, и „от южного конца к западной стороне видели юрты жилые версты на полторы“. Это было эскимосское селение на мысу, на нынешних американских картах называемое Кингеган. Подойти к берегу, за сильным ветром, нельзя было. „Пошли подле земли по южному сторону, и стало быть мелко, и дошли до семи и шести сажен“. Действительно, к юго-востоку от мыса глубины уменьшаются, доходя до 7—6 и менее морских саженей. Повернули назад, а затем, так как ветер отошел к северу, взяли курс на SW (или StW, по другому отчету) и подошли 22 августа к „четвертому“ острову. Почему Гвоздев говорит о четвертом острове, когда раньше описано было всего два, неясно. Или он принял мыс Принца Уэльского за остров? Четвертой остров — это остров Кинга или Укивок. По описанию Гвоздева, „оной остров маленькой, видом круглой (в ширину и длину по четыре

---

[1] Стр. 98.

версты), лесу никакого не имеется". Согласно лоции, остров Кинга имеет две мили в окружности. С острова „пригребал Чюкча [на самом деле — эскимос] в малой лодке, по их называется *кухта*, к боту, а кухта вся коженная, и верх коженный, только что сесть в ней человеку одному;[1] а на нем надета на платье рубашка, шита из кишек китовых, и обвязаны кругом его кухты руки и около головы, чтоб вода не залилась; а когда волна морская его всего обольет, то не может к нему в кухту попасть вода. Да у него ж на кухте привязан великой пузырь, надутой, для того чтоб морскою волною не опрокинуло кухту".[2] Островитянина через толмача расспрашивали о Большой Земле. Он сообщил, что на ней живут „наши ж Чюкчи,[3] и лес на оной земле, сказывал, также и реки; а про зверей сказывал, что имеются олени, куницы и лисицы и бобры речные".[4]

Дальнейших исследований у берегов Америки не производили, так как команда стала просить о возвращении обратно на Камчатку. 28 сентября пришли к устью реки Камчатки, а 19 декабря того же 1732 года послали о плавании подробное донесение своему начальнику капитану Павлуцкому в Анадырск. В июле 1733 года, уже по смерти Федорова, Гвоздев отослал „морской диурнал или лагбук" в Охотское правление, не приложив к нему никаких карт. Только в 1741 году в Охотске случайно узнали об экспедиции, заинтересовались этим делом и истребовали от Гвоздева подробное донесение. Шпанберг, спутник Беринга, найдя журнал Федорова (другой, веденный „для собственной своей памяти"), приказал составить по нему карту, которую послал в Иркутскую канцелярию, а в копии — в Петербург, в Адмиралтейств-коллегию. Как карта, так и копия ныне утеряны. Однако в середине XVIII века об открытиях Федорова было хо-

[1] Небольшие лодки, предназначенные, как правило, для одного человека, носят у эскимосов название *каяк*; они, как и крупные (*умяк*), обшиваются тюленьими или моржовыми кожами. Каяк с о-ва Укивок изображен у Nelson, p. 220, табл. LXXIX, фиг. 4. У чукоч таких лодок обычно не бывает. По любезному сообщению В. Г. Богораза, „кухта" могло произойти из чукотского кай-этвукай, что значит маленькая лодка.

[2] По описанию Нельсона (p. 36), эскимосы в Аляске делают непромокаемое платье из тюленьих кишек. Сидячие чукчи и азиатские эскимосы тоже пользуются верхним платьем из кишек тюленя или моржа (Bogoras, p. 251, табл. XXVI, фиг. 2).

[3] На полуострове Сьюарда живут эскимосские племена кингугмутов, кавиягмутов и малемутов (Nelson, карта).

[4] Castor canadensis. О промысле бобров см. Загоскин, II, 1848, стр. 26—28.

рошо известно в Петербурге, и на составленной Миллером карте Nouvelle carte des decouvertes faites par des vaisseaux russiens aux côtes inconnues de l'Amerique Septentrionale avec les pais adiacents, изданной Академией наук в 1758 году,[1] мы видим в проливе между Азией и Америкой, против острова Диомида берег (часть Северной Америки), оканчивающийся под 66° с. ш. мысом с надписью Côte découverte par le Geodesiste Gwosdew en 1730 (на самом деле берег открыт в 1732 году).[2]

Таким образом, первым открывшим пролив между Азией и Америкой был не Дежнев и не Беринг, а Федоров, который не только видел острова Гвоздева и противолежащие берега Азии и Америки, но и первый положил их на карту.

X. Сведения о Большой Земле (Аляске) после Гвоздева (1732) и до Кука (1778)

Сведения Г. Миллера

В Якутске в начале XVIII столетия Большая Земля была хорошо известна. В 1736 году Г. Миллер в бытность свою в Якутске получил от дворянина Ивана Львова составленную им карту, где против „Анадырского носа“ обозначены два острова, один возле другого, со следующей припиской: „До первого острова от берегу езды водою полдня.[3] На нем

[1] Карта эта составляет необходимое дополнение к статье Миллера, напечатанной в том году в Сочинениях и переводах. Об этой карте Миллер подробно говорит в Сочин. и перев., 1758, ноябрь, стр. 401—423. Первое издание ее вышло еще в 1754 г., второе — является исправленным (стр. 402). В сущности, в 1754 г. карта была лишь награвирована, а вышла в свет в 1758 г. с небольшими исправлениями.

[2] На „Карте, принадлежащей к путешествию сотника Кобелева“, 1784 (Собрание сочинений, выбранных из месяцословов, V, 1790) против мыса Принца Уэльского (этого названия на карте нет) указывается: „Американский Мыс виден был Гвоздевым в 1732 году, и назван Землица Гигмальская“. Не знаю, откуда Кобелев заимствовал это последнее название: в отчетах Гвоздева его нет. Землица Гигмальская есть чукотское название Америки — земля *кыымылыт*, т. е. эскимосская. На карте А. Вильбрехта 1787 г. под названием „Карта, представляющая открытии российских мореплавателей на Тихом море и аглинского капитана Кукка“ у мыса Принца Уэльского обозначено: „Мыс принц Вальской, сей нос был еще известен в 1732 г. геодезист. Гвоздевым под названием землица *Кыгмальская*“.

[3] Это, очевидно, остров Ратманова.

обитают люди, коих чукчи называют *ахью халят*[1]. Они говорят особым языком, платье носят из утиных кож, питаются моржами и китами. За недостатком у них на острове лесу варят еству рыбьим жиром. Другой остров от первого находится в расстоянии двух дней езды водою [очевидно, — остров Крузенштерна, но расстояние его от острова Ратманова преувеличено]. Жители оного называются по-чукотски *пеекелы* [отметим, что мыс Дежнева по-чукотски называется Пеек].[2] Они щоки пронимают и вставляют в них зубы, живут в крепких местах, платье носят из утиных же кож".[3] За этими островами изображена Большая Земля, относительно которой на карте сообщается: „Жители Чукчами имянуются *кичин-элят*. Сии говорят особливым языком, платье носят соболье, живут в жилищах, а бой у них ручной. Звери в их земле водятся всякие, коих кожи употребляют на платье. Лес там ростет ельник, сосняк, лиственник и березняк".[4] „Кичин-элят" — это, очевидно, опечатка вместо *кигин-элят*, т. е. *кыымылыт*, как чукчи называют американских эскимосов (см. выше, стр. 68).

Наконец, Миллер упоминает (стр. 197) еще об одной карте, составленной в Якутске. На ней против *Шелацкого носу* (Шелагского) обозначена „земля неограниченная, коей жители называются *кыкыкме* и подобны Юкагирам". Эта земля — *Кыымын* — есть Америка (см. выше, стр. 68).

Сведения Дауркина

За несколько лет до посещения Куком Берингова пролива (1778) весьма ценные сведения об интересующих нас местах были доставлены в Петербург полковником Плени-

[1] Вероятно, описка вместо *альвайелылыт*, как чукчи называют всех не чукчей (= иноязычные; см. Богораз. Чукчи, 1934, стр 3).

[2] Происхождение названия Пеек не выяснено. Есть еще один мыс Пеек, это мыс Рауттан (или Руйта, правильнее Роуип) в Чаунской губе, который чукчи тоже называют Пеек. См. Майдель, стр. 272. Богораз, 1934, стр. 8.

[3] Такие же сведения собрал у чукоч Г. Майдель, бывший на Чукотской земле в конце 60-х годов прошлого столетия. Со слов чукоч он передает, что чукчи получают меха от „кергаулов" или „икергаулов" (т. е. йыкыргаулыт — эскимосов). Посредниками служат „иммалины" (Имахлин—это остров Ратманова), говорящие особым языком, непохожим ни на язык кергаулов (т. е. американских материковых эскимосов), ни на язык айгванов (айваны — это эскимосы, живущие ныне на мысе Чаплина). Иммалины одеваются в платье из утиных кож (Майдель. Путешествие по сев.-вост. части Якутской обл. СПб., 1894, стр. 216).

[4] Миллер, стр. 196—197.

снером.[1] Это был курляндский уроженец, участвовавший во Второй камчатской экспедиции Беринга и в 1760 году назначенный в Анадырск главным начальником. Здесь он, по поручению сибирского губернатора Ф. И. Соймонова, собирал сведения об островах у Чукотского носа. Отчет о своих расспросах он представил Екатерине II, а также Академии наук. В 1772 году Пленисиер вышел в отставку и в 1778 году умер в Петербурге. Сообщенные им сведения были использованы на картах Сибири, как увидим ниже.

Летом 1763 года Плениснер посылал из Анадырского острога местного казака Николая Дауркина, родом из чукоч, на Чукотскую землю с целью собрать сведения о прилежащих странах. Вернувшись в 1765 году, Дауркин составил карту посещенных мест[2] (рис. 29) и сообщил охотской канцелярии следующие данные, во многом совпадающие с тем, что мы знаем из карты Львова. В октябре 1763 года море между Чукотским носом (мысом Дежнева) и противолежащими островами замерзло, и Дауркин с одним чукчей переехал на двух оленях на первый остров (Ратманова), что потребовало всего 7—8 часов езды (тогда как летом на байдарах до второго острова надо плыть, по словам Дауркина, целый день). Обитатели этого острова (Ратманова), известные у чукоч под именем *ахюхалят*,[3] приняли гостей радушно, и первый вопрос их был о табаке.[4] Дауркин дал им несколько листьев табаку, за что получил платье из соболей и куниц. Жители говорят особым языком, носят платье из оленьих шкур, наподобие чукотских

---

[1] Так пишется его фамилия в Полном собрании законов и у Палласа (Plenisner). В других источниках неправильно пишут Пленстпер и Плестнер.

[2] Карта Дауркина имеется в копии в Московском Центральном историческом архиве. Она носит название: „Карта морского берега от устья реки Анадыра до устья реки Колымы и на супротив лежащих берегов. 1771 года. Подлинная сочинена казаком Николаем Дауркиным 1765 года в Анадыре". Я не имел случая ее видеть.

[3] Об этом названии см. выше, стр. 117.

[4] Народы северо-востока Азии, а также и американские эскимосы, страстные любители табаку, употребляют его для курения, нюхания и жевания. К аляскинским эскимосам табак попал впервые, еще задолго до прихода русских, через посредство чукоч, которые его, в свою очередь, получали от русских. Еще недавно эскимосы острова Лаврентия предпочитали русский („черкасский") табак американскому. Таким образом, обычай курения табаку, распространившийся в Европе из Америки, совершил шествие вокруг света и снова попал на свою родину на берегах Берингова пролива. См. Nelson, p. 229, 271; Bogoras, p. 59, 201.

кухлянок,[1] питаются мясом китов, моржей, тюленей, а также оленей. Так как на острове нет леса, то они, как и чукчи, варят свою пищу на ворвани. Для варки пищи, а также для согревания жилищ, употребляют каменные лампы с фитилем из торфяного мха (Sphagnum).[2] Занимаются ловлей моржей, китов и тюленей. Живут в „юртах“, крытых шкурами. На другом острове (Крузенштерна) живут такие же люди, как и на первом; их зовут *пейесколи* (не *пеекели* ли карты Львова?). Тойоны и знатные вставляют обычно своим детям в прорезы нижней губы украшения из моржовой кости, которые по желанию можно вынимать. На берегах Чукотского носа живут пешие чукчи, промышляющие ловом морских зверей; внутри страны — оленные, разводящие стада оленей.

Против Чукотского носа, как к северу (в Ковымском море), так и к востоку (в Анадырском море) лежит страна, называемая чукчами *Большой Землей.* Тамошние жители отличаются обычаями и языком от чукоч и издавна ведут с чукчами войны. Бой у них луками и копьями. Наконечники стрел и копий они делают из горного хрусталя и отравляют соком лютика, который так ядовит, что если рану сейчас же не высосать, то раненый не позже как через сутки умирает.[3] От чукотской земли к ближним берегам этой страны можно перегрести в один день. Тогда как на Чукотском носу по безлесию водятся только красные лисицы и волки, на Большой Земле много разного зверя: соболя, куницы, белых и голубых песцов,[4] росомахи, медведя,[5] также морского бобра.[6] Тамошние жители держат большие

---

[1] Кухлянка — это дорожная двойная длинная рубаха из оленьих шкур; нижняя рубаха волосом к телу, верхняя—мехом кверху. См. В. И. Иохельсон. Очерк зверопромышленности и торговли мехами в Колымском округе. Труды Якутск. эксп. И. М. Сибирякова, отд. III, том X, ч. 3, СПб., 1898, стр. 37.

[2] На обоих берегах Берингова пролива, как у эскимосов, так и у чукоч, для варки пищи, для освещения и для отопления употребляются каменные и глиняные лампы. Горючим веществом служит тюлений жир, фитилем (у чукоч) — истертый в порошок торфяной мох. Nelson, p. 63—65; Bogoras, p. 184—185.

[3] На Аляске распространен ядовитый аконит, Aconitum delphinifolium. Об отравлении стрел см. ниже, стр. 126 — 127.

[4] Голубой песец есть лишь цветовая вариация белого.

[5] В Аляске распространены два медведя: серый, Ursus horribilis, близкий к нашему бурому (U. arctos), и черный, Ursus americanus.

[6] Морской бобр, Enhydra lutris или Latax lutris, есть представитель семейства куниц, и его правильнее было бы называть морской выдрой.

стада оленей, едят морских зверей и коренья. Есть большие леса из кедра, пихты, ели и лиственицы. В море впадают большие реки. Жители имеют укрепления.[1]

Относительно фауны и флоры Аляски мы уже говорили выше, при разборе отчета Попова. Что касается укреплений, то Нельсон (стр. 327—330) не упоминает о таковых. Но на приложенной карте Плениснера укрепление обозначено.

Карта Чукотской земли и сев.-зап. Америки, представленная Плениснером

Отчет Дауркина, представленный Плениснером Академии наук в 1777 году вместе с картой, напечатан в переводе на немецкий язык в 1781 году Палласом, но без карты. Карта же, вместе с краткими сведениями, устно сообщенными Плениснером, помещена в 1780 году в издававшемся при Академии наук „Месяцослове историческом и географическом“ на 1780 год.[2] На этой карте, носящей название „Карта Чукоцкого Носа сообщенная от полковника Пленстнера“ и мало отличающейся от приложенной здесь, против *Чукоцкой Землицы* обозначена обширная суша, на запад простирающаяся до меридиана Колымы. В тексте (стр. 43) говорится, что „земля в рассуждении Чукоцкого носа в северной стороне назначенная есть по мнению г. Пленстнера часть северной Америки“. Анонимный автор заметки в „Месяцослове“ (астроном Румовский?) от себя прибавляет насчет этого предположения (стр. 45—46): „Хотя за подлинно еще утвердить не возможно, чтобы назначенная здесь на севере в рассуждении Чукоцкого Носу матерая большая земля была часть Америки; однако в том не остается никакого сомнения, что северное море с Тихим имеет сообщение. Издавая карту сию, от г. Пленстнера сообщенную, не утверждаем мы, чтобы она во всем была верна и истинна, и во перьвых невероятно кажется, чтобы земля за Америку

[1] Besondere Nachrichten über die tschuktschische Landspitze und benachbarte Inseln. Aus dem russischen Original übersetzt. Pallas. Neue nordische Beyträge. Bd. I. St. Petersburg und Leipzig, 1781, p. 245—248.

[2] Известие о Чукотском Носе, стр. 36—46. Здесь более подробно сообщается про путешествие Андреева на Медвежьи острова, Чукотской земле же посвящены лишь стр. 43—46. Оттиск карты Плениснера из „Месяцослова“ на 1780 г. имеется в библиотеке Русск. геогр. общества. Копия с нее дана в книге К. И. Богдановича. Очерки Чукотского полуострова. СПб., 1901, табл. XX.

Рис. 29. Карта Чукотской Земли и Аляски, составленная Плениснером на основании данных Дауркина 1763 г. № 3562 картографического архива Академии наук.
На карте подписано от руки: „Получена копия от Полковника Пленестнера".

почитаемая протянулась на запад даже до реки Ковыма,[1] и в сем месте так близка была к Медвежьим островам."

На карте Плениснера „Чукоцкая Землица" изображена в виде длинного и узкого полуострова, вытянутого на северо-восток; у крайней северной оконечности „Землицы" обозначен *Чукоцкой мыс.* Довольно широкий пролив отделяет сейчас названный мыс от обширной суши, на которой надписано: „люди живут, носят платье соболье, лисье и рысье,[2] разговор с чукчами не сходен, у них торг имеется на первом острову против Чукоцкой Землицы на *Инялине*". В проливе четыре острова: самый западный несет надпись: „первой остров *Инялин*, на нем живут люди", на втором (остров Крузенштерна): „второй остров *Инялин*, на нем живут люди"; над двумя восточными обозначено: „отпрядыш без жилья, *Окивахай*", один из них это, очевидно, скала Fairway (или Угияк), а Окивахай, — это остров Укивок, или Кинга под 65° с. ш., населенный эскимосами. К востоку Чукоцкой Землицы нанесен „остров *Эйвухтен*, на нем живут люди". Это — населенный эскимосами остров Лаврентия, или *Эйвхуен*, открытый Берингом 10 августа 1728 года.

Возвращаемся к земле против Чукотского мыса. В месте, соответствующем мысу Принца Уэльского, нанесен полуостров, „земля, называемая *Кыгмын*", близ которой впадает большая река *Хевуврен.* На западном продолжении американского материка, протягивающемся, как мы говорили, к западу до меридиана Медвежьих островов, написано: „земля *Китеген*, живут люди" и „живут оленные люди *Храхан*". Большинство названий, обозначенных на берегах Чукотского полуострова, встречается и сейчас, будучи передано иногда удивительно правильно.

Земля *Кыгмын* это уже встречавшееся нам чукотское название Америки — Кыымын. Обитатели селения на мысе принца Уэльского (а также Порт-Клapенса и острова Укивок) сами себя называют *кинугмут* или *кингугумут.*[3] На американских картах селение на упомянутом мысу носит название

---

[1] Т. е. Колымы.

[2] Рысь, Lynx canadensis, встречается в Аляске изредка, но мех ее, привозимый из Канады, в большом употреблении здесь, как свидетельствует Osgood (p. 40). Nelson же не упоминает о мехе рыси при описании одежды эскимосов с берегов Берингова пролива. Соболя в Северной Америке нет.

[3] E. W. Nelson. The Eskimo about Bering Strait. XVII Annual Report of the Bureau of American Ethnology. Washington, 1899, p. 26, карта.

Кингеган (Kingegan),[1] на карте Кобелева (1779) — *Кыгымын.* Что же касается реки *Хевуврен* в земле Кыгмын, то в настоящее время реки под этим названием в Аляске нет, но это, несомненно, одно из многочисленных наименований реки Юкона, или Квихпаха. Отметим, что о той же реке *Хеврен* и об острожке на ней *Кинговеи* (*Кингювеи*) упоминает сотник Кобелев, получивший в 1779 году на острове Крузенштерна сведения, что на Хеврене живут бородатые люди, в которых Кобелев готов был видеть русских. На карте к отчету Кобелева изображена река *Хеуверен*, а на ней поселение *Хевьерен.*[2] Наконец, следует указать, что река *Хёверен* есть также и в Чукотской земле: она впадает в вершину губы Лаврентия.

Что касается земли Китеген и „оленных людей Храхан", то происхождение этих названий следующее. Сержант Андреев в 1764 году с самого восточного из Медвежьих островов усмотрел остров, который он полагал „величайшим". По собранным им сведениям, там есть люди, называющие эту землю *Тикеген,* а самих себя *хрохаи.* Эти „хрохаи" состоят из двух племен: одни — бородатые, похожие на русских, другие — „чукотской породы". Бывшие при экспедиции Биллингса сотник Кобелев и толмач Дауркин подтвердили описание Андреева, представив даже „абрис виденной им земли, составленный некоторым Американским тоеном" (старшиной).[3]

Мы имеем здесь смешение слухов о Земле Врангеля с сведениями об Аляске. На одной из рукописных карт, упоминаемых в книге Cahen,[4] к северу от мыса *Шалацкого* и острова *Калючина* обозначена земля, на которой на-

---

[1] См., например, карту западной части полуострова Сьюард по съемкам 1901 г. в масштабе 1 : 250 000 при стр. 24 книги A. Brooks. The geography and geology of Alaska. U. S. Geological Survey, Profess. paper № 45, Washington, 1906.

[2] Собрание сочинений, выбранных из месяцословов. Ч. V, СПб., 1790. Эту же реку *Хеуверен* можно видеть на карте А. Вильбрехта 1787 г., носящей название „Карта, представляющая открытии российских мореплавателей на Тихом море и аглинского капитана Кукка". Река эта изображена впадающей в зал. Нортон. Затем, на карте, представляющей результаты плаваний и путешествий Биллингса и Сарычева 1789—92, имеется та же река Хеуверен.

[3] Журнал Анадырской команды сержанта Андреева, веденной во время путешествия по островам Ледовитого моря. Сибирский Вестник, 1823, ч. IV, стр. 72, прим.; также Врангель. Путешествие 1820—24, ч. I, 1841, стр. 101—102.

[4] Cahen, p. 395.

писано: „по описанию сержанта Андреева в 1762 году землица *Кигикен* обитаема народами, называемыми *Хряхаи*". В землице Кигикен (она же *Китеген и Тикеген* упомянутых выше источников) узнаем знакомую нам уже землю *Кыгмын* или западную часть Аляски. А „оленным люди храхан" или хрохаи или хряхаи ведут свое происхождение вот откуда. В 1823 году на мысе Северном, или Рыркайпыян, чукчи рассказывали Врангелю, что за двести лет до того на берегу моря, между Шалагским мысом и Беринговым проливом, жил народ *онкилон*, враждовавший с чукчами. *Анкалын* по-чукотски значит „морской народ" или „прибрежные жители", „поморы", от *анкы* — море. Так сидячие чукчи зовут себя, прилагая это имя и к другим сидячим народам.[1] Онкилонский старшина Крехай, скрываясь от преследований чукоч, удалился со своими родниками на землю, „в ясные солнечные дни видимую с мыса Якана",[2] т. е. на Землю Врангеля. Вот это предание о Крехае, слышанное, очевидно, и Андреевым, дало начало недоразумению с народом „хрохаев".

В объяснительной записке к прилагаемой при сем карте под заглавием „Примечание к карте о берегах между Азией и Америкой"[3] сообщается, что Чукотская земля нанесена по сказкам некоторых служивых, бывших в походах с Павлуцким в 1744 и 1746 годах, а также по прежним донесениям, найденным в Анадырске. Что же касается до Чукотского носа, то сведения о нем отобраны у казака Кузнецкого, который был в плену у носовых чукоч. Данные же об островах и земле против Чукотской землицы собраны как от чукоч, так и от анадырских русских. Землю Кыгмын Плениснер определенно считает за часть Северной Америки.

Сведения чукчи Хехгигиша

Кроме карты с объяснительной запиской, Плениснер представил в Петербург и все вышеупомянутые материалы, на которых карта основана. Эти любопытнейшие данные

---

[1] Богораз Чукчи, 1934, стр. 3. — Jochelson. The Koryak, 1908, p. 407.

[2] Врангель, т. II, стр. 333—334.

[3] Напечатана в Записках Гидрогр. департ., X, 1852, стр. 119—123, в заметке: „Карта Чукотской земли, составленная Плениснером в 1763 г." Сама карта здесь не воспроизведена.

были напечатаны в 1825 году.[1] Приводим из них наиболее существенное относительно берегов Берингова пролива (в скобках — наши пояснения).

В 1763 году Плениснер спустился в низовья Анадыря, и здесь Хехгигиш, „лучший человек" из сидячих чукоч, сообщил ему через опытного толмача следующее: От устья Анадыря морем шесть—семь дней ходу на байдарах до Сердца-камня,[2] а от Сердца-камня 15—16 дней до Чукотского носа (т. е. до мыса Дежнева). Против Чукотского носа в море есть два острова, один малый (остров Крузенштерна), другой большой (Ратманова). На большом острове живут люди не чукотской породы, а другого рода; говорят они особым языком, „и самые лучшие их мужики и старшины имеют у себя для украшения их сделанные из моржевых зубов подле рта у нижней губы, в прорезанных на обеих сторонах скважинах по одной плоской кости круглой, подобных запонкам, величиною как прежде бывшие пятикопеечники медные и против нынешних гривенников и пятикопеечников серебрянных; и те кости они вдевают в помянутые скважины во время своего друг к другу приезда в гости или во время их жертвы, по сему и называются *Зубатые*; а когда начнут есть, то те кости из прорезанных скважин вынимают; а как наедятся,

---

[1] В. Н. Берх. Разные известия и показания о Чукотской Земле Северный Архив, журнал древностей и новостей по части истории, статистики, путешествий, правоведения и нравов, издаваемый Фаддеем Булгариным и Николаем Гречем. Часть XVIII. С. Петербург, 1825, стр. 164—201.—Снова напечатано по копиям в делах экспедиции Беринга, хранящихся в Ленинградском отделении Центрального архива в: „Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке", изд. Инст. народов Севера, 1935, стр. 180—188.

[2] Не следует смешивать этот Сердце-Камень с м. Сердце-Камень на ледовитоокеанском берегу Чукотского полуострова. Тот Сердце-Камень, о котором здесь говорится, есть гора *Линглингай* (по-чукотски = Сердце-Камень) высотой 446 м, лежащая близ восточного берега залива Креста (Берингово море), под широтою 65° 36′ (Ф. Литке. Путешествие вокруг света на военном шлюпе Сенявин 1826—29. Отд. мореходное. СПб., 1835, стр. 224. Также: Лоция Берингова моря, 1909, стр. 202). Находящийся же на берегу Ледовитого океана мыс Сердце-Камень носит это название по недоразумению. 15 августа ст. ст. 1728 г. Беринг, достигнув широты 67° 18′ (см. выше стр. 99), вернулся обратно. Миллер же (Сочин. и перев., 1758, ч. 1, стр. 394) совершенно неправильно предположил, что северный пункт, достигнутый Берингом, есть та гора Сердце-Камень на берегу зал. Креста, которую чукчи называют, как мы видели, Линглингай и которая лежит на целых полтора градуса южнее. Название Сердце-Камень закрепил за ледовитоокеанским мысом, ссылаясь на Миллера, Кук Cook, III, p. 336—7, франц. пер.), бывший здесь 1 сентября 1778 г. и дающий для мыса широту 67° 3′.

паки в те же скважины вставляют; и живут де те люди по неимению у них удобного лесу в поставленных из больших моржевых кож и осыпанных землею юртах" (стр. 166—167).

Недалеко от этого острова, в расстоянии дня ходу на байдарах, есть земля, которую чукчи называют *Большою Землею*, считая, что она обширнее страны, обитаемой ими, чукчами. Люди, живущие здесь, зовутся *кыхмынцами* (собственно, *кыхми*, т. е. эскимосы, об этом см. выше, стр. 68). По языку кыхмынцы отличаются от чукоч, но сходствуют с живущими на большом острове зубатыми людьми. Жен имеют по две, по три, по четыре.[1] Платье носят из оленьих кож, куниц и лисиц красных; как впереди, так и позади пришивают хвосты разных зверей.[2] Шьют платье иглами из красной меди.[3] Медь добывают в своей земле.[4] Железных вещей не имеют, а вместо железных топоров имеют топоры из яшмого камня, которыми рубят лес и делают, что нужно.[5] Огонь добывают высеканием из камня, а вместо трута пользуются сухим мхом.[6] Живут в деревянных и осыпанных землею юртах. Питаются оленьим мясом и рыбою. Оленей ловят летом, когда те перебираются

---

[1] О многоженстве у эскимосов см. Загоскин, I, стр. 47; Nelson, p. 292.

[2] Относительно этого было сказано выше, стр. 66.

[3] О том, чтобы у аляскинских эскимосов были медные иглы, Nelson (p. 106) не упоминает: они делали иглы из кости, моржового зуба, оленьего рога. Медь могла быть у обитателей бассейна реки Медной, где имеются богатые залежи меди и где нередко на поверхности земли попадаются самородки меди. На берегу моря близ устья реки Медной живут эскимосы, соседями их являются индейцы — атапаски.

[4] Это тоже не может относиться к эскимосам.

[5] Железо до прихода русских аляскинским эскимосам не было известно. Топоры они изготовляли тогда (и вплоть до 80-х годов XIX столетия) из нефрита, кремня и других твердых камней. Ими рубили лес, кололи дрова, строгали доски и пр. (Nelson, p. 91—92, табл. XXXIX, фиг. 3—14). Коллинз, производивший в 1928—1930 гг. археологические раскопки древних эскимосских поселений, находил железо только в тех из них, которые относятся не ранее чем к XVII столетию. Однако, среди остатков более древней эскимосской культуры, найденной на островке Пунук близ острова Лаврентия, имеются костяные изделия с изящной и тонкой резьбой, какая, по мнению Коллинза, могла быть произведена только металлическим орудием. Поэтому он высказывает предположение, что железо проникло уже 1600 лет тому назад к эскимосам через Сибирь (H. B. Collins. Prehistoric Eskimo culture on St. Lawrence Island. Geogr. Review, 1932, p. 111, 117—118). Но эти предположения совершенно бездоказательны.

[6] Огонь эскимосы Берингова моря добывают, высекая из кремня, но чаще — вращая, посредством веревки, острие палочки на деревянной подставке (Nelson, p. 75—76).

вплавь через большие реки; в реках же промышляют красную рыбу[1] и гольцов.[2] Зимою возвращаются к морю. В стране этой много лесу: елового, березового, лиственичного. В лесах разные звери: красные и черные лисицы,[3] белые и голубые песцы, волки, куницы, похожие на соболей,[4] по рекам бобры.[5] Зимою и весною в лесах промышляют диких оленей, делая засеки. Люди Большой Земли ведут войны как с чукчами, живущими у Чукотского носа, так и с островными зубатыми людьми. Вооружение у них — луки и копья. Луки из елового „коренья“,[6] а у некоторых из камышевого дерева. Стрелы и копья имеют, как и чукчи, костяные, каменные и хрустальные.[7] Стрелы смазывают соком ядовитой травы *лютика*, „от которого человек, получив стрелою язву, в скором времени опухнет и умрет“[8] (стр. 171).

---

[1] Лососевые: горбуша (Oncorhynchus gorbuscha), кета (O. keta), чавыча (O. tschawytscha), кижуч (O. kisutch), красная или нярка (O. nerka).

[2] Тоже из лососевых: голец или мальма, Salvelinus alpinus malma.

[3] Чернобурая лисица есть цветовая вариация обыкновенной („красной“) лисицы, в данном случае—вариация Vulpes fulva (или alascensis).

[4] Действительно, в Аляске соболя нет, а есть куница, принадлежащая к виду Mustela americana.

[5] Castor canadensis. Теперь речные бобры почти истреблены в Аляске.

[6] Загоскин (Пеш. опись, I, стр. 61) говорит, что на Аляске луки выгибаются из лиственичной или еловой крени. Кренью называют дерево с винтообразно извитыми слоями. Чукчи делали луки тоже из лиственичной крени (см. Д. Э. Ухтомский. Чукотские стрелы. Ежегод. Русск. антроп. общ., IV, 1913, стр. 105).

[7] Наконечники стрел и копий делаются эскимосами из кости, кремня, нефрита, моржового зуба, оленьего рога, иногда из металла (Nelson, p. 145 147—152, 157). Нельсон описывает и изображает наконечник копья из хрусталя, происходящий с берегов Нортонова залива (p. 149, табл. LVIIa, фиг. 5).

[8] Луки и стрелы у эскимосов были в ходу до последнего времени, но, Nelson (p. 157) ничего не говорит о том, чтобы стрелы смазывались ядом; не упоминает об этом и Загоскин (I, стр. 60—61). Луки у чукоч теперь почти вышли из употребления, но до тридцатых годов прошлого столетия были в ходу. По описанию Богораза (Chukchee, p. 155—157), наконечники стрел делались из железа, кости, дерева. Стрелы не отравлялись, по словам Богораза, ни у чукоч, ни у других народов северовосточной Азии (Bogoras, l. c.). Однако, Крашенинников (Описание Земли Камчатки, I, 1755, стр. 209) говорит: „еще надлежит упомянуть о корени Згате (Anemonoides et Ranunculus), а по Российски Лютике, которого действие и употребление не токмо Камчадалам, но Корякам, Юкагирям и Чукчам не безизвестно. Все объявленные народы толченым корнем лютика намазывают стрелы свои“ (ср. также II, стр. 67). То же относительно камчадалов и курильцев (Kuschi) повторяет и Стеллер (G. W. Steller. Beschreibung von dem Lande Kamtschatka. Frankf. und Leipz., 1774

Сведения Кузнецкого

О Большой Земле рассказывал Пленисперу еще казак Борис Кузнецкий, который был в 1754 году взят оленными чукчами в плен и прожил у них долгое время на реке *Омгаяне* пониже устья реки *Тиркигей* (это реки Амгуема или Омгувеям),[1] впадающая в Ледовитое море восточнее мыса Рыркайпый, и ее приток Тыртигей). Жителей Большой Земли чукчи называют *Кыхмыльцами* (т. е., кыымылыт, см. выше, стр. 68). Будучи вместе со своим хозяином у сидячих носовых чукоч, Кузнецкий видел тут „двух баб да одного мужика", которые были взяты чукчами в плен с Большой Земли года четыре тому назад. У одной из пленниц казак увидел „на вороту привязанные две плашки четвероугольные маленькие, по краям незнаемыми словами подпись, которые им, Кузнецким, признаны золотыми" (стр. 190). Женщина объяснила, что пластинки она привезла с собой с Большой Земли, куда эти вещи попадают с юга: в теплой стороне живут люди, к которым ездят их мужики и покупают эти вещи. У этих дальних людей белые каменные избы и светлая посуда.

Кроме того, Кузнецкий сообщил довольно подробные и точные сведения о Чукотской земле и о чукчах. Образ жизни их Кузнецкому не пришелся по вкусу „и то их Чукотское между самыми каменьями житие, за неимением лесу, самое уже последнее, а к тому и мерзкое, коего едваль в свете для человеческого жития хуже быть может". Он же подтверждает (стр. 193), что у чукоч копья и стрелы бывают железные, костяные и каменные из хрусталю и что они стрелы отравляют соком лютика.

---

p. 94—95, 235—236). А. С. Полонский (Курилы. Зап. Геогр. общ. по отд. эит., IV, 1871, стр. 454) также говорит (не со слов ли Стеллера?), что курильцы намазывали стрелы ядом лютика. То же подтверждают и японские источники, рассказывающие, что курильцы на острове Урупе, в 1770—1771 гг., стреляли в русских отравленными стрелами (см. Д. Позднев. Материалы по истории северной Японии и ее отношений к материку Азии и России. Т. II, ч. 2, Иокохама, 1909, стр. 21, 25). Равным образом и Torii (Journ. Coll. Sci. Univ. Tokyo, XLI, № 1, 1919, p. 225) говорит о том, что курильцы, равно как и айны островов Иезо и Сахалина, отравляли стрелы настоем растения „суруку". Лютиком на Камчатке называют Aconitum kamtschaticum и A. Fischeri (см. В. Л. Комаров. Путеш. по Камчатке в 1908—09 г. М., 1912, стр. 451).

[1] Название Омгувеям встречается на карте, приложенной к работе И. П. Толмачева. По Чукотскому побережью Ледовитого океана. СПб., 1911 (см. также стр. 90).

Сообщение эскимоски Иттень

Возвращаемся к Большой Земле. Любопытнейшие сведения о Большой Земле сообщены Пленуснером в документе, озаглавленном: „Копия с допросу Чукотской девки Иттени, по которому описание Чукотских островов и Большой Земли на карте положено".[1] Пленная эскимоска *Иттень*, в крещении Татьяна, была родом из Большой Земли, именно с „вершины реки Куки". Это, очевидно, река Коюк, впадающая в залив Нортон (Norton Bay). Коюк течет в верхнем течении с запада на восток, и верховья его находятся километрах в двухстах от Берингова пролива.[2] Десятилетней девочкой Иттень была взята в плен островными зубатыми чукчами (т. е. эскимосами) и жила у них два года, а затем продана на материк одному оленному чукче, который дал за нее железное копье и два пыжика (т. е. шкуры молодых оленей) — предметы, которые чукчи сбывали эскимосам. Через год чукча доставил молодую эскимоску в низовья Анадыря и променял ее анадырскому казаку Шипунову за медный котел. Шипунов привез ее в 1761 году в Анадырск и здесь окрестил.

Эскимоска сообщила, что ее племя „никогда по Чукотски лиц своих не шьет", т. е. не татуируется, а лицо у ней „было вышито" уже в плену зубатыми чукчами, т. е. островными эскимосами. Нужно заметить, что чукотские женщины у оленных чукоч обычно имеют татуировку на лице в виде нескольких параллельных линий на подбородке и двух таких же линий вдоль носа и далее поперек лба.[3] Операцию эту, довольно мучительную, производят, при помощи иголки, девочкам, когда им минет десять лет, а иногда и раньше. Азиатские эскимоски тоже татуируются, покрывая пунктирным рисунком подбородок, нос, щеки и тыловую сторону кистей. Мужчины татуируются, да и то слабо, только у некоторых азиатских эскимосов и у сидячих чукоч. Американские эскимоски практикуют этот обычай, но не везде: к югу от Юкона только часть женщин татуируется, да и то обычай этот распространился сравнительно недавно.[4]

---

[1] Северный Архив, l. c., стр. 195—201.

[2] См. карту при работе A. Brooks. The geography and geology of Alaska U. S. Geological Survey, Profess. paper № 45, Washington, 1906 (также р. 93). Карта эта в уменьшенном масштабе перепечатана в работе Каллиникова.

[3] Bogoras, p. 254, табл. XXIX; также рис. на стр. 255.

[4] Nelson, p. 50.

Далее Иттень показала, что железа и железных топоров на Большой Земле нет; есть небольшое количество железных ножей, но получают их от чукоч. Топоры делают каменные. Медных изделий тоже не имеют. „Крепостей никаковых от неприятелей не имеют“. Женщины заплетают волосы в две косы, а мужчины „волосы оставляют напереди ровно с бровями, а назади с самого темя до затылка режут ножами“.[1] „Еще же бабы и девки носят на лбу кружки белые светлые, а какие, серебреные ль или оловяные, о том показать не знает“ (стр. 199). Таких украшений Нельсон не описывает. „На той Большой Земле оленей езжалых нет, а ездят на собаках; у нарт делают полозья долгие и толстые, а копылье вставлют частые и подкладывают под те полозья из ребер и щек гладко сделанную китовую кость для нартеной катости“. И Нельсон (p. 207) говорит, что у больших саней полозья подбиваются полоской из кости, выпиленной из челюсти кита и прикрепляемой деревянными гвоздями. По словам Иттени, между Большой Землей и Чукотской пять островов, из которых на трех восточных живут Зубатые чукчи (это могли быть: остров Укивок, мыс Принца Уэльского, принятый за остров, и остров Крузенштерна). „Четвертой, третьего больше, в левую их сторону, такой же тальник мелкой есть, и живут люди уже не Зубатые, и носят платье по тому же, птичье и оленье и из китовых брюшин и весьма многолюден“; это, повидимому, остров Ратманова; но непонятно, почему обитателей его Иттень не причисляет к Зубатым. На пятом острове живут чукчи, и „с того пятого острова уже почитается Чукотская земля“; это, вероятно, мыс Дежнева, который с моря кажется островом.

[1] Ср. Nelson, p. 57, табл. V—XII.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВТОРАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ БЕРИНГА

1733—1742

XI. Снаряжение экспедиции. Участники

Задачи второй экспедиции

Беринг сам сознавал, что его плавание 1728 года не вполне разрешило поставленные ему задачи. Немедленно по возвращении в Петербург, уже в апреле 1730 года, он подал проект новой экспедиции. В этом проекте он предлагал построить на Камчатке судно и на нем постараться разведать берег Америки, которая, по предположениям Беринга, „не очень далеко от Камчатки, например, 150 или 200 миль быть имеет“. В качестве довода в пользу этого мнения Беринг приводил следующее соображение: „выведывая, изобрел“ (т. е. открыл) он, „что далее оста, то море волнами ниже подымается, также и на берег острова, именуемого Карагинской, великой сосновый лес, которого в Камчатской земле не растет, выбросило“.[1] Кроме того, полезно было бы

---

[1] Подробнее об этом говорит Миллер (Сочинения и переводы, 1758, ч. I, стр. 208): „На Карагинском острову, лежащем против устья реки Караги, примечены у тамошних жителей (коряков. *Л. Б.*) большие бревна еловые и сосновые, которые употреблены на подпоры и в стены в их зимних земляных юртах, а такого лесу нет ни на Камчатке, ни на островах, близ земли сей лежащих. Жители сами сказывали, что такой лес иногда приносит к их острову восточным ветром“. В эти широты (57°—58° с. ш.) выкидной лес может попадать только с Юкона. О том же острове Миллер (стр. 207—208) рассказывает следующее: „Сказывают, что около 1715 году жил на Камчатке человек иностранной, которой по причине Камчатских мелких кедровых орехов и нисских кустов, на коих растут те орехи, объявлял о себе, что он родился в такой земле, где растут кедровые дерева высокие, а на них орехи гораздо крупнее Камчатских; а сия де земля лежит от Камчатки на восток. В ней де есть большие реки, которые впали в Камчатское море. Жителям де имя *тонтолы*; они обыкновениями схожи с камчадалами и употребляют к водяному ходу такие же коженые суда, или байдары, как Камчадалы. Назад де тому много лет приехал он с землякам и своими на таком судне на Карагинской остров, где товарищи его от тамошних жителей убиты, а он, оставшись один, ушел на Камчатку“. Заметим, что

„Охотской или Камчатской водяной проход до устья реки Амура и далее, до Японских островов, выведывать; також, ежели возможность допустит, и с Японами торг завесть, чегоб не малой прибыли Российской Империи впредь могло оказаться". Наконец, Беринг указывал на необходимость исследования берегов Сибири от Оби до Лены.[1]

По словам Г. Миллера, деятельное участие в осуществлении проектов Беринга принимал сенатский обер-секретарь Иван Кириллович Кирилов.

17 апреля 1732 года последовал указ о снаряжении новой экспедиции на Камчатку под начальством Беринга. В обсуждении плана экспедиции принимали участие сенат, Адмиралтейств-коллегия и Академия наук. Астроному Иосифу Делилю было поручено составить карту Камчатки и прилежащих стран. Первая экспедиция Беринга не принесла данных, которые позволили бы разрешить вопрос о том, как далеко отстоит Америка от Азии. Это сознавал И. Делиль, который в своей объяснительной записке к карте писал: „А понеже також мало известно, сколь далеко Америка на северо-восток простирается, то может статься, что она там с Азией сближается, что между оными не широкий пролив находится, по которому, в способную погоду, может быть небольшими судами ходить безопасно".[2] Делиль высказывает предположение, что земля, в которую вдались заливы Гудсонов и Баффинов, продолжается далеко на запад и что „следовательно, самый крайний нос Азии [т. е. мыс Восточный или Дежнева], где Капитан Беринг был, близко к вышеупомянутым берегам подался. И ежели бы таким образом твердая земля Америки так далеко простиралась, то бы подле Азиятских берегов, подле которых Капитан Беринг ходил, надлежало означить пролив Анианской.[3] Токмо я того утверждать не могу, есть ли такой пролив или нет, ибо может быть, что токмо думают, что есть".

у камчадалов лодки не кожаные, а деревянные. Большие реки, леса и кожаные лодки указывают на Аляску и эскимосов. Название „тонтолы", очевидно, относится к обитателям берегов реки. Юкона. В. Берх (Хронологическая история открытия Алеутских островов. СПб. 1823, стр. 129—130) передает, что промышленник Василий Иванов, много путешествовавший „во внутренности Америки", т. е. в Аляске, рассказывал ему о широкой реке *Тунте*, на которой находилось более 40 селений. Тунта — это, очевидно, одно из многочисленных наименований Юкона.

[1] А. Соколов. Записки Гидрогр. департ., IX, 1851, стр. 435—436.

[2] Соколов, 1851, стр. 438.

[3] Об Анианском проливе см. выше, стр. 7 сл.

Иосиф Делиль составил в 1731 году в руководство экспедиции карту[1] „земель и морей, расположенных к северу от Южного моря“ (т. е. северной части Тихого океана). На этой карте к югу от Камчатки и к востоку от „Земли Иесо“ нанесена несуществующая „Земля, которую усмотрел Дон-Жуан-де-Гама“. В подтверждение реальности этой Земли Делиль ссылается на вышеприведенные данные Беринга о нахождении земли к востоку от Камчатки. Между тем сообщение Беринга относилось к Командорским островам, в те времена еще не открытым. Как бы то ни было, Делиль рекомендовал искать Землю Гамы „на полдень“ от Камчатки, к востоку от так называемой Земли Компании, найденной голландцами в 1643 году. „На сей земле, где был Гама, сколько мне известно, еще никто не был, и, следовательно, там не можно еще ни какой державе иметь своего владения“. Относительно этой Земли Гамы Делиль высказывает предположение, не соединяется ли она с Америкой в области Калифорнии. Как указывает Гольдер,[2] Земля Гамы впервые появляется на карте, которую составил Texeira в 1649 году, а на карте Гомана, опубликованной около 1712 года, Земля Езо (Terra Esonis) отождествлена с Землей Гамы и предположительно продолжена до Северной Америки. Эта же Земля Гамы (Terrae a Ioanne de Gama detecta, sic!) изображена на карте Российской империи Ивана Кирилова 1733 г., на которой впервые использованы данные первой экспедиции Беринга (рис. 30). Как представлял себе сам Делиль землю Гамы, можно видеть по карте, опубликованной им в Париже в 1752 году (рис. 7).

Неверная карта Делиля была, как увидим, причиной многих неудач экспедиции Беринга.

По проекту Беринга, и вторая экспедиция должна была достичь Камчатки сухим путем, через Сибирь, как и первая. Следует, однако, отметить, что президент Адмиралтейств-коллегии адмирал Николай Головин внес предложение осуществить экспедицию в Камчатку морским путем — кругом

---

[1] Рукописный оригинал карты хранится в Париже, в Service hydrographique de la marine. Копия ее впервые опубликована Гольдером в: F. A. Golder. Bering's voyages, II, New York, 1925, при р. 72. Объяснительная записка Делиля в переводе на русский язык, сделанном во времена Беринга, напечатана А. Соколовым, 1851, стр. 437—445, а в оригинале у: F. A. Golder. Russian expansion on the Pacific, 1641—1850, Cleveland, 1914, p. 302—312.

[2] Golder. Bering's voyages, I, p. 2—3.

Южной Америки, мимо мыса Горн и Японии; Головин брался даже стать во главе такого предприятия.[1] Но проект его не был принят, и первое русское кругосветное плавание осуществлено было лишь в 1803 году под начальством Крузенштерна и Лисянского, которые избрали именно тот путь в Камчатку, который был предложен Головиным—мимо мыса Горн.[2]

Участники

Начальником экспедиции назначен был Беринг, помощником ему определен Чириков, вторым помощником Шпанберг. Последний предназначался в качестве начальника отряда для плавания в Японию; впоследствии к нему были назначены англичанин лейтенант Вальтон и голландец мичман Шельтинг (Шхельтинг).

Из штурманов, участвовавших в плавании Беринга, отметим имена Свена Ваксeля и Софрона Хитрова. Оба они оставили записки, доселе не опубликованные.[3] Для описи северных берегов Сибири определены лейтенанты Муравьев и Павлов, впоследствии смененные Малыгиным и Скуратовым; Овцын, работы которого продолжал Минин, затем Прончищев и Ласиниус, по смерти замененные Харитоном и Дмитрием Лаптевыми.

От Академии наук были назначены: натуралист Иоганн Гмелин, затем профессор истории и географии Герард Миллер, впоследствии знаменитый историограф, наконец, „профессор астрономии" Людовик Делиль-де-ла-Кройер; помощниками у него были студенты Красильников, впоследствии член Академии наук, и Попов. Гмелин и Миллер впоследствии были заменены Стеллером и И. Фишером.

Герард Фридрих (а по-русски Федор Иванович) Миллер[4] родился в 1705 году в Герефорде, в Германии. Два-

---

[1] Дела в б. Государственном архиве; см. Golder, l. c., p. 27. См. также Соколов, 1851, стр. 206, 468.

[2] См. Л. Берг. Открытия русских в Тихом океане. „Тихий океан", изд. Акад. наук, 1926, стр. 17.

[3] Донесение Ваксeля, посланное им Адмиралтейств-коллегии в ноябре 1742 г. из Петропавловска, напечатано в переводе на английский язык у: Golder. Bering's voyages, I, 1922, p. 270—282.

[4] Подробная биография его у Пекарского, l. c., стр. 308—430. См. также: Н. В. Голицын. Портфели Г. В. Миллера. М., 1899, 150 стр., где помещено подробное описание документов, оставшихся после Миллера, а также напечатана автобиография историка (стр. 136—148).

Рис. 30. Северо-восточная часть карты Российской империи, составленная Иваном Кириловым в 1733 г. № 3528 картографического архива Академии наук.

На карте использованы данные 1-й Камчатской экспедиции Беринга. Нанесены Курильские о-ва (по расспросным данным), Сахалин, о-в Иезо и несуществующая Земля Гамы. Корректурный экземпляр, подписанный к печати Кириловым 21 августа 1733 г.

дцатилетним юношей он был приглашен на службу в Петербургскую академию со званием студента. В 1733 году был назначен в экспедицию Беринга, в которой и пробыл, вместе с Гмелином, 10 лет. В Сибири Миллер работал в архивах, делая выписки из бумаг, относящихся к истории и географии края. Помимо того, изучал быт бурятов, тунгусов, остяков, вогулов. Так как сибирские архивы затем по большей части погорели, то собранные Миллером материалы (а они хранятся частью в Москве в Центральном историческом архиве, частью в архиве Академии наук) представляют бесценное сокровище. Часть документов напечатана в Собрании государственных грамот и договоров (1819—1828), Дополнениях к Актам историческим в Памятниках сибирской истории.

В феврале 1743 года Миллер вернулся в Петербург. Здесь он обрабатывал собранные им материалы, напечатал первый том „Описания Сибирского царства“ (1750), с 1755 года в продолжение 10 лет выпускал при Академии периодическое издание „Ежемесячные сочинения“, первый в России научно-популярный журнал. Здесь помещены чрезвычайно ценные статьи Миллера по истории исследования Сибири. Беспокойная жизнь в Петербурге заставила историографа переехать в 1765 году в Москву, где он и скончался в 1783 году. Это был ученый большого таланта, широкого кругозора и громадной эрудиции. Заслуги его перед наукой неоценимы.

Иоганн Георг Гмелин[1] родился в 1709 году в Тюбингене. Окончив здесь медицинский факультет, он в 1727 году приехал в Петербург и в 1731 году был объявлен в академическом заседании профессором химии и натуральной истории. Значительную часть своего путешествия по Сибири он проделал совместно с Миллером, с которым и вернулся в Петербург в 1743 году. Здесь он приступил к обработке ботанических коллекций, собранных им в Сибири, и через три года представил Академии первый том своего классического труда Flora sibirica. В 1741 году Гмелин был отпущен на год заграницу, с обязательством вернуться назад. У себя на родине он был назначен профессором медицины в Тюбингенский университет и возвратиться в Россию отказался. В 1751—1752 годах Гмелин опубликовал в Геттингене свой знаменитый отчет о сибирском путешествии: Reise durch Sibi-

[1] Биография его у Пекарского, стр. 431—457.

rien, он переведен на многие языки, но не на русский. В 1755 году Гмелин скончался. Его „Путешествие" представляет чрезвычайно важный географический памятник, а Flora sibirica, заключающая описание 1178 сибирских видов, весьма высоко ценится ботаниками.

Георг Вильгельм Стеллер[1] родился во Франконии в 1709 году. 25-летним юношей он приехал в Петербург искать счастья. Здесь он служил сначала врачом у Феофана Прокоповича, а в 1737 году был принят в Академию на службу адъюнктом натуральной истории при Камчатской экспедиции и, согласно своему желанию, отправлен на Камчатку. В том же году Стеллер выехал в Томск; переболев здесь горячкой, он в 1739 году прибыл в Енисейск к Миллеру и Гмелину. Последний во втором томе своего „Путешествия по Сибири" дает меткую характеристику Стеллера. Это был натуралист весьма даровитый и вместе с тем путешественник прирожденный. Он не останавливался ни перед какими трудностями и вел жизнь самую простую. Имел один сосуд, в котором сам стряпал свою пищу и из которого и ел и пил. Всякое платье и всякий сапог были ему впору. Всегда он был весел. При всей беспорядочности жизни, Стеллер был наблюдатель весьма точный.

Из Енисейска Стеллер поехал в Иркутск, отсюда в Баргузинск и Кяхту. В начале 1740 года встретился в Киренске с Шпанбергом. В мае того же года был в Якутске, а 20 августа в Охотске. Выйдя отсюда на судне „Охотск" на Камчатку, 21 сентября 1740 года прибыл к устью Большой реки. Приглашенный Берингом принять участие в путешествии к берегам Америки, Стеллер 20 марта 1741 года прибыл в Петропавловск. Приемом Беринга он остался весьма недоволен и писал в сенат: „Во всем принят не так, как по моему характеру принять надлежало, но яко простой солдат и за подлого от него, Беринга, и от прочих признаван был, и ни к какому совету я им, Берингом, призыван был".[2] О плавании Стеллера подробно говорится ниже. По возвращении с острова Беринга, он еще два года оставался на Камчатке, занимаясь здесь исследованиями. 3 августа 1744 года отправился в Охотск. Пробыв довольно долго в Якутске, он весной 1746 года приехал в Соликамск и лето провел в ботанических экскурсиях. Но здесь его ждала беда. На

[1] Биография его у Пекарского, стр. 587—616.

[2] Донесение сенату от 16 ноября 1742 г. (Записки Академии наук, XV, приложение № 1, 1869, стр. 15).

Камчатке Стеллер имел столкновения с мичманом Хметевским. Они посылали друг на друга жалобы. В одном из доносов Хметевский писал, что Стеллер самовольно отпустил в Большерецке камчадалов, главных зачинщиков восстания. Сенат распорядился строго допросить Стеллера в иркутской канцелярии. В 1745 году, в бытность в Иркутске, путешественник дал объяснения, которые были признаны удовлетворительными; канцелярия дозволила ему продолжать путешествие и обо всем донесла сенату. Получив из Сибирского приказа извещение, что Стеллер едет в Петербург, но не имея еще вышеупомянутой бумаги от иркутской канцелярии, сенат послал нарочного с приказанием везти Стеллера обратно в Иркутск. Это распоряжение застало нашего натуралиста в Соликамске. Отправившись согласно предписанию обратно, он доехал уже до Тары, как здесь застало его второе предписание сената, посланное с курьером: „Стеллера из караула освободить, а ехать им как Стеллеру, так и курьеру в С.-Петербург, каждому особо и Стеллеру по его воле". Дело в том, что сенат успел получить донесение иркутской канцелярии о невиновности Стеллера. Путешественник опять поехал обратно к Петербургу, но, не доезжая до Тюмени, заболел горячкой и умер 12 ноября 1746 года. Погребен он в Тюмени.

После Стеллера осталась масса рукописей; часть их опубликована. Главнейшее из напечатанных трудов: наблюдения над морскими зверями Берингова моря (1752), дневник путешествия в Америку (1793) и, наконец, описания Камчатки (1774) и Берингова острова (1781).

Стеллер был необычайно талантливый человек, и преждевременная смерть его — большая потеря для науки. О его удивительной проницательности мы будем иметь случаи неоднократно говорить. Натуралист разносторонний и наблюдательный, обладавший большим запасом знаний, громадной памятью, неисчерпаемой энергией и умением приспособляться ко всем невзгодам путешествий, он вместе с тем отличался большим самомнением, заносчивостью и весьма неприятной склонностью вмешиваться в дела, которые его официально не касались. Этим объясняется крайне враждебное отношение, какое он вызвал к себе среди командного состава „Св. Петра". Его отзывы об офицерах этого судна продиктованы злобой и никоим образом не могут приниматься на веру. В своем ослеплении Стеллер нередко даже переходит границы здравого смысла, как, например, когда обвиняет

Вакселя и Хитрова „в измене и предательстве“ за то, что они, перед высадкой на остров Беринга, правили на север.[1]

Его поведение на крайне важном совете 6 ноября также было крайне неприличным и вызывающим, несмотря на то, что вопрос шел о судьбе судна и всех людей.[2] Не удивительно, что, при таком характере Стеллера, даже дельные советы его (а большинство, действительно, были дельными) принимались недружелюбно.

Наконец, нужно упомянуть об Иоганне Эбергарде Фишере.[3] Он родился в 1697 году в Германии. В 1730 году, имея ученую степень магистра, прибыл в Петербург. В 1739 году отправлен в Сибирь для смены Миллера, просившего о возвращении в Петербург. Фишер, по специальности филолог-классик, для экспедиции решительно ничего полезного не сделал. В Сибири Фишер, человек, по отзыву Гмелина, вздорный и ограниченный, вел себя непристойным образом, бил прикомандированных к нему солдат, не платил за заказанные вещи, говоря, что он „государев человек“ и т. п. Один из солдат в своей жалобе на Фишера рассказывает, что тот велел везти себя „в колыбели или в качке“, которую должны были тащить люди, „а трость свою с костылем велел наперед себя нести таким образом, якобы как перед архиереем носят“. В 1768 году Академией была издана „Sibirische Geschichte“, составленная Фишером по документам, привезенным из Сибири Миллером. В 1774 году вышел русский перевод. Труд этот имеет громадную важность для истории Сибири вообще и в частности для истории открытий в этой стране, но Фишеру принадлежит лишь весьма скромная заслуга компилятора по чужим материалам. Умер Фишер в 1771 году в Петербурге.

„Профессор астрономии“ Л. Делиль-де-ла-Кройер, брат известного астронома академика Иосифа-Николая Делиля, был человек невежественный, пьяница и для экспедиции ничего полезного сделать не мог; попал он по протекции брата.[4]

Кроме перечисленных лиц, в состав экспедиции входили штурманы, лекаря, матросы, студенты, геодезисты, два живописца, конвой из 14 человек, а всего до 570 человек.

---

[1] Reise von Kamtsch. nach Amer., p. 94.
[2] Там же, p. 97.
[3] Пекарский, стр. 617—636.
[4] В 1742 г. иркутская канцелярия доносила Академии наук, что на де-ла-Кройера поступил отчасти подтвердившийся донос, что „оной де профессор де-ла-Кройер имеет при себе торговых и промышленных людей,

Путь через Сибирь

В феврале 1733 года участники экспедиции начали выезжать из Петербурга. Берингу и Чирикову было назначено, построив суда в Охотске или на Камчатке, итти на двух судах для проведывания предполагаемых берегов Америки, чтобы узнать, „какие на них народы, как то место называют и подлинно ль те берега американские“.

Инструкцией 1732 года Берингу предписывалось, когда „найдут острова и земли новые, не подвластные никому, и на них народы, по силе е. и. в. высокого указа, прилежным вашим старанием подданство примут, с такими поступать ласково и никакого свирепства не показывать и жестокостию не поступать“.[1] Шпанбергу поручалось на трех судах описать Курильские острова, а затем итти к Японии и постараться завести с японцами дружественные сношения. Прочие офицеры должны были описать северные берега Сибири, начиная от Архангельска и, если возможно будет, до Камчатки; целью работы полагалось удостовериться, „есть ли соединение Камчатской земли с Америкою, также имеется ли проход Северным морем“.[2] Академики Гмелин и Миллер должны были производить географические и исторические исследования в Сибири и на Камчатке. Делилю поручались астрономические наблюдения и заведывание съемками. Сибирским властям было послано предписание оказывать экспедиции всяческое содействие. Специально для ускорения сношений приказано учредить постоянную почту между Москвой и Тобольском.

Экспедиция была рассчитана на шесть лет. Многие из офицеров и некоторые из нижних чинов взяли с собою жен

под именем служителей — города Томска обывателя Семена Оленева да Филиппа Минина, которые де, под прикрытием живучи при нем многие годы и переезжая с города на город, торгуют заповедною мягкой рухлядью: соболями, лисицами, песцами, горностаями, белкою и всякими товарами беспошлинно тайно, обще с ним, профессором“ (П. Пекарский. История Императ. акад. наук в Петербурге, т. I, СПб. 1870, стр. 153). — Не могут не вызвать улыбки слова Иосифа Делиля об „открытиях, сделанных на пути из Камчатки в Америку кап. Чириковым и моим братом“, т. е. Людовиком Делилем. Этот последний вообще не был в состоянии делать какие бы то ни было открытия. Герард Миллер в Lettre d'un officier de la marine Russienne (1753) иронически говорит, что единственная польза, какую он принес экспедиции, заключалась в том, что он в алеутах „узнал“ тех же американцев, каких он видал раньше в Канаде.

[1] Соколов, стр. 230—231.

[2] Там же, стр. 224.

и детей. Снаряжение морской экспедиции следовало на подводах до Твери, отсюда до Казани Волгою; от Казани до Тобольска на подводах. Здесь экспедиция зазимовала.

Весною 1734 года обоз под начальством Чирикова отправился далее, водою по Иртышу, Оби, Кети, Енисею, Тунгуске и Илиму до Илимска, отсюда сухопутьем до Усть-кута на Лене. Летом 1735 года обоз был доставлен по Лене в Якутск. Беринг прибыл туда еще в октябре предыдущего года, а Шпанберг, посланный вперед, еще в мае (1734). Из Якутска Шпанберг отправился в Охотск, где предстояло подготовить все нужное для экспедиции. Прибыв сюда в октябре, он должен был прежде всего заняться постройкой помещений. Зимою, из-за недостатка провизии, пришлось претерпевать громадные лишения. С весны 1735 года в Охотске приступили к постройке новых судов и починке старых.

Из Якутска Беринг в 1734 году посылал в Нерчинск двух геодезистов, Скобельцына и Шетилова, для отыскания легчайшего пути к Охотскому морю, между верховьями Лены и Уда. Они дошли до реки Еловой, впадающей в Олекму, но дальше, за отсутствием проводников, не могли пройти и в 1736 году вернулись в Якутск. Отсюда Беринг их снова отправил в Иркутск, поручив опять итти той же дорогой. В июле 1737 года они вышли из Нерчинска, дошли до Зеи при устье Гилюя, а отсюда отправились вверх по Зее, но в конце декабря, не надеясь найти дорогу к верховьям реки Уд, повернули к китайской границе и вышли к Албазину.

К концу 1736 года в Якутске собрались Беринг, Чириков, Миллер, Гмелин, Делиль и другие участники экспедиции, а всего, считая с командой, служилыми и с ссыльными, назначенными для перевозки тяжестей в Охотск, до 800 человек. Прошло уже 4 года со времени отправления экспедиции из Петербурга, а между тем к работам еще не приступали. Сенат и Адмиралтейств-коллегия были весьма недовольны такой медлительностью. Отвечая на побуждения ускорить дело, Беринг жаловался на то, что сибирские власти не исполняют его распоряжений. Адмиралтейств-коллегия в ответ на это строго приказывала местным начальствам помогать экспедиции, стращая „не токмо штрафом, но и жестоким истязанием“. Местные же власти, в свою очередь, слали жалобы на членов экспедиции. Беринг в ответ писал: „по чистой моей совести доношу, что уж как мне больше того стараться, не знаю“.

Побуждаемый Адмиралтейств-коллегией, Беринг летом 1737 года, после трехлетнего пребывания в Якутске, переехал в Охотск, хотя экспедиция не была еще подготовлена как следует. Плохая организация, в конце концов, привела к гибели как самого Беринга, так и многих людей.

Еще раньше, весной 1737 года, в Охотск приехал Чириков. В Охотск переведена была и команда, и для пропитания экспедиции требовалось на год до 16 000 пудов провианта. Если принять во внимание, что все это должно было быть привезено издалека, то станет ясным, почему Беринга угнетали опасения, „чтоб такого многолюдства не поморить от голоду“.

В Охотске, под наблюдением Шпанберга, были построены два новых судна: бригантин „Архангел Михаил“, одномачтовое судно длиною в 60 футов, и дубель-шлюпка „Надежда“ длиною 70 футов, трехмачтовая, и исправлены два старых бота, „Фортуна“ и „Гавриил“ длиною по 60 футов. В сентябре можно было выйти в море, но помешал недостаток провианта. 4 октября 1737 года был послан на Камчатку бот „Фортуна“ для привоза оттуда смолы и для перевоза заготовленной в камчатских острогах провизии к Большерецку (на западном берегу Камчатки). На этом боте отправился студент Степан Петрович Крашенинников, впоследствии академик и автор классического труда „Описание Земли Камчатки“ (1755), выпущенного в свет Академией наук уже после смерти путешественника. Переход в смысле погоды был благополучный, но, по прибытии к Большерецку, старое судно было сильным ветром выкинуто на берег и разбито в щепы... Пришлось за смолою посылать в Якутск.

Прежде чем перейти к описанию плаваний Шпанберга и Вальтона к берегам Курильских островов и Японии, сообщим, какие к тому времени имелись сведения об этих странах.

XII. Первые сведения о Курильских островах

Сведения Атласова

Первыми сведениями о Курильских островах мы обязаны Атласову.[1] Сам он на островах не был, но с реки Голыгиной, под 52°10′ с. ш., мог видеть самый северный остров,

[1] Самые южные из Курильских островов усмотрены еще в 1643 году голландцами. Об этом подробно рассказывается ниже.

именно — Алаид, на котором расположен вулкан того же имени. Алаид — самый высокий из Курильских островов: его высота 2330 метров. Раньше вулкан извергал пламя и беспрестанно дымился, но после сильного землетрясения 1778 года погас и теперь только временами курится. Согласно лоции, в ясную погоду Алаид открывается за сто морских миль.[1] Хотя до устья реки Большой, лежащей к северу от Голыгиной, даже больше ста миль, местные источники говорят, что оттуда Алаид бывает виден.[2] Таким образом Атласов не только собрал расспросные сведения о Курильских островах, но, без сомнения, первый из русских, в 1697 году видел один из них.

Курилы, или айны

Название *курилы* было заимствовано казаками, по словам Крашенинникова,[3] от камчадалов, которые называли обитателей южной оконечности Камчатки *кушин (куши)* или *кужин*. Такое словопроизводство может показаться странным; однако казаки камчадальское слово *бажабаж*, что значит травяной шалаш, переделали в барабар, барабора.[4] Дело в том, что в языке камчадалов (ительменов) нет звука *р*, и там, где коряки и чукчи употребляют этот звук, камчадалы произносят *ж*, например, „мы" по-коряцки *муру*, по-камчадальски *мужа*.[5]

Затем, по словам Миллера,[6] ему передавали, что как большерецкие курилы, так и камчадалы называют настоящих курилов Kuride. На языке же курилов, или айнов, *кур* или *куру* значит „человек".[7] По всем этим основаниям, обычное со времен Головнина (1816) мнение, что Курильские острова прозваны так за „курящиеся вулканы", неправильно; они несут свое имя от народа курильцев.

---

[1] Лоция сев.-зап. части Восточного океана. III, СПб., 1905, стр. 243—244

[2] Г. Миллер. Сочин. и перев., 1758, I, стр. 304 (здесь Алаид называется курильским именем Уяхкува, правильнее Уяхкужач, что значит высокий). — Крашенинников, I, 1755, стр. 108. — А. Полонский, Курилы. Зап. Геогр. общ. по отд. этн., IV, 1871, стр. 423—424.

[3] II, стр. 4, 5; I, стр. 103—120. „Звание Курильских островов произошло от жителей ближайших островов к Камчатке, которые от тамошних народов Куши, а от Россиян Курилами называются" (стр. 103).

[4] Крашенинников, II, стр. 29.

[5] С. Н. Стебницкий в „Языки и письменность народов севера", III, 1934, стр. 88, изд. Инст. народов Севера.

[6] G Müller in: Steller. Kamtschatka, 1774, прилож., p. 20.

[7] Л. Шренк. Об инородцах Амурского края. СПб. I, 1883, стр. 132

Рис. 31. Курилец (аин) Иван с о-ва Шикотан (1899 год). (Из Torii, 1919 г.)

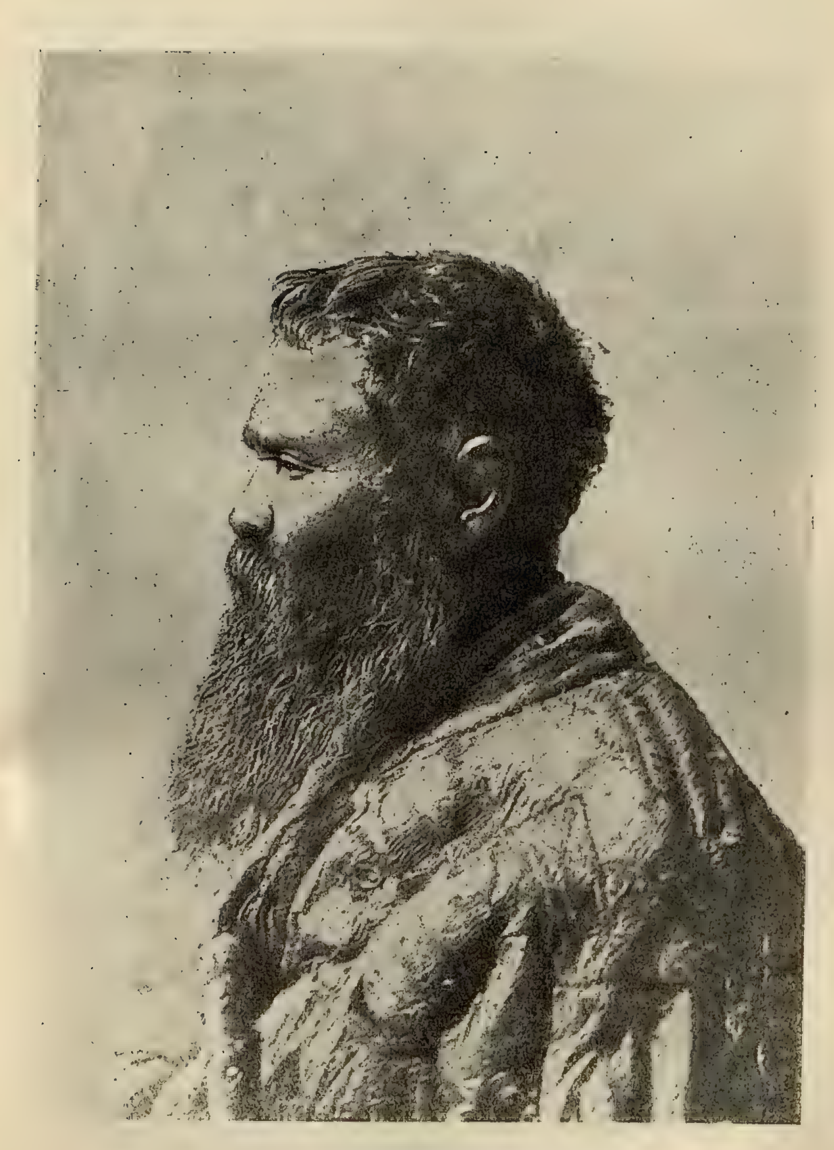


Рис. 32. Тот же курилец сбоку.

10*

Шренк (стр. 132) сообщает, что и гиляки, как сахалинские, так и материковые, называют айнов (т. е. тех же курильцев) *куги*. Один японский автор, писавший в 1720 году, передает, что айны, или курильцы, называли Курильские острова *Куру-миси*, т. е. людская земля. У китайцев и манджуров, которые о сахалинских айнах получили сведения от гиляков, айны были известны под именем *куе*.[1]

Курилы, как мы упоминали, есть тот же народ, что и айны (айну), обитающие на острове Хоккаидо (Иезо) и в южной части Сахалина. Сами себя курилы так и называют *айну*, [2] что на их языке значит человек. Народ этот резко бросается в глаза своей сильно выраженной растительностью на лице (рис. 31, 32) (да и на всем теле). Из-за этого многие относили айнов (а некоторые и теперь относят) к „кавказской“ группе народов. Шренк признавал этот народ за палеазиатов. Были и другие предположения. Л. Я. Штернберг выдвинул гипотезу о происхождении айнов с островов в южной части Тихого океана: „по физическому типу,— говорит он,—айну представляют вариацию той первичной австралоидной длинноголовой бородатой расы, разновидности которой мы одинаково находим и в Австралии, и в южной Индии, и в западной Океании, а особенности их культуры и языка мы находим у самых различных народов Океании и особенно ясно у ближайших из этих народов, живущих в Индонезии, на Филиппинах и на Формозе“.[3] Хотя не все аргументы, приводимые Л. Я. Штернбергом в пользу его идеи, одинаково убедительны, тем не менее его предположение наиболее приближает нас к разрешению загадки о прародине айнов.

О курилах Крашенинников отзывается весьма сочувственно: „они несравненно учтивее других народов: а при том постоянны, праводушны, честолюбивы и кротки. Между собою живут весьма любовно, особливо же горячи к своим сродникам“.[4]

Первые посещения островов русскими

В 1706 году приказчик Василий Колесов посылал в „Курильскую землю“, т. е. в самую южную часть Камчатского

---

[1] Шренк, l. c., стр. 132—133.
[2] Полонский, стр. 376.
[3] Л. Я. Штернберг. Аинская проблема. Сборник Музея антроп. и этногр., VIII, 1929, стр. 369, изд. Акад. наук.
[4] Крашенинников, II, 1755, стр. 182.

полуострова, Михайлу Наседкина, „для умирительства на немирных иноземцов". Наседкин шел в указанное ему место на собаках, прошел от Курильского острога до Носа, т. е. до мыса Лопатки, и убедился, что за Носом, „за переливами", *видна в море земля*, „а проведать де той земли не на чем, судов морских и судовых припасов нет и взять негде, потому что де лесу близко нет и снастей и якорей взять негде".[1] О том еще в 1706 году писал в Якутск приказчик Василий Колесов.[2] Встречающееся нередко указание, что Курильские острова впервые видел Колесов, неправильно: он на Лопатке не был, а посылал туда людей, о чем он сам и сообщал.

Когда в Якутске узнали об островах, лежащих за мысом Лопаткой, казачьему десятнику Василию Савостьянову, назначенному на Камчатку, был послан (9 сентября 1710 года) наказ „поделав суды какие прилично, за перелевами [проливами] на море земли и людей всякими мерами, как можно, проведывать", людей приводить в подданство, сбирать с них ясак „с великим радением" и „той земле учинить особый чертеж".[3] Это поручение было исполнено в следующем году.

В августе 1711 года Данила Анцыферов и Иван Козыревской, желая загладить свою вину (они участвовали в бунте на Камчатке), ходили с Большой реки до мыса Лопатки („Камчадальского Носу"), а отсюда на малых судах и байдарах на первый Курильский остров,[4] или *Шумшу*. Остров этот, как теперь известно, имеет около 30 км в длину.

Миллер говорит, что настоящие курилы живут на втором и прочих островах, но что на Камчатке называют курилами также камчадалов, обитающих к югу от Большой реки; эти „курилы" и обитатели первого Курильского острова — один народ, отличающийся лишь незначительно по языку от прочих камчадалов.[5] Это же подтверждает и Полонский.[6] От камчадалов русские еще при первом знакомстве с Камчаткой узнали, что курильцы (*куш, кужин*) делятся на ближ-

---

[1] Пам. сиб. ист. II, стр. 502—503; ср. также: I, стр. 422, 461—462.
[2] Пам. сиб. ист., I, стр. 422.
[3] Там же.
[4] Сочин. и перев., 1758, I, стр. 297. — Пам. сиб. ист., I, стр. 462—463; II, стр. 536.
[5] Сочин. и перев., 1758, I, стр. 297—298; см. также Крашенинников, I, 1755, стр. 104—105.
[6] А. Полонский. Курилы. Зап. Геогр. общ. по отд. этн., IV, 1871, стр. 374—376.

Рис. 33. Курилец Григорий и его дочь. (Из Torii, 1919).

них и дальних. *Ближние* жили на южной оконечности Камчатки, к югу от параллели реки Авачи и Большой, на так называемой Курильской землице, и на первых двух Курильских островах. При этом курильцы материка и первого острова представляли собою помесь между камчадалами и настоящими курильцами; от камчадалов они несколько отличались языком, обычаями и внешним видом. От этих курильцев получили свое имя Курильское озеро в южной Камчатке и мыс Курильская Лопатка. Жители второго острова, или Парамушира, были настоящие курилы, переселенцы

Рис. 34 Курилки (айны) Мария, Сафира, Стефира (?) и Матрена. (Из Torii, 1919).

с дальних островов. *Дальние* курильцы, с которыми русские познакомились впервые по рассказам японцев, потерпевших крушение у берегов Камчатки, а также по отдельным заезжим курильцам-торговцам, назывались *мохнатыми*, за их — характерный для всех айнов — густой волосяной покров. Попытки подчинить мохнатых начались со стороны России лишь в 1768 году.

На первом острове (т. е. Шумшу) Анцыферов и Козыревский имели бой с „курильскими мужиками“, которые, как оказалось, „к бою ратному досужи и из всех иноземцов бойчивее, которые живут от Анандырского по Камчатскому Носу“. Но это вряд ли соответствует истине: курильцев изображают как народ покорный, робкий и вялый. Это единодушный отзыв Крашенинникова, Тихменева, Полонского и Сноу. Убивши человек десять туземцев и многих ранив, казаки, тем не менее, ясаку взять не могли, ибо „на том их

острову соболей и лисиц не живет и бобрового промыслу и привалу не бывает и промышляют они нерпу; а одежду на себе имеют от нерпичьих кож и от птичьего перья". Отсюда направились к другому острову, где живут иноземцы *Езовитяне*, т. е., как объясняет Миллер, „*курилы*, по японскому называемые *езо*".

Иезо, или правильнее Эзо, есть старое название острова Хоккайдо. Первоначально термином *эзо* японцы обозначали всех „северных дикарей" или варваров, не подчинявшихся власти японского императора. Поэтому старые писатели прилагали это наименование ко всем северным местам. С течением времени эзо отодвигались все дальше и дальше на север, и у позднейших японских писателей под Эзо подразумеваются страны на север от острова Хондо, включая Курильские острова и Сахалин.[1]

Как бы то ни было, Анцыферов и Козыревский имели в виду большой высокий остров *Парамушир* (поро-машири по-аински и значит „большой остров"). Здесь было много жителей. Призывали их „ласкою и приветом" к подданству, но они отвечали, что ясаку никогда никому не платили. „Соболей и лисиц, — говорили они, — не промышляем, промышляем де мы бобровым промыслом в генваре месяце, а которые де у нас были до вашего приходу бобры, и те де бобры испроданы иной земли иноземцам, которую де землю видите вы с нашего острова в полуденной стороне, и привозят де к нам железо и иные товары, кропивные, тканые пестрые, и ныне де у нас дать ясаку нечего". Пробыв здесь два дня, Анцыферов и Козыревский не решились за своим малолюдством дать бой и вернулись обратно. В Большерецк прибыли 18 сентября 1711 года „и тому учинили за руками чертеж".[2] Но чертеж этот, к сожалению, не сохранился. Во всяком случае, изображение виденных Курильских островов должно было быть похоже на то, что имеется на карте Шестакова (рис. 28).

Нельзя не отметить здесь следующее. Один из камчатских казаков, Григорий Переломов, участвовавший в начале 1711 года в убийстве приказчиков на Камчатке, плавал летом того же года на Курильские острова, вместе с Анцыферовым и Козыревским. Будучи потом задержан, он в расспросе и

[1] Д. Позднеев. Материалы по истории сев. Японии, ее отношений к материку Азии и России. I, Иокохама, 1909, стр. 1—2.
[2] Пам. сиб. ист., I, стр. 462—463.

с пытки показал, что он, Переломов, с Анцыферовым были только на первом острову, „а что де он Григорей с убойцами своими со служилыми людьми написали великому государю в челобитной своей и в чертеже, что были на другом морском острову, и то де они Григорей с товарыщи написали в челобитной и в чертеже своем ложно“.[1] Далее тот же Переломов сообщает, что отписка его товарищей от 21 ноября 1711 года о построении на одном из Курильских островов земляного острогу писана ложно.

Но во всяком случае несомненно, что на первом Курильском острове казаки были. А о втором — могли получить сведения от жителей первого. Название же *езо* Козыревский мог услыхать только от пленных японцев, о которых будет сказано в следующей главе.

В 1712 году приказчик камчадальских острогов Василий Колесов дал Ивану Козыревскому поручение измерить землю от Большой реки до южной оконечности Камчатки, а также острова за „переливом“ (1-м Курильским проливом) и „обо всем велел Ивану учинить чертеж и написать всему тому доезд“. Ходил ли Козыревский в этом году на Курильские острова, неизвестно.[2] Но, во всяком случае, он подал Колесову, за своею рукою, чертеж и доезд „о мере сколко Носовой земли до перелеву и за перелевом[3] о морских островах“. Кроме того, Козыревский привез в казну великого государя „с прежних разбойных бус“, т. е. с разбившихся судов,[4] 22 золотника золота красного, в плашках и в кусках, а все „с надписанием их языка“. Речь идет о потерпевших в 1710 году крушение японских судах, о чем будет сказано ниже (глава XIII). Полученные от японцев сведения о Курильских островах и Японии очень пригодились Козыревскому, и он ими широко пользовался в своих отчетах.

В 1713 году Колесов, во исполнение данного ему указа, снова посылал Козыревского с Камчатки „для проведывания от Камчатцкого Носу за перелевами морских островов и Апонского [т. е. Японского] государства“. Ему дано „55 слу-

---

[1] Пам. сиб. ист., II, стр. 536 (это показание сообщено в Якутске приказчиком Василием Савостьяновым 29 декабря 1712 г.).

[2] Миллер (стр. 299—300) говорит, что ходил.

[3] В документах начала XVIII века, относящихся до Курильских островов, пишут и *перелив* и *перелев*, почему ударение на этом слове должно было приходиться на первый слог: пѐрелив.

[4] Пам. сиб. ист., I, стр. 542; см. также II, стр. 45. Слово *буса* объяснено ниже, стр. 174.

жилых и промышленных людей, 11 ясашных инородцев" и поручено поделать на Большой реке мелкие суда и на них итти „за перелевы", т. е. к Курильским островам. В Верхнекамчатске Козыревскому выдано две медных пушки, двадцать ядер, пищаль, порох, свинец и другие припасы. Кроме того в качестве лоцмана („вожа") и толмача предоставлен японский полоняник, именем Сана.[1] По возвращении, Козыревский подал Колесову доезд и „тем островам чертеж, даже и до Матманского острова" (т. е. до острова Матсмай или Иезо или Хоккаидо).[2] На втором острове „курильцы были зело жестоки и наступали в куяках [панцырях из пластинок], имея сабли, копья и луки со стрелами".[3] Казаки имели с ними бой. Третий остров был только „проведан", но плыть туда не решились. Вместе с отчетом Козыревский представил приказчику „погромное" платье — дабиное, шелковое и крапивное, найденное на втором острове, японские сабли, три плашки (монеты) золота, двух иноземцев — аманатов со второго острова и одного дальнего курильца именем Шатаной, зашедшего с Итурупа на второй остров для торговли японскими товарами.[4]

Миллер[5] и Полонский говорят, что Козыревский далее первых двух Курильских островов (Шумшу и Парамушира) не был, а сведения свои собрал главнейше от вышеупомянутых курильцев и японцев. О своих наблюдениях он сообщил якутским властям, а также Берингу, во время пребывания последнего в Якутске, в 1726 году. К своим объяснениям Козыревский приобщил „чертежи матерой земли и островам". Извлечения из показаний Козыревского дает Миллер,[6] чертеж же Курильских островов не должен многим отличаться от того, что мы находим на карте Шестакова 1726 года, о которой мы говорили выше (стр. 108).

---

[1] Пам. сиб. ист., I, стр. 542—543. По А. Полонскому (Курилы, стр. 393) его имя было Сан.

[2] Пам. сиб. ист., II, стр. 46.

[3] Полонский, стр. 390; также Пам. сиб. ист., II, стр. 46.

[4] В Сибирск. вестнике, 1823, ч. 2, отд. „биография", стр. 30, курилец с Итурупа носит имя Иштанай (здесь даны Г. Спасским очень краткие и частью неверные сведения о Козыревском, взятые из неопубликованной Сибирской летописи Ильи Черепанова).

[5] Сочин. и перев., 1758, I, стр. 302.

[6] Г. Миллер. Сочин. и перев., 1758, I, стр. 308—312. См. также А. Сгибнев. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке. Морск. сборн., 1869, апр., стр. 84—85.

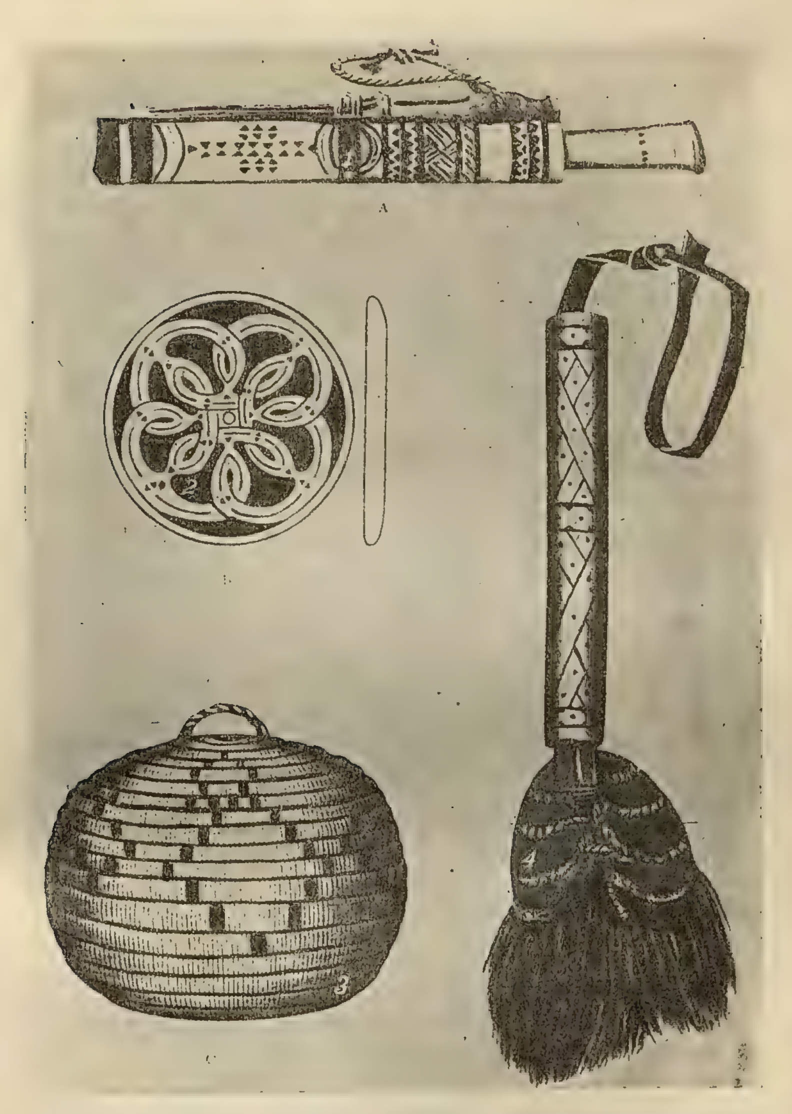


Рис. 35. Предметы курильского обихода с острова Шикотан, собранные японским этнографом R. Torii в 1899 г. (из Torii, 1919).

1. Нож в ножнах. Ножны с орнаментом. Такой нож носили и мужчины и женщины всегда за поясом. *2.* Деревянная пряжка от пояса. *3.* Корзина из стеблей злака Elymus mollis. *4.* Костяной футляр, украшенный клювами „этупирика“. Согласно Torii, от курильских слов etou — клюв и pirika — красивый. Но, может быть, с русского „топорок“, (топорок, Fratercula cirrata, птица из семейства чистиковых). Иголки втыкаются в длинный и узкий ремень, проходящий через футляр. Подобные же курильские футляры известны из неолита острова Шумшу.

Иван (Игнатий) Козыревский

Несколько слов о Козыревском. Это был авантюрист, какими особенно был богат XVIII век. Дед его, поляк, взятый в плен во время войны с Польшей, был сослан на Камчатку. В 1711 году Иван Козыревский принимал деятельное участие в убийстве казачьего головы Владимира Атласова и двух приказчиков.[1] В искупление своей вины он был отправляем на Курильские острова. После этого, в 1716 или в 1717 году, в результате каких-то темных дел, Козыревский был вынужден постричься в монахи под именем Игнатия. Но и затем неугомонная личность камчатского авантюриста не исчезает со страниц истории: в 1720 году мы его застаем в Большерецке на Камчатке. Здесь Игнатий, будучи на постоялом государевом дворе, повздорил с одним служилым человеком, укорявшим его, что от него де и прежние приказчики на Камчатке убиты. На это монах Игнатий говорил такие возмутительные и похвальные (т. е. наглые) речи: „которые де люди и цареубойцы, и те де живут приставлены у государевых дел, а не велие дело, что на Камчатке прикащиков убивать“. Отправляя за эти слова Игнатия за караулом в Якутск, заказчик камчатского наряду (так назывались управители, назначавшиеся по острогам приказчиками) Максим Лукашевской, в своей отписке якутскому ландрату Ивану Ракитину, прибавлял: „А от него монаха Игнатия на Камчатке в народе великое возмущение. Да и преж сего в убойстве прежних прикащиков Володимера Атласова, Петра Чирикова, Осипа Липина он монах Игнатий был первый, да и в отказе Алексея Петриловского и Василия Качанова от приказов возмутителем был он же монах Игнатий Козыревской“.[2]

Алексей Петриловский, о котором здесь говорится, был приказчиком в камчатских острогах. Он прославился невероятными грабежами.[3] Между прочим, он „вымучил“ у Козыревского ценные пожитки, которые тот собрал для себя на Курильских островах.[4]

---

[1] Пам. сиб. ист., I, стр. 439—440, 441—451.

[2] Памят. сиб. ист., II, стр. 271—272.

[3] В 1719 г. он был арестован и отправлен для следствия в Якутск, а имение его конфисковано; среди пожитков Петриловского оказалось 5649 соболей, 207 бобров, 1542 лисицы и множество других мехов, а также шуб.

[4] Сгибнев. Морской сборник, 1869, № 4, стр. 85.

В Якутске Козыревскому удалось выпутаться из беды, и он одно время даже замещал архимандрита Феофана в Якутском монастыре. Но в 1724 году вследствие ревизии сибирских дел, вызванной преступлениями Гагарина, всплыло опять дело о камчатском восстании 1711 года. Козыревский был посажен под стражу, но бежал и подал Якутской воеводской канцелярии челобитную, что он знает пути до Японского государства, и просил отправить его по этому делу в Москву. В 1726 году, в бытность Беринга в Якутске, к нему явился монах Игнатий с чертежами и развивал ему свои планы насчет Японии, но Беринг нашел их несоответственными и даже отказал Козыревскому в его просьбе быть принятым в экспедицию.[1] Затем предприимчивому монаху удалось в следующем году устроиться в партию казачьего головы Афанасия Шестакова, отправлявшегося на северо-восток Азии „для изыскания новых земель и призыву в подданство немирных иноземцев“. Козыревскому было поручено плыть вниз по Лене и выйти в море для открытия земель против устья этой реки. В Якутске Игнатий построил на свой счет судно „Эверс“ и на нем в августе 1728 года отправился вниз по Лене. По словам Полонского, неизвестно на чем основанным, Шестаков сулил Козыревскому, что он впоследствии построит для него надежное судно для проведывания Большой земли, т. е. Америки, и морского пути в Камчатку. Козыревский дошел на Эверсе до Сиктаха на Лене и здесь зазимовал. В январе 1729 года Игнатий вернулся в Якутск, а весной судно его изломало льдом.[2]

Затем Козыревскому удалось пробраться в Москву,[3] где судьба сначала ему благоприятствовала: в Санктпетербургских ведомостях от 26 марта 1730 года (стр. 99—100) было даже пропечатано о заслугах его в деле объясачения камчадалов и открытия новых земель к югу от Камчатки.[4] Но вскоре снова всплыло злополучное дело об убийстве им

[1] Эти сведения заимствованы мною из рукописи А. Полонского „Монах Игнатий Козыревский“, хранящейся в архиве Географического общества. Рукопись эта, на 24 страницах, заключает в общем мало нового.

[2] Полонский, l. c., также Сгибнев. Морск. сб., 1869, № 2, стр. 9.

[3] В конце 1729 года — по словам Вебера (Weber. Das veränderte Russland, III, Hannover, 1740, p. 160).

[4] „И о пути к Япану и по которую сторону островов итти надлежит, такожде и о крайнем на одном из оных островов имеющемся городе Матмае или Матсмае многие любопытные известия подать может“ (СПб. вед., 1730, стр. 100).

приказчиков на Камчатке. Игнатий был по приговору синода „обнажен священства и монашества“ и передан в распоряжение юстиц-коллегии, которая в 1732 году определила расстригу казнить смертью, но вместе с тем постановила, „не чиня той экзекуции“, дело передать в сенат. Чем закончилась судьба Козыревского, источники, коими я пользовался, не говорят.

Некоторые из позднейших авторов возвеличивают эту темную личность. Так, ганноверский резидент Вебер (Fr. Chr. Weber) в своей известной книге Das veränderte Russland (Bd. III, Hannover, 1740, p. 158—160) совершенно неправильно передает, будто поводом к первой экспедиции Беринга были сообщения Козыревского (каковы были поводы для этого начинания, мы уже говорили). Точно так же, по мнению Г. Спасского (l. c., стр. 27—32), монах Игнатий „известен в восточной Сибири необыкновенными своими подвигами“. Причиной такого взгляда на К. послужила, надо думать, вышеупомянутая хвалебная статья в С.-Петербургских ведомостях. Впоследствии, впрочем, Спасский изменил свое мнение и в одной статье, написанной в 1858 году, характеризует Козыревского как „отребие сего мира“ со ссылкой на послание к коринфянам. Также и Словцов в своей Сибирской истории (I, 2-е изд., 1886, стр. 204) аттестует монаха как „пройдоху“.

Все же справедливость требует отметить, что Козыревский был первый из русских, посетивший Курильские острова. Он первый собрал о них обстоятельные сведения и составил чертеж.

Первое описание Курильских островов

Возвращаемся к описанию Курильских островов, какое дает Миллер со слов Козыревского или, вернее, со слов пленных японцев и курильцев.[1]

От мыса Лопатки перегребают в кожаных байдарах через пролив в два или три часа, до первого острова *Шумчу*,

[1] Сведения о Курильских островах, полученные от японцев и курильцев, более подробно приводятся Миллером в работе: Fr. Müller. Geographie und Verfassung von Kamtschatka aus verschiedenen schriftlichen und mündlichen Nachrichten, gesammelt zu Jakuzk, 1737, которая была в рукописи передана Миллером Крашенинникову при отправлении последнего на Камчатку. Статья эта напечатана лишь в 1774 г. в приложении к G. W. Steller. Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, pp. 1—58 (о курилах, p. 44—53). Ср. также Крашенинников, I, 1755, стр. 103—120.

обитаемого курилами. По словам Крашенинникова, обитатели Шумшу (Шоумшчу) „не прямые курилы, а камчатского поколения“, т. е. помесь между камчадалами и курилами. На этот остров приходят иногда для торгу южные курилы, покупающие морских бобров, лисиц и орловые перья для стрел.

В настоящее время коренные курилы русской части Курильской гряды (а самым южным из островов, до 1875 года принадлежавших России, был Уруп), или айны (*айну*) — как они, подобно своим сородичам на Сахалине и Иезо, себя называют — почти вымерли. В 1891 году 69 душ их жили на острове Шикотан, относящемся к так называемой малой Курильской гряде, что на самом юге большой Курильской гряды, восточнее острова Кунашира; они были сюда, в числе 97 душ, насильственно переселены в 1884 году японцами с северных островов гряды.[1] В 1899 году, в посещение Тории, всего курилов было на Шикотане, считая с временно ушедшими на север, 62 души, в 1913 году 57 душ. Между тем в 1749 году только на двух самых северных островах числилось 208 человек курил.[2] Вообще же постоянное население, помимо упомянутого острова Шикотана, имеется ныне только на двух южных островах, Кунашире и Итурупе; оно состоит из японцев и айнов (т. е. тех же курилов); всего тех и других около 3000 душ. Летом же на многих островах появляются рыбаки и охотники. Но еще в шестидесятых годах прошлого столетия курильцы жили оседло в количестве нескольких семейств на острове Шумшу, а также и на Парамушире и даже содержали здесь рогатый скот.[3] Капитан Сноу в 1878 году нашел туземцев на Шумшу, Рашау, Ушишире и Урупе, а на многих других островах — остатки поселений из 10—30 жилищ. По словам кап. Новаковского, незадолго до русско-японской войны (1904—1905) на южной стороне острова Шумшу поселились японцы, и поселок этот служил базой для шхун, занимавшихся хищническим ловом морских котиков у Командорских островов.[4]

---

[1] Сноу. Курильская гряда. Перев. с англ. Зап. Общ. изуч. Амурск. края, VIII, I, 1902, стр. 2, 30, 69. — Torii, l. c., 1919, p. 16.

[2] Полонский, стр. 386.

[3] П. Тихменев. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании. Ч. II. СПб. 1863, стр. 380—381.

[4] Примечание на стр. 22 перевода статьи Сноу. По японским сведениям, японцы поселились на Шумшу еще в 1896 г. (см. Матер. к познанию русск. рыболов., III, в. 5, 1914, стр. 91).

Курилы, как сказано, называют себя айнами, и, действительно, они не отличаются ни языком, ни физическим типом от айнов, населяющих Сахалин и Иезо.

По сообщению Тории, посетившего Шикотан в 1899 году, курилы продолжали называть себя русскими именами и фамилиями; здесь было всего четыре фамилии: Сторожев, Новограбленый, „Плетин" и „Шериники", имена же у них были: Евсей, Трифон, Прокофий, Иван, Дарья, Матрена, Мавра, Пелагея, Харитина, Федора и др. Впрочем, каждый носил, кроме того, и аинское имя, напр. Евсей назывался по-аински Камуире-куру, а Авдотья — Тукура-мат[1] (*куру*, или человек, есть обычный придаток к мужским именам, тогда как *мат*, или женщина — к женским).

По современным картам остров Шумшу, или Шимушир, отделяется от мыса Лопатки проливом (1-й Курильский) шириной в 7 морских миль (или 13 км). Длина острова 32 км, ширина 22. Остров сравнительно низмен, высота его не свыше 175 м. На нем есть остатки двух поселений. В бытность Крашенинникова на Камчатке (1737—1741) на Шумшу было три поселения с общим количеством жителей в 44 души. В ручьи, которыми богат остров, входит кета и горбуша. У берегов много нерп, а также живет небольшая колония морских бобров. В море много трески и палтуса. По наблюдениям метеорологической станции, устроенной японцами, в 1902 году средняя температура августа (самый теплый месяц) была +15,4°, средняя февраля (самый холодный) —7,8°. Осадков больше всего зимой и осенью (ноябрь 133 мм), меньше всего летом.

К западу от Шумшу, километрах в 80 от берега Камчатки, находится необитаемый вулканический остров *Алаид*, по-курильски Уякужач. Это высшая точка Курильской гряды. По описанию Крашенинникова (I, 1755, стр. 108), туда ездили жители с Лопатки и первых двух островов для промыслу сивучей и тюленей, которых там множество (и те и другие и до сих пор там сохранились). „Из самого ее [горы] верьху примечается в ясную погоду курение дыму". Со слов Стеллера, Крашенинников передает следующую легенду об Алаиде, слышанную от курильцев около Курильского озера: „бутто помянутая гора стояла прежде сего по среди объявленного озера; и понеже она вышиной своею у всех прочих гор свет отнимала, то оные непрестанно на Алаид негодо-

[1] Torii, p. 19. Не от русского ли слова „мать"?

вали, и с ней ссорились, так что Алаид принуждена была от неспокойства удалиться и стать в уединении на море; однако в память свою на озере пребывания оставила она свое сердце, которое по курильски Учичи так же и Нухгунк, то есть пупковой, а поруски сердце камень называется, которой стоит посреди Курильского озера, и имеет коническую фигуру. Путь ее был тем местом, где течет река Озерная, которая учинилась при случае оного путешествия: ибо как гора поднялась с места, то вода из озера устремилась за нею, и проложила себе к морю дорогу".[1] Тории сообщает, что у японцев существует подобная же легенда относительно вулкана Фудзи-яма, который когда-то помещался на том месте, где теперь озеро Бива; эта легенда ведет свое начало от айнов, ибо фудзи по-айнски значит огонь, вулкан.[2]

Со слов Стеллера, Крашенинников говорит, что на Алаиде, кроме сивучей и тюленей, водятся красные и черные (т. е. чернобурые) лисицы,[3] также „мусимоны или каменные бараны", а морские бобры и коты там встречаются очень редко.[4]

Продолжаем описание Миллера.

Второй остров, Пурумушир (теперь Парамушир), находится от первого в четырех верстах (по Крашенинникову и по современным картам, это расстояние менее двух километров). Жители его делают холст из крапивы. От приезжающих с южных островов (именно, с Урупа) курилов они выменивают шелковые и бумажные ткани, котлы, сабли и лаковую посуду. Оружие у них луки, стрелы, копья и сабли; имеют панцыри.

В настоящее время, как сказано, постоянного поселения на Парамушире нет. Это большой и гористый остров: длина его до 104 км, на нем есть действующий вулкан высотой 1400 м; высшая точка острова, недействующий вулкан Фус, имеет 2100 м.

По словам Крашенинникова (стр.106), на Парамушире, кроме сланца и ернику, нет леса. На берегах находят вы-

---

[1] Крашенинников, I, стр. 108.

[2] Torii, l. c., p. 248—249.

[3] Это, вероятно, форма, близкая к Vulpes vulpes beringiana.

[4] Крашенинников, I, стр. 109. См. также Steller, l. c., 1774, p. 26; здесь кроме того сообщается, что каменные бараны есть на всех островах вплоть до Кунашира. Что это за баран, в точности неизвестно; вероятно, форма, близкая к камчатскому Ovis nivicola, который встречается до самого юга полуострова (см. Н. В. Насонов. Географическое распространение диких баранов Старого света. Пгр. 1923, изд. Акад. наук, стр. 126—127).

кидной лес, который „приносит из Америки и Японии, в том числе случаются и канфарные, которых немалые штуки и ко мне привезены были оттуду". Камфарное дерево, Cinnamomum camphora, растет на юге Японии. Жители этого острова были настоящими курилами, переселенцами с Онекотана. Крашенинникову говорили (стр. 107), что между жителями первых двух островов и дальними курилами прежде производилась торговля: „дальние Курилы привозили к ним разную деревянную лаковую посуду, сабли, серебреные кольцы, которые они в ушах носят, и бумажные материи, а от них брали по большей части орловые перья, которыми оклеиваются стрелы; что и весьма вероятно кажется: ибо со второго Курильского острова и я получил поднос лаковой, чашу, японскую саблю и серебреное кольцо, и послал в императорскую кунсткамеру, которых вещей неоткуды взять было Курильцам кроме Японии".

Следующий остров, продолжает Миллер, это *Мушу* или *Оникутан* (теперь Оне-котан, по-аински: старая деревня). Здешние курильцы промышляют морских бобров и лисиц, ходят на соседние острова для промысла, а иногда приезжают для покупки бобров на Камчатку: „многие знают Камчатской язык, коим говорят на большой реке, потому что они с Большерецкими Камчадалами торгуют и женятся".[1]

Следующий остров — *Араума-кутан* (ныне Хараму-котан, по-аински: деревня лилий), „на нем находится огнедышущая гора", что справедливо; на острове теперь есть остатки поселения.

На пятом острове, *Сияскутане* (ныне Шиша-котан) съезжались курилы с севера и с юга для торга; и в XIX столетии здесь бывало много „кочующих" (т. е. не оседлых) курильцев.

Далее идут мелкие острова, из них на острове *Китуй* (ныне Кетой) растет камыш, употребляемый курильцами на стрелы. Имеется в виду, очевидно, курильский бамбук, Sasa kurilensis (растущий и на Сахалине, где его тоже называют камышом), впервые описанный Рупрехтом под именем Arundinaria kurilensis по экземплярам, привезенным Ильей Вознесенским в 1844 году с Урупа.[2] Одиннадцатый остров Шимушир (Симушир) жилой.

---

[1] Миллер, стр. 304.

[2] F. Ruprecht. Bull. Acad. St.-Pétersbourg, cl. phys.-math., VIII, 1850, p. 121—126.

Далее перечисляются „двенатцатой остров *Итурпу*" (т. е. Итуруп) и „тринадцатой — *Уруп*". Здесь автор впал в ошибку: Уруп лежит раньше, севернее Итурупа. [1] Как бы то ни было, об Итурупе правильно сообщается, что он велик и многолюден. Жителей его курильцы называют *кых-курилами*, „а по японски *езо*". По языку и обычаям они отличаются от северных курильцев: они бреют головы и „поздравление отдают на коленях". На этом острове есть леса, в которых много зверей и, между прочим, медведей. Есть реки и удобные гавани. [2] Итуруп, по современным картам, самый большой из Курильских островов: длина его до 211 км; в 1890 году на нем было до 1350 жителей; на северо-восточном берегу имеется бухта Мойоро или Медвежья. Жители Урупа, по Миллеру, таковы же, как и на Итурупе; они покупают ткани на Кунашире и сбывают их на первом и втором островах.

По словам Крашенинникова (I, стр. 114), японцы жителей последних четырех островов, т. е. Матсмая, Кунашира, Итурупа и Урупа, называют *езо*. Торговлю с ближними островами Курильской гряды вели ранее жители Урупа и Итурупа. Они получали через жителей Кунашира (которые в свою очередь их имели через обитателей Матсмая) японские шелковые, бумажные и железные товары. В свою очередь, итурупцы и урупцы продавали японцам ткани из крапивы, меха, сушеную рыбу и китовый жир (I, стр. 115).

Ныне на Урупе нет постоянного населения, но прежде на нем была фактория Русско-американской компании, основанная в 1794 году из ссыльных и курильцев (которых Шелехов именует „мохнатыми") для промысла морских бобров. [3] По трактату с Японией 1855 года остров Уруп был южной границей русских владений в пределах Курильской гряды. Через двадцать лет все Курильские острова, как известно, были уступлены Японии в обмен на южную часть Сахалина.

Далее Миллер описывает остров *Кунашир*. Населяющие его курильцы очень богаты. Тогда как все предыдущие острова независимы, относительно кунаширцев неизвестно, „вольной ли они народ или зависят от города Матмая", т. е. от Хакодате на острове Матсмае (Иезо). Они часто ездят на остров Матмай. На Матмае и Кунашире, а равно и на

---

[1] Эта же ошибка имеется и на карте Шестакова.

[2] Миллер, стр. 307.

[3] П. Тихменев. Истор. обозрение образования российско-американской компании, ч. I, СПб. 1861, стр. 44

Итурупе и Урупе, содержалось много камчадалов, мужчин и женщин, в неволе. Относительно „Матмая“ сообщается, что он населен „тем же народом *Езо*, или *Кых-Курилами*“. На юго-западном берегу его японцы построили город Матмай (ныне Фукуяма, на самом юге Хоккайдо), куда посылают людей в ссылку и где, как и вообще на острове, держат войска. Из города Матмая[1] привозят на Кунашир японские товары: шелковые материи, дабу, сабли, чугунные котлы, лаковую посуду и меняют на морских бобров и лисиц. Наконец, приводятся сведения и о Японии.

Плавание Евреинова и Лужина

В 1719 году Петр отправил двух „геодезистов“ (т. е. топографов), Ивана Евреинова и Федора Лужина[2] с официальным поручением „ехать до Камчатки и далее, *куда указано*, и описать тамошние места: сошлася ли Америка с Азиею, что надлежит зело тщательно сделать, не токмо Зюйд и Норд, но и Ост и Вест, и все на карте исправно поставить“. Но кроме того у „навигаторов“, как их еще называют документы, была секретная инструкция, содержание коей неизвестно. Посланные прибыли в Якутск в мае 1720 года. Из Охотска они в сентябре отправились на Камчатку в казенной лодии и через десять дней пристали в устье реки Ичи.[3] Перезимовав в Нижнекамчатске, они в мае следующего года отправились из устья Большой реки на том же судне к Курильским островам. Идя вдоль гряды, достигли „6-го острова“ (какой именно, трудно сказать, ибо счет различен; по Крашенинникову, который мог иметь наиболее достоверные сведения, это был остров Симушир),[4] но здесь потеряли во время бури якорь и были унесены к второму острову, или Парамуширу, где вместо якоря бросили пушку и наковальню. Выйдя на берег, запаслись водой и провизией; когда стали подымать доморощенный якорь, канат лопнул.

---

[1] Полонский, стр. 393.

[2] В документах, напечатанных в „Памятниках сибирской истории“, II, стр. 290—292, он именуется Лузиным.

[3] Путешествие Евреинова и Лужина излагаем по Полонскому (стр. 394—395), сообщающему наиболее обстоятельные сведения. См. также, А. Сгибнев. Попытки русских к заведению торговых сношений с Японией в 18 и начале 19 столетий. Морской сборник, 1869, № 1, стр. 40—42 (По делам иркутского архива).

[4] Крашенинников. Описание Земли Камчатки, I, 1755, стр. 112. — Сгибнев говорит, что судно достигло пятого острова.

Тем не менее благополучно вернулись в Большерецк в конце июня. Здесь сделали два деревянных якоря, оковали их сковородами и на той же лодии 12 июля ушли в Охотск. Мореход Кондратий Мошков, управлявший лодьей, на которой ходили к Курилам, характеризовал в своем прошении к якутскому воеводе путешествие навигаторов как бесполезное и просил (октябрь 1721) о дозволении вновь отправиться для проведывания тех же островов, но ходатайство его было безуспешно.[1]

Евреинов, не сообщая никому о цели и результатах своей поездки,[2] из Якутска поспешил в Европу. Он застал Петра в Казани в мае 1722 года и представил ему отчет и карту осмотренных Курильских островов. Полагают, что Петр посылал геодезистов на Курильские острова проведывать, нет ли там серебряной руды, о чем могли дойти сведения — конечно ложные — от выброшенных на Камчатку японцев или от Козыревского, который сообщал, что японцы на шестом острове берут руду.[3]

Посещения после 1721 года

В 1730 году Василий Шестаков, сын Афанасия, убитого весной того же года чукчами, посетил с 25 служилыми первые пять курильских островов, собрал там, в первый раз после Козыревского, ясак и взял двух аманатов.[4]

В 1738 и 1739 годах всю гряду Курильских островов нанес на карту, хотя и не особенно правильно, Шпанберг, участник экспедиции Беринга. Подробно об этом говорится ниже (стр. 190—195)

---

[1] Полонский, стр. 396.

[2] В Якутске геодезистов запрашивали, „что с приезду сделали и ныне что делают; а буде по данным им пунктам дела не окончили ... оканчивать в скорых числах“. На это геодезисты отвечали: „пунктов нам не дано, а велено нам отправлять по данному нам наказу за собственною его царского величества рукою, по которому мы, помощью всесильного бога, что надлежит, отправили, о котором отправлении будем ответствовать самому его царского величества“ (Пам. сиб. ист., II, стр. 291).

[3] Миллер, там же, стр. 323—325 Сгибнев (Морской сборник, 1869, № 4, стр. 84) приводит краткое донесение Козыревского, в котором, между прочим, читаем: „шестой [остров] Шококи, на который приезжают японцы за рудою“.

[4] А. Сгибнев. Экспедиция Шестакова. Морской сборник, 1869, № 2, неофиц. отд., стр. 18 (эта статья посвящена описанию похода Афанасия Шестакова). См. также 1869, № 4, стр. 114.

Во время вторичного пребывания на Камчатке в 1742—1744 годах Стеллер посетил первые Курильские острова, но когда и какие именно, неизвестно. В своей книге „Beschreibung von dem Lande Kamtschatka" он дает, частью на основании собственных наблюдений, частью по расспросам, описание Курильской гряды (стр. 19—28).

Вплоть до сороковых годов XVIII столетия сборщики ясака ходили не далее первых двух островов. В сороковых годах они проникли до Чирин-котана (против Сиаш-котана). Вследствие притеснений, чинимых сборщиками, многие из курильцев ушли на дальние острова, и для возвращения этих, как их называли, *сошлых* курильцев был послан в 1750 году тойен (старшина) Николай Сторожев, живший на первом острове. Он доходил до Симушира и успел объясачить некоторых мохнатых, но сошлые не пожелали вернуться на первые острова.[1] В представленном в 1755 году в Большерецк донесении он писал, между прочим, что на острове Ушишир „курильцов 25, природою весьма мохнаты; губы, руки и ноги, для красы, черною краскою расписывают; платье у них японские азямы и из птичьих кож; в житии весьма необиходны; язык их мало походит на язык ближних, так что без толмача не понять; к приезжим весьма благосклонны; хвосты орловые покупают весьма дорого; владелец их, тоён, которому они оказывают честь и покорство, живет на 21-м острове [Итурупе?]; 10 человек из них уговорены в ясачный платеж".[2] Тойон Симушира подарил Сторожеву саблю с ножнами, что у мохнатых означает великую честь и дарится в знак вечной дружбы. Однако, на уговоры принять подданство России ответил отказом.

По поводу указания на татуировку у курилов, следует отметить, что во времена Крашенинникова, т. е. в первой половине XVIII века, у курилов татуировались оба пола: „губы у мущин на средине токмо, а у женщин все вычернены, вкруг разшиты узорами; сверьх того и руки разшивают оне почти по локоть, в чем несколько сходствуют с Чукчами и Тунгусами".[3] К середине XIX века мужчины перестали татуироваться: „только одни женщины расписывали черною краскою разные узоры на губах и руках до самых локтей".[4]

---

[1] Полонский, стр. 398—403.
[2] Там же, стр. 403—404.
[3] Крашенинников, II, 1755, стр. 180
[4] Полонский, 1871, стр. 377.

Во время посещения Тории, в 1899 году, этот обычай окончательно исчез.[1]

Сибирский губернатор Соймонов поручил в 1761 году полковнику Плениснеру, командиру Анадырского, Охотского и Камчатских острогов, собрать более подробные сведения о южных Курильских островах. С этой целью в 1766 году отправлены из Большерецка тойон второго острова Никита Чикин и сотник Иван Черный с поручением разузнать о числе островов и количестве населения на них; курильцев надлежало „уговаривать в подданство, не оказывая при том не только делом, но и знаком грубых поступков и озлобления, но привет и ласку.“ Мы увидим далее, как исполнил этот наказ Черный. Чикин скоропостижно умер на острове Симушире, и с 1767 года Черный сделался главою партии. Зиму 1767/68 года сотник провел на Симушире, заставляя несчастных курильцев работать на себя и зверски наказывая провинившихся. Следующим летом Черный достиг острова Итурупа и привел в подданство всех мохнатых, а также двух приезжих с Кунашира. Тойон Итурупа объяснил, что на Кунашире живут японцы, где у них имеется крепость. На следующую зиму Черный поселился на Урупе и здесь занялся промыслом бобров в свою пользу, невероятно притесняя курильцев. Осенью 1769 года он вернулся в Большерецк и подал здесь отчет о плавании, в котором подробно и весьма толково описывает острова. Как ничтожно было население в русской части Курильской гряды, видно из того, что Черному на 19 островах (включая Итуруп) удалось привести в подданство лишь 83 мохнатых (взрослых мужчин). Преступления Черного были обнаружены, и над ним назначено следствие, прекращенное, однако, за его смертью в Иркутске от оспы.[2]

Озлобленные действиями Черного, мохнатые в 1771 году подняли восстание против русских и многих истребили на острове Итурупе. Не смея нападать в открытом бою, курильцы ночью похищали у русских оружие и затем обращали его против безоружных. Пользовались они также отравленными стрелами.[3]

---

[1] Torii, 1919, p. 149.

[2] Об экспедиции Черного подробно рассказывается у Полонского, стр. 405—440; здесь перепечатан и отчет Черного.

[3] Д. Позднеев. Материалы по истории Сев. Японии и ее отношений к материку Азии и России. II, Иокохама, 1909, стр. 20—25.

В сентябре 1777 года из Охотска отправлен на Уруп бригантин „Наталия“, на котором в качестве переводчика находился иркутский посадский Шабалин. В мае следующего года Шабалин на трех байдарах пошел на Итуруп. Здесь произошла удивительная встреча с местными тойонами мохнатых: в изъявление дружбы они сначала, держа в руках обнаженные сабли и копья, кричали с лодок; бывшие на берегу мохнатые, из числа сопровождавших Шабалина, в ответ „ходили вдоль берега с копьями, ноги выметывая вверх, необыкновенно кричали нелепым зверообразным голосом и скакали, а женский пол их, 32, ходили позади их и кричали также тонкими голосами“; затем все — и новоприбывшие, и береговые — соединились в одну толпу и с обнаженным оружием начали скакать; потом тойоны подходили поочередно к толмачу и держали над его головою сабли. Русские сначала подумали, не хотят ли мохнатые напасть на них, и выстроились в боевом порядке, но потом недоразумение разъяснилось.[1] Подобную же церемонию встречи, практикуемую курильцами, описывает и Крашенинников.[2] С Итурупа, или 19-го острова, Шабалин отправился далее к 22-му, или Матсмаю.[3] По пути (на Кунашире?) от курильцев узнал, что топоры, сабли и пальмы (железные ножи с деревянною рукояткою), а из платья—азямы они получают из Японии, сами же готовят тканое платье из тополевого лыка (айны, действительно, готовят грубую ткань из лыка), имеют лук и стрелы, причем наконечники стрел отравляют соком „лютика“ (Aconitum),[4] носят деревянные панцыри („куяки“) из мелких дощечек[5] и шлемы из досок, строят крепостцы, питаются рыбою, а равно привозным из Японии рисом. Далее курильцы рассказали, что против острова Кунашира с северной стороны имеется земля, называемая *Кароска*, на которой живет многочисленный народ, говорящий одним языком с мохнатыми. Это — Сахалин, или, по-японски, Карафуто.

---

[1] Полонский, стр. 453—454.

[2] Крашенинников, II, 1755, стр. 182.

[3] 20-й остров это Кунашир; 21-й — Шикотан, лежащий к востоку от Кунашира в малой Курильской гряде.

[4] Ср. ниже, стр. 200.

[5] Такого же рода панцыри, сделанные из косточек, сшитых ремнями, были в употреблении и у коряков (Крашенинников, II, стр. 35). Из моржовой кости, тюленьей кожи, а впоследствии и железа, делали их чукчи. Были они в употреблении и у гиляков, а так же у других народов на берегах Тихого океана. См. рисунки у Bogoras. Chukchee, p. 163. Монографию об этом предмете дал Ратцель в 1886 г.

XIII. Первые сведения о Японии

Атласову принадлежит не только честь открытия Камчатки. Этому же наблюдательному казаку мы обязаны первыми сведениями о северо-западной Америке и о Курильских островах. Мало того, благодаря энергии Атласова были впервые получены точные и подробные известия о Японии.

Данные Спафария

В Москве впервые стали интересоваться этим государством в конце XVII века, после того как, с занятием земель по Амуру, пришлось вступить в соприкосновение с Китаем. В 1675 году из Москвы отправлен в Китай послом Николай Спафарий. Он должен был вести в Пекине переговоры по поводу разграничения на Амуре и попытаться завязать торговые сношения. В наказе, данном Спафарию 25 февраля того же года, ему поручалось собрать подробные известия о Китае, а в докладной выписке, служащей дополнением к наказу, Спафарию сообщались о сопредельных странах (Японии, Формозе, Индии) кое-какие краткие сведения,[1] которые он должен был проверить на месте. О Японии здесь говорится:

„За Китайским государством на востоце во окияне море, от китайских рубежей верст с семьсот, лежит остров зело велик, имянем Иапония. И в том острове большее богатство, нежели в Китайском государстве, обретается, руды серебряные и золотые и иные сокровища. И хотя обычай их и письмо тожде с китайским, однакожде они люди свирепии суть и того ради многих езувитов казнили, которые для проповедывания веры приезжали“.[2]

По возвращении в Москву, 5 января 1678 года, Спафарий представил две книги: описание своего пути по Сибири до границ Китая и описание Китая. Последняя издана лишь в 1910 году.[3] Здесь, в последней главе, VIII (стр. 199—202),

[1] Как предполагает Ю. Арсеньев (Изв. Геогр. общ., 1882, стр. 235), эти данные заимствованы из переводной Космографии Герарда Меркатора, которая была у нас в ходу в то время.

[2] Ю. В. Арсеньев. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границу Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. Зап. Геогр. общ. по отд. этн., X, в. 1, 1882, стр. 153.

[3] Н. Г. Спафарій. Описаніе первыя части вселенныя именуемой Азіи, в ней же состоитъ Китайское государство съ прочими его городы

мы находим „описание славного и великого острова Яппонского, и что при нем обретается".

Сведения о Японии частью получены Спафарием от иезуитов в Пекине, частью заимствованы из западноевропейских книг (встречаются ссылки и на „венецианца", т. е. на Марко Поло). Описание — в общем поверхностное — дает мало существенного и много баснословного.

О положении Японии здесь говорится следующее:

„Великой и славной остров Японской, как пишут китайские земнописатели и чертежи, начинается против устья Амура реки и простирается далеко против Китайского государства и для того иногда из Китайского государства в двои суток плавают в Японский остров. А от устья Амура сколь далеко стоит, того еще не ведомо, а кажется не очень далеко будет, потому что и иные островы меньшие видятся от усть Амура от берегу морского с гор, как о том видели в прежних летех казаки, которые зимовали на усть Амура". И далее: „А на устье реки Амура не только большие суды мочно делати, но и корабли большие. И мочно ходить в Китай и в Японский остров".[2]

Вот самое существенное для московского правительства, что можно было извлечь из данных Спафария о Японии. Гораздо более обстоятельные сведения были получены через посредство Атласова.

Сведения Атласова

Как мы видели, во время своего похода по Камчатке Атласов в 1698 году дошел на юг до реки Голыгиной, или, как он ее называет, *первой Курильской реки*. Это место лежит под 52°10′ с. ш. 10 февраля 1701 года, в Москве, в Сибирском приказе Атласов дал показание о своей деятельности на Камчатке, и здесь мы читаем следующее:[1]

„А против первой Курильской реки на море видел как бы острова есть, и иноземцы сказывают, что там острова есть, а на тех островах городы каменные и живут люди,

---

и провинцiи. Церковно-славянский текст по рукописи, принадлежащей Ф. Т. Васильеву. Казань, 1910, стр. VI + 271, 4°.

[1] Эти две последние цитаты взяты у Ю. Арсеньева. Известия Геогр. общ., 1882, стр. 253, ибо текст рукописи казанского издания в соответственных местах (стр. 199, 202) сильно испорчен.

[2] Оглоблин. Чтения, 1891, кн. 3, стр. 16.

а какие — про то иноземцы сказать не умеют. А с тех де островов к Курильским иноземцом приходит ценинная посуда и платье даб полосатых и пестрых китаек и лензовые азямы. И сказывали те курильские иноземцы, что де тое посуду и одежду дают им даром, а ни на что не покупают. А на чем с тех островов к курилам приходят — того иноземцы сказать не умеют. Да иноземцы ж сказывали, что в Камчадальской стороне повыше [реки] Камчатки к Каланской Бобровой реке приходят по вся годы бусы и берут у иноземцев нерпичей и каланский жир, а к ним что на бусах привозят ли, неведомо".

Следует иметь в виду, что „Курильскими иноземцами" Атласов именует не жителей Курильских островов, а обитателей южной оконечности Камчатки, к югу от рек Большой и Авачи. Как мы видели (стр. 86—87), здешнее население представляло помесь между камчадалами и курильскими айнами, отчего и получило особое название.

Некоторые объяснения к вышеприведенным сведениям Атласова.

Ценина — это старинное, местами употреблявшееся еще в XIX веке, название хорошей каменной посуды, т. е. фаянса и фарфора. В древней Руси слово ценина означало полива, мурава.[1] В Москве, на углу Таганской площади и Гончарной улицы, была слобода, в которой жили „горшечники, муравленных и ценинных дел мастера". *Даба* — это китайская хлопчатобумажная ткань. *Азям* — это взятое с татарского слово, означающее сермягу или зипун. *Лензовый* значит атласный.[2] Каланская или Бобровая река — это река Озерная, вытекающая из Курильского озера. *Калан* — камчатское название морского бобра, Enhydra lutris. *Нерпа* — это тюлень. *Буса* — это древний судовой термин, применявшийся на севере для обозначения довольно крупных судов, немецких и шведских. Слово буса — германского происхождения: bussa у скандинавов.[3]

---

[1] И. И. Срезневский. Матер. для словаря древне-русского языка. III, СПб., 1909, стр. 1439. Даль полагал, что ценинный происходит от слова цена, но это неверно: корень этого слова взят из турецких языков, где çini означает фаянс (по-турецки; слово это случайно упоминается в статье В. Гордлевского в Докл. Акад. наук, В, 1929, стр. 182).

[2] Лензы — это употребляемое местами в Сибири название легкого атласа, Словарь русского языка, изд. Акад. наук).

[3] Н. Загоскин. Русские водные пути и судовое дело в до-Петровской Руси. Казань, 1909 (Матер. для опис. русск. рек, XVI), стр. 397—398.

Фарфоровая посуда и платье, о которых рассказывали курильские иноземцы, могли происходить только из *Японии.* С этой страной обитатели южной Камчатки были по наслышке знакомы, во-первых, через посредство курильцев (т. е. жителей Курильских островов), ходивших на Камчатку на судах для торговли, а во-вторых, от самих японцев, которых иногда бурей прибивало к берегам Камчатки. Об одном из таких случаев, положившем начало ознакомлению России с Японией, мы и расскажем.

Японцы никогда не вели торговли непосредственно с камчадалами, как об этом свидетельствует Тории. [1] Оно и понятно, ибо в начале XVII столетия японцам было воспрещено совершать дальние плавания. Торговля велась при посредстве айнов острова Иезо, которые перепродавали товары курильским айнам, а эти, в свою очередь, камчадалам. Таким образом, камчадалы получали от японцев, между прочим, и металлические изделия, но, понятно, в ничтожном количестве. Мы уже упоминали (стр. 85) о металлических иглах японского происхождения. Во многих могильниках на южной Камчатке (у Курильского озера) Иохельсон находил медные японские монеты будто бы одиннадцатого столетия. [2]

Сообщения японца Денбея

Во время своего похода 1697—1699 годов Атласов, в бытность на реке Иче, узнал, что у камчадалов на реке „Нане" имеется пленник, которого они называли „русаком". Пятидесятник велел привести его. Оказалось, что „тот полоненик Узакинского государства, а то де государство под Индейским царством". [3]

Это был японец из города Осака на острове Хондо или Нипон. Он жил на Камчатке у „иноземцев" уже два года, и Атласов объяснялся с ним через посредство коряцкого толмача. Впоследствии японец, живя два года у Атласова, выучился говорить и по-русски.

Пленник рассказал Атласову, что шли они из „Узакинского государства" в „Индею" на 12 бусах, т. е. больших лодках. „Индия" — это на самом деле японский город Иеддо или

---

[1] См. также Крашенинников. Оп. Земли Камчатки. II, 1755, стр. 259.

[2] W. Jochelson. Archaeological investigations in Kamchatka. Carnegie Inst. of Washington, № 388, 1928, p. 37.

[3] Чтения, 1891, кн. 3, стр. 9.

Токио, название которого на диалекте жителей города Осака, звучит Ендо. На бусах японцы имели товары, хлеб, вино и „всякую ценинную посуду“. Во время бури на одной бусе сломалась мачта, и судно носило по морю шесть месяцев, пока не выкинуло на берег Камчатки. По словам Миллера,[1] это случилось при устье реки Опалы, что впадает в Охотское море южнее Большой.

Из двенадцати японцев, бывших на бусе, троих взяли в плен „Курильского народа мужики“, а остальные угребли вперед неизвестно куда. Товарищи рассказчика умерли в плену у курильцев, от непривычной пищи: „кормятца де они курила гнилою рыбою и кореньем.“[2] Себя японец называл „индейцем” (очевидно, по имени столичного города Ендо, т. е. Токио), а про свою страну рассказал, что в их земле „палаты ценины, а у царя де индейского [т. е. в Токио] палаты серебряны и вызолочены“. Далее Атласов передает, что у курильских иноземцев „взял он Володимер сребряную копейку, весом блиско золотника, а полоненик называл ее *индейскою* копейкою“. Русским „индеец“ очень обрадовался и, увидев „образ божий, зело плакал и говорил, что и у них такие образы есть же“. Наружность японца Атласов весьма метко описывает такими словами: „а подобием кабы гречанин: сухощав, ус невелик, волосом черн“. „А нравом тот полоненик гораздо вежлив и разумен“, в противоположность сибирским иноземцам, у которых „учливости никакой нет, — люди худые, чистоты никакой не имеют“.[3] Про себя японец рассказывал, что „он по своему грамоте умеет и был подъячим“. С собой он имел книгу „индейским письмом“, которую Атласов взял у него и привез в Якутск. Пленника Атласов

[1] Сочин. и перев., 1758 I, стр. 292—3.

[2] Чтения, 1891, кн. 3, стр. 9.

[3] Крашенинников (II, стр. 15) так рассказывает о нечистоплотности камчадалов: „В житье гнусны, никакой чистоты не наблюдают, лица и рук не умывают, ногтей не обрезывают, едят из одной посуды с собаками и никогда ея не моют, все вообще пахнут рыбою как гагары; волосов на голове не чешут, но расплетают на две косы как мужчины, так и женщины“. Далее Крашенинников говорит, что камчадалы едят вшей (II, стр. 15; 1, 319), „но будучи от казаков за то бранены, а иногда и биты, многие ныне того опасаются, однако мне сию мерзость случалось видеть“. Срав. по этому поводу то, что сообщает Г. Ц. Цыбиков (Буддист-паломник у святынь Тибета. Пгр., 1918, стр. 177, изд. Геогр. об-ва) о тибетцах: они не стесняются в присутствии других отыскивать в своей одежде вшей и давить их зубами. „Не раз видел я,—говорит он,—как женщина, отыскав вошь в волосах другой, передавала ее собственнице, которая клала ее в рот“.

отнял у туземцев и содержал вместе со служилыми людьми на р. Иче (впадающей в Охотское море), а затем все вместе пошли в Анадырское зимовье, куда прибыли 2 июля 1699 года.

Отсюда Атласов с служилыми людьми, государевой казной и полоняником отправились в Якутск. Японец шел на лыжах пять дней, но у него стали пухнуть ноги, „потому что ему на лыжах ход не за обычей“, так что пришлось отправить его обратно в Анадырск. Встретив по дороге приказчика Посникова, Атласов наказал ему полоняника по выздоровлении отправить немедля в Якутск с служилыми людьми и дал приказчику 35 лисиц красных, „чем тому полоненику дорогою наймывать под себя подводы“.[1]

Японец — его звали Денбей — был действительно в конце 1701 года доставлен в Москву и 8 января 1702 года представлен в Преображенском Петру.[2] Это был первый японец в России. Петр велел обучать его русской грамоте, „а как он русскому языку и грамоте навыкнет, и ему, Денбею, дать в научение из русских робят человека три или четыре — учить их японскому языку и грамоте“. Затем Петр приказал „его, иноземца, утешать“: „когда он подучит русских робят японскому языку, его отпустят в Японскую землю“.[3] Это обещание не было, однако, выполнено: в 1710 году Денбей бил челом Петру об отпуске в свою землю, но царь не позволил и велел японца окрестить. При крещении его нарекли Гавриилом.[4]

В своей „скаске“, данной в Москве в Сибирском приказе в первых числах января 1702 года, Денбей сообщил любопытнейшие сведения о своем плавании, о Камчатке и о Японии, сведения, которые мы здесь приводим для сравнения с рассказом Атласова.

Снимавший показания японца в самом начале отметил, что „полоненик говорит немного поруски“. Судя по содержанию рассказа, Денбей говорил довольно недурно по-русски. Но попадаются и несообразности, которые нужно, несомненно, отнести за счет взаимного непонимания. Так, например, японец сообщил: „С Японского острова в Китай сухой и морской путь есть, и он Денбей в Китаях сухим путем и морем бывал в *китайских* городех, которых по их

---

[1] Н. Оглоблин, там же, стр. 8—9, 10—11, 17.

[2] Н. Оглоблин. Первый японец в России 1701—1705 гг. Русская старина, 1891, октябрь, стр. 11—24.

[3] Русск. стар., 1891, октябрь, стр. 16.

[4] Русск. стар., 1891, ноябрь, стр. 464.

японскому языку называют: Акитай, Квота, Нощро, Тонга, Фиага". Все эти города не китайские, а японские. Акитай, например, это Акита, на северо-западном берегу острова Нипон (Хондо), Квота — Киото, Нощро — Ноширо, к северу от Киото, Фиага — это Хиого близ Кобе и т. д. Без сомнения, Денбей был введен в заблуждение созвучием слов Китай и Акита; все, что он рассказывает о китайцах, подходит именно к жителям северо-западной части Хондо. По крайней мере, он сам говорит: „А китайцов де у них с японцами считают за одних людей, потому что у них идолопоклонение и язык и письмо и обычаи одни, а те ли де китайцы, куды русские люди с караваны ходят или иные — про то он не ведает... И китайцы к ним морем и сухим путем приезжают, а с собою привозят китайские товары — пшено, железо, доски корабельные, кость рыбью и мамонтовую. А они, японцы, им, китайцам, продают: бумагу хлопчатую, камки, китайки, золото, серебро".

Таким образом, смелое предположение Оглоблина, что Япония около 1700 года была соединена перешейком с материком, отпадает.

После этих замечаний переходим к рассказу японца. Родом он был из „Японского острова города Осакка", т. е. из большого торгового города (второго по населению после столицы) Осака, где отец его был купцом. Денбей тоже служил у одного торгового человека, следовательно, был приказчиком, а не „подъячим", как неправильно понял Атласов. Имел жену и двоих детей. Однажды зимою он был отправлен морем в город Енду, т. е. Иеддо (Токио), „который стоит на взморье, расстоянием от Асакка с 700 верст". Всего было 30 „бус", судов длиною по 15 сажен. На бусе Денбея было 15 человек экипажу. „А товары с ними были: пшено сорочинское [т. е. рис] да вино пшоное [т. е. рисовая водка, саки], да камки и китайки, бумага хлопчатая, сахар белый — мелкой, что мука, и леденец, да древо сандал, да железо, для мены на шолк и на дощатое железо, и на полотна крапивные, и на золото и на серебро, для того что де серебро и золото печатают только в двух городех — Меаке [Миако или Киото] и в Енде, и владетель их в тех двух городех переезжая живет". В море флотилию разнесло бурей, судно Денбея отнесло западным ветром на восток и носило ветром 28 недель; чтобы не погибнуть, пришлось срубить мачту вместе с парусами, причем потонуло два человека. „А в том судне была с ними пресная вода взята

из Осакка города, и той воды стало им на два месяца, а как воды не стало, тогда они пшено [т. е. рис] варили в вине, и то вино выцедя, подсычивали пшено сахаром леденцом и понемногу питались". Когда ветер утих, по „матошнику" (компасу) убедились, что их унесло далеко в море. Нашли в море плавучее дерево, укрепили его вместо мачты, а паруса сшили из камки.

„И теми парусами принесло их к Курильской земле [т. е. к южной Камчатке], и они, увидя реку, пошли тою рекою вверх и дошли до курильского народу. И от тех курильских народов пришел к ним один человек и он де, Денбей, с товарищи своими, хотя уведомитца, стали для познавания земель и языка писать на бумаге, и то письмо отдали тому курилу, чтоб он также по своему языку написал. И курил де тое бумагу положил в пазуху, потому что де камчадальския и курильския земли у народов никакого письма нет, и пошел от них прочь. А на утро де пришло их в 4 лодках человек с 20 и, посмотря на них, пошли прочь. А в ночи де пришло их в 40 лодках человек с 200 и почали на судно по них Денбею с товарищи стрелять из луков и топорами каменными и костяными судно их рубить и его, Денбея, из лука у левыя руки по персту ранили. И они де, Денбей с товарищи, видя их многолюдство, стали из судна выносить камки и китайки, и железо, и отдавать им, чтобы их не убили. И курильские де люди те камки и китайки и железо у них взяли. А пшено и сахар нюхали и что запаху никакова оттого нет, також и вино, которого с ними было с 500 бочек, понюхав бочки рассекли и пометали то пшено и сахар и вино вылили в воду. А бочки оставили себе класть рыбу, для того, что де в Курильской и Камчадальской земле никакой посуды у иноземцев нет. А рыбу кладут в ямы, а поверх покрывают деревьем и травою, и та рыба вся измыловеет, и они тое рыбу кладут в корыта и наливают водою и разогревают горячим каменьем, да к тому прибавляют грибов-мухоморов, и то пьют, и гостей свою братью подчивают, и бывают оттого пьяны. А он де с товарищи Денбей того их питья пить не могли, а ели корение и рыбу, которая не больно залежалась".[1]

На судне у Денбея было два ящика небольших японских золотых монет, „которые называют ичим". Курильцы взяли этих золотых „два ящика, пуда по два, и тех золотых они,

---

[1] Оглоблин. Русская старина, 1891, октябрь, стр. 20.

камчадальские народы не знают — роздали играть детям своим".

То, что Денбей рассказывает об употреблениия камчадалами мухомора, подтверждает и Крашенинников. Вот что говорит этот наблюдательный путешественник:[1]

„Иногда употребляют [камчадалы] для веселья и мухомор, известной оной гриб, которым у нас обыкновенно мух морят. Мочат его в кипрейном сусле, и пьют оное сусло, или и сухие грибы свернув трубкою целиком глотают, которой способ в бо̀льшем употреблении. Первой и обыкновенной знак, по чему усмотреть можно человека, что его мухомор разнимает, дергание членов, которое по прошествии часа или меньше последует, по том пьяные как в огневой [т. е. в горячке] бредят; и представляются им различные привидения страшные или веселые, по разности темпераментов: чего ради иные скачут, иные пляшут, иные плачут, и в великом ужасе находятся; иным скважины большими дверьми, и лошка воды морем кажется. Но сие о тех разуметь должно, которые чрез меру его употребляют, а которые не много, те чувствуют в себе чрезвычайную легкость, веселие, отвагу и бодрость, так как сказывают о Турках, когда они опия наедаются". „Камчадалы и Сидячие Коряки едят мухомор и тогда, когда убить кого намеряются. В протчем у Сидячих Коряк мухомор в такой чести, что пьяному не дают мочиться на пол, но подставляют посуду, и мочу его выпивают, от чего также бесятся, как и те, кои гриб ели; ибо они мухомор получают у Камчадалов, а в их сторонах не родится. Умеренное употребление четыре гриба или меньше, а для пьянства едят до десяти грибов".

Об употреблении мухомора в качестве опьяняющего средства подробно говорит В. Богораз в своем труде о чукчах.[2] Он подтверждает, что самыми страстными потребителями этого гриба являются коряки. Обычной порцией является три гриба; симптомы отравления — такие же, как при употреблении опия или гашиша, — являются через четверть часа после принятия. Первая стадия отравления сказывается в приятном возбуждении, приливе энергии, веселости и часто смехе без видимых причин. В течение второй стадии, обнаруживающейся очень скоро, „пьяница" видит духов мухо-

---

[1] Крашенинников, II, 1755, стр. 108—110.—См. также Steller. Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, 1774, p. 92 — 93.

[2] W. Bogoras. The Chukchee. Leyden and New York, 1909, p. 205—207.

мора, слышит голоса и проделывает разные несообразные вещи, — все предметы кажутся ему в увеличенном виде: так, например, рукоятка ножа представляется ему величиной с дерево. Во время третьей стадии потребитель мухомора теряет сознание и погружается в крепкий сон, длящийся несколько часов. Богораз подтверждает, что питье мочи от человека, наевшегося мухомора, производит приблизительно такое же действие, что и употребление самого мухомора, и за недостатком гриба чукчи прибегают к этому средству.

Продолжаем повествование японца.

„Да и оне ж курильские люди двух человек из них, которые будучи на судне на море от великих слез ослепли, убили до смерти. А ево де, Денбея, взял один человек и свез на Камчатку реку. А товарищи ево 10 человек остались у тех курилов". До приезда Атласова Денбей прожил на реке Камчатке около году. Когда он научился немного понимать по-камчадальски, он от туземцев узнал, что к Курильской земле приходили люди на бусах и забрали десять его товарищей, „а их ли Японския земли или Китайские люди были, про то он не ведает". Возможно, что это были курилы с дальних Курильских островов.

„А как Володимер Атласов с казаками в Камчадальскую землю пришли, и он де Денбей, видя у них в ествах чистоту, приехал к ним, чтоб ево от голоду не покинули".

О Японии Денбей сообщил, между прочим, следующее: „А снег бывает у них в двух месяцах — в одном три дни, в другом два дни, как ветр будет с полунощную страну и того снегу нанесет малое число, толщиною на перст, и того ж дня стает, а морозов не бывает, только бывают ветры студеные три месяца. А дожди зимою и летом у них бывают. А большой день 12 часов, меньшой по 7 и по 8 часов, а середи лета солнце бывает над самым теменем и зело бывает жарко". Последние данные для тогдашней Японии, обнимавшей острова Нипон, Сикоку и Киусиу и южную часть Иезо и простиравшейся от 31° до 42° с. ш., конечно, неверны. Родина Денбея, Осака, лежит под $35^1/_2$° с. ш. Малоснежные зимы бывают только на восточных берегах, на западных же местами снеговой покров достигает не менее 2 метров толщины.

„А скот у них быки, лошади, свиньи [?], овцы [?], и тех скотов они не едят, а едят гусей, уток, кур руских, и индейских жаравлей, да по их языку птица кужаку — величиною с быка, перье белое, хвост черный, ноги красные, да

рыбы большие сажени по две, кои живут в море, а в озере их живут караси, а в реках рыбы не бывают, потому что де вода зело тепла. Да в мореж ловят мелкую рыбу — подобна вологоцким нельмушкам. Да ягоды, сладкие и кислые, и яблока родятся, да пшено сорочинское, а иногда пшено сорочинское привозят из Китай к ним на продажу“. Под именем „индейских жаравлей“ надо подразумевать японских журавлей (Grus japonensis), которых японцы держат во дворах, а „кужаку“ — это японский аист, Ciconia boyciana, распространенный в Японии, Корее, северном Китае и Уссурийском крае.[1] Реки южной Японии действительно небогаты промысловыми рыбами. „Вологодская нельмушка“ есть сиг из Кубенского озера;[2] это сравнение принадлежит, конечно, снимавшему допрос, и какая морская рыба Японии имеется в виду, — сказать невозможно.

„А посуда де у них серебряная и медная и ценинная.[3] А ценинную посуду делают у них из морских раковин: толкут их намелко и мешают с глиною, и держат в земле многие годы, и из того те ценинные посуды делают“. „А платье у них в Японской земле носят камчатные и китайские, а зимою стежное на бумаге“. „А в их де земле пушечки есть маленькие — по аршину и по $1^1/_2$ аршина, и порох есть же, а делают тот порох в их же земле“. „А у воинов их японских оружие — мушкеты, копья, сабли. А начальные люди носят по 2 сабли. Только де у них войны никакие ни с кем не бывает. А около городов их стены каменные из большого дикого камени; стены толщиною аршин по шти, в вышину сажен по десяти. А домы у них делают: ставят деревянные столбы высокие, столб от столба по аршину, и землю с водою разбивая и примешивая к ней сена,[4] меж тех столбов кладут толщиною в аршин и в полтора, слоями, а меж слоев кладут железо [?] и веревками утягивают и убивают накрепко. Также и божницы делают, и покрывают те домы и божницы железом, а иные медью, а иные серебром и золотом. А у царя[5] де их и у патриарха[6] домы и начальная божница покрыта золотом“.

---

[1] Теперь *кудзяку* есть название павлина (С. Г. Елисеев).
[2] Coregonus lavaretus nelmuschka.
[3] О значении слова ценинный см. выше, на стр. 174.
[4] Собственно — соломы из риса.
[5] Т. е. сиогуна.
[6] Т. е. императора.

„Да он же, Денбей, сказал: вера де у них с китайцы[1] одна — поклоняются идолом, которых у них златых, и серебряных, и медных, и железных, и древяных многое число, разными образцы. И он, Денбей, описательные книги Японского острова на цесарском языке в лицах, смотря сказал городы де Японского царства Миако, Осакка, Ендо, как оне стоят в лицах в той книге — написаны сходно. И идолы человеческими и змеиными и зверскими и иными разными воображеньями, которым оне поклоняются и вместо богов почитают, и божницы и иное строение, что в той книге в лицах написано — в их земле есть против той книги сходно“.

„А про господа бога, создателя неба и земли, он, Денбей, спрашиван: в него они веруют ли и где ево исповедают? И против того он сказал: создатель де неба и земли живет год на земле, а год на небеси, только де они его не знают, а своих де богов называют они разными имяны: Амидаками,[2] Токи, Хачимам[3] и т. д.“

Денбея спрашивали также о представителях других религий в Японии, на что он ответил: „Ензуитов и попов немецких в городах японских нет, а есть ли де или нет в Нангасаке городе — того он не ведает. И креста христова у них нет же, и иных никаких вер они, японцы, не принимают и быть иным верам не велят“.

„А в Японской де земле владетель их или царь, которому имя Кубо-Сама,[4] да вподобие патриарха Дайро-Сама,[5] да меньше того Дайра властью Кинчю-Сама,[6] живут во граде Миаке, а иное царь их переезжая живет в городе Енде“.

„А в иные де земли они, японцы не ходят, а в Японскую де землю приходят к ним кораблями немцы, с сукнами и с иными товары в город Нангасаки, и в том городе многие немцы домами живут, а в иные городы Японские немец и никого чюжеземцов торговать не пущают, а для чего — про то он не ведает“.

„А в их Японской земле считают оне в году по 12-ти, а в ином году по 13-ти месяцов, а в месяцах по 4 недели, а в месяце по 28-ми, а в иных по 29-ти дней. А год почивается у них зимою“.

---

1 Срав. сказанное выше о „китайцах“ Денбея.

2 Амида — это Будда. (С. Г. Елисеев, как и примечания 3—6 на этой странице и 1—4 на следующей).

3 Хациман — бог войны.

4 Кубо-сама — народное название сиогуна.

5 Дайри-сама — народное название императора.

6 Повидимому, — придворная знать, так как *кинтю* значит дворец.

„А деньги у них медные называют *жени*,[1] подобны русским медным денешкам округлостью и толщиною, да серебреные деньги, которые называют у них *гин*, весом блиско московского золотника, а такую копейку привез к Москве Володимер Отласов. А медных денег на серебряную копейку дают по 50-ти. Да у них же есть золотые, шириною против ефимка, толщиною против московской медной деньги, которые называют у них *кованы*,[2] а за тот золотой серебряных их денег дают по 40 копеек. А иные золотые больше — шириною вершка в два, которые называют *убан*,[3] а дают за них по 4 кована. А иные золотые есть меньшие, которые называют *ичим*,[4] за которые дают серебряных по 10 копеек".

„А родится де у них золото, серебро и делают камки и китайки, а жемчюгу и каменья дорогова у них нет, потому что де у них жемчюгу и каменья никто не носит".

Другие японцы на Камчатке

В 1710 году к северу от Авачинской губы снова выбросило на берег судно, на котором было десять человек японцев. Четырех камчадалы убили, а прочих взяли в плен, но из них некоторых казаки отбили. Живя в камчатских острогах, двое японцев выучились немного говорить по-русски и сообщили казакам кое-какие сведения о Курильских островах и о Японии. По их словам, государство их называется *Эдо*, — очевидно, имеется в виду Иеддо или Токио. „А около того их государства стоят семь городов", один близ другого. „А стоит де их государство против Камчацкого Носу [т. е. мыса Лопатки] на Пенжинском [т. е. Охотском] море, на острову. А сказывают, в своем государстве и в городах золото и серебро родитца, камки и китайки и дабы делают".[5]

Одного из пленных японцев, именем Санима, в 1714 году привезли в Петербург. От него несомненно были получены кое-какие сведения о Японии, вызвавшие в Петербурге интерес к этой стране.

---

[1] Зэни.
[2] Кобан.
[3] Oобан.
[4] От народного слова *итимай*, которое употреблялось для золотых монет, равных 7 ре 2 бу, или для серебряных, равных 43 моммэ.
[5] Пам. сиб. ист., I, стр. 478—479.

Ганноверский резидент Вебер передает, что фельдцейхмейстер Брюс в 1716 году сообщил ему следующее.[1] Он, Брюс, получил „два года тому назад“ от царя приказание написать в Нерчинск о том, чтобы были посланы „к самым дальним границам России“ двое людей для проведывания земель в море. Это было исполнено. Люди, совершенно незнакомые с морским делом, шли несколько недель вдоль берега; наконец, на расстоянии двух миль, увидели остров, куда и переправились; на обратном пути с острова они погибли во время бури, и их товарищи, оставшиеся на берегу, не могли узнать, что те нашли. Брюс, полагавший, что Япония очень близка к России, склонен был думать, что и вышеупомянутый остров принадлежал к Японии.

Рассказ Вебера мало вразумителен. Не сообщено даже, откуда отплыли упомянутые люди. Год отправления тоже неизвестен. Поводом к сообщению Вебера могло быть следующее. Петр I неоднократно делал распоряжения о посылке людей для проведывания островов на севере и востоке, и мы имеем об этом несколько свидетельств. Приведем одно из них.

В 1714 году якутский воевода Яков Елчин на допросе узнал следующее. В 1712 году боярский сын Василий Игнатьев посылал, по указу великого государя, десять казаков из Удского острога для проведывания морских островов. Построив на Уде две лодки, казаки поплыли по Уде к морю, а от устья Уды шли по морю подле матерой земли до реки Тугура семь недель. Здесь зазимовали. В мае следующего года шли берегом дальше в течение четырех недель, пока „с мысу“ не увидели остров. Перегребли туда часа в три; переночевав на нем, погребли на другой, а затем на третий. На этом острове пять человек прожили целый год, промышляя соболя. Двое из казаков померли, а прочие в июне 1714 года на одном шитике вышли по направлению к Удскому острогу, куда и прибыли в скором времени.[2] Речь здесь идет о посещении Шантарских островов, и, надо думать, этот эпизод и был рассказан Брюсом Веберу.

Тот же Вебер[3] сообщает, что в 1716 году два купца предложили сенату организовать торговлю с Японией и Остиндией по следующему маршруту: Архангельск, Сев. Двика,

[1] (Weber). Das veränderte Russland. Th. I. Francfurth und Leipzig, 1738, p. 220.

[2] Памятн. сиб. ист., II, 1885, стр. 47—50.

[3] Weber, l. c., p. 219—220.

Тавда (приток Тобола), Иртыш, Обь, Кеть, Енисей, Ангара, Байкал, Шилка, Амур, Восточный океан. Осуществление этого предприятия, продолжает Вебер, сделало бы излишним попытки найти путь мимо Новой Земли.

В июле 1729 года к камчатскому берегу между Лопаткой и Авачой снова занесло японское судно, на котором находилось 17 человек. Судно было гружено сарачинским пшеном, т. е. рисом, затем камкой, полотном, писчей бумагой и другими товарами. Оно шло из японской провинции Сатцума, расположенной на западе острова Киу-сиу, в Осаку. По пути приключилась буря, и судно носило в море шесть месяцев, с ноября по июнь. Экипаж был вынужден побросать товары в воду и срубить мачту.

Принесенные к берегам Камчатки японцы вывезли на берег вещи и временно оставались при них, пока на 23-й день не были обнаружены казачьим пятидесятником Андреем Штинниковым и камчадалами. Сначала Штинников обходился с потерпевшими крушение дружески, но потом японцы обнаружили, что он, вместе с камчадалами, разбирает их судно, стоявшее верст за 30 от лагеря, и расхищает железо. Видя это, японцы пытались уйти в море на шлюпке, но Штинников послал за ними камчадалов с поручением нагнать беглецов и перебить их. Часть японцев была убита стрелами, другие переколоты копьями или зарублены саблями, которые они же подарили Штинникову; некоторые утонули, побросавшись в воду. Остались в живых только двое: раненый в руку одиннадцатилетний Гонза, взятый отцом на судно для обучения морскому делу, и взрослый Соза, вытащенный из воды.

Вместе с обоими пленными японцами и с награбленными вещами Штинников отправился в Верхнекамчатск. Когда обо всем этом узнал приказчик Новгородов, он распорядился Штинникова посадить в тюрьму (впоследствии он был повешен), японцев выпустил на свободу, а о всем случившемся донес в Анадырск Павлуцкому.[1] Этот последний приказал отправить японцев в Якутск, что и исполнено в 1731 году.

---

[1] Было бы ошибочно думать, что Новгородов действовал так под влиянием человеколюбивых чувств: это был прославленный взяточник и грабитель. Как выяснилось современем на следствии, он вскоре освободил Штинникова, получив от него известное количество японских вещей. Невероятные грабежи, какие позволял себе Новгородов, были одной из причин восстания камчадалов в 1731 году. Назначенный для следствия о камчатском бунте майор Василий Мерлин приговорил Новгородова за

Отсюда, через Тобольск в Москву, они, в 1734 году, прибыли в Петербург. В том же году оба были окрещены, причем Соза наречен Козмою Шульцем, а Гонза — Дамианом Поморцевым.

Японцам было поручено обучать при Академии наук русских японскому языку. Младший, Поморцев, был человек способный: он хорошо выучился по-русски и с успехом выполнял порученное ему дело. К сожалению, он уже в 1739 году скончался, имея 21 год ос роду (старший же умер в 1736 году 43-х лет).

В библиотеке Академии наук сохраняются рукописи учебников, составленных Поморцевым под руководством академического библиотекаря Богданова. Они носят названия: 1) вокабулы и дружеские разговоры, 2) грамматика, 3) Orbis pictus или свет в лицах. Писаны русскими буквами, ибо Поморцев был по-японски неграмотен. По словам Миллера, от японцев „выведаны и записаны“ разные сведения о Японии, но судьба этих записей мне неизвестна.[1]

После смерти японцев с их лиц были сделаны слепки, которые хранились в Академии наук.[2]

XIV. Плавания Шпанберга и Вальтона в Японию

Одной из важнейших целей экспедиции Беринга было завязать сношения с Японией. После того как через пленных японцев были получены обстоятельные сведения о Японии, в Петербурге стали весьма интересоваться этой страной. Мы уже говорили о том, что в 1716 году два петербургских купца подали в сенат ходатайство о разрешении производить торговлю с Японией и Ост-Индией. В своих „предложениях“ 1730 года Беринг сообщал, что он приказал на

поборы, а Штинникова за убийство японцев к повешению, что и было приведено в исполнение (Сгибнев. Морской сборник, 1869, № 4, стр. 133).

1 О дальнейших попытках устройства в России школ японского языка см. у А. Сгибнева. Об обучении в России японскому языку. Морской сборник, 1868, № 12, стр. 55—61.

2 Теперь японских масок в Этнографическом музее Академии нет; повидимому, они сгорели.

Об истории с японцами, потерпевшими крушение в 1739 г., можно найти сведения у Крашенинникова, II, 1725, стр. 222—224. — Миллер. Сочин. и перев., 1758, I, стр. 397—400. — В. Бартольд. История изучения востока в Европе и в России. СПб., 1911, стр. 176—177.

Камчатке, если впредь будут там обнаружены потерпевшие крушение японцы, „то надлежит тех людей отправить на казенном судне в их землю и проведать путь, и можно ли с ними иметь торг, или каким другим образом к пользе Государства что присмотреть, понеже до самыя Японския земли от Камчатского угла имеются острова и не в дальнем расстоянии остров от острова“.[1]

Инструкция, данная капитану Шпанбергу в Петербурге, предписывала ему на трех судах следовать „ради обсервации и изыскания пути до Японии“, осмотрев и описав прежде всего Курильские острова; затем итти, не мешкая, к Японии и разведывать о ее состоянии и портах, стараясь расположить японцев к себе, „дабы своею дружбою перемогать их застарелую Азиатскую нелюдность“.[2]

1. Тогдашние карты Японии

В это время очертания Японии не только у нас, но и на Западе были известны очень плохо. На картах изображали на севере тогдашней Японии остров Jedzo, т. е. Иезо, или Хоккаидо, или Матсмай, к востоку от него большой остров Штатов, а еще восточнее — несуществующую Землю Гамы. Происхождение этих обозначений таково.

О земле Есо (Yeço), лежащей к северу от Нипона (Хондо), главного острова Японии, принес в Европу первые известия один из иезуитов еще в 1566 году. Более обстоятельные сведения были получены в первые десятилетия XVII века. В 1620 году иезуит Caravaglio посетил Иезо. В конце XVI и первой половине XVII столетия среди испанцев, а также голландцев, были распространены слухи, что к востоку от Японии имеется страна, необычайно богатая золотом и серебром (Rica de Oro, Rica de Plata). Основываясь на этих сведениях, управление голландскими колониями снарядило в 1643 году из Батавии экспедицию к берегам Японии на судах „Castricum“ под начальством Фриза (Vries) и „Breskens“ под командой Схепа (Schaep). На широте южной оконечности Японии корабли разлучились, и Фриз продолжал свои исследования один, плывя на север. 9 июня он был у берегов Иезо, где его судно посетили айны. Затем он подошел к южным Курильским островам; двум из них он дал назва-

[1] А. Соколов. Записки Гидрограф. департ., IX, 1851, стр. 434—435.
[2] Соколов, стр. 223—224.

ния: *остров Штатов* (ныне Итуруп) и *Земля Компании* (Уруп?). Эта последняя, лежавшая на востоке, была, по мнению Фриза, частью Северной Америки. 26 июля он достиг юго-восточной части Сахалина, а день или два спустя — мыса Терпения (на Сахалине). После бесплодных поисков золотоносных островов, Фриз в ноябре 1643 года вернулся на Формозу.

Португалец Texeira изобразил на своей карте 1649 года *Землю Гамы*, под 44—45° с. ш., к северо-востоку от Японии, т. е. приблизительно на том месте, где Фриз открыл южные Курильские острова. Гама — это был португальский моряк, будто бы открывший эту землю в первой половине XVII века, на пути из Китая в Мексику.

На картах XVII и первой половины XVIII столетий господствует необычайная путаница в отношении острова Иезо: одни соединяли его с материком Азии, другие причленяли к Америке, третьи изображали в виде громадного острова между Азией и Америкой. На карте Страленберга 1730 года Иезо отождествлено с Камчаткой: „Terra Kamtszatka alias Jedso“ (рис. 13).

На карте, составленной Иосифом Делилем, по поручению сената, в 1731 году и переданной Берингу в руководство, изображена под 48° с. ш. и Земля Гамы, к северо-востоку от обширной Земли Компании (45°—48° с. ш.). О Земле Гамы Делиль в своем объяснении к карте[1] говорит: „Усмотренная Дон-Жуаном [де Гама] земля, которую я на ландкарте прямо против Камчатки означил, может быть не соединяется ли с твердою землею Америки, а именно с Калифорниею, на севере, при сысканном от Мартина д'Агвилара заливе“. „Может быть еще скорее и с большею достоверностью виденная Дон-Жуаном-де-Гамою земля найдется, если оную искать будут отправлять с Камчатки на полдень, потому что она лежит на восток от так называемой Земли Компании, которая в 1643 году Голландскими кораблями найдена, и оными, именем Господ Генеральных Штатов, взята в Голландское владение“ (срав. рис. 7).

[1] Соколов, стр. 437—445 (русск. перевод); Golder, 1914, p. 30?—312 (франц. оригинал). Оригинал карты Делиля 1731 г. размером 210 × 120 см хранится в Париже, в Service hydrographique de la marine. Она носит название: Carte dressée en 1731 pour servir à la recherche des terres et des mers situés au Nord de la Mer du Sud. Уменьшенная копия ее помещена у: Golder. Bering's voyages, II, 1925, при стр. 72. Копия в натуральную величину, сделанная в 1737 году, имелась, по словам А. Соколова (1851, стр. 437), в архиве Адмиралтейств-коллегии.

Землю Гамы можно видеть и на „Генеральной карте Российской империи", изданной в 1734 году Иваном Кириловым в Петербурге. Копия (№ 3528) корректурного экземпляра этой карты, найденного мною в картографическом отделе библиотеки Академии наук, приложена выше (рис. 30). Оттиск этот помечен 1733 годом.

2. Плавание Шпанберга

Под начальством Шпанберга было три судна: „Михаил" с экипажем в 63 человека, на котором командовал он сам, „Надежда" под начальством лейтенанта Вальтона и „Гавриил" под начальством Шельтинга; на обоих по 44 человека команды. Выйдя из Охотска 18 июня 1738 года, в начале июля прибыли в Большерецк на Камчатке, где взяли провиант, и 15 июля отправились на поиски Японии. Шли вдоль Курильской гряды. Спутники Шпанберга скоро отстали, а он нанес на карту гряду Курильских островов, коих он насчитал 31, — больше, чем их числится ныне.[1] В Атласе Российском, изданном Академией наук в 1745 году, уже нанесены Курильские острова по съемкам Шпанберга (рис. 37). Обогнув остров Уруп, который Шпанберг назвал Ольховым, он 3 августа, приблизительно под 45½° с. ш., решил вернуться назад из-за недостатка в провизии и отсутствия хороших якорных мест между островами. 17 августа Шпанберг прибыл в Большерецк.

Таким образом, поручения проведать Японию он не исполнил и по причинам, которые нельзя назвать уважительными. Погода все время была тихая. Равным образом он не попытался, как ему предписывалось, завязать сношения с жителями Курил. Об этих островах он сообщил только, что у них „берега каменные, утесы весьма крутые, и в море великая быстрота и колебание жестокое, на якоре стоять грунтов не имеется и очень глубоко".[2]

Вальтон доходил к югу, частью вдоль Курильской гряды, до 43° с. ш., т. е. до параллели острова Хоккайдо, но берегов не видел. Он вернулся в Большерецк через неделю после Шпанберга, а Шельтинг был уже здесь с 7 августа. В Большерецке решили зазимовать.

---

[1] Карта Курильских островов, составленная Шпанбергом на основании работ 1738 и 1739 гг., воспроизведена Егерманом в XXXVIII томе (1914) Записок по Гидрографии, при стр. 448.

[2] Соколов, стр. 347.

В следующем, 1739 году Шпанберг вышел 21 мая, уже в составе четырех судов, к первым Курильским островам. Отсюда пошли на юго-восток, пересекли местоположение не оказавшейся Земли Гамы, а затем повернули к юго-западу. 14 июня, под $36^1/_2$° с. ш., Вальтон умышленно отделился от Шпанберга.

16 июня под широтою 39° Шпанберг увидел берега Японии, именно северо-восточное побережье острова Хондо. Следуя вдоль берега на юг, он, приблизительно под 38°20′ с. ш.,[1] 22 июня, стал на якорь. Экипаж, привыкший к скудной охотской и камчатской природе и безлюдью, был поражен роскошной растительностью, невиданными животными, богатством и многолюдством селений. С корабля было замечено, что жители встревожены появлением иноземцев: по ночам они жгли сигнальные огни. Но никаких враждебных действий японцы не предпринимали. Это место находилось в районе большого города Сендай.

Оставаясь на якоре в версте от берега, завели сношения с жителями. Японцы привозили сорочинское пшено, т. е. рис, листовой табак, разные овощи и ткани, камбалу „и прочие еще 4 рода рыбы, которых мы, — говорится в вахтенном журнале, — в Европе ни в Азии не видали“, а также четырехугольные золотые монеты и обменивали все это на русские вещи. С обеих сторон соблюдали большую учтивость. При обмене товаров японцы поступали справедливо. Более всего японцам нравились сукна, суконное платье и синий стеклянный бисер, бумажных же и шелковых материй, зеркал, ножей, ножниц, игол и подобных вещей не брали, так как все это имелось в их стране.[2]

Около судна заметили много японских лодок, длиной около 24 футов, остроносых, с плоской кормой, посреди с палубой; на палубе небольшой очаг; у некоторых было по два руля. Якоря железные, четырехрогие. Вместо железных гвоздей и скоб на этих лодках и на других судах — медные. Гребут стоя. Были и другого типа суда, более крупные, *бусы,* острые как спереди, так и сзади. Они ходят хорошо только по ветру и употребляются для развоза товаров вдоль берегов, при противных же ветрах часто заносятся в открытое море и попадают даже на Камчатку.[3]

---

[1] По Миллеру (Сочин. и перев., 1758, ч. II, стр. 104) под 38°25′, по Соколову (стр. 350) под $37^1/_4$°, по карте Шпанберга 38°20′, по японским источникам $38^1/_4$°.

[2] Миллер. Сочин. и перев., 1758, ч. II, стр. 104.

[3] Там же стр. 105—106.

К судну подошла большая лодка, на которой, помимо команды, находилось четыре японца, повидимому, высокопоставленных, судя по платью и другим признакам. Капитан пригласил их к себе в каюту. „При входе во оную поклонилися ему до земли, подняв руки в верьх, и сложа их вместе, держали над головою, и стояли на коленах до тех пор, пока Капитан их встать не принудил. Он подчивал их водкою и кушаньем, что казалось им не неприятным. Как Капитан показал им морскую карту сим странам и глобус, то узнали они тотчас свою землю, которую называли именем *Нифон*. Они приметили и остров *Матмай* [т. е. Матсмай, или Иезо, или Хоккайдо] и *Садо*, также и на мысы *Сангар* [имеется в виду пролив Сангарский] и *Ното* перстами указывали. При отходе поклонилися они также в землю, изъявляя свою благодарность за то, чем они довольствованы были“.[1] Тем не менее Шпанберг не доверял японцам.

Наружность их он изображает в своем донесении следующим образом:

„Оные Японцы росту среднего и малого, платье у них много схоже с Татарским; ходят босые, штанов и портков никаких не имеют; с полуголо́вы по лбу волосы стрижены и подклеены клеем, назади завязываются кустиком, который торчит к верху; шляпы у них великие, травяные, плоские; носят те шляпы, подвязав себе под бороду, а у которых шляп нет, те головы подвязывают платками; вместо епанечь имеют вощанки, сделанные из бумаги. А телом оные Японцы некоторые из-бела, а более смуглых, глаза малые, волосы черные, бороду бреют“.[2]

Видя около себя сразу до восьмидесяти лодок, на которых было около 900 душ японцев, и опасаясь враждебных с их стороны действий, Шпанберг поспешил в тот же день сняться с якоря, не выходя на берег. Такая поспешность не совсем понятна, ибо поведение японцев не подавало никаких поводов к опасениям. Шпанберг, пробыв у берегов Японии всего один день, не использовал удобного случая ближе сойтись с японцами, к чему была полная возможность. Кроме того, следовало бы запастись свежей провизией для больных, которые имелись на бригантине.

В японских источниках мне удалось найти сведения о посещении Шпанбергом и Вальтоном берегов Японии. В книге

[1] Миллер, стр. 106—107.
[2] Соколов, стр. 352.

„Хоккаидоо сикоо" (ч. I, 1896, стр. 47—48), извлечение из коей дано Д. Позднеевым,[1] относительно плавания корабля Шпанберга сообщается:

17 июня (ст. ст.) 1739 года[2] в открытом море у берегов уезда Озикагоори (полуостров приблизительно под $38^1/_4°$ с. ш.) владения Сэндаи (город на севере Хондо) в Оосюу (название северной части Хондо) появились и исчезли два совершенно неизвестных японцам судна. На следующий день утром, 18 июня, против берегов уезда Ватаригоори (населенный пункт Ватаригоори под 38° с. ш.) появились и исчезли три судна. 21 июня в сумерки рыбак берега Амицихама (небольшой остров у западного берега полуострова Озикагоори, приблизительно под $38^1/_4°$ с. ш.), выйдя за рыбою, дошел в лодке до Тасирохама в открытом море (небольшой остров севернее острова Амици). В это утро он поел свой завтрак очень рано и скоро, почему захотел есть, и в то время, когда он имел намерение возвратиться на сушу, одно большое судно прошло близко от него под парусами. Полагая, что это судно, провозящее рис и хлебные продукты, он приблизился к нему, но тут увидел, что это иностранный корабль (как видим, японский рыбак подробно мотивирует, почему он вынужден был вступить в сношения с иностранцами, ибо японскими законами того времени это строго возбранялось). Он увидел, что люди на судне что-то ели и, будучи сам голоден, попросил у них знаками поесть. Они дали ему хлеба, который ели сами. В это время рыбаку показалось, что они как бы просят у него табаку, поэтому он достал свой кисет с табаком и отдал им. Потом они дали ему карточку, на которой был написан знак креста. Посмотрев внутрь судна, он увидел там 40—50 высоких людей. Так как в это время день уже склонялся к вечеру, то рыбак вернулся на берег.

Здесь, очевидно, рассказывается о приближении Шпанберга к берегам северного Хондо. Мы видим, что Шпанберг стал на якорь приблизительно под $38^1/_4°$ с. ш., что близко сходится с указанием Миллера (38°25′ с. ш.).[3] Посещение

---

[1] Д. Позднеев. Материалы по истории северной Японии и ее отношений к материку Азии и России. II. Иокохама, 1909, стр. 18—20.

[2] Перевод японского летосчисления на европейское сделан С. Г. Елисеевым по книге: P. Hoang. Concordance des chronologies néoméniques chinoise et européenne. Chang-hai, 1910, p. 324.

[3] Приблизительно под 38°20′ с. ш. место стоянки указано и на карте Шпанберга, опубликованной Егерманом.

японцами русского судна японский источник описывает так:

Из Сэндаи, для расследования дела о появлении неизвестных судов, прибыл чиновник Кансицироо. Приблизившись к судну, он снял свою шляпу. Вежливо и с церемониями он дал понять, что желает быть проведенным на судно. Он сообразил, что это русское судно. Его ввели. Так как он показывал знаками, что ему желательно осмотреть корабль, то служащие на судне провели его и пригласили в комнату. Пришел сам начальник судна и принес с собою вина в серебряном кубке. Затем он показал ему карту всех государств мира и сказал, что находится вблизи Японии. Военных орудий он на судне не видел, а мехов была масса, и они дали слугам Кансицироо каких-то мехов, похожих на мех лисицы (очевидно, песца). На одном из слуг Кансицироо они увидели бумажный промасленный дождевик и показали вид, будто очень хотели его получить — его отдали. Потом Кансицироо возвратился домой.

Таким образом, сведения, сообщаемые Шпанбергом и японцами, совершенно совпадают.

Продолжаем описание обратного плавания Шпанберга. Подняв якорь от места стоянки под $38^1/_4°$ с. ш., пошли к северу и 3 июля, под $44^1/_2°$, увидели несколько южных Курильских островов, покрытых богатою растительностью. Самые крупные из них получили названия: Фигурного, Трех Сестер и Цитронного. Какие именно это острова, сказать трудно. 8 июля осмотрели еще острова Зеленый и Куциям (по предположению Соколова, Кунашир и северная часть острова Иезо). На Кунашире жили тогда, как и теперь, курильцы или айны, которых Шпанберг, не называя этим именем, описывает так:[1] они „сходны по персонам Курильским народам, носят долгое платье, портков и штанов не имеют, ходят босые, на платье у них нашиты лоскутки камчатные разных цветов; по ногам у них и по всему телу шерсть; бороды у них великие, продолговатые, черные, а которые престарелые, у тех с сединою как бороды, так и на теле; у некоторых имеются в ушах кольцы серебряные. Лодки у них такие ж, как у наших Курильских мужиков байдары; а язык у оных жителей походит на Курильский“. Миллер прибавляет к этому, что островные жители, увидев на

[1] Соколов, стр. 354; ср. также Миллер, стр. 108—109.

судне живого петуха, пали перед ним на колени и „жжав руки, держали над головою и поклонялися до земли как перед петухом, так и за полученные подарки".

Крашенинников (II, стр. 180) говорит, что обычай носить серебряные кольца в ушах курилы заимствовали у японцев. Платье их он описывает следующим образом: оно сделано из кож морских птиц, также лисье, бобровое и из других зверей, „при чем не наблюдают того, чтоб платье было из одной материи, но шьют из чего прилучится, так что и поныне редкую курильскую парку увидишь, которая бы не из лоскутья разных зверей и птиц была сделана".

24 июля, под 41° с. ш., подошли к острову Матсмаю (Хоккаидо), где застали три большие японские бусы. Шпанберг не только не послал людей на берег, но „приуготовился к бою, если они [японские суда] его атакуют". Таким образом, опять был упущен случай для сношений.

Имея на судах большое количество больных, Шпанберг решил повернуть обратно. Шли к востоку от Курильских островов, западнее того пути, который избрали в передний путь. 14 августа Шпанберг прибыл в Большерецк и, не дождавшись спутников, через пять дней отправился в Охотск, куда прибыл 29-го. Во время плавания он лишился 13 человек, умерших, очевидно, от цынги.

3. Плавание Вальтона

Как мы отметили, Вальтон еще 14 июня умышленно отделился от Шпанберга. 16 июня, в тот же день, что и его начальник, он увидел берега Японии под 37°42′ с. ш. (остров Хондо). Поплыли вдоль берега к югу и остановились под 35°10′[1] у большого города, — впрочем, довольно далеко в море. На берег выслали за водой штурмана Казимерова, квартирмейстера Черкашенина и шесть солдат с ружьями. Близ берега их окружили японские лодки, числом более ста „и шли подле елбота столь блиско, что насилу можно было весла на нем поворачивать". На берегу было множество народу. Все кланялись приезжим. Японцы вынули из ялбота порожние бочки, налили их с услужливостью водой и принесли обратно.

[1] По Соколову под 34°16′, по Миллеру под 33°48′. Счисление не надежно. По японским источникам (см. ниже) под 35°10′, что вернее всего.

Оставив на шлюпке двоих для караулу, Казимеров с прочими отправился в город. Хозяин дома, где наливали воду в бочки, пригласил Казимерова в гости, потчевал его вином из фарфоровых чашек и закусками, принесенными на такой же посуде. Угощение состояло из винограду, яблоков, померанцев и редьки в сахаре. В другом доме его приняли также учтиво и угощали сарачинским пшеном (т. е. рисом). Казимеров отдаривал японцев бисером и другими мелочами. В домах и на улицах виден был порядок и чистота. Много было лошадей, коров и кур. Тамошние „полевые плоды" — это пшеница и горох. В лавках продавались бумажные товары. На улице встретился японец, носивший две сабли. Когда штурман возвращался на судно, туда же отправился на небольшой лодке знатный японец в шелковом платье. Войдя на судно, он подарил Вальтону сосуд с красным вином, которое тот привез на Камчатку.[1] Вальтон в свою очередь угощал гостя и его спутников и поил их водкой, „причем оказалося, что руское вино Японцам не было противно". Вокруг судна теснилось более сотни мелких японских лодок.[2]

Опасаясь, как и Шпанберг, быть застигнутым врасплох, Вальтон снялся с якоря, не успев ничего толком увидеть и узнать. Перед отплытием сделали один выстрел из пушки — в качестве салюта или для острастки, неизвестно. „На сей земле, — сообщает Вальтон в корабельном журнале, — много золота и жемчугу и винограду и сарачинского пшена, но всего, по краткости времени, осмотреть было не можно". Отсюда поплыли к югу, имея перед собою берега, покрытые роскошной растительностью: померанцами, каштанами, виноградом и рисом. 22 июня подошли ближе к берегу и попросили у японцев, приплывших на лодках, воды. Те охотно исполнили просьбу, а затем стали предлагать ввести судно в гавань, но Вальтон на это не согласился. Тогда „пришел от берегу бот, который запретил японцам иметь дальнейшее с нашими сообщение. В боту сидел человек военный при шпаге, в руке пистолет держащий".[3]

23 июня на широте 33°28′ (?) остановились на якоре и, выйдя на берег, достали „померанцовое дерево, несколько жемчужных раковин и сук еловой", а лекарский ученик

[1] И здесь потчевал им Крашенинникова, о чем тот упоминает в своем „Описании Земли Камчатки", I, 1755, стр. 119.

[2] Миллер, стр. 110—115.

[3] Там же, стр. 114—115.

набрал трав и сосновых шишек, из коих после варили для больных декокт. На следующий день повернули в обратный путь, 23 июля прибыли на Камчатку, в Большерецк, а 22 августа в Охотск.

О плавании судна Вальтона упомянутые выше японские источники рассказывают так.

19 июня (ст. ст.) 1739 года в двух ри от берега, против деревни Амацу-мура уезда Нагаса-гоори провинции Ава (Амацу-мура на восточном берегу провинции Ава, к югу от Кацура, приблизительно под 35°10′ с. ш.) остановился иностранный корабль. С этого судна 8 человек в лодке прибыли на берег. Они имели с собою боченок для воды, носили постоянно сапоги (очевидно, рассказывается о посещении берега штурманом Казимеровым). Они спросили, где колодец, и начерпали себе воды. Они положили 17 нанизанных камней (бусы) и затем еще 7 штук отдельных камней и, показывая знаками выражение благодарности, удалились с молчаливыми поклонами. Они посидели у дома рыбака Таробээ, что вблизи колодца, придвинули к себе бывший в доме табак и покурили немного (по изображению японца, выходит, будто русские сами „придвинули" к себе табак; как мы уже указывали, общение с иностранцами было запрещено, и японец, доносивший о людях Вальтона, опасался, как бы его односельчане не пострадали за гостеприимство, оказанное русским. На самом деле, как мы видели, в этом доме Казимерова угощали фруктами, а также редькой в сахаре). Подали им бумаги и кисти и просили что-либо написать, но они, однако, не написали. У соседнего с Таробээ дома у двери лежало несколько штук редьки; взяв из них четыре-пять, они положили серебряную монету и удалились. Хозяин дома хотел вернуть им монету, но так как они не понимали друг друга, то они оставили деньги против его воли и ушли (на самом деле и здесь японцы угощали русских). О появлении русских японцы донесли местному начальству, которое явилось на берег. Русские в это время садились в лодку. „За ними гнались по следам, но их большое судно уже подняло якорь и ушло, держа курс на юг". На самом деле, старшина мирно посетил судно, подарил Вальтону вина и в свою очередь был потчеван русскими. Как бы то ни было, местные власти отправили оставленные русскими деньги и „камни" (бусы) в Нагасаки, где голландский капитан объяснил, что деньги — русские, а „камни принадлежат

к украшениям, продаваемым на улицах". „Отсюда поняли, что как к берегам Муцу [Оосюу, т. е. северное Хондо, имеется в виду посещение Шпанберга], так и в Ава приходили русские суда".

В 1742 году Шпанберг и Шельтинг снова ходили из Большерецка в Японию, но неудачно. Шпанберг, дойдя до $39^1/_2$° с. ш., вернулся обратно. Шельтинг, разлучившись с начальником, доходил до $38^1/_2$° с. ш., т. е. до параллели Хондо, и тоже повернул обратно, к первым Курильским островам.

1 августа того же года Шельтинг подошел под 50°10′ с. ш. к восточному берегу Сахалина, который он называет землей Ессо, т. е. Иезо. Находясь милях в шести от берега, но из-за туманов редко видя его, он спустился на юг до 45°34′ с. ш., т. е. до широты пролива Лаперуза. 17 августа поворотил назад и, идя вдоль восточного берега Сахалина, прибыл в Охотск 10 сентября.[1]

В Петербурге, вследствие доносов Писарева, сначала не поверили отчетам Шпанберга и Вальтона: думали, что они в 1739 году были не у берегов Японии, а возле Кореи. Сомнения были решены в их пользу только в 1746 году.

Между тем наши мореплаватели совершили важные географические открытия: они нанесли на карту Курильские острова и часть Японии, доказали апокрифичность земли Гамы, а также обнаружили, что остров Штатов и Земля Компании есть не что иное, как два из Курильских островов. Наконец, они впервые нашли путь к Японии с севера. На основании карт Шпанберга и Вальтона составлена карта, напечатанная в академическом российском атласе 1745 года и изображающая устья Амура, Сахалин, часть Японии, Курильские острова и южную часть Камчатки (ср. рис. 37).

Вместе с тем нельзя не отметить, что во время плавания 1739 года было сделано для ознакомления с Японией менее, чем обстоятельства позволяли.

Во всяком случае, на Камчатке в 40-х годах XVIII столетия имелось уже, через посредство курильцев и потерпевших крушение японцев, столько сведений об Японии, что Чириков в своем предложении Адмиралтейств-коллегии от 25 июля 1746 года мог писать: „а к произведению об-

[1] Соколов, стр. 422.

стоятельной коммерции, не взяв позволения от Японского владетеля, который резидует в городе Иедо или Иедзо, утвердиться не можно".[1]

4. Дальнейшие сношения с Японией в XVIII веке

Когда во второй половине XVIII века Курильские острова сделались более или менее известными, сибирские власти начали заботиться о более прочном закреплении их за Россией, стали также собирать сведения о Японии, на случай возможных с ее стороны покушений на Курильские острова, а частью, чтобы завести с нею торговые сношения. Бем, главный командир Камчатки, предлагал построить на Урупе укрепление, сделать опыты хлебопашества и устроить русское поселение. Для осуществления всех этих проектов он побудил в 1775 году якутского купца Лебедева-Ласточкина снарядить на южные Курильские острова полуразведочную, полупромышленную экспедицию. Во главе дела был поставлен сибирский дворянин Антипин, знакомый с японским языком.[2]

В инструкции, полученной от Бема, Антипину поручалось плыть из Петропавловска прямо к острову Урупу, причем наказывалось „под смертною казнью не обижать диких, как происходило на Алеутских островах от разных компаний", далее итти на Итуруп, а затем, взяв с собой мохнатых,— и на следующие Курильские острова. При встрече с японцами предписывалось поступать с ними „учтиво, ласково и благопристойно" и сказаться купцами. У японцев выведывать, какие им нужны русские товары и что можно от них получить взамен, и попытаться заключить с ними „на котором-нибудь острове" письменный договор; у мохнатых тоже взять о торговле „объяснение, если они сведущи в письменном производстве". Затем инструкцией предписывалось собрать подробные географические сведения о Японии и Курильских островах: сколь велика Японская империя, сколько там городов, укреплений, о их вере, законе, житье, обычаях, нраве, кто из иностранцев приходит для торговли,

---

[1] Соколов, стр. 454.

[2] О плаваниях Антипина подробно рассказывается у Полонского, Курилы. Зап. Геогр. общ. по отд. этногр., IV, 1871, стр. 441—467. Также у Татаринова: Описание Курильских островов. Месяцослов историч. и географ. на 1785 г. (перепечатано в Собрании сочинений, выбранных из месяцословов на разные годы, ч. 6, СПб., 1790, стр. 63—103).

чем питаются, довольно ли „пропитания“, „при каком климате родится“, откуда доставляется, платье своего ли рукоделия или получают откуда, с кем ведут торговлю и чем, есть ли у японцев морские суда и морские карты, имеется ли строевой лес, довольно ли лошадей и рогатого скота. „Земли и острова класть на карты, а если у мохнатых или японцев есть собственные карты, то стараться их достать или скопировать“. Наконец, узнать, „каков русский народ приятен им кажется“. На Урупе, где предполагалось построить крепость и основать русское поселение, Антипин должен был сделать пробные посевы ржи, пшеницы, проса, овса, ячменя и конопли.

Плавание 1775—1776 годов было неудачно: бот „Николай“ разбился у острова Уруп. В сентябре 1777 года из Охотска отправлено на Уруп, как мы уже упоминали (стр. 171), новое судно, бригантин „Наталия“, на котором находился Шабалин.

В июле 1778 года он прибыл на 22-й остров, или „Аткис“;[1] это город и залив Аккеши (Аккеси) на северо-востоке Матсмая (Хоккайдо).[2] Здесь застали японское судно. Русские и японцы, дружелюбно встретившись, обменялись друг с другом подарками. Шабалин завел речь о торговле, но японцы, опасаясь без разрешения начальства вступать в сделки, предложили прийти на остров Кунашир в июле следующего (1779) года. С тем Шабалин вернулся на Уруп, а отсюда в Охотск, куда бригантин прибыл 29 августа 1778 года. Лебедев-Ласточкин немедленно же снарядил судно для условленной встречи с японцами и погрузил на него сукна, бархат, атлас, муку, крупу, масло, сахар, солонину. Перезимовав на Урупе, Антипин и Шабалин весной 1779 года пошли на семи байдарах на Аткис и 24 июня прибыли в японскую гавань Ноткоме (это место на северо-восточном берегу Хоккайдо, повидимому, — Ноцукамафу японских источников, т. е. местность не очень далеко от Аккеши) и взяли ясак с живших здесь курильцев. Японцев здесь, однако, не было, но спустя три недели к Антипину явился курилец с извещением, что как только погода позволит, японцы прибудут в Ноткоме; но вместе с тем японцы просили русских не

---

[1] По японским источникам (Д. Позднеев, II, стр. 33), русские пристали „во владении Нэмуро в восточных Эзоских землях, в местности Ноцукамафу“:

[2] По словам Татаринова (стр. 67, 95), бывшие в Иркутске японцы, потерпевшие в 1744 г. крушение на пятом Курильском острове, сообщили, что острова Аткиса нет, а есть на Матмае место, именуемое Аткис.

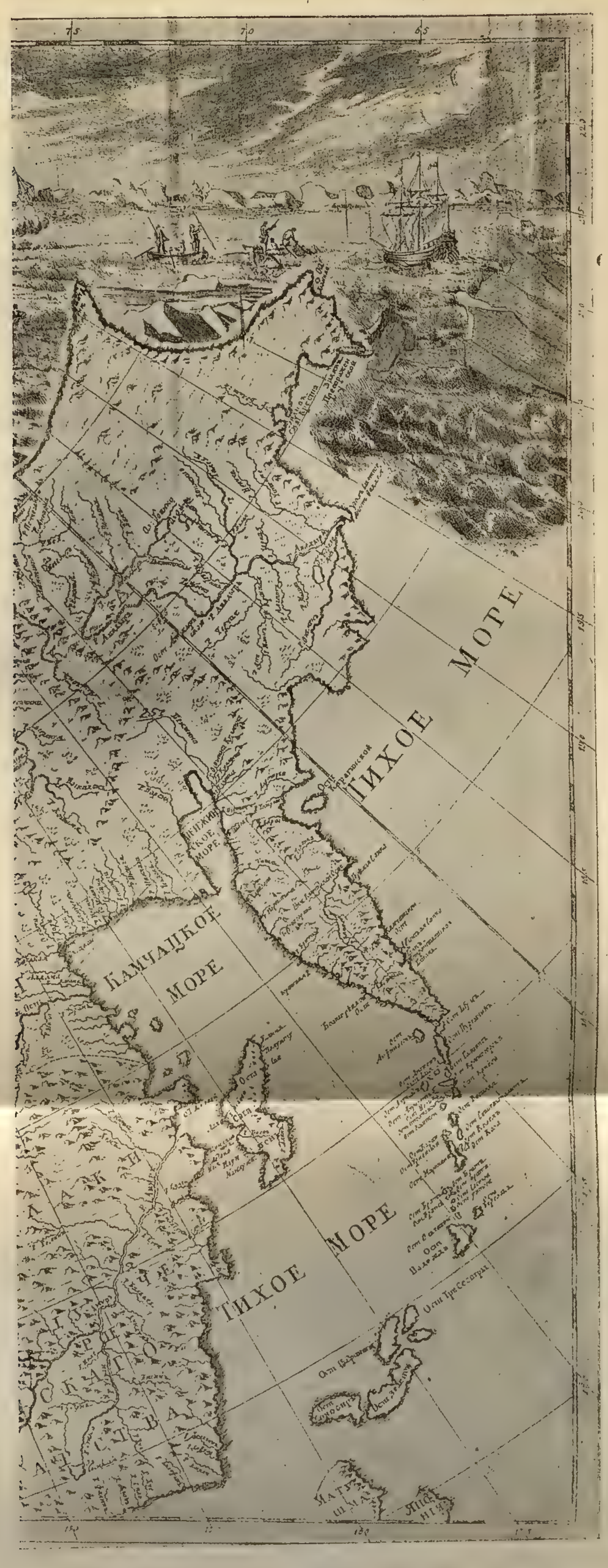


Рис. 36. Часть „Генеральной карты Российской империи" из Атласа Российского, изданного Академией наук в 1745 г.

На этой карте использованы результаты плавания Беринга к Берингову проливу 1728 г. и съемки Курильских островов 1738 и 1739 гг.

двигаться далее, к Матсмаю. Прождав бесполезно до 21 августа, Антипин решил плыть на юг вдоль берега и 25 августа прибыл в бухту Аткис, где встретил японское судно. Подходя к берегу, салютовал японскому флагу. Во время свидания командир японского судна, по распоряжению „Матмайского начальника", сообщил русским, что Аткисская земля — их место, что они ведут здесь торговлю с курильцами: „атаманы мохнатых курильцев получают от японцев платье, пшено, табак и другие вещи, а продают жиры, сухую треску, ракушки и прочее, для японцев потребное, а хорошего ничего не имеется", прибавил матсмайский начальник. Что же касается до торговли с русскими, то японцы предлагали в будущем для переговоров прислать судно на Кунашир.[1] Из этого стало ясно, что японцы вообще не желают вступать в торговые сношения с русскими. 5 сентября прибыло с Матсмая судно еще с двумя японскими чиновниками, которые передали запрещение не только торговать на острове Матсмае, но и ходить на Итуруп и Кунашир; а если будет нужда в пшене (т. е. рисе) и вине, то посылали бы за этими предметами с Урупа мохнатых курильцев, а сами не ходили бы; если же желают вести торговлю, то указали на Нагасаки, куда со всех сторон собираются народы. В японских источниках ответ японцев передан так: „иностранная торговля ограничивается исключительно портом Нагасаки, и так как в остальных местах она совершенно не разрешается, то сколько бы ни просили, позволения дано не будет. В будущем переплывать море и приходить сюда совершенно бесполезно".[2] Впрочем, обращались японцы с русскими дружелюбно. Обменявшись с японцами подарками, Антипин с Шабалиным отправились обратно к своему судну на остров Уруп. Здесь пробыли до лета. С января 1780 года на Урупе начались очень сильные землетрясения. Одно из сильнейших произошло 18 июня: море отхлынуло от берега, а потом бросилось на берег валом до 12 м высотой и разнесло имущество экспедиции, а судно, стоявшее на двух якорях, выкинуло на сушу в расстоянии 400 м от моря, где оно и осталось.[3] После этого Антипин, оставив Шабалина на Урупе, сам в сентябре

---

[1] Полонский, стр. 460.

[2] Д. Позднеев, II, стр. 35—36.

[3] Об этом землетрясении упоминается и в японских источниках (см. Д. Позднеев, II, стр. 36), но в каталоге землетрясений Мушкетова и Орлова (1893) о нем не говорится.

ушел на одной байдаре в Большерецк искать помощи. Не дождавшись помощи, Шабалин в мае 1782 года пошел на четырех байдарах в Большерецк, забрав с собою людей и все имущество. Специально посланные в 1784 году люди пробовали спустить на воду бригантин на Урупе, но неудачно. Так печально кончились предприятия Лебедева-Ласточкина. Следует отметить, что посевы ржи, пшеницы и ячменя на Урупе удались и дали хороший урожай.

Антипин сообщил некоторые сведения об острове Матсмае (Матмае), о курильцах и японцах. На Матсмае растет дуб, бук, вяз, липа, березник, тальник и много другого лесу, в России неизвестного; в горах растут большие орехи. В лесах — черные медведи, лоси, олени, дикие козы, мелкие соболи, лисицы, зайцы, а по речкам выдры. Диких коз жители стреляют из луков, а также ловят облавою. Богатые курильцы (т. е. айны) на острове Матсмае одеваются по-японски, а прочие носят платье, шитое из кож медведей и диких коз, и тканое из лыка. „Когда курильцы разговаривают между собою, то почасту, гладя у себя бороды или брюхо, гогочут га, га, га и гладят ладонь об ладонь. Во время кушанья все молчат и сидят кротко, только один старшей гогочет“. На Матсмае, как на Кунашире и Итурупе, курильцы живут в балаганах, поставленных на столбах и покрытых травою, т. е. в свайных постройках, подобных камчадальским. Если в балагане кто умрет, то, как и камчадалы, устраивают себе новое жилище.[1] В 1930 г. на Хоккайдо (Матсмае) было около 16 тысяч айнов, но они довольно быстро смешиваются с японцами, теряя свою национальность.[2]

Несмотря на вышеописанные неудачи, попытки завязать торговые сношения с Японией не прекращались. В конце 80-х годов XVIII столетия в Иркутске находились японцы, доставленные туда с Алеутских островов, именно с острова Амчитка, где они 6 августа 1783 года потерпели крушение. В 1790 году японец Кодою[3] с академиком Кириллом Лаксманом отправился в Петербург.[4] Здесь от Кодою, который был купцом, получены были сведения о торговле в Японии.

---

[1] Татаринов, стр. 95—99.

[2] D. H. Davis. Present status of settlement in Hokkaido. Geogr. Review, 1934, July, p. 399.

[3] Правильнее — Кодаю.

[4] О Кирилле (Эрике) Лаксмане см. В. Лагус. Эрик Лаксман, его жизнь, путешествия, исследования и переписка. Пер. с шведского. СПб., 1890, изд. Академии наук.

Лаксман дал весьма толковый совет, воспользовавшись, как предлогом, необходимостью отправить японцев на родину, послать экспедицию в Японию с секретной целью разузнать о возможности торговли с этой страной; кроме того, указывая на то значение, какое имеет Амур для нашего дальнего востока, советовал сплавить судно от впадения Горбицы до устья Амура. Последний проект, „по известным с Китаем обстоятельствам“, не встретил одобрения, экспедицию же в Японию решено было снарядить. Во главе ее поставлен был поручик Адам Лаксман, сын Кирилла. За подробностями мы отсылаем к трудам Полонского, Лагуса, Позднеева (II, стр. 38—71).

XV. Плавание Беринга и Стеллера к берегам Америки

Прошло уже семь лет со времени отбытия экспедиции из Петербурга, а Беринг еще не пускался в плавание. Адмиралтейств-коллегия постоянно ставила Берингу на вид медленность дела и в 1737 году даже лишила его прибавочного жалования.

В мае 1740 года Адмиралтейств-коллегия писала начальнику экспедиции: „Из полученных Коллегиею рапортов усмотрено только одно, что леса заготовляются и суда строются и паруса шьются. А к которому времени будут готовы и в надлежащий путь отправится, о том не показано. Из чего Коллегия иначе рассуждать не может, что оное чинится чрез не малое время от неприлежного старания к скорому по инструкции исполнению, потому что лесам давно надлежало быть приготовленным и судам построенным и парусам сшитым, а не так, как в оном рапорте объявлено: для шитья тех парусов и дела такелажа строются избы. И оное за основательный резон весьма почитать не надлежит; и для того наикрепчайше подтверждается: суда, ежели паче чаяния, до получения сего указа не достроены, достроивать и подлежащее все исправлять, и в путь свой отправляться без всякого замедления, не утруждая, яко излишними, без всякого действия переписками, и не ожидая впредь подтвердительных указов, понеже о том многими, через всю его тамо бытность указами, наикрепчайше подтверждено, и в такое не малое время весьма исправиться без всяких представлений уповательно возможно“.[1]

---

[1] Соколов, стр. 343—344.

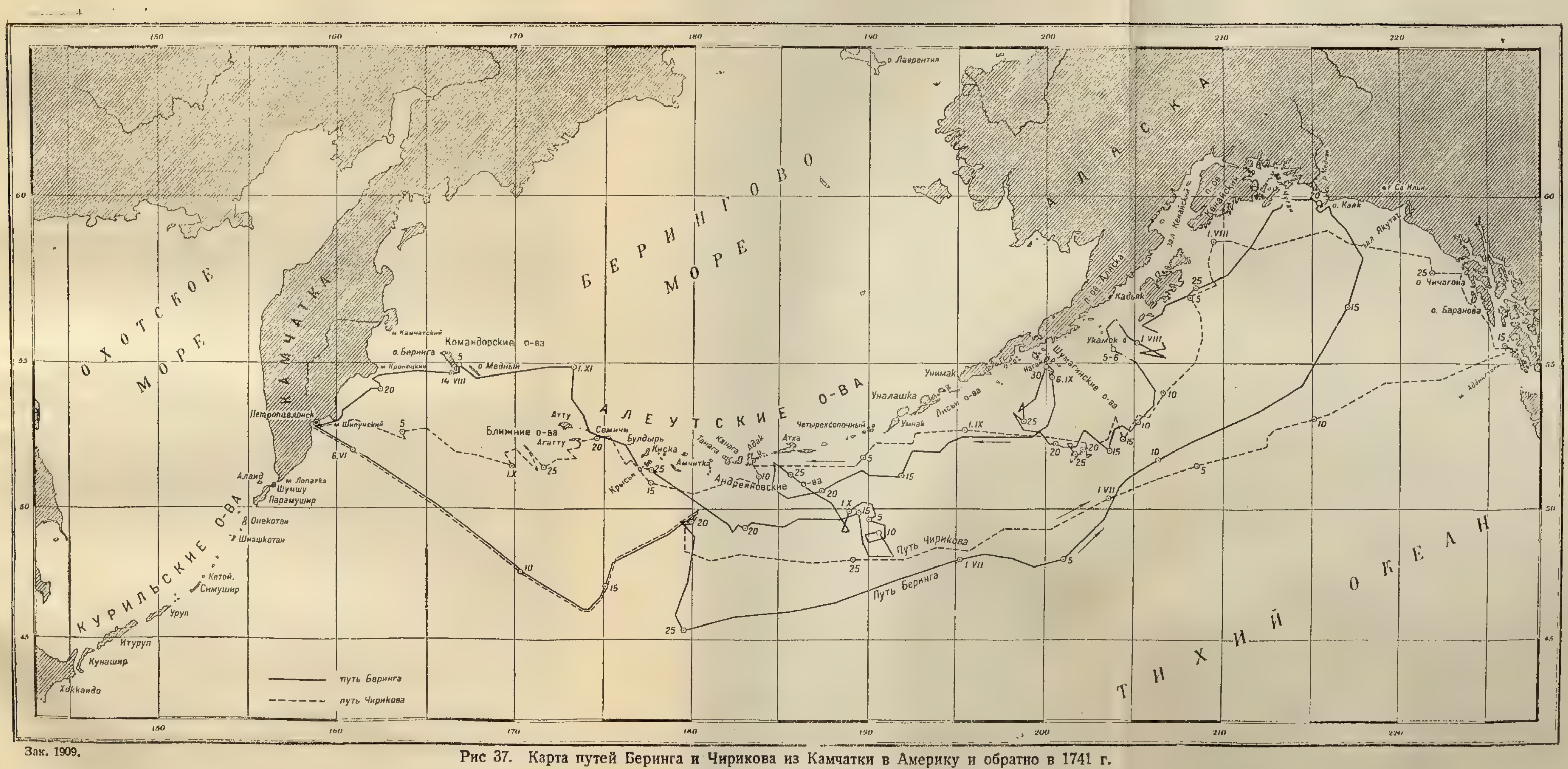
В июне 1740 года в Охотске были закончены постройкой и спущены на воду два пакетбота, „Св. Петр“ и „Св. Павел“, каждый по 80 футов длиною, двухмачтовые, подымавшие по 6000 пудов. На каждом было по 14 небольших пушек. Летом приехали в Охотск де-ла-Кройер и Стеллер. Только 8 сентября суда могли выйти в море. Пакетботом „Св. Петр“ командовал сам Беринг. В половине сентября суда пришли в Большерецк. Оставив здесь де-ла-Кройера и Стеллера, пошли отсюда в Авачинскую губу. Так как время было позднее—начало октября,—то пришлось зазимовать. Гавань на месте зимовки, одну из лучших в мире, Беринг назвал Петропавловской.

4 мая следующего (1741) года Беринг, перед выступлением, созвал совет, на котором должен был решаться вопрос о плане предстоящего плавания, имевшего целью отыскание берегов Америки. В руководство была положена злополучная карта Делиля, на которой была нанесена фантастическая Земля Гамы, существование коей было уже опровергнуто плаванием Шпанберга 1739 года. Несмотря на убеждение всех участников экспедиции, что новые земли нужно искать к востоку от Камчатки, было решено итти из Петропавловска на SEtE до широты 46° и, если там не окажется искомой земли Гамы, то отсюда следовать на EtN. Впоследствии спутники Беринга приписывали все неудачи этим неправильно выбранным курсам. На том же совете было решено, когда достигнут земли (очевидно, Америки), итти вдоль нее к северу до 65°, а затем повернуть на запад „и увидеть Чюкоцкую землю, чтоб известно было, сколько меж Америкою и Чюкоцкою землями расстояния, и оттуда возвратиться в здешнюю гавань“. Рассчитывали вернуться в конце сентября.

С Берингом на „Св. Петре“ отправился Стеллер, с Чириковым на „Св. Павле“ — де-ла-Кройер. У Беринга, кроме того, находились лейтенант Ваксель с сыном, мастер Хитров, штурман Эзельберг, подштурман Юшин, „за живописца каппрал“ Плениснер (впоследствии командир Анадырского, Охотского и Камчатского острогов) и разжалованный из лейтенантов матрос Д. Л. Овцын. У Чирикова: лейтенанты Чихачев и Плаутинг, мастер Дементьев и штурман Елагин.

1. От Камчатки к острову Каяк

4 июня 1741 года „Св. Петр“ и „Св. Павел“ вышли, наконец, из Авачинской губы в море, имея первый всего 77 человек команды, второй 75. Беринг следовал впереди, а



Зак. 1909.

Рис 37. Карта путей Беринга и Чирикова из Камчатки в Америку и обратно в 1741 г.

——— путь Беринга; – – – – путь Чирикова. Пути нанесены по карте кап. Э. Бертольфа, 1922 г.

Дни месяца относятся к положению судна в полдень соответственного дня.

Чириков позади, милях в пяти под ветром; но с полудня 6 июня Беринг приказал Чирикову итти впереди, как будто, говорит Соколов, отдавая преимущество его опытности и бдительности. После полудня 12-го, находясь под широтой 46°9′, Беринг предложил переменить курс на EtN.[1] Так и сделали; но вскоре стал дуть противный восточный ветер.

Стеллер[2] в своем дневнике указывает, что накануне изменения курса на поверхности моря видны были морские растения (преимущественно „морской дуб“, о котором говорится ниже), также птицы: морские чайки, затем крачки Sterna paradisea[3] и „утка Anas histrionica“ (на Камчатке, по Стеллеру, Klipp-Ente, по современной номенклатуре — Histrionicus histrionicus, каменушка или каменная утка). Стеллер обратил на это внимание офицеров и советовал держаться старого курса, уверяя, что скоро можно ожидать земли. Однако, его не послушали, за что он в дневнике осыпает офицеров упреками, но, очевидно, совершенно неосновательно, ибо, продолжая плыть по курсу ESE, конечно, земли не открыли бы.

Последующие дни часто приходилось менять курс. Наконец, 20 июня оба судна, во время свежего ветра, потеряли друг друга из виду. Это место находится примерно в ста милях к югу от острова Амчитка, одного из Алеутских. Беринг некоторое время искал своего спутника, а затем решил итти на юг, надеясь или встретить судно Чирикова, или достичь проблематичной Земли Компании. Только 25-го, находясь на широте 45°16′, повернули на восток, а 28-го стали держать курс на восток-северо-восток. Постепенно подымаясь на север, оказались сравнительно в недалеком расстоянии от Алеутских островов, градусов на 5—6 к югу, о чем, однако, не подозревали. Стеллер, впрочем, указывает, плыли „вдоль земли“:[4] с севера течением приносило много морских водорослей: „морской дуб“ (Seeiche, Quercus marina), это водоросль из багрянок (Rhodophyceae), Delesseria si-

---

[1] См. карту, на которой нанесены пути Беринга и Чирикова.

[2] Steller. Tagebuch. Neue Nordische Beyträge, V, 1793, p. 16. Цитата здесь (и ниже) по отдельному оттиску, носящему название: Reise von Kamtschatka nach Amerika.

[3] L. Stejneger в: F. A Golder. Bering's voyages, II, 1925, p. 23; здесь, на основании рукописи Стеллера, указано, что речь идет не об альбатросе, как думал Паллас, а о крачке.

[4] Reise, p. 20—21.

nuosa, водящаяся в северных частях Атлантического и Тихого океанов и чрезвычайно похожая на дубовые листья;[1] затем попадались из водорослей „Alga dentata Raji“ (это Odonthalia dentata (L.) Lyngb.), „которая растет на камнях на глубине двух-трех футов“, „Fucus clavae effigie“ (Holosaccion saccatum Kütz.; вопреки указанию Стеллера, водоросль эта растет у берегов Камчатки), „Fucus lapathi sanguinei foliis“ (Hydrolapathum sanguineum (L.) Stack.,[2] „Fucus membranaceus calyciformis“ (Constantinea rosa-marina S. G. Gmelin).[3] Однажды принесло массу крупного „тростника“, который растет повсюду на берегах океана и в Камчатке и в Америке. Это какой-нибудь из крупных видов вейника (Calamagrostis), возможно—C. langsdorffi или вейник из группы C. arundinacea.[4]

Из животных, которых несло течением, Стеллер отмечает „красную и белую морскую крапиву“ („Urticas marinas rubras et albas“), которая в Охотском море живет на подводных скалах, на глубине 5—6 футов. Это — актинии,[5] прикрепившиеся к каким-нибудь водорослям и с ними унесенные в море. Видели тюленей, морских бобров (Enhydra lutris), чаек, тянувших на север и северо-запад. Стеллер советовал повернуть на север, но его, к сожалению, не послушались: Алеутские острова были близки, но из-за туманов невидны.

С 12 июля, из опасения наскочить на берег, стали на ночь убирать паруса и ложиться в дрейф и тем только теряли понапрасну время. Наконец, 16 июля, находясь на широте 58° 14′, увидели после полуторамесячного плавания

---

[1] Н. Н. Воронихин. Морские водоросли Камчатки. Ботан. отд. Вып. II, М., 1914, стр. 511. Этим указанием я обязан В. Л. Комарову.

[2] Вышеупомянутые отождествления любезно сделал по моей просьбе А. А. Еленкин.

[3] Это последнее отождествление сделал M. A. Howe из Ньюпорского ботанического сада (см. Golder, Bering's voyages, II, 1925, p. 27).

[4] Срав. Stejneger в Golder, l. c., p. 29. В рукописи Стеллера этот злак именуется Gramen paniculatum arundinaceum, panicula densa, spadicea. Так, согласно проф. A. Hitchcock'у, в первой половине XVIII века называли обыкновенный вейник, Calamagrostis epigelos (L.) (см. Stejneger, l. c.).

[5] Название Urtica marina (морская крапива) в первой половине XVIII века прилагалось к актиниям; см. Linné-Gmelin, Syst. nat., VI, 1788, p. 3130, 3131, 3134. Напротив, Стейнегер (Golder, l. c., p. 28) полагает, что Стеллер имел в виду медуз, Cyanea capillata L. и Aurelia aurita L. Но этому противоречит указание на нахождение их в прикрепленном состоянии на скалах.

Рис. 38. Гора св. Ильи, открытая Берингом 16 июля 1741 г. Высота 5520 м.
(из Harriman Alaska Expedition).

Вид из бухты Якутат.

берег: высокую сопку и снеговые хребты. Это была гора, которая теперь известна под именем горы св. Илии, одна из высочайших в Северной Америке (18 100 фут., или 5520 м[1]). Стеллер в своем дневнике отмечает, что такой высокой горы он не видел ни в Сибири, ни на Камчатке (рис. 38). Все обратились с поздравлениями к командору, но он, казалось, был довольно равнодушен к своему открытию. Словно предвидя свою печальную участь, он сказал Стеллеру и Плениснеру, когда они оказались одни в каюте: „Мы не знаем, где мы, как далеко от дому и что нас вообще ожидает впереди. Может быть нас назад не пустит пассатный ветер. Земля нам незнакомая, а для зимовки не хватит провианта“.[2]

Когда находились в 12 милях от берега, из воды вытащили ствол „кипариса (Cupressus)“ — дерева, которого Стеллер на берегу не заметил.[3] Это был аляскинский или желтый „кедр“, Chamaecyparis nootkatensis, Alaska or yellow cedar, Alaska or yellow or Sitka cypress американцев. Русские же за своеобразный запах называли его душником, душмянкою или кипарисом. Он растет в изобилии на острове Баранова, или Ситхе; древесина его употребляется на шпангоуты.[4] По словам Sargent'а, дерево это не идет на запад далее залива Якутат; Fernow же говорит, что оно существует кое-где по берегам залива Чугач.[5] Во всяком случае в том месте, где пристало судно Беринга, душник не растет.

18-го вечером приблизились к берегу настолько, что видели великолепный лес, росший у самого моря. Берег был ровный, плоский, насколько можно было судить, песчаный. Повернувши на северо-запад, оказались за гористым островом, сплошь покрытым пихтовым лесом (Tannenwald).[6]

---

[1] I. c. Russell. Height and position of Mount St. Elias. Nat. Geogr. Mag., III (1891), Washington, 1892, p. 231. Здесь указана высота 18 100 фут., широта 60° 17′ 51″.

[2] Стеллер, p. 26.

[3] Рукопись Стеллера: Catalogus plantarum intra sex horas in parte Americae septentrionalis iuxta promontorium Eliae observatarum. Архив конференции Академии наук, связка 13 С, лит. L, № 5.

[4] Ф. Литке. Путешествие вокруг света на военном шлюпе Сенявине в 1826—29 гг. Отд. истор. СПб., I, 1834, стр. 88.

[5] B. Fernow. Forests of Alaska, in: Alaska. Harriman Alaska Expedition, vol. II, 1902, p. 247. — G. Sudworth (Forest trees of the Pacific slope. Washington, 1908, U. S. Dep. Agr., p. 170) приводит подробности о распространении душника на берегах залива Чугач; самый западный и северный пункт находится под 61° с. ш. 147° 20′ з. д.

[6] Steller. Reise, p. 27.

2. Высадка на острове Каяк

Медленно подвигаясь, 20 июля (1741 года) утром подошли на расстояние двух миль к северо-западному концу острова, которому дали имя св. Ильи. Теперь он носит название *Каяк*. Истинное положение южного конца его таково: 59°47′ с. ш. и 56°44′ в. д. от Петропавловска. По журналу же „Св. Петра“, веденному Ваксселем, широта 59°40′, долгота 48°50′.[1] Широта была определена довольно верно, долгота же, по судовому счислению, оказалась почти на 8° западнее настоящей.

Долгое время существовало разногласие относительно точного приурочения места, где пристал Беринг. Кук и Ванкувер принимали за таковое залив Якутат, который они назвали заливом Беринга.[2] На картах, которые получил Сарычев из Адмиралтейств-коллегии, за место, где пристал „Св. Петр“, принят остров Цукли (Montague I.) в заливе Чугач (Prince William Sound).[3] Впервые отождествил пункт высадки Хитрова и Стеллера с островом Каяк Сарычев, который был в этих местах летом 1790 года.[4] Помимо разбора плавания Беринга, Сарычев приводит весьма важные сведения, полученные им от эскимосов в заливе Чугач. Будучи в июле 1790 года на острове Нучек (или Хтагалук), Сарычев спросил у местных „американцев“, т. е. чугачей, не помнят ли они того судна, которое первое остановилось у этих берегов. „Один из Американцев сказал, что он слышал от своего отца о сем судне и что оно приходило не к Цукли, но к острову, называемому Каяк, которой от здешнего места лежит к востоку, на полтора дня езды, где Американцы в летнее время обыкновенно промышляют бобров. Люди с сего судна сходили на берег и оставили в их шалашах некоторое число ножей и корольков“.[5] Нако-

---

[1] Соколов. Зап. Гидр. деп., IX, стр. 383. Впервые более точно определил положение мыса св. Ильи (южный мыс о-ва Каяк) Ванкувер в 1794 г.: 59°48,5′ с. ш., 215°51′ в. д. от Гринича. Он дал этому мысу имя Cap Hamond. G. Vancouver's Entdeckungsreise, 1790—1795. Th II. Halle, 1800, p. 219.

[2] Vancouver, l. c. p. 228—229.

[3] См. также Путешествие Шелехова, ч. II, СПб., 1812, стр. 4 (1788 г.).

[4] Сарычев. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Вост. Океану. Часть II. СПб., 1802, стр. 60. См. также I. Billings. An account of a geographical and astronomical expedition to the northern parts of Russia. London, 1802, p. 195, 202.

[5] Сарычев, II, стр. 52—53; ср. также Billings, p. 193—194.

нец, всякие сомнения исчезают, после того как в 1851 году А. Соколов опубликовал в IX томе Записок Гидрографического департамента копию карты острова Каяк из подлинного журнала мастера Хитрова. Остров, названный „св. Илии", нанесен здесь весьма недурно.[1]

Название Каяк (по-эскимосски — „лодка") впервые услыхали от переводчиков-чугачей Измайлов и Бочаров, посланные сюда Шелиховым в 1788 году.[2] Но еще за десять лет до этого, 11 мая 1788 года, мимо острова Каяк прошел Кук, который положил его на карту, определил положение южного конца (59°49′ с. ш.) и назвал Kaye's Island в честь капеллана Dr Kaye.[3] У Биллингса он именуется Kay's Island, у Сарычева — Каяк.

До Беринга эти места не были посещены никем из европейцев. Самый крайний пункт, которого будто бы достигли европейцы у западных берегов Северной Америки — это 57 $^1/_2$° с. ш., куда якобы приставал в 1582 г. испанский мореплаватель Франсиско Гали (Gali или Gualle) на пути из Макао в Акапулько,[4] но описания путешествия Гали, данные Hakluyt'ом и Linschoten'ом, вместо 57$^1/_2$° с. ш. указывают 37$^1/_2$°.[5] Вениаминов, бывший на Алеутских островах в 20-х и 30-х годах прошлого столетия, передает следующее:[6] „есть предание между алеутами, что задолго до прибытия русских было какое-то судно, которое стояло подле острова Аватанака [один из восточных Алеутских, под 54° с. ш.], с которого алеуты в первый раз получили железо. И бывшие на нем люди, по сказкам стариков, имели такое чудное свойство, что когда захотят есть, то спустятся в море и там наевшись выходят на берег. Судно ушло отсюда, но

---

1 Поэтому совершенно неправильно почтенный W. H. Dall в своем кратком обзоре The discovery and exploration of Alaska (см. Alaska, Harriman Alaska Expedition, II, 1902, p. 187) говорит, что Беринг пристал у острова Wingham. Островок Wingham лежит к западу от Каяка, под 60° с. ш.

2 Путешествие Г. Шелехова, ч. II, СПб., 1812, стр. 31—32.

3 J. Cook. A voyage to the Pacific ocean. Vol. II, 2-d edit. London, 1785, p. 350.

4 C. Grewingk. Verhandl. miner. Gesell. St. Petersburg (1848—49), p. 374.

5 A. Humboldt. Essai politique sur le royaume de la Nouvelle Espagne. 2-e édit. Paris, II, 1827, p. 293.

6 И. Вениаминов. Записки об островах Уналашкинского отдела, ч. I. СПб., 1840, стр. 113—114 (это классическое сочинение, которое мы неоднократно будем ниже цитировать по изданию 1840 г., перепечатано в I.I томе „Творений Иннокентия, митрополита московского", М. 1888, издание И. Барсукова).

кто такие были на нем, неизвестно". Быть может, — японцы, которых иногда бурей заносило даже на Алеутские острова. Так, в 1786 году японское судно, шедшее с острова Матсмая (Хоккайдо), было занесено ветрами к острову Амчитка, одному из Крысьих под 179° в. д.[1]

3. Население территории Аляски

Прежде чем перейти к дальнейшему, скажем несколько слов о населении бывших русско-американских владений, т. е. нынешней территории Аляски. Это нам поможет разобраться в сведениях, сообщаемых участниками экспедиции Беринга.

На островах Алеутских, Шумагинских, а также на западном берегу полуострова Аляски на север вплоть до реки Угашик живут *алеуты* (сами себя они называют *унанган*), народ, родственный эскимосам.[2] Число их Вениаминов для 1834 года определяет в 2250 душ; в 1890 году их было 1702. Они разделяются по языку на уналашкинцев, обитающих на материке и на Лисьих островах, и на атхинцев, населяющих Андреяновские острова и прочие к западу. Раньше они были более многочисленны, и число их до прихода русских, т. е. в середине XVIII столетия, Вениаминов определяет в 12—15 тысяч душ.[3]

Если не считать алеутов, то все северные и западные берега Аляски сплошь заселены *эскимосами* (сами себя они называют *инуит*, т. е. люди). Они живут на восточном берегу полуострова Аляски, к северу от мыса Иванова (что против Шумагинских островов), далее в северной части полуострова Аляски, что на островах Кадьяк и Афогнак, на южном берегу Кенайского полуострова и, наконец, на берегах залива Чугач, или Prince William Sound, на восток приблизительно до устьев реки Медной. При этом на Кадьяке и противолежащей части материка, на север до озера Илямна живут эскимосы-*коняги* (канягмюты), а на южном берегу Кенай-

[1] См. об этом у В. Лагус. Эрик Лаксман, перевод Э. Паландера. СПб. 1890, изд. Акад. наук, стр. 238, 426—427 (здесь и литература).

[2] См. этнографическую карту в масштабе 1:3 500 000, составленную в 1800 г. Иваном Петровым на основании данных Гольмберга, Вермана и других русских авторов, далее G. Gibbs'a, W. Dall'я, E. Nelson'a и других. Она приложена к Tenth Census of United States, 1880, v. VIII Alaska.

[3] И. Вениаминов, II, 1840, стр. 177.

ского полуострова и на берегах залива Чуган — эскимосы-*чугачи* (чугачигмюты); последних в 1834 году было 471 душа, а в 1890—433.[1] Чугачи, по языку, религии и обычаям, очень близки к конягам, и Врангель передает, что они происходят с острова Кадьяк.[2] Русские впервые встретились с чугачами в 1783 году.

На берегах Кенайского залива (Cook's Inlet), прерывая область сплошного распространения эскимосов, живут *кенайцы,* одно из подразделений индейцев-атабасков. Это единственное из северно-атабаскских племен, живущее на берегу моря. Число их (у американских авторов — Knaiakhotana) в 1890 году равнялось 724. Далее можно упомянуть, что на реке Медной, выше устьев, живет другое племя атабасков — *медновцы,* или атнайцы (атнахтяне, Ahtena), числом около 300 душ. С торговыми целями они спускаются в устья Медной и бывают на берегах залива Чугач.[3] Внутренность страны занята разными племенами атабасков, из подразделения тинне, куда относятся и кенайцы с медновцами.

На берегу моря, в устьях реки Медной и несколько далее к востоку, живет плохо изученный народец *угаленцы,* или *угалахмюты,* как полагают — эскимосы, подвергшиеся влиянию индейцев-тлинкитов и смешавшиеся с ними. О них мы скажем подробнее, так как к области их обитания пристал Беринг.

Насколько мне известно, первые сведения об угаленцах принесли Измайлов и Бочаров, осмотревшие в 1788 году берег от залива Чугач до бухты Льтуа. Согласно их описанию, на берегах залива Чугач живут чугачи, а к востоку от них угалахмуты, состоящие с ними в союзе.[4] 2 июня Измайлов и Бочаров находились у острова „Кояк" (Каяк);

---

[1] Handbook of American Indians, edited by E. Hodge. Bureau Amer. Ethnology, Bull. 30, part I, Wash., 1912, p. 294.

[2] Wrangell. Beitr. z. Kenntn. Russ. Reich, I, 1839, p. 116. — Тихменев (Ист. очерк образования Российско-американской компании. II, 1863, стр. 351), сообщает, будто чугачи переселились с Кадьяка на берега Чугачского залива около половины XVIII века. Но это неверно, ибо уже во время Беринга, т. е. в 1741 г., чугачи жили в Чугачском заливе, как увидим ниже.

[3] W. H. Dall. Tribes of the extreme northwest Contributions to North American Ethnology, I, Wash., 1877, p. 34.

[4] Путешествие Г. Шелехова. СПб. 1812, ч. 2, стр. 24 (1-е изд. под заглавием: Российского купца Григорья Шелехова странствование. СПб., ч. 2, 1792, стр. 27); также Gregor Schelechof's Reise von Ochotsk nach Amerika. Neue nordische Beyträge, VI, 1793, p. 218.

сопровождавшие их чугачи передавали им, что на острове нет постоянного населения; иногда туда приходят чугачи и угалахмюты для промысла на морских бобров.[1] Угалахмюты жили и далее к востоку, между островом Каяк и заливом Якутат (повидимому, у бухты Ледяной); с соседними колюжами (колошами) они были во враждебных отношениях.[2] С самими угаленцами мореходам не пришлось встретиться, но они видели у последнего из вышеупомянутых пунктов „шалаш, покрытый корою". Давыдов, посетивший остров Кадьяк в 1802 и 1803 годах, сообщает: „народ, живущий между Медною рекою и Чугацкою губою, называется угалахмюты, что значит „восточное селение" на языке тех диких".[3] Вениаминов (ч. I, стр. V) насчитывает в 1834 году угаленцев всего 150 душ и говорит (ч. III, стр. 143), что язык их близок к якутатскому (о якутатах будет сказано ниже). Для этого же времени приблизительно то же число (38 семейств) указывает Врангель. По описанию этого автора, угаленцы живут к западу от „мыса св. Ильи" (повидимому, имеется в виду мыс Suckling, ограничивающий с востока бухту между островом Каяк и материком). Зимою они обитают на берегах небольшой бухты, к востоку от острова Каяк (по ошибке сказано — Кадьяк), а летом отправляются для рыбного промысла к восточному устью реки Медной. В стране угаленцев, в некотором удалении от морского берега, много речных бобров; они добывают их ежегодно 500—700 штук и для продажи их отправляются на своих лодках, похожих на колошенские, в Константиновский редут (ныне Нучек в Port Etches на острове Нучек, в заливе Чугач). Угаленцы мирный и покорный народ. Они живут по несколько семейств (от двух до шести) в бараборах (Schoppen), в которых посреди разводится огонь для всех.[4] По образу жизни и религии они не отличаются от колошей, с которыми угаленцы тесно связаны родственными отношениями. Язык, хотя и отличается от якутатского, но ближе к нему. Угаленцы и колоши — два племени одного и того же народа.

---

[1] Там же, стр. 32; нем. p. 221—222.

[2] Стр. 39; нем. p. 225.

[3] Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, т. II. СПб., 1812, стр. 132.

[4] Барaборой в русских североамериканских владениях называли колошенскую избу без печи, с большим отверстием вверху; передний фасад обшивается тесом, остальные стороны из кольев, обтянутых древесной корой.

Соседние якутаты, а также население реки Медной называют угаленцев тем же именем, под каким они известны и в русских поселениях (т. е. угаленцами).[1] От медновцев угаленцы получали медные топоры, ножи и проч.[2] Тебеньков (1852) помещает угаленцев между заливами Чугачским и Якутатом; „они имеют свой язык“.[3] Гольмберг (1855) считает угаленцев за одно из подразделений тлинкитов[4], а на карте дает им место от Ледяной бухты на востоке и до левого берега реки Медной на западе. Почти такова же область распространения их на карте Ф. К. Вермана, приложенной ко второму тому труда П. Тихменева, „Исторический очерк образования Российско-Американской компании“, СПб. 1863. Называет Тихменев (II, стр. 341—342) этот народец угаленцами и угалахмютами.

С течением времени угалахмюты были обращены в православие, и в 1860 году их состояло в приходе 148 душ.[5]

Л. Радлов, изучавший язык угалахмютов по словам, собранным Резановым у залива Якутат, и по материалам Врангеля, говорит, что язык их своеобразен: почти ничего он не имеет общего с эскимосским, именно с чугачским, очень мало — с кенайским и сравнительно больше с языком тлинкитов (колошей): из 1132 слов, записанных Резановым, около 40 оказываются общими с тлинкитскими.[6] Но так как неизвестно, от кого именно собраны эти слова, то заключения Радлова не могут считаться окончательными.[7] W. H. Dall, известный исследователь Аляски, работавший здесь с 1865 года, первоначально считал угалахмютов и угаленцев за два разных народа. Первых он признает за эскимосов и помещает на протяжении от устьев Медной до Ледяной бухты.[8] Не имев случая лично ознакомиться с этим народом,

---

1 v. Wrangell. Statistische und ethnographische Nachrichten über die Russischen Besitzungen an der Nordwestküste von Amerika. Beitr. z. Kennt. Russ. Reich, I, 1839, p. 96—97. Список слов угаленского языка при стр. 258.

2 Wrangell, l. c., p. 97—98.

3 Тебеньков. Гидрографические замечания к атласу северо-западных берегов Америки. СПб., 1852, стр. 32—33.

4 H. I. Holmberg. Ethnographische Skizzen über die Völker des russischen Amerika. Helsingfors, 1855, p. 4 (= Acta Soc. scient. fennicae, IV, 1856, p. 281—421).

5 Капитан-лейтенант Головин. Обзор русских колоний в Сев. Америке. Морской сборник, 1862, № 1, стр. 151.

6 Leopold Radloff. Ueber die Sprache der Ugalachmut. Bull. de la classe hist.-philol. Acad. de Sciences St-Pétersb., XV, 1858, p. 26—27.

7 У залива Якутат живут и жили, насколько известно, якутаты.

8 W. H. Dall. Alaska and its resources. Boston, 1870, p. 401.

Dall приводит сообщенный ему список слов угалахмютов, собранных через посредство русских промышленников.[1] Слова эти весьма близки к эскимосским, в частности — к языку чугачей. Угаленцев Дол, со слов русских промышленников, помещает летом на острове Каяк, зимою на реке Медной; по языку он склонен их отнести к атабаскам-тинне (p. 430, 550). В 1874 году Dall посетил остров Нучек и здесь, из расспросов чугачей, убедился, что угалахмюты и угаленцы это одно и то же, что они, подобно чугачам, — эскимосы и называют себя Chilkhakmut.[2] Раньше их территория была в соприкосновении с чугачской, но затем медновцы поселились на небольшом клочке земли в устье Медной. „Прежнее смешение угалахмютов с тлинкитами и с индейцами-тинне основано, повидимому, на собраниях слов, полученных или от медновцев, или от кочевых якутатов, которые иногда являются на лодках из залива Якутат в Нучек, для торговли. Зимою угалахмюты живут на острове Каяк, а летом ловят лососевых в устье Медной и вдоль берега вплоть почти до Ледяной бухты“.[3] Дол признает угалахмютов за самую восточную ветвь тихоокеанских эскимосов. Но, судя по кучам раковин, правдоподобно, прибавляет он, что некогда эскимосы простирались до реки Stikine (под $56^1/_2$° с. ш.), если не дальше — к югу и востоку.

Иван Петров, посетивший Аляску в 1880 году, передает[4] что угалахмюты живут в хижинах из досок, как и тлинкиты (следует отметить, что и эскимосы-чугачи, ближайшие соседи угаленцев, тоже живут в бревенчатых жилищах); эскимосские парки заменены у них типичными тлинкитскими плащами или, как их называли русские, накидками (blanket). Они забыли даже свою эскимосскую лодку, каяк. Места погребения у них в виде домов, на тлинкитский манер, но без тотемов. Наконец, они потеряли свой язык, и молодежь при переговорах с своими сородичами-чугачами нуждается в переводчике. Отметим еще, что на этнографи-

---

1 Dall, l. c., p. 548.

2 Chilkat Chilkhaat — это деревни, сейчас же к востоку от устьев реки Медной; они населены, насколько известно, якутатами. Не смешивать с тлинкитским племенем Chilkat в изголовье Lynn Channel.

3 Dall, l. c.

4 Ivan Petroff. Report on the population, industries and resources of Alaska. Tenth Census of the United States (1880), vol. VIII, Wash., 1884, p. 146.

ческой карте, приложенной к отчету Петрова, остров Каяк закрашен цветом не угалахмютов, а чугачей. Однако новейшие американские авторы (Handbook Amer. Ind.) признают жителей этого острова угалахмютами. Далее, Петров сообщает, (p. 28), что раньше эскимосы распространялись на восток вплоть до острова Каяк и противолежащего берега (Comptroller bay), но впоследствии тлинкиты продвинулись на запад, частью смешавшись с эскимосами; „в настоящее время (1880—1881) тлинкиты живут даже к западу от устья реки Медной“ (p. 28). По словам того же автора, на острове Каяк нет постоянного населения; сюда на время приезжают промышленники-туземцы, которые иногда остаются по нескольку месяцев. В этой области эскимосы живут в подземных жилищах,[1] там же, где они подверглись влиянию тлинкитов, они строят бревенчатые избы. Местопребывание угалахмютов, по Петрову (p. 146 и карта) — это дельта Медной и прилежащая полоса берега на восток до бухты Контроллер. G. T. Emmons, большой знаток тлинкитов, помещает угалахмютов (guth-le-uk-qwan по-тлинкитски) на восток вплоть до мыса Яктаг (что на полупути между островом Каяк и заливом Якутат), а также на острове Каяк. По словам Эммонса, система тотемов у угалахмютов та же, что у якутатов, и вообще оба народа сходны во всем.[2] Поэтому он включает угалахмютов в число тлинкитов (p. 239). Наконец, авторы статьи Eskimo в Handbook of American Indians, I, p. 436, считают угалахмютов отлинкитившимися эскимосами.[3]

Итак, мы видим, что угаленцы продолжают оставаться загадочным народом. Очень мало кто ознакомился с ними лично. Как бы то ни было, название, какое им дают чугачи, свидетельствует скорее в пользу того, что они эскимосского происхождения: угалахмюты значит по-эскимосски „далекий народ“; и действительно, они самые дальние из эскимосов. Но они подверглись такому сильному влиянию тлинкитов, что их материальная и духовная культура,

---

[1] Однако Сарычев (II, стр. 51; срав. также стр. 54) в 1790 г. видел жилища чугачей рыбаков на острове Нучек: „некоторые из них жили в составленных из досок шалашах, другие под тремя опрокинутыми большими кожаными байдарами“.

[2] Emmons. The basketry of the Tlingit. Mem. Amer. Mus. Nat. Hist., III, part II, 1903, p. 231.

[3] См. то же мнение у J. R. Swanton. Social condition, beliefs, and linguistic relationship of the Tlingit Indians. XXVI. Annual Report of the Bureau of American Ethnology (1904—05). Wash., 1908, p. 396.

а в значительной степени и язык, стали тлинкитскими.[1] Ниже мы еще будем иметь случай судить об этом.

Что касается населения острова Каяк, то здесь жили угалахмюты, но приезжали сюда, как свидетельствует Шелехов, и чугачи.

С востока к угалахмютам примыкают *якутаты*, одно из подразделений *тлинкитов*. Индейцы, относящиеся к группе тлинкитов (=люди), или *колошей* (*колюжей*), как их называли русские, живут по берегу и островам Тихого океана от бухты Контроллера (несколько восточнее устья Медной) и вплоть до параллели, проходящей через южную треть острова Принца Уэльского. Центр обитания якутатов находится около бухты Якутат; отсюда они распространяются на запад почти до устья Медной, на восток до бухты Сухой (Dry bay, под 59° с. ш.). В 1890 году их числилось 436 душ.[2] Краузе, исследовавший тлинкитов в 1882 году, говорит, что якутаты подвинулись на запад вплотную до устьев реки Медной.[3]

4. Природа и люди острова Каяк

Возвращаемся теперь к наблюдениям Стеллера. На остров св. Ильи (Каяк) послали флотского мастера Софрона Хитрова „для сыскания гавани". Кроме того, послан другой ялбот с небольшим числом людей за пресной водой. Стеллер пожелал отправиться на берег на втором боте, и в этом намерении он был поддержан офицерами, но командор сначала не хотел пускать его. Вот как рассказывает об этом Стеллер: „Но как я усмотрел, что со мною так не порядочно поступлено, и я в небрежении и презрении оставлен, и что ласковыми словами ничего учинить не мог, употребил уже жестокие слова ему, капитану командору Берингу, по правде говорить и публично засвидетельствовать, что я высокоправительствующему сенату на него, капитана командора, под таким видом буду протестовать, чему он был достоин; но как смелая уже такая гордость в таких отдаленных землях у многих уже в обычай вошла, ничего не

---

[1] С другой стороны, и тлинкиты-якутаты, в свою очередь, подверглись влиянию эскимосов: они одни из тлинкитов едят китовое мясо, их женщины не носят у рта втулок (ср. Holmberg, p. 23—24).

[2] J. R. Swanton in: Handbook Amer. Ind. II, p. 985.

[3] A. Krause. Die Tlinkit-Indianer. Jena, 1885, p. 99. Здесь же, p. 98—100, вообще о якутатах.

учинил, как только то, что с великим негодованием и вредительными словами меня с судна спустили против своего обещания верности и совести, не учиня никакого вспоможения, с одним команды моей служивым, к великой беде и смерти подвергнул, которого прежде моего отпуску весьма непорядочно чиня, обещая подарки, говорил, чтоб меня хуже всех в поругание перед всеми ввел; но как жестокими поступками и страхом ничего сделать не мог, претворивши все в дружбу, приказал: как я на берег с отправленными по воду людьми выеду, в трубы трубить, думая, что я того рассудить не могу и что бесчестие за знак чести приму и тем подлиннее в посмеяние мое предложение будет". [1]

Где в этой жалобе, невразумительно переведенной с немецкого, правда и где пристрастие, решить в настоящее время невозможно. По всем вероятиям, много тут преувеличенного.

Как бы то ни было, Стеллер оказался на берегу острова Каяк в сопровождении данного ему для охраны и помощи казака Фомы Лепехина. Здесь Стеллеру было разрешено пробыть всего шесть часов, и за это время он успел сделать множество наблюдений над страной, остатками быта ее обитателей (сами туземцы убежали), над флорой и фауной. Достаточно сказать, что за такой короткий промежуток времени Стеллер успел описать около 160 видов растений. Пройдя с версту вдоль берега, Стеллер увидел следы людей: [2] под деревом лежал ствол, корытообразно выдолбленный, в котором туземцы еще два-три часа тому назад варили мясо, положив в воду раскаленные камни, „как это прежде делали и камчадалы, за отсутствием котлов и горшков". Выше (стр. 82) мы уже упоминали об этом и указывали, что тлинкиты еще в 80-х годах прошлого столетия пользовались этим способом варки.

Тут же, продолжает наш путешественник, лежали кости, некоторые с мясом, которое, очевидно, жарили на огне. По внешнему виду и величине, эти кости, казалось Стеллеру, должны были принадлежать северному оленю, хотя этих животных на острову не было видно. Неизвестно, водится ли на острове Каяк северный олень или нет, но на материке, близ берегов заливов Чугач и Кенайского, он попадается

---

[1] Зап. Академии наук, XV, № 1, 1869, стр. 18.
[2] Steller, Reise nach Amerika, p. 31.

до сих пор, хотя и очень редко. Северный олень (caribou) берегов Кенайского залива принадлежит к форме Rangifer arcticus stonei.[1] Про берега и острова залива Чугач Измайлов и Бочаров[2] сообщают, что здесь попадаются „медведи двух родов, черные (Ursus americanus emmonsi, black bear) и темно-желтые, называемые там *нуни*, с колючими, на подобие кости, щетинами и с когтями (это дикобраз, Erethizon epixanthus myops; о нем упоминает и Тихменев; кроме того, он же приводит и бурого медведя (Ursus middendorffi, brown bear); лисицы трех родов: черные, сиводушки и красные (все это цветовые вариации Vulpes fulva, для здешних мест выделенной в особый вид V. kenaiensis), куницы (Mustela americana kenaiensis), выдры (Lutra canadensis), росомахи (Gulo luscus),[3] норки (Lutreola vison), речные бобры (Castor canadensis; теперь они очень редки; Тихменев о них не упоминает). Внутри же земли, как островитяне уверяли, есть и дикие бараны, коих находящиеся на галиоте видели кожи и шерсть длинную белую (эти дикие бараны на самом деле — снежные козлы, Haplocerus montanus; в настоящее время они для здешних мест, именно для гор в низовьях Медной, выделены в особый вид, по современной номенклатуре обозначаемый как Oreamnos kennedyi, Alaska mountain goat; но и настоящие каменные бараны, Ovis dalli, очень близкие к сибирскому O. nivicola, водятся в горах у залива Чугач; у них тоже белая шерсть); зайцы (Lepus americanus), олени (см. выше), белка (Sciurus hudsonicus), горностай (Putorius kadiacensis) и собаки (не знаю, о каких собаках здесь идет речь; кроме волка, Canis occidentalis, близкого к нашему обыкновенному волку, никаких других диких представителей рода Canis здесь не водится. Тихменев о собаках не упоминает). Промышляются тут морские звери, т. е. бобры (Enhydra lutris), киты, сиучи

---

[1] W. Osgood. North American Fauna, № 21, Washington, 1901, p. 61; № 30, 1909, p. 13.

[2] Путешествие Г. Шелехова, II, 1812, стр. 23—24, ср. также Тихменев. Исторический очерк образования Российско-Американской компании, II, СПб., 1863, стр. 325. Латинские названия я прибавил, руководясь работой W. Osgood. Natural history of the Cook inlet region, Alaska. North Amer. Fauna. № 21, 1901.

[3] Здешние теперь выделены в особый вид, Gulo katschemakensis. См. G. S. Miller. List of North Amerikan recent Mammals. Washington, 1924, p. 128. Нужно заметить, что обработка фауны млекопитающих северо-западной Америки произведена американскими зоологами крайне неудовлетворительно; данные по фауне Сибири ими оставлены без внимания.

(Eumetopias jubata или stelle), нерпы (Phoca vitulina largha), коты (Arctocephalus ursinus alascanus), стрелками из досок сделанными и из луков, так как Кенайскими и прочими народами. По рекам имеются рыбы: чавыча (Oncorhynchus tschawytscha), семга (имеются в виду другие виды из рода Oncorhynchus: нерка, горбуша, кета, кижуч) и другие многие морские".

Продолжаем описание наблюдений Стеллера. Тут же лежали остатки юколы, или вяленой рыбы, „которая на Камчатке употребляется вместо хлеба",[1] а также много крупных створок гребешка — моллюска из группы Pecten jacobaeus, которого Стеллер называет Jacobsmuschel, шириной свыше 20 см, и, наконец, „blaue Muscheln", т. е. мидии (Mytilus), „очень похожие на камчатские и, без сомнения, употребляемые в пищу, по здешнему [т. е. камчадальскому] обычаю, сырыми". Действительно, как эскимосы, так и тлинкиты едят сырых мидий. Давыдов передает случай, когда из партии коняг и чугачей, поевших сырых моллюсков, умерло более 80 человек.[2] Тлинкиты тоже употребляют в пищу сырых мидий и других моллюсков (Cardium), а также морских ежей.[3]

В некоторых створках гребешка оказалась заготовленной по-камчадальски „сладкая трава". Это — зонтичное, Heracleum lanatum или H. dulce, из которого на Камчатке добывали сахар и водку (см. выше стр. 90). Сообщение Стеллера насчет употребления „сладкой травы" на острове Каяк весьма любопытно: у позднейших путешественников не встречается указаний на то, чтобы эскимосы (например, коняги) или тлинкиты употребляли Heracleum. Коняги еще до прихода русских готовили опьяняющий напиток из ягод малины и вересковых.

Вблизи дерева видны были уголья и деревянное огниво такого же типа, что и на Камчатке. Крашенинников описывает камчадальское огниво так: „огнива их были дощечки деревянные из сухого дерева, на которых по краям наверчены дирочки, да кругленькие из сухогож дерева палочки, которые

---

[1] „Главная их [камчадалов] пища, которую должно почесть за ржаной хлеб, есть юкола, которую делают они из всех родов лососья роду" (Крашенинников II, стр. 49).

[2] Двукратное путешествие в Америку Хвостова и Давыдова. II. СПб., 1812, стр. 76—77. См. также К. Хлебников. Жизнеописание А. А. Баранова. СПб., 1835, стр. 48 — Holmberg, 1855, p. 94—95.

[3] Krause. Die Tlinkit-Indianer, 1885, p. 91. — Holmberg, 1885, p. 22.

вертя в ямочках огонь доставали. Вместо труду употребляли они мягкую траву тоншичь, в которой раздували загоревшуюся от вертения сажу. Все сии принадлежности обертя берестою каждой Камчадал носил с собою и ныне носят, предпочитая их нашим огнивам для того, что они не могут из них так скоро огня вырубать, как достают своими огнивами“.[1] На таблице, приложенной к этому месту, изображены „Камчадалы, достающие огонь из дерева“. Более усовершенствованное огниво было в ходу у эскимосов. По словам Давыдова, коняги на острове Кадьяк „огонь достают посредством завостренной палочки, которая, равно как и брусок для сего употребляемый, делается из дерева чаги, выкидываемого на остров морем и растущего на матерой Америке. По средине сей палки, которой конец обмазывается жиром, обвертывают несколько раз веревочку и взяв конец оной в руки, вертят в обе стороны сколь можно поспешнее, пока от приставленного к бруску конца палки покажется дым: тогда берут затлевшуюся от того стружку, кладут ее в сухую траву, размахивают в руке, и огонь появляется“.[2] У курильских айнов на острове Шикотан еще в 1899 году был в ходу прибор для получения огня путем вращения деревянной палочки.[3] У эскимосов был прежде в ходу еще другой способ получения огня, именно посредством высекания пиритом из кремня.[4] Этот прием был, повидимому, заимствован эскимосами от европейцев через посредство скандинавов или же пришел из Азии.[5]

Рядом с огнивом Стеллер нашел и трут; это был мох Fontinalis antipyretica[6] (по Стеллеру — Quellenmooss, Alga fontinalis, „побелевший на солнце“; между тем на Камчатке трутом служит один из местных злаков).[7]

Эти наблюдения, особенно же способ приготовления сладкой травы, привели Стеллера к выводу (p. 32), что жители этих берегов Америки одного происхождения с кам-

---

[1] Крашенинников. Описание Земли Камчатки. II, стр. 32—34, табл.

[2] Двукратное путешествие Хвостова и Давыдова в Америку, ч. II, СПб., 1812, стр. 105—106.

[3] R. Torii. Journ. Coll. Sci. Univ. Tokyo, XLII, № 1, 1919, p. 202, fig. 62.

[4] Ср. также данные Плениснера 1763 г. для берега Берингова пролива (Сев. Архив, XVIII, СПб., 1825, стр. 171).

[5] Handbook Amer. Ind., I, p. 459.

[6] Точнее — одна из американских форм этого вида. Отожествление любезно сделано А. А. Еленкиным.

[7] Steller. Reise, p. 32.

чадалами — взгляд, к которому присоединяется и современная наука: эскимосский клин разъединил две группы родственных народов: с одной стороны азиатских чукоч, коряков, камчадалов, с другой — индейцев северо-западной Америки (Иохельсон, Богораз). Далее Стеллер прибавляет: „если это так, то можно думать, что Америка простирается далее к западу и на севере гораздо ближе к Камчатке, ибо при таком большом расстоянии — не менее 500 миль, — какое прошло наше судно, мало правдоподобно, чтобы камчадалы на своих жалких лодках могли достичь сюда". Стеллер представлял себе вопрос много проще, чем на самом деле.

Насколько Стеллер мог подметить по срубленным деревьям, топоры у американцев были каменные или костяные, „как на Камчатке и как и у немцев в давнопрошедшие времена". Подробнее по этому поводу мы скажем ниже.

Пройдя еще версты три, путешественники попали в густой лес. Здесь заметили, что со многих деревьев недавно содрана кора. Из этого заключили, что невдалеке должно быть жилье.

Действительно, вскоре нашли место, покрытое скошенной травой; под травой были камни, под камнями на перекладинах древесная кора, покрывавшая продолговатую яму, длиной в три сажени, а шириной и глубиной в две.[1] В землянке (Стеллер ее называет погребом) находились следующие предметы: [2]

1) Лукошки из древесной коры, высотой аршина полтора, наполненные копченой рыбой из лососей, которая в Охотске называется по-тунгусски неркой, а на Камчатке красной рыбой. — Это лососевая рыба, нерка или нярка, Oncorhynchus nerka, которая водится и у берегов Северной Америки, нося название redfish, у тлинкитов же *рхат* или *храт* (юкола же из нее — *гат*). Рыба эта составляет главнейший объект промысла тлинкитов; она имеет в среднем 7 килограммов весу. Тлинкиты ловят ее острогой, багром, а также запорами при помощи верш. Нерка начинает свой ход в реку Чилкат в конце июня и продолжает в июле, августе и сентябре (Krause, p. 175). Лососевые и у коняг составляют главный

---

[1] Кора деревьев идет у тлинкитов на покрышку барабор (Krause, p. 134). Делают они также из нее и из жердей шалаши (Holmberg, p. 24); члены Harriman Alaska Expedition видели такие шалаши из еловой коры в бухте Якутат, в 1899 г., см. Grinnell. Harr. Alaska Exp., I, 1901, p. 158—159, fig.

[2] Steller. Reise, p. 34.

предмет питания (Holmberg, p. 104). Следует отметить указание Стеллера на то, что нерка была копченой: тлинкиты, по словам Гольмберга (p. 23), коптили юколу в юртах, в отличие от эскимосов, которые ее вялили; впрочем, и тлинкиты применяли вяление (Krause, p. 176).

2) Сладкая трава, из которой на Камчатке гонят водку; трава была приготовлена очень чисто и на вкус весьма сладка. О ней мы говорили выше (221).

3) Трава, очищенная от коры, как это делают с коноплей. Стеллер счел ее за крапиву, которая здесь росла в изобилии, и возможно, говорит он, что она как и на Камчатке [1] употреблялась для изготовления рыбачьих сетей. Мне неизвестно, чтобы тлинкиты или эскимосы готовили дель из крапивы. Вообще, сетные орудия лова, особенно — морского, были мало распространены у тех и у других. Коняги ловили прежде лососевых, во время вхождения их в реки, баграми, а затем стали „в новое время" пользоваться кроме того сетями из сухожилий кита, а также перегораживали речки (Holmberg, 1855, p. 104). Треску и палтуса в море ловили на деревянные и костяные крючки (там же, стр. 105). Паллас, со слов Глотова, посетившего в 1763 году остров Кадьяк, относительно рыболовства коняг („канагистов") сообщает: „они по большей части питаются сырою и сушеною рыбою, которую ловят отчасти на море костяными удами, а отчасти в ручьях неводами из жил сплетенными". [2] Шелехов (1783) [3] так описывает рыболовство коняг: „рыбу удят в море удами костяными; по рекам рыбу ловят каменными запорами, а колют носками, похожими на копья... Красную рыбу стрелками убивают". Эскимосы на берегах Берингова пролива, по описанию Нельсона (80-е годы прошлого столетия; Nelson, p. 173 sq.), пользуются для лова рыбы костяными удочками, острогами, вершами, глушат дубинами, пользуются также небольшими неводами, для которых идут нитки из сухожилий; дель для сачков готовят из ивового луба, из кожаных

[1] Об употреблении камчадалами крапивы для приготовления сетей см. у Крашенинникова, I, 1755, стр. 207—208.

[2] П. Паллас. О российских открытиях на морях между Азиею и Америкою. Месяцослов истор. и географ. на 1781 год. Перепечатано в Собрании сочин., выбранных из месяцесл., IV, 1790, стр. 340. См. также W. Coxe. Account of the Russian discoveries between Asia and America L. 1780, p. 117.— Собрание сочин. из месяцесловов, III, 1799, стр. 357 (канагысты... „речную рыбу ловят чирючами, то-есть из жильных ниток связанными мешками").

[3] Путешествие, ч. I, 1812, стр. 75.

ремешков, из китового уса.[1] У тлинкитов были в ходу тоже острога, багор, крючки, крючья, запоры с котцами, верши; иногда бредни из сухожилий (Krause, p. 175—179). Таким образом, мало правдоподобно, чтобы очищенная крапива, которую видел Стеллер, шла на приготовление сетей. Быть может, трава эта предназначалась для изготовления каких-либо плетений (корзин и т. п.), в каковом ремесле тлинкиты большие мастера, или для тканей. Тлинкиты-якутаты в заливе Якутат привозили в 1788 году Измайлову и Бочарову „пестрые коренные и травяные мешочки" в обмен на голубые и красные сережные корольки и голубой бисер.[2] Давыдов передает, что эскимосы-коняги из крапивы готовили ткани.[3]

4) Высушенная и свернутая заболонь („innerer Rindenbast") лиственицы или ели (Fichtenbaum). Не только на Камчатке, но и во всей Сибири и в России вплоть до Хлынова и Вятки в случае голода едят древесную кору, прибавляет Стеллер.[4] Нужно отметить, что лиственицы здесь нет, а именем лиственицы русские обозначали хвойное Tsuga (нечто вроде пихты, об этом см. ниже). По словам Лисянского,[5] бывшего на Ситхе в 1805 г., здешние тлинкиты употребляют в пищу „род коврижек из лиственничной (следует подразумевать из Tsuga) перепонки, покрывающей дерево под корою, которая соскабливается и сушится в виде четвероугольников, толщиною около дюйма".

5) „Большая связка веревок из морской травы, необыкновенной прочности". Здесь идет речь о громадной морской водоросли, Macrocystis pyrifera, из которой как эскимосы, так и тлинкиты выделывают веревки. Про костяные удочки, употреблявшиеся конягами (в 1783 году) для лова трески и камбалы, Шелехов (Путешествие, I, стр. 75) говорит, что „поводки при удах длинные, из засушенной морской капусты:

[1] О сетях см. Nelson, p. 185—190.

[2] Г. Шелехов. Путешествие, ч. II, 1812, стр. 54—55.

[3] Двукратное путешествие Хвостова и Давыдова, II, 1812, стр. 130.

[4] Харитон Лаптев, принимавший участие в описи северных берегов Сибири и бывший на Лене в 1737 г., сообщает, что русские и якуты „на Витиме и Олекме привозным хлебом больше довольствуются, понеже по нужде и годами токмо ячмень родится да огородные овощи; чего ради привычная их пища из лиственичной корки с молоком; а скота рогатого и лошадей довольное число; в лете и рыбы довольно бывает" (Зап. Гидрограф. департ., IX, 1851, стр. 53—54).

[5] Ю. Лисянский. Путешествие вокруг света в 1803—06 гг. на корабле Неве, т. II, СПб., 1812, стр. 145—14[illegible].

ибо одна стебль капустная бывает сажень по сорока и более".[1] Из того же материала готовили поводки и тлинкиты; сделанные из „морской травы" веревки выдерживали палтусов весом в 10—12 пудов (Holmberg, p. 32). Krause (p. 179) говорит, что тлинкиты делают веревки для лова трески и палтуса из луба красного „кедра" (Thuja plicata), или из сухожилий животных, или из водоросли Macrocystis pyrifera, которая бывает с палец толщиной и очень прочна.

Кроме того тут же Стеллер заметил несколько стрел, превосходивших величиной камчадальские; они похожи были на тунгусские и „татарские", выкрашены в черный цвет и так гладко выструганы, что заставляли подозревать у владельцев наличие железных инструментов.[2] (Черную краску тлинкиты добывали из сока черники.)[3] Хотя во время прихода русских тлинкиты пользовались преимущественно каменными орудиями, но они были знакомы и с металлами, особенно — с медью; они получали самородную медь от медновцев, с реки Медной и знали искусство ковки.[4] Из меди делали разные украшения, кинжалы, копья, наконечники стрел. Врангель говорит, что медновцы еще до прихода русских сбывали угаленцам, кенайцам и другим медные топоры, ножи и прочие вещи.[5] По всем вероятиям, тлинкиты умели до прихода русских обрабатывать и железо холодным способом.[6] С появлением европейцев, каменные орудия у тлинкитов стали быстро исчезать, и Гольмберг, около половины XIX столетия, лишь с трудом мог достать на острове Ситхе несколько каменных топоров.[7] Равным образом, к этому времени исчезли, даже из памяти, лук и стрелы.[8]

---

[1] То же видели русские промышленники у алеутов Андреяновских островов в 1761 г.: „камбалу ловят они костяными удами, для коих снурки делают из липкой и длинной морской травы, которую мочат несколько в пресной воде и потом вытягивают" (Паллас, стр. 324).

[2] Reise nach Amerika, p. 34.

[3] A. Krause. Die Tlinkit-Indianer. Jena, 1885, p. 211.

[4] Holmberg, l. c., 27.

[5] Wrangell. Beitr. z. Kenntn. Russ. Reich., I, 1839, p. 97—98.

[6] Krause, l. c., p. 212.

[7] Holmberg, l. c., p. 29. См. также Krause, p. 250.

[8] Holmberg, l. c., p. 29. Измайлов и Бочаров видели в 1788 г. у тлинкитов-якутатов в заливе Якутат „луки и стрелы" (Г. Шелехов. Путешествие, ч. 2, 1812, стр. 53); были у них и копья с (железными) остриями, „которые и куют они на камне сами" (там же, стр. 51). „У них видели европейские топоры, у коих обушник узкой и высокое острие; по примечанию же должно быть сим вымененным из приходящих иностранных судов" (стр. 55). Лангсдорф, бывший на Ситхе в 1805 г., говорит, что луки

Рис. 39. Покинутая индейская деревня у мыса Фокс. (Из Harriman Alaska Expeditio n.)

В Этнографическом музее Академии наук, обладающем богатыми, и притом старыми, сборами из русской Америки, лук и стрелы в тлинкитских коллекциях отсутствуют;[1] но имеются каменные и костяные орудия: каменный молот из коллекции Лисянского 1806 года, наконечник копья из яшмы с острова Ситхи, костяной кинжал, костяные крючки для удочек. Тлинкиты изготовляли каменные топоры главным образом из нефрита и жадеита.[2]

У эскимосов каменные орудия сохранились дольше, но у коняг, например, на острове Кадьяке к середине XIX столетия были в повсеместном ходу железные ножи и топоры, сделанные, однако, по образцу прежних каменных орудий (Holmberg, p. 101—102).[3] Впрочем, наконечники гарпунов для охоты на китов еще тогда делались из камня, на морских бобров — из кости, наконечники копий для охоты за тюленями и сивучами — тоже из кости, наконечники стрел для охоты за морскими птицами — из кости (там же, p. 109—118).

Лук и стрелы были в полном ходу у коняг еще в половине XIX столетия (Holmberg, p. 106).

Из предметов, замеченных в землянке, Стеллер взял две связки рыб, стрелы, огниво, трут, древесной коры, травы, связку веревок из морской травы и послал все это с казаком туда, где на берегу наливались водой, с поручением передать все это капитан-командору. Оставшись один, он

и стрелы совершенно вытеснены огнестрельным оружием; стрелы употреблялись только на охоте за морскими бобрами и тюленями. G. Langsdorff. Bemerkungen auf einer Reise um die Welt 1803—07. Bd. II, 1812, p. 113.

[1] С. А. Ратнер-Штернберг. Музейские материалы по тлингитам. Очерк III. Сборник Музея антропологии и этнографии, IX, 1930, стр. 170.

[2] Ратнер-Штернберг, l. c.

[3] У кальякских коняг железо застал уже Шелехов в 1783 г. (Путешествие, СПб., 1812, I, стр. 74): „для войны есть у них луки и копья железные, медные, костяные и каменные. Топоры железные особого манера, состоящие в маленьком железце; трубки, ножи — железные и костяные, иглы — железные". Между тем, за двадцать лет до того, в посещение Глотова (1763), у кадьякцев еще не было железа: „оружия их суть: лук, стрелы, деревянные щиты и рогатины, у коих копье, равно как и острее у топоров, сделано из кремневого камня. Иные делают также как ножи, так и копья из ланьих костей" (Паллас, стр. 339); см. также Собран. сочин. из месяцосл., III, 1789, стр. 356

У эскимосов на берегах Берингова пролива каменные топоры и молотки (из нефрита, кремня и пр.) сохранились еще в 80-х годах XIX столетия, см. E. W. Nelson. The Eskimo about Bering strait. XVIII Report Bur. Amer. Ethnol. (1896—97), Wash., 1899, p. 91—92, pl. XXXIX, f. 3—14.

прошел еще шесть верст, не встречая людей. Виден был только дым в нескольких верстах, на холме, покрытом „пихтовым“ лесом (Tannenwald). Вернувшись к месту высадки, Стеллер получил от Беринга предписание немедленно вернуться на судно, иначе, угрожал командор, его не станут дожидаться.

С горьким чувством отмечает Стеллер, что на подготовку экспедиции ушло 10 лет, а на самые исследования ему было предоставлено всего десять часов, „яко бы только для взятия и отвозу из Америки в Азию американской воды приходили“.[1] Упреки Стеллера здесь совершенно справедливы. Равнодушие Беринга к научной работе в данном месте непростительно еще потому, что целью экспедиции было проведать новые земли, т. е. всесторонне исследовать их и завести связи с туземцами.

К вечеру Стеллер вернулся на судно, где был угощен шоколадом.

По распоряжению Беринга, на берег „для приласкания впредь тутошних народов“ были посланы „конец зеленой крашенины, два котла железных, два ножа, двадцать штук большого бисера, две китайские табашные трубки железные да фунт черкасского табаку“,[2] с приказанием положить все это в ту землянку. Это было исполнено, но посланные люди вместе с тем порядком разграбили оставленные там запасы туземцев. Выше (стр. 210) мы уже отметили, что об этих вещах (ножах и бисере) осталось у туземцев воспоминание еще через пятьдесят лет, во времена Сарычева.

Через час после Стеллера на пакетбот вернулся Хитров с командой из 15 человек и сообщил, что он нашел между островами безопасную гавань. Людей ему не пришлось встретить, но на одном из островков по близости материка (т. е. в бухте Контроллер) он видел жилище („юрту“) из бревен, обшитое досками, весьма гладко обструганными. Доски „местами вырезаны фигурами“.[3] По словам Хитрова, „и пол намощен досками ж, а вместо печи складено в ней в одном углу каменка“. Это была барабора туземцев, построенная по тлинкитскому образцу: наружные стены из толстых обтесанных досок,[4] по бокам входных дверей, а также

---

[1] Зап. Ак. наук, XI, № 1, 1869, стр. 19.

[2] Миллер. Сочин. и перев., 1758, II, стр. 201. — Журнал Хитрова, стр. 61а.

[3] Миллер, там же, стр. 201.

[4] Krause, p. 124—125, fig.

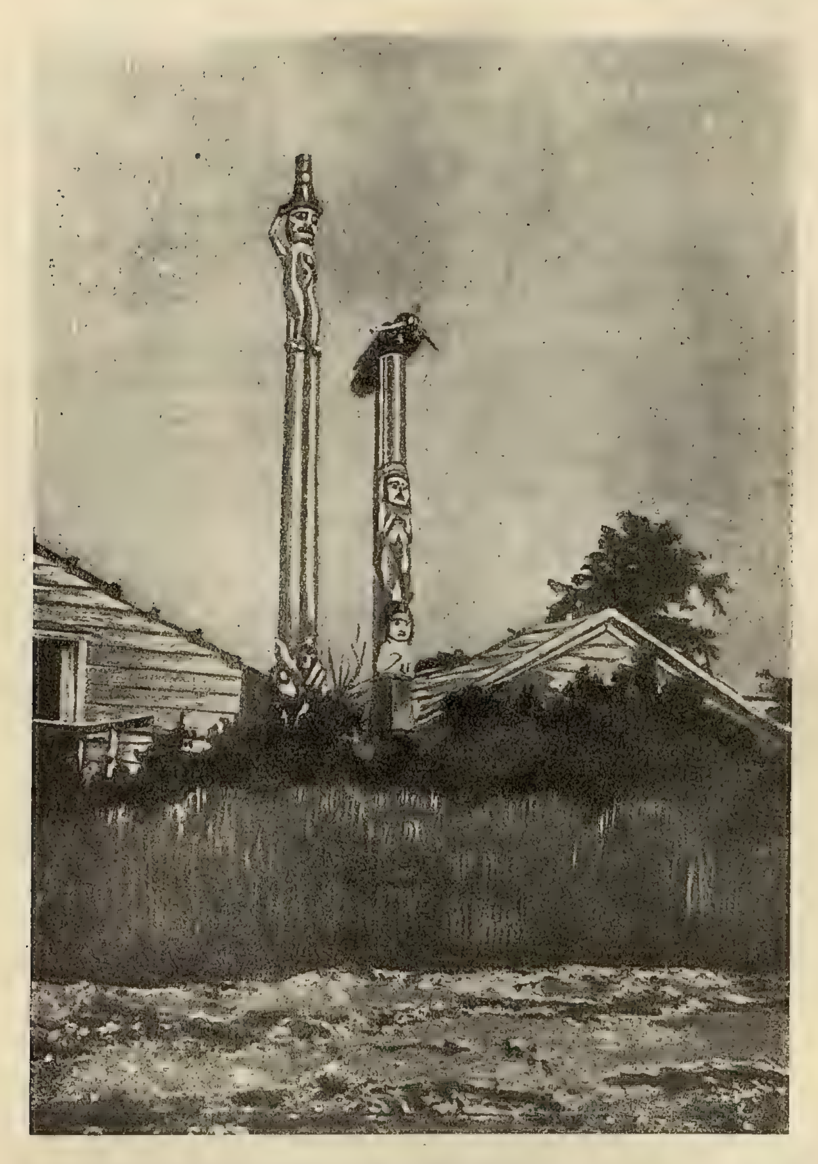


Рис. 40. Оставленная индейская деревня на мысе Фокс. (Из Harriman Alaska Expedition.)

внутри дома оригинальные резанные по дереву изображения человеческих фигур[1] (см. рис. 39 и 40). Следует отметить, что и чугачи живут не в полуподземных юртах эскимосского типа,[2] а в жилищах из бревен и досок.[3]

Отсюда Хитров привез кое-какие вещи: коробку из тополевого дерева наподобие липового ларца, какие делают в России, камень со следами от медных ножей, служивший, повидимому, оселком, затем полый глиняный шар, диаметром дюйма с два, с погремушкой внутри, „как думать можно, что то робята вместо побрякушек употребляют", наконец, весло и хвост лисицы-сиводушки.[4]

Мы подробно остановились на этнографических наблюдениях и материалах, собранных нашими путешественниками на острове Каяк. Теперь спрашивается: какому народу принадлежали эти предметы? Как выше уже отмечено, самое раннее указание на жителей острова Каяк принесено Измайловым и Бочаровым в 1788 году; когда здесь жили эскимосы-чугачи и угалахмюты. Те предметы, которые нам известны по описаниям Стеллера и Хитрова, не позволяют с уверенностью приурочить тогдашнее (1741) население этого острова к тому или другому народу. Чугачи обитают на крайнем южном пределе распространения эскимосов и во многом приняли облик народа, живущего среди лесов, каковы тлинкиты. Угалахмюты же совершенно отлинкитились. В пользу того, что здесь жили угалахмюты, говорит резьба на их жилище, описанная Хитровым; такой резьбы, насколько мне известно, для чугачей не отмечено; это типично тлинкитское украшение. Но следует иметь в виду, что барабора была усмотрена не на острове Каяк, а на острове к северу от него. С другой стороны, рассказ чугача в 1790 году, передаваемый Сарычевым, как бы свидетель-

---

[1] Krause, p. 127—130, fig. См. также G. B. Grinnell. The natives of the Alaska coast region, in: Alaska, Harriman Alaska Exp., I, 1901, p. 145 sq. Fr. Boas. The decorative art of the Indians of the North Pacific coast. Bull. Amer. Mus. Nat. Hist., IX, 1897, p. 123—176 (тлинкиты, хайда, цимшиан).

[2] Коняги на о-ве Кадьяк „живут в юртах, которые в земле выкопаны" (Глотов, 1763 г. Собр. сочин. из месяцословов, III, 1789, стр. 357).

[3] Сарычев, II, 1802, стр. 54 („один из досок сделанный шалаш, в коем было несколько женщин с малыми ребятами", 1790 г.), — Petrof. l. c., p. 145 („the dwellings are nearly always constructed of logs and planks affording good shelter during the long, cold winter").

[4] Steller. Reise, p. 33—39; Миллер, 1758, II. стр. 201; Стеллер, Зап. Акад. наук, 1869, стр. 19.

ствует в пользу того, что во время Стеллера в 1741 году на острове Каяк жили чугачи.

Как бы то ни было, не будет ошибкой сказать, что в 1741 году на острове Каяк жили эскимосы, подвергшиеся влиянию тлинкитов.

Переходим теперь к наблюдениям Стеллера над **природой** острова Каяк.

В Америке, говорит он, под 60° с. ш. на самом берегу растет густой лес, тогда как на Камчатке под 51° берега безлесны, и только в расстоянии 20 верст появляются ива и ольха, а в 30—40 верстах береза; лишь в 60 верстах от устья реки Камчатки растут хвойные. У Анадырска на расстоянии 300—400 верст от моря страна безлесна. Все это позволяет Стеллеру сделать вывод, что к северу от мыса св. Ильи (60° с. ш.) и вплоть до 70° и даже дальше должна находиться суша, которая защищает берег от действия холодных северных ветров. Между тем берега Камчатки открыты влиянию северных ветров.[1] Поэтому и рыба в Америке входит в реки раньше: на Камчатке в день св. Ильи только начинается улов рыбы, а в Америке к этому времени уже готовы были запасы.[2]

Замечания эти не лишены известной доли справедливости. Действительно, климат северо-западных берегов Америки гораздо мягче, чем климат Камчатки. Это хорошо видно при сравнении годового хода температуры в Петропавловске на Камчатке и в Ситхе:

Я	Ф	М	А	М	И	И	А	С	О	Н	Д	Год
Петропавловск-порт, 52°53′ с. ш., 158°26′ в. д., высота 14 м[3]												
— 10,9	— 11,2	— 7,0	— 1,6	3,1	7,9	11,8	13,5	9,8	4,2	— 1,8	— 6,6	0,9
Ситха, 57°3′ с. ш., 135°19′ з. д., высота 19 м[4]												
— 1,0	— 0,1	1,4	4,3	7,7	10,7	12,5	12,6	10,3	6,6	3,0	0,5	5,7

[1] Steller, Reise, p. 41.
[2] Там же.
[3] Среднее за годы 1890—99, приведенные по Петропавловскому маяку. См. В. А. Власов. О климате Камчатки. Камч. эксп. Рябушинского. Метеор. отд. Вып. 1, М., 1916, стр. 23.
[4] За 25 лет: J. Hann. Handb. d. Klimatologie, III, 1911, p. 357.

Несмотря на то, что Ситха лежит на 4° севернее, годовая средняя ее на 4,8° выше, чем в Петропавловске. Зима в Ситхе гораздо умереннее: средняя температура зимы —0,2°, тогда как в Петропавловске —9,6°. Вообще, все месяцы в Ситхе теплее, кроме августа, который холоднее на 0,9: в это время в Петропавловске максимум штилей. Годовая амплитура в Ситхе 13,6°, в Петропавловске 24,4°. Осадков в Петропавловске (маяк) выпадает 883 мм (1890—1909),[1] в Ситхе 2232 мм (1867—77, 1881—87, 1898—1902),[2] а в Нучек (форт Константин в зал. Чугач), по наблюдениям всего за год, выпало свыше 4800 мм[3] — самое большое количество на всей территории Аляски.

Причина большей умеренности климата северо-западной Америки заключается в том, что здесь преобладают влажные ветры с моря, зимою теплые, летом прохладные, тогда как у берегов северо-восточной Азии зимою дуют холодные северо-западные ветры из области сибирского максимума, летом — прохладные ветры с моря, со стороны максимума в северной части Тихого океана. В Петропавловске[4] с сентября по март резко преобладает северо-западный ветер; но ветров этого направления и летом довольно много; как летом, так и зимою — это холодные и сухие ветры; зимою они дуют из области сибирского антициклона, летом — из охотского. Летний влажный муссон с E, SE, S дует в Петропавловске в июне и июле; в июне на долю ветров указанных направлений приходится 42%; ветры эти тоже прохладные. Кроме того, надо иметь в виду, что сравнительной суровости климата Камчатки способствуют холодные моря, ее омывающие — Охотское и Берингово.

Но относительно хода лососевых замечания Стеллера нужно признать неправильными. Так, в Усть-Камчатске (56° с. ш.) летом 1909 года 28 июня нового стиля (как и ниже) главный ход чавычи (Oncorhynchus tschawytscha) уже кончился; максимум хода этой наиболее ценной рыбы был в середине июня. Тогда же начался ход красной или нерки (Oncorhynchus nerka), наибольший ход которой был 27 июня; в начале июля уловы красной начали сильно падать, и стала в большом количестве итти кета (Oncorhynchus

---

1 Власов, стр. 135.

2 Cl. Abbe in A. Brooks. The geography and geology of Alaska U. S. Geol. Survey. Profess. Papers, № 45, 1906, p. 165.

3 Abbe, там же.

4 Власов, стр. 184—185.

keta[1]). В 1908 г. в устье Камчатки нерка стала входить в середине июня, разгар хода ее был 21—23 июня, а к 28-му ход начал ослабевать.[2] Около тех же чисел нерка начинает входить и в реки, впадающие в Бристольский залив (Аляска).

Переходим к ботаническим наблюдениям Стеллера. Гористый остров св. Ильи, говорит он, покрыт чистым „пихтовым" лесом („mit lauter Tannenwaldung versehen", Reise, p. 77). Это, без сомнения, Tsuga heterophylla, coast hemlock американцев, численно преобладающий над елью (Picea sitchensis, Sitka spruce американцев) в лесах к югу от полуострова Аляски, составляя обычно от 70 до 80% смеси. Даже на западном конце своего распространения, на берегу залива Чугач, цуга преобладает.[3] Именно для этого дерева русские усвоили совершенно неподходящее название лиственицы, каковая здесь нигде на берегу моря не растет. Измайлов и Бочаров, описывая Чугачский залив, где они были в 1788 году, говорят, что здесь на берегах и островах растет „лес еловой, *листвяничной*, ольховой, березовой и топольник".[4] То же повторяет и Тихменев.[5] Также Лисянский об островах Ситхинских говорит, что они „покрыты лесом, который большею частью состоит из душистого дерева, ели и *лиственницы*.[6] Между тем ситхинские деревья есть Chamaecyparis nootkatensis (= душистое дерево), Picea sitchensis (= ель), Tsuga heterophylla и Tsuga mertensiana, а лиственица тут не растет. По словам Коцебу, густые леса на Ситхе состоят из ели („Tanne"; это слово собственно относится к пихте, но русскими немцами часто применяется к ели) и *лиственицы* (Lerchenbäume).[7] Литке, описывая корабельный лес Ситхи, указывает, что „на шпангоуты употребляется кипарис, называемый здесь душмянкою, на бимсы и палубу — ель, на об-

---

[1] П. Ю. Шмидт. Работы зоологического отдела на Камчатке в 1908—1909 г. г. Зоол. отд. Вып. 1. Камчатская эксп. Ф. П. Рябушинского. М., 1916, стр. 196—197.

[2] Там же, стр. 28—29.

[3] Fernow. Forests of Alaska. Alaska in: Harriman Alaska Exp., II, 1902, p. 247—248.

[4] Путешествие Г. Шелехова, ч. II. СПб., 1812, стр. 23; ср. также стр. 8, 37, 38, 66 (в зал. Якутат „елевый и *листвяншиной* лес"), 84 (в зал. Льтуа — то же).

[5] Тихменев. Историч. очерк образов. Росс.-америк. компании, II, стр. 324—325.

[6] Ю. Лисянский. Путешествие вокруг света в 1803—6 г. г. на корабле Неве. II, СПб. 1812, стр. 141.

[7] O. von Kotzebue. Reise um die Welt in den Jahren 1823—26 Bd. II, Weimar, 1830, p. 23.

шивку, а иногда и на палубы — *лиственница*".[1] Головин говорит: „Лес на Ситхе и близлежащих островах большею частью еловый, но чрезвычайно хорошего качества, есть. *лиственница* и душное дерево [дикий кипарис], преимущественно употребляемое для судостроения".[2] Словом, все русские промышленники и моряки называют Tsuga лиственицей. Повидимому, это название присвоено было цуге только за ее мягкую хвою, ибо Tsuga хвои никогда не сбрасывает.

Из других растений, виденных в Америке, Стеллер упоминает (Reise, p. 42) о новом виде малины, которая встречается здесь в громадном количестве. Зрелые плоды ее отличаются громадной величиной и прекрасным вкусом. „Стоило бы взять,—говорит Стеллер,— несколько кустов этой малины и доставить в ящике с землей в Петербург; не моя вина,—язвительно прибавляет наш натуралист,—что для них не оказалось помещения, ибо и я сам, как протестант, занимал на судне слишком много места". Малина, о которой идет речь, это Rubus spectabilis, salmonberry американцев. Плоды ее достигают $2^1/_2$ сантиметра в длину. Великолепный рисунок малины с острова Кадьяк, в красках, имеется в сочинении „Alaska", Harriman Alaska Expedition, vol. I, New York, 1901, при стр. 116. Вениаминов говорит об этой малине, что куст ее растет всегда прямо и достигает в высоту иногда более семи футов. „Ягоды бывают вообще очень крупные, так что случается находить ягоды такой величины, что каждая из них весит до трех золотников, но вкусом малина не хороша и водяниста и почти совсем не имеет никакого аромату".[3]

Из других ягод Стеллер упоминает о следующих: „Chamaecerasi"—очевидно, какой-нибудь из видов рода Rubus, далее „rothe und schwarze Heidelbeeren" — какие-нибудь виды рода Vaccinium, из коих тут встречаются V. vitis-idaea, V. uliginosum, V. caespitosum, V. ovalifolium, V. oxycoccus, затем Empetrum (водянка или шикша, E. nigrum) и „Scharbocksbeeren". Под этим последним названием Стеллер разумеет, очевидно, полянику (она носит еще названия кня-

---

[1] Ф. Литке. Путешествие вокруг света на военном шлюпе Сенявине в 1826—29 г. г. Отд. историч., I, СПб., 1834, стр. 88.
[2] Головин. Морской сборник, 1862, № 1, стр. 110.
[3] Вениаминов. Записки об островах Уналашкинского отдела. I, 1840, стр. 50.

женки или мамуры), ягоды коей на севере считаются хорошим средством от цынги.[1] Здешняя поляника это не Rubus arcticus L., а R. stellatus Smith.

В Германии название Scharbocksbeere для поляники не употребительно; это растение здесь называют nordische Himbeere.

Впоследствии Стеллер составил подробный список растений, собранных и замеченных им у мыса св. Илии, а также на островах Шумагинских. Этот список, носящий название Catalogus plantarum intra sex horas in parte Americae septentrionalis iuxta promontorium Eliae observatarum anno 1741 die 21 Iulii, sub gradu latitudinis 59,[2] заключает перечисление 163 видов. Кроме того Стеллер собрал в Америке у м. св. Илии и на Шумагинских островах семена 25 видов растений, часть коих отослал в Академию наук.[3]

Из животных на острове и у берегов его Стеллер (Reise, p. 42—43) заметил тюленей, больших и малых акул, китов, много морских бобров, извержения которых он находил в изобилии на берегу, из чего заключил, что туземцы не очень усердно охотились за бобрами, иначе они, как и на Камчатке, перестали бы в таком изобилии приваливать к берегам. На берегу встречались лисицы, красные и чернобурые, не очень пугливые. Из птиц попадались вóроны (Corvus corax principalis), священная птица тлинкитов, весьма здесь многочисленная и живущая по близости человеческих жилищ,[4] сороки (Pica pica hudsonia), а затем еще свыше десятка неизвестных Стеллеру пестро-окрашенных птиц; одну из них, похожую на какую-то из „каролинских" птиц, Стеллер добыл, зарисовал и описал.[5] Здесь имеется в виду Стеллерова хохлатая сойка, Cyanocitta stelleri, у американцев Steller's jay или blue jay, одна из характернейших птиц северо-западного берега Америки. На север она

[1] П. Маевский. Флора средней России. 5 изд. М., 1918, стр. 188.

[2] Рукопись на 11 страницах хранится в архиве конференции Ак. наук.

[3] Паллас сообщил Коксу следующий список растений, найденных Стеллером у мыса св. Ильи и характерных для Америки: Trillium erectum, Fumaria cucullaria, Dracontium с листьями, как у Canna indica, Uvularia perfoliata, Heuchera americana, Mimulus luteus, Rubus idaeus var. с крупными плодами (Coxe, Account... 1780, p. 279).

[4] Ch. Keeler. Days among Alaska birds. Harriman Alaska Exp., II, 1902, p. 206—207.

[5] Описание Стеллера таково: „Garrulus sive Pica americana nigra, alis caudaque azureis". Оно приводится у Pallas. Zoogr. russo-asiat., I, p. 393, где эта птица называется Corvus Stelleri.

Рис. 41. Остров Кадьяк. (Из Harriman Alaska Expedition.)

идет до берегов Кенайского залива, на юг — до центральной Америки.[1] У нее большой гребень, грязно-черная голова и спина, крылья и хвост с полосами густо-синего цвета, грудь тоже голубая, но светлее. Она не пуглива, весьма любопытна, шумлива и, летая стаями, всюду бросается в глаза, выдавая свое присутствие.[2] Подобно всем сойкам, подражает голосам разных птиц. Среди других неизвестных птиц Стеллер, вероятно, видел здесь и аляскинского колибри (Selasphorus rufus), который летом доходит на север до Кенайского залива,[3] зимует же в южной Калифорнии и в Мексике. Он питается в области горы св. Илии ягодами здешней малины.

XVI. Обратное плавание Беринга к берегам Камчатки

Рано утром 25 июля Беринг, не дождавшись, пока нальют водою все бочки, приказал подымать якорь. Пошли на юго-запад. 26-го на широте $56\,^1/_2°$ усмотрели высокую землю, вероятно остров Кадьяк[4] (см. рис. 41). Этот остров снова был открыт в 1763 году яренским мещанином Степаном Глотовым, сообщившим впервые сведения о здешних эскимосах.[5]

2 августа, в тумане подошли очень близко к земле и открыли под 55°48′ с. ш. остров, получивший от Беринга имя острова Архидиакона Стефана, или Туманного. Он лежит к юго-западу от Кадьяка. Его эскимосское название, Укамок, под которым он известен ныне, узнал впервые Сарычев в 1790 году.[6] После Беринга остров Укамок открыли эскимосы-коняги, которые добывали на нем еврашков (сусликов), морских бобров, а также янтарь.[7] В апреле 1794 года мимо

1 Osgood. N. Amer. Fauna, 21, № 1901, p. 77.
2 Keeler, l. c., p. 208.
3 Osgood, l. c., p. 76.
4 Соколов, стр. 387.
5 „Люди живут незнаемые, по их названию Канагысть [т. е. коняги. *Л. Б.*]. Народ обычаем самонравен и зверообразен" (Краткое известие о новоизобретенном северном архипелаге. Месяцослов ист. и геогр. на 1774 г. Собрание сочинений из месяц., III, 1789, стр. 356). См. также В. Берх. Хронологическая история открытия Алеутских островов. СПб., 1823, стр. 64. Также Паллас, стр. 333.
6 Сарычев. Путешествие, II, 1820, стр. 34.
7 Holmberg, p. 138.

того же острова прошел Ванкувер, по определению которого середина его лежит под 55°49′ с. ш. Он назвал остров в честь Чирикова, считая, что остров Туманный лежит западнее.[1]

В полдень близ судна показался сивуч, с полчаса державшийся поблизости. Стеллер поймал на удочку двух рыб из группы Cottus (или, по-новому, Myoxocephalus) scorpius, описал их и положил в спирт; но рыбы погибли впоследствии, вместе с другими коллекциями, во время крушения у острова Беринга.

Пройдя еще немного, увидели под 56° с. ш. на материке высокие снеговые горы, а затем открыли группу небольших островов, названных Евдокеевскими (к востоку от полуострова Аляски). Отсюда стали держать к югу; увидали плавающих тюленей, морских бобров, морских котов, сивучей и дельфинов.

10 августа Стеллер наблюдал в море в течение двух часов странное и доселе им невиданное животное, которое он описывает следующим образом.[2] Тело длинное, толстое, округлое, к хвосту утолщающееся, длиной около двух аршин. Голова собачья, с стоячими острыми ушами. На верхней и нижней губе по обеим сторонам борода. Глаза большие. Кожа казалась густо покрытой волосами, на спине серого, на брюхе рыжевато-белого цвета; в воде же все животное было такого цвета, как бурая корова. Хвост в виде двураздельного плавника, верхняя лопасть которого вдвое длиннее нижней. Никаких следов передних конечностей не было. В течение двух часов животное плавало около судна, иногда приближаясь настолько, что до него можно было бы дотронуться шестом, иногда ныряя под судном с одной стороны на другую. Временами оно высовывалось в вертикальном положении из воды и так оставалось несколько минут. Увидев крупную водоросль, на одном конце тонкую, на другом вздутую (это была Macrocystis pyrifera), животное схватило ее ртом. Стеллер сравнивает это животное с рисунком, какой приводит Геснер с подписью Simia marina danica. Со слов Стеллера, о нем говорит и Крашенинников в своем Описании Земли Камчатки.[3] Это животное, ныне

---

[1] Vancouver. Entdeckungsreise, II, 1800, p. 152—153.
[2] Steller, p. 47—48.
[3] I, 1755, стр. 295—296. Здесь дано в переводе все, что мы находим у Стеллера.

Рис. 42. Шумагинские острова. На заднем плане вулкан Павлова на полуострове Аляске. (Из Harriman Alaska Expedition.)

вымершее, занимало как бы середину между ушастыми тюленями и сиреновыми.

10 августа, находясь под широтой 53°, постановили на совете итти обратно к Камчатке; в это время на судне уже было 26 больных цынгою. Ветры стали очень свежими и дули прямо в лоб, позволяя двигаться вперед лишь очень медленно. А между тем воды оставалось всего 25 бочек. Решено было податься ближе к берегу.

1. Острова Шумагинские

30 августа стали на якорь под 54°48′ с. ш., среди островов Шумагинских (рис. 42), названных так по тому, что здесь 31-го похоронили матроса Никиту Шумагина, первого, кого лишилась команда „Св. Петра". Полагают,[1] что остров, к которому пристал „Св. Петр", был Нагай. По описанию Стеллера, это был, среди восьми окружающих островов, самый крупный: в длину он имел от 3 до 4 немецких миль (т. е. 22—30 км), в ширину, с запада на восток, три или четыре километра. После Беринга Шумагинские острова, и именно Унга, были посещены промышленниками компании Бечевина в 1762 году. Шумагинских островов считается всего 22, из них 15 крупных, прочие небольшие. Самый большой — Унга, потом — Нагай. Они безлесны, покрыты травой, изобилуют нерпой и птицами, особенно ипатками (Fratercula corniculata). В прежнее время на шести островах было двенадцать селений алеутов. Но с течением времени большая часть населения была уничтожена, благодаря междоусобиям и нападениям русских и коняг, т. е. эскимосов с острова Кадьяк, и во времена Вениаминова был обитаем только один остров Унга,[2] на котором в 1833 году было 116 жителей, а в 1890 — 159. На островах из животных водятся выдры, еврашки, норки, лисицы, нерпы, бобры, а на ближайших к Аляске — медведи и олени, из птиц — ары, ипатки, топорки, говорушки, чайки, старички; из растений: шикша (Empetrum nigrum), толокнянка, малина, желтые коренья, ольховник, бузина, тальник, макарша (Polygonum viviparum), сарана (Fritillaria kamtschatcensis).

У вышеупомянутого острова (Нагай) простояли шесть дней, набирая воду. Ночью на одном из соседних островков

[1] Вениаминов. Записки об островах Уналашкинского отдела. I, 1840, стр. 255.—E. Bertholf. Bering's voyages, I, 1922, p. 336.

[2] Вениаминов, I, стр. 255—256, 258.

видели огонь. 30-го для осмотра земли послали на берег Софрона Хитрова, которому велено „то место осмотреть и ежели найдутся люди, чтоб с ними поступать ласкою, чего ради отпущено несколько подарошных вещей, а именно шору [табаку] китайского $1/2$ фунта, 5 колокольчиков медных, 160 корольков [бус], 20 игол, 2 аршина красной камки, 5 маленьких зеркал, 5 ножей“.[1] Хитров взял с собою также „толмача чюкоцкого и каряцкого языка“, но с людьми на острове ему не пришлось встретиться. Кроме того, за водой отправили людей, к которым присоединился и Стеллер. Вода оказалась очень плохой. Стеллер указывал тут же, поблизости, на источник с хорошей водой, но его не послушали, за что он в своем дневнике сильно упрекает офицеров.

На острове он увидел чернобурую лисицу, которая на него залаяла по-собачьи, так что он принял ее сначала за собаку. Много было красных лисиц и масса еврашков, т. е. сусликов.[2] Заметили также на берегу следы как будто крупного волка. Много было водяных птиц,[3] лебедей, два вида урилов, т. е. бакланов (большой, Phalacrocorax bicristatus, и малый, Ph. pelagicus), утки, кулики, различные чайки, гагары, из коих одна представляла совершенно особый вид, „гренландские голуби“, т. е. чистики (Cepphus columba), „морские попугаи (Alca arctica)“, т. е. тупики или топорки (Fratercula corniculata), мичагатки (Fratercula cirrata).[4] Из наземных птиц: вороны, мухоловки,[5] подорожники (Schneevögel, Plectrophenax nivalis subsp.), полярные куропатки (Lagopus lagopus). В другой раз[6] на том же острове замечены глупыши (Fulmarus glacialis rodgersi), совершенно черный кулик с красным клювом и такими же ногами;[7] он постоянно кивал головой, как красноногий кулик; затем необычайно красивая гагара, черная с белым[8], и, наконец, целый ряд уди-

---

[1] Журнал Хитрова, стр. 82а.

[2] Вероятно, Citellus parryi.

[3] Steller. Reise, p. 55—56.

[4] На Командорских островах этот вид называется топорком, а Fratercula corniculata носит название ипатки.

[5] Стейнегер (Golder, Bering's voyages, II, 1925, p. 81) полагает, что это были не мухоловки, а мелкие дрозды, Hylocichla guttata (Pallas), известные с Шумагинских островов.

[6] Steller. Reise, p. 76.

[7] По Стейнегеру (l. c., p. 105), это Haematopus bachmani (Audubon), который распространен от Алеутских островов до Нижней Калифорнии.

[8] По Стейнегеру (l. c., p. 106), это Synthliboramphus antiquus; на Камчатке эту птицу (из семейства чистиков) называют стариком.

вительных, доселе невиданных птиц, о которых ближе ничего не сообщается. Из рыб видели мальму, рыбу из лососевых, близкую к гольцу (Salvelinus alpinus malma), и рамжу, бычка из группы Cottus (или, по-теперешнему, Myoxocephalus) scorpius, весьма здесь обыкновенную. Деревьев ни на одном из островов не было видно. Росли здесь только низкорослые ивы (тальник) до двух аршин высотой, в большом количестве брусника (rothe Heidelbeere), шикша (schwarze Moosbeere oder Schikscha, Empetrum), затем противоцынготные травы: ложечная трава (Cochlearia officinalis), щавель (Lapathum folio cubitali), [1] горечавка (Gentiana) и др. [2] Стеллер собрал эти противоцынготные растения для себя и для командора. Он просил дать ему матроса, чтобы сделать запас этих трав для всех, но его не послушали.

2. Алеуты

Название

Во время стоянки в Шумагинском архипелаге впервые встретились с туземцами. Это были *алеуты*, которые до сих пор живут на Шумагинских островах. Стеллер и Ваксель называют их просто „американцами". Название алеуты дано этому народу русскими еще в первой половине XVIII столетия, после экспедиции Беринга. Сами они себя называют *унанган* (Вениаминов, II, стр. 1) (см. рис. 43—45).

Впервые название алеуты встречается в 1747 году в донесении Нижнекамчатского приказчика в Большерецкую канцелярию о промышленных, посетивших Ближние острова (Атту и Агатту). Здесь говорится: „отпущенный в 1745 г. в морской вояж на незнаемых островах, именно *алеуцких*, Беляев с товарищи незнаемому томошнему вновь обысканному народу, без всякой от него противности, самовольно смертное убийство учинили". [3] О происхождении этого названия в той же рукописи (л. 27) рассказывается следующее. В 1747 году промышленный Неводчиков вывез с острова Атту на Камчатку мальчика-алеута, который, пробыв с русскими на острове Атту год, подучился русскому языку. От него были получены

---

[1] По Стейнегеру (l. c., p. 84), это Rumex occidentalis Wats.

[2] l. c., p. 58.

[3] См. хранящуюся в архиве Географического общества под шифром Б. V. 3 рукопись А. Полонского. Промышленники на Алеутских островах (1743—1800), л. 27.

на Камчатке первые сведения об алеутах. В объяснении Томиака (или Тамиака, так звали мальчика) сообщается: „веры островитяне никакой не имеют, но слыхал он от стариков своих, что сотворил небо, море и землю и человека живущий на небеси, на их языке *Алеукста-Агудах*, и они ему кланяются на небо“. Полонский полагает, что слово *алеукста* „могло служить поводом названия [алеутов], которое укоренилось с первого похода промышленников на острова. К такому заключению ведет то, что название это произошло вскоре по возврате в Камчатку первых промышленных с Атту и Агатту, населенных, по их первому донесению, *незнаемым чукотским народом, шитыми рожами*.“

Что значит „алеукста“, мне неизвестно; „агудах“ же, точнее *агугу*, у атхинских алеутов было обозначением творца вселенной (Вениаминов, III, стр. 2; у уналашкинских алеутов — *агугук*, Вен., II, стр. 119). В. И. Иохельсон любезно сообщил мне, что у всех алеутов агудах значит делатель, творец же — *агугух*, от какового слова *агугу* есть притяжательный падеж. Значение слова „алеукста“ темно для В. И. Иохельсона; окончание его не алеутское; очевидно слово искажено. Вениаминов (II, стр. 2) высказывает такую догадку: первые алеуты, увидев русских, говорили между собою *алик-уая* или *алиуая* — что это? и на вопросы русских, обращенные к ним, отвечали теми же словами; отсюда — название. Это мало правдоподобно.

Некоторые[1] полагают, что название алеут происходит от чукотского *алят*—остров, *алиют*—островитяне. Возможно, что это объяснение правильно.

Встреча с русскими

Сведения об этом народе, сообщаемые Стеллером и Софроном Хитровым,[2] являются первыми известиями об алеутах, и так как быт их с того времени весьма сильно изменился (они, как известно, давно уже окрещены в православие), то наблюдения членов экспедиции Беринга вдвойне драгоценны. Поэтому мы постараемся не упустить ничего существенного.

4 сентября, в половине пятого пополудни, услышали на берегу крик, который сначала приняли за рев сивучей. Но

[1] Handbook of American Indians, edited by E. Hodge, Bureau Amer. Ethnology, Bull. 30, I. Washington, 1912, p. 36.

[2] „Журнал“, стр. 85а, 86.

вскоре увидели две байдарки, направляющиеся к пакетботу. На них было два „американца", т. е. алеута. По словам Хитрова, они „недошед до пакетбота сажен около 50, остановились и кричали своим языком, которого наши, взятые чукоцкого и коряцкого языка толмачи с Камчатки, не разумели". Стеллер счел их крики за молитву или заклинание или за приветственную церемонию. С пакетбота к алеутам обращались по-чукотски и по-корякски, но они, конечно, ничего не поняли. Когда алеуты приблизились, им знаками предложили взойти на судно. Но они показали рукою на землю, как бы приглашая мореплавателей туда, и при этом указывали пальцем на рот и черпали рукою морскую воду, как бы давая понять, что на берегу найдется пища и вода. „Мы, — говорит Стеллер,[1] — опять помахали им, приглашая к нам, и при этом закричали *ничи*, что, по словам барона Лагонтана, в его описании Северной Америки, значит вода. [2] Туземцы повторили это слово несколько раз и снова показали на землю, как бы обещая там воду. Один из них приблизился к судну, вытащил из пазухи какой-то глины, цветом похожей на железо или свинец, и помазал себе ею щеки, воткнул в ноздри пучки травы (через носовые крылья были продеты с каждой стороны тонкие косточки). Позади „американца" на кожаной лодке лежало несколько палок из соснового дерева, формой похожих на биллиардный кий, длиной с сажень, и выкрашенных в красную краску. Он взял в руку одну из палок, прикрепил к ней при помощи рыбьих костей два соколиных крыла и бросил

Рис. 43. Алеут с острова Умнак в 1909 г. (из Иохельсона, 1933). Вероятно, помесь с европейцами.

[1] l. с., р. 64—65.

[2] По любезному сообщению В. И. Иохельсона, вода по-алеутски *та́нгах*. У Лагонтана (1703) указано альгонкинское слово *ниби* или *нипи* (а не *ничи*), что, действительно, значит вода (см. Golder, l. с., II, р. 91).

со смехом в воду перед нашим судном — не могу сказать, в качестве жертвы или знак в дружбы.[1] В ответ на это, мы прикрепили к дощечке две китайских табачных трубки и немного китайских бус и бросили ему; он взял подарки, посмотрел на них немного и передал своему спутнику, который положил их на свою лодку. После этого туземец стал доверчивее, подошел, хотя и с величайшей осторожностью, еще ближе к судну, привязал к другой палке цельную шкурку сокола и подал ее нашему толмачу-коряку". Ему бросили зеркало и кусок шелку. Приняв подарки, оба стали грести обратно, к берегу, знаками приглашая мореплавателей следовать за ними. Все время, пока островитяне находились возле пакетбота, их товарищи на берегу не переставали зачем-то громко кричать.

Алеуты, несомненно, приняли русских за неземные существа и воздавали им божеские почести. Шкурка сокола была принесена не в знак мира или дружбы, а как жертва. Вениаминов сообщает, что хотя у атхинских алеутов и не было „явного или общего идолопоклонства", но у некоторых „были в скрытых местах и болваны, в человеческом виде во весь рост, называвшиеся „тайягулигук", которым приносили они жертвы, состоящие в *краске*, *шкуре ястреба* и *тонких жиленных нитках*".[2] Уналашкинские алеуты приносили в жертву перья урила, т. е. баклана, или сыча.[3] Алеуты острова Агатту приветствовали приплывших к ним в сентябре 1745 года русских (во главе с Неводчиковым), бросая к ним в бот урилов (очевидно, шкурки или перья бакланов).[4]

[1] Reise, p. 64—65. В донесении сенату Стеллер писал: „оное, сколько и из истории явно, есть знак мира обыкновенного у американцев". У Хитрова в описании этой церемонии есть некоторые различия. Приведем его рассказ. „Из помянутых 2-х байдар одна пришла близко к пакетботу, однакож не пристала к борту. Тогда по приказу господина капитана командора Беринга брошено было от нас, привязав на доске, разных подарочных вещей, а именно, камки красной $5^1/_2$ аршин, 2 малые зеркала 2 гинзы железные, кораллов китайских 20 медных колокольчиков 5. Оной американец те подарки принял приятно. Напротив того, от себя, видно что в подарок же, бросил к нам 2 тонкие выстроганные палки, [к] концам привязаны были к одной птичьи перья, а к другой птичья нога с перьями ж. Мы оные перья признали соколиными. И как мы то приняли, тогда они погребли на берег и притом беспрестанно кричали и указывали на берег".

[2] Вениаминов. Записки об островах Уналашкинского отдела, III, СПб., 1840, стр. 3.

[3] Там же, II, стр. 122.

[4] П. Паллас. О российских открытиях на морях между Азией и Америкой. Месяцослов историч. и географ. на 1781 г. Перепечатано

Через несколько дней на том же острове пожилая женщина „обще с другими дикими обоего пола плясала по бубну и дарила их красками". [1] Это была первая, после Беринга и Чирикова, встреча русских с алеутами. Ниже мы увидим, что и шумагинские алеуты дарили людям Беринга краску.

Вениаминов (III, стр. 18) подтверждает, что атхинские алеуты считали первых русских за существа сверхъестественные, называя их духами или дьяволами (куган); вначале все вещи с разбившихся русских судов они считали заколдованными и бросали их в море или сжигали.[2]

Калюмет

По поводу палки с перьями, поднесенной американцем, Миллер (Соч. и перев., 1758, II, стр. 217) вспоминает о калюмете (calumet, французское слово, в литературном языке ему соответствует chalumet, от латинского calamus). Действительно, некоторое сходство здесь есть. Калюмет — это пара деревянных или камышевых жезлов длиной от 0,5 до 1,2 м, раскрашенных символическими цветами и украшенных разными символическими предметами; часто жезлы снабжались трубкой („трубка мира") для воскурения табаку в честь богов. Калюмет употреблялся при разного рода церемониях: при заключении мира и договоров, при испрошении дождя и хорошей погоды, для изгнания злого элемента и для получения благорасположения от доброго и т. п. При этом нередко плясали и пели с калюметом в руках. Употреблялась эта эмблема и как знак объявления войны. Калюмет нередко украшался головой утки, перьями совы и орла и пр. Hennepin говорит, что к калюмету иногда прикреплялись два птичьих крыла, что делало его похожим на жезл Меркурия. Впрочем, были и другие способы украшения. Но всегда перья, хвосты, крылья и головы птиц играют самую главную роль. Этот обычай был широко распространен среди североамериканских индейцев от Атлантического океана до Альберты и от Калифорнии до Гудсонова залива (река Нельсон). [3] У эскимосов, насколько мне известно, калюметы

в Собрании сочинений, выбранных из месяцословов, IV, СПб., 1790, стр. 286.

[1] Паллас, стр. 298. Ср. также Coxe, p. 33.

[2] Железо, впрочем, они тайком перековывали на ножи, копья и прочее (III, стр. 19).

[3] См. *Calumet* в Handbook Amer. Ind., I, p. 191—195.

в типичной форме не употреблялись. Но Нельсон[1] упоминает о жезлах, украшенных орлиными перьями: их держат в руках женщины во время плясок; они наблюдались у эскимосов от Нортонова залива до Кускоквима.

У алеутов подобные жезлы никем не описаны, кроме спутников экспедиции Беринга. Изображение алеутского жезла имеется в книге Крашенинникова „Описание Земли Камчатки" (I, 1755, при стр. 128) — очевидно, с рисунка Вакселя. На одной из карт в рукописи Вакселя нарисована алеутская байдарка с сидящим на ней алеутом („ein nord Americaner"); алеут держит в руках жезл, на верху коего прикреплено чучело птицы. Этот рисунок воспроизведен у нас на рис. 44.

Происхождение алеутов

Стеллер высказал предположение, что „американцы", как он называет этот народ, произошли из Азии.[2] Основанием для такого мнения служит Стеллеру сходство, какое, по его мнению, имеют алеутские шляпы из древесной коры[3] с шлемами камчадалов и коряков. Вениаминов[4] указывает, что, по всем видимостям, алеуты были первыми насельниками Алеутских островов. Но откуда они пришли, из Америки или из Азии, на этот вопрос, говорит он, с определенностью ответить невозможно. У алеутов Уналашкинского отдела существует старинное предание, что „здешние алеуты пришли с запада, с большой земли, называемой Аляхсхах или Танам-ангунах, которая была местом их происхождения, и что они оттуда перешли на здешние острова и потом, мало-по-малу распространяясь к востоку, наконец достигли нынешней Аляски и далее".[5] Аляхсхах (отсюда — Аляска или, как прежде писали, Алякса) значит „материк"; а танамангунах — „большая земля". Вениаминов предполагает (стр. 110), что „большая земля" — это Азия. Алеуты, думает он, могли прийти из Азии: „в ясную погоду с камчатского берега видели Берингов остров, с Берингова — Ближние,

---

[1] E. W. Nelson. The Eskimo about Bering Strait XVIII. Report Bureau Amer. Ethnology (1896—97), Washington, 1899, p. 415—416, fig. 142—143.

[2] Steller. Reise, 1793, p. 73.

[3] Ср. ниже, рис. 45.

[4] И. Вениаминов. Записки об островах Уналашкинского отдела, I, СПб., 1840, стр. 108.

[5] Вениаминов, l. c., I, стр. 109; см. также II, стр. 271—272.

а с этих уже можно видеть несколько островов вдруг. И это могло быть указателем их пути". Но все это не более как ни на чем не основанные предположения, равно как и следующие соображения Вениаминова (I, стр. 113): „Алеуты физиономиею своей очень походят на японцев. Это заставляет считать, что они происхождения Монгольского. Приняв это, с большою вероятностью можно предположить, что алеуты произошли на материке, около Японии, и, будучи теснимы другими народами, подвигались к северо-востоку,

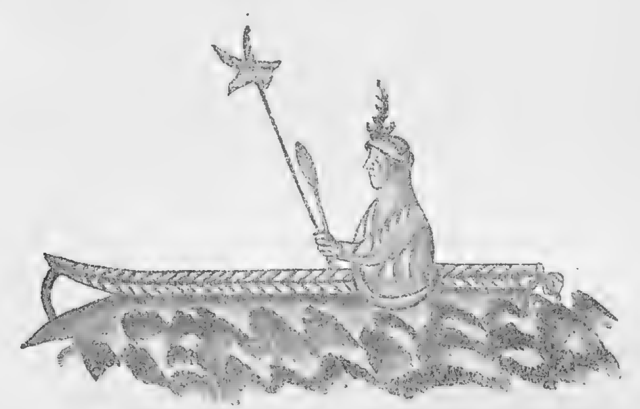


Рис. 44. Алеут с Шумагинских островов в байдарке (1741 г.)
В руках у алеута жезл (калюмет), к которому прикреплена шкурка птицы. (Рисунок Вакселя).

по Курильской гряде, и наконец или встретясь на Камчатке с другими народами Кадьякского племени, [1] или самими Кадьякцами, или видя, что чем далее к северу, тем беднее места, принуждены были удалиться на здешние острова, предполагаемым путем".

Шренк, который, впрочем, самостоятельных исследований над алеутами не производил, склонен был присоединиться к мнению Вениаминова об азиатском происхождении алеутов [2] и причислял даже этот народ, вместе с эскимосами, к своей группе „палеазиатов". [3]

[1] Обитатели острова Кадьяк — эскимосы. *Л. Б.*

[2] Л. Шренк. Об инородцах Амурского края. I, СПб., 1883, стр. 261.

[3] Там же стр. 262. *Палеазиатами* Шренк (l. c., стр. 257) назвал азиатские народы, не имеющие определенного места в лингвистической системе северноазиатских народов — тунгусов, турко-монголов, финнов, самоедов.

Напротив, Дол (W. H. Dall, 1877, 1912), известный исследователь Аляски, считает невероятным, чтобы алеуты при тех средствах передвижения, какими они располагали (кожаные байдарки), были в состоянии достичь Алеутских островов с запада, тем более, что Командорские острова, до открытия их русскими, были необитаемы.

В 1909—1910 годах В. И. Иохельсон производил археологические и этнографические исследования на Алеутских островах. В своем отчете[1] он, подобно мне (1924), высказывается за американское происхождение алеутов.

Данные, полученные путем раскопок в кухонных остатках на Алеутских островах, к сожалению, не доставили материалов для безусловного ответа на вопрос о происхождении этого народа. Все животные, остатки коих найдены в раскопках, оказались принадлежащими к ныне живущим видам. Таким образом, геологически поселения следует отнести к современной эпохе. Культуру первобытных алеутов, насколько о ней можно судить по раскопкам кухонных остатков, можно сопоставить с культурой европейского нижнего неолита. Но, как мы увидим, в эпоху первой встречи с русскими, в 1741 году, алеуты еще, в сущности, жили в каменном веке, и железо только-что начало проникать к ним.

Уже в самых нижних слоях кухонных остатков обнаружены следы полуподземных жилищ из челюстей кита. Это

К палеазиатам Шренк относил гиляков, айнов, камчадалов, коряков, чукоч, юкагиров, енисейцев (кетов); сюда же он склонен был причислить и алеутов с эскимосами. Палеазиаты — „это лишь остатки некогда более многочисленных, распространенных и разветвленных племен, так сказать, выходы пластов более древней этнографической формации, над которою вследствие неоднократно повторявшихся наплывов отложились новые формации“ (стр. 256—257).

Наименование „палеазиаты“ не может претендовать на место в логической системе народов, так как объединяемые этим именем народы имеют лишь то общее, что никакого места в системе им пока указать невозможно. И кеты, и айны одинаково ничего общего не имеют, например, с тунгусами, но объединять поэтому кетов и айнов в одну группу было бы, конечно, совершенно нецелесообразно ибо классифицировать предметы на основании отрицательных признаков нельзя. Все вышеупомянутые народы можно назвать *реликтовыми*, потому что каждый из них есть осколок или остаток, или реликт семьи народов, некогда занимавших большую площадь, ныне оторванный от своих родичей и занимающий сравнительно ничтожную территорию. Они аналогичны реликтовым животным и растениям.

[1] Waldemar Jochelson. Archaeological investigations in the Aleutian Islands. Washington, October, 1925, Carnegie Institution of Washington, Publication № 361, IX + 145 стр., 28 табл., 110 рис., 1 карта.

свидетельствует о древности культурной связи алеутов и эскимосов, каковая связь подтверждается, как указывает Иохельсон, помимо языка, целым рядом других признаков (p. 115): обоим народам свойственны кожаная лодка, гарпун и стрелки, украшения (втулки), татуировка, употребление красок и церемониальных масок, орнамент, способ погребения.

Но так как вопрос о происхождении самих эскимосов пока темен (некоторые выводят их с запада, из Азии), то установление общности культуры алеутов и эскимосов не разрешает вопроса о происхождении алеутов.

Культура алеутов, говорит Иохельсон, носит некоторые черты сходства с культурой северо-западных индейцев: „сюда относится употребление втулок (labret), раскраска лица и некоторые другие приемы украшения. В общем, можно сказать, что особенности материальной и духовной культуры, а также физический склад алеутов указывает на их тесную связь с обитателями Америки, а не Азии“ (p. 122).[1]

Если будущие исследователи подтвердят, что алеутский церемониальный жезл есть, действительно, калюмет, то отсюда можно будет сделать весьма важные выводы относительно прежнего местообитания алеутов: исконное местожительство алеутов и эскимосов придется искать на материке Америки, где-нибудь в северо-западной ее части, в области, занятой теперь тлинкитами (где Дол нашел следы обитания эскимосов), или же где-нибудь в западной Канаде.

Наружность и одежда

Возвращаемся к наблюдениям Стеллера.

После короткого совещания на судне, решили спустить шлюпку и высадиться на берег. Отправились Стеллер, Ваксель, коряк-переводчик, девять матросов и солдат. С собой взяли пики, сабли и ружье, но все это, чтобы не возбуждать подозрения, покрыли парусиной. Не забыли также сухарей, водки и кое-каких мелочей для подарков островитянам. Из-за ветра, прилива и сильного прибоя у каменистых берегов очень трудно было пристать. Туземцы все, и мужчины и женщины (их трудно было отличить одних

---

[1] Сами алеуты, как свидетельствует Вениаминов (l. c., II, 1840, стр. 273), „считают своими сродниками кенайцев, чугач, якутатцов и колош“ Кенайцы — это одно из подразделений индейцев - атабасков; чугачи — эскимосы; якутаты — одно из подразделений тлинкитов; колоши — это тлинкиты, одна из групп северозападных индейцев. Ср. выше, стр. 212 сл.

от других из-за одинакового одеяния), высыпали на берег, удивленно и вместе с тем дружелюбно смотрели на пришельцев и знаками приглашали пристать. Но это было очень трудно; поэтому велели переводчику и еще двоим из команды раздеться и отправиться на берег по воде. Туземцы приняли их очень дружелюбно, повели, „как весьма важных персон", под руки с великим почтением к тому месту, где сидели, и одарили куском китового жира. К оставшимся же в лодке пригреб один туземец. Его угостили чаркой водки, но он, отведав ее, тотчас выплюнул. „Сей напиток,—говорит Миллер,[1]—был оному гостю совсем незнаемой и неприятной. Выплюнув, закричал он громко, якобы жалуяся своим, как худо с ним поступают. Не было никакого способа к его удовольствованию. Давали ему иглы, бисер, железной котел, табашные трубки и другие вещи, но он не взял ничего, только хотел, чтобы его выпустили на берег, ради чего его и отпустили". Стеллер прибавляет,[2] что туземцу давали покурить, но и табак ему вовсе не понравился.

Наконец, решили вернуться на пакетбот и стали звать переводчика и его спутников. Но алеуты не хотели их отпускать, особенно коряка, который, говорит Стеллер, по выговору и лицом был очень похож на островитян.[3] Алеуты дарили им китового жиру и краски „цвета железа" (для притирания), но когда те, несмотря на это, пытались вернуться к лодке, стали их удерживать насильно, схватив за руки. Другие же, взявшись за канат, на котором был укреплен ялбот, пытались вытащить его на берег. Делали они это, повидимому, без дурного умысла, с целью помочь высадиться.[4] Так как знаками нельзя было добиться, чтобы туземцы оставили ялбот в покое, то пришлось, для остра-

---

1 Сочин. и пер., 1758, II, стр. 213.

2 Steller, p. 67.

3 Хитров в своем „Журнале" говорит об этом так: „они его признали от народа нашего отменного, а себе подданного, ибо он был камчатской природы".

4 Шелехов про эскимосов-коняг рассказывает следующее (1783 г., Путешествие, ч. I, 1812, стр. 78): „приезжающих гостей встречают, вымаравшись красною краскою и в лучшем их наряде, колотя в бубны и производя пляску, имея в руках военные свои орудия; а гости подъезжают точно так, как на сражение. Как скоро они приближаются к берегу, хозяева бросаются в море по самые груди. Байдары и байдарки со всем возможным проворством выносят на берег; по том спешат поскорее вынесть гостей из байдар и относят их по одиначке к первому учрежденному для игры месту на своих спинах".

стки, дать залп из трех ружей в воздух. Эффект получился необычайный: алеуты попадали наземь. Этим воспользовались оставшиеся на берегу люди и добрались до лодки. Очнувшись, туземцы с негодованием стали знаками показывать, чтобы пришельцы поскорее убирались прочь, а некоторые схватили камни. Пришлось поторопиться возвращением на пакетбот.

Вскоре началась буря с дождем. Ночью видели огни на берегу.

Наружность „американцев" (т. е. алеутов) Стеллер[1] описывает следующим образом. Они среднего роста, крепкого, коренастого сложения, с мускулистыми руками и ногами. Шея короткая, плечи широкие. Комплекция полная. Сложены в общем хорошо. Длинные, спускающиеся вниз волосы блестяще-черного цвета. Бороды нет или лишь скудная растительность на подбородке: „в этом они опять-таки сходны с обитателями Камчатки и другими восточно-сибирскими туземцами". Лицо буроватого цвета и несколько приплющено. Равным образом и нос несколько приплющен, но не очень широк. Глаза черные, как уголь, губы выдающиеся, шея короткая, плечи широкие. Одеты в рубашки с рукавами, изящно сшитые из китовых кишок. Рубашки (точнее *камлейки*, как это одеяние впоследствии назвали русские) хватают до икор, у некоторых перевязаны на животе ремнем. У двоих были на ногах сапоги и штаны, изготовленные наподобие камчадальских из тюленьей кожи и выкрашенные ольховой корой в краснобурый цвет. Двое имели у пояса по длинному железному ножу в ножнах, очень плохой работы, повидимому, собственного изготовления.

Вениаминов (II, стр. 6 сл.) дает такое описание наружности лисьевских алеутов: роста они среднего, худощавы, с смуглой кожей и черными жестковатыми волосами; усов и бороды почти совсем нет, только под старость у многих вырастает небольшая седая бородка; цвет глаз темнокарий, „нос хотя и не короток и не высок, но и не совсем сплюснут"; „скулы лица вообще довольно высунувшиеся и, кажется, едва ли менее якутов" (стр. 10). Камлейки, которые видел на алеутах Стеллер, употреблялись ими только во время поездок на байдарах и изредка на переходах во время дождя. Делались они преимущественно из кишок самых крупных сивучей-секачей, а также из медвежьих, моржовых, китовых кишок. Камлейка шилась в виде длинной рубашки

---

[1] Reise, p. 69—71, 74.

с капюшоном, который во время дождя надевался на голову и затягивался шнурком; также и рукава на концах можно было стянуть шнурком.[1] Обычную же одежду алеутов составляла *парка,* — спускавшаяся ниже колен рубашка со стоячим воротником; она делалась из птичьих шкур, преимущественно топорковых и ипаточьих, иногда из арьих, за неимением их—из нерпичьих.[2] Обувь алеутов Вениаминов (II, 1840, стр. 214) описывает так: „для обуви ныне употребляются вообще торбаса—род бродней, у которых голенища делаются из горлов или лафтаков сивучьих, к ним пришиваются переда из юфтевой кожи, а подошвы—или из русских кож или из китовых и сивучьих ластов. Прежние торбаса делались без передов — мешком". Но, очевидно, еще во времена Стеллера они делались с передами. С другой стороны, на некоторых островах алеуты совсем не носили штанов и торбасов. Так, промышленники судна „Св. Адриан и Наталия", бывшие на Андреяновских островах в 1761—1764 годах, описывают одеяние здешних алеутов следующим образом: „носят на себе парки морских птиц ар и топорковых кож, которых они промышляют у берега морского сильями усовыми [т. е. силками из китового уса]; да употребляют в камлеи морских зверей, сиучей и нерп кишки; более того в платье ничего не употребляют. Не только в летнее, но и в зимнее студеное время, кроме вышеописанной птичей парки и камлеек-кушошных, штанов, чулков и торбасов, шапок и рукавиц никаких не носят; а когда почувствуют от стужи холодно, то наклав травы зажгут и впустят из-под ног парку малой жар и тем согреваются. Жены их и дети парки и камлеи носят такиеж, как и на мужиках бывают, а отчасти бобровые".[3]

Украшения

Продолжаем описание Стеллера.

На лице у американцев были украшения из камня и кости. У одного через носовую перегородку воткнута

[1] Вениаминов, II, стр. 213.

[2] Вениаминов, II, стр. 212.

[3] Краткое известие о новоизобретенном северном архипелаге. Месяцослов истор. и географ. на 1774 г. Перепечатано в Собр. сочин., выбранных из месяцословов, III, СПб., 1789, стр. 354—355. О том, что эти данные собраны промышленниками именно в 1761—64 гг., ср. Паллас в Собр. сочин. из месяцословов, IV, 1790, стр. 323 сл. См. также Берг. Землеведение, 1924, вып. 1—2, стр. 128—129, 126.

палочка из сланца длиной дюйма в полтора, наподобие грифеля; у другого вдета кость под нижней губой, у третьего такая же кость имелась во лбу, у четвертого были кости в крыльях носа.[1]

Обычай этот исчез у алеутов уже более ста лет тому назад. Впервые после Стеллера более подробно описали эти украшения русские промышленники, наблюдавшие жизнь алеутов на острове Умнак в 60-х годах XVIII столетия: „у младенцев обоего пола прорезывают над верхнею губою у носу под хрящем тело и нижнюю губу под верхнею губою; в нос навешивают камешки разные, и в губах носят кости, а в ушах на подобие серег, кто что имеет".[2] Левашев, проведший на острове Уналашке зиму 1768/69 года, говорит про здешних алеутов, что мужчины „в нижнюю губу вставливают сделанные из мягкого белого камня, а другие из кости, на подобие больших зубов; и между ноздрей, в хряще, в проколотую нарочно дырочку, кладут какую-то черную траву или кость, на подобие нагелька; а в хорошее время, или во время веселья, в ушах, да и между вставленных зубов в нижней губе, навешивают бисер и янтарики, которые достают с острова Аляксы, менею на стрелы и камлеи, а более войною";[3] у женщин „в носу, как у мужчин, в хряще продета костяная спица длиною дюйма три с половиною, а на концах оной, вокруг рта и на ушах, навешены корольки и янтарики".[4] Адриан Толстых, плававший у берегов Андреяновских островов в 1761—1764 годах, сообщает про вышеописанные украшения, что они обозначают „по их обычаю некоторую благополучность своего рода и жизни", но что „естли отец у сына или муж у жены или кто из роду умрет, то они те кости мужеск и женск пол никогда уже не носят, чрез что подают печальной и не щастливой своему роду вид".[5]

В посещение Сарычевым острова Уналашки, в 1790 году, мужчины уже не носили подобного рода украшений, женщины же прокалывали носовую перегородку, нижнюю губу и уши и вставляли туда косточки, серьги, бисер, а кроме

---

[1] Steller. Reise, p. 74.
[2] Собр. сочин. из месяцесловов III, 1789, стр. 360.
[3] (А. Соколов). Экспедиция к Алеутским островам капитанов Креницына и Левашева. 1764—1769. Зап. Гидрограф. департ., X, 1852, стр. 99—100.
[4] Там же, стр. 100.
[5] Л. С. Берг. Из истории открытия Алеутских островов. Землеведение, 1924, вып. 1—2, стр. 128.

того татуировали лицо.[1] Лангсдорф говорит, что в 1805 году, в его бытность на Уналашке, обычай прокалывать губы и нос стал реже, а татуировка сохранилась только у старух.[2] Во времена Вениаминова ношение подобных украшений уже не практиковалось ни женщинами, ни мужчинами. Татуировка же, которая прежде была в ходу исключительно у женщин, тоже исчезла, хотя Вениаминову еще пришлось видеть женщин с „узорчатыми“ лицами.[3] О том, чтобы алеуты (мужчины) прежде носили костяные украшения во лбу, как пишет Стеллер, ни Вениаминов, ни другие авторы не упоминают.

По поводу украшений, носимых „американцами“ с островов Шумагина (т. е. алеутами), Стеллер замечает, что, как ему передавали на Камчатке, и среди чукоч есть такие, у которых в носу и щеках вставлены украшения из моржовой кости. Затем Стеллер высказывает предположение, что или чукчи есть американцы, или же среди них находятся американцы (Reise, p. 74). В настоящее время мы знаем, что чукчи никогда не носили подобных украшений, каковые, напротив, в прежнее время были в ходу у эскимосов на берегах Берингова пролива.[4] Дельные замечания по этому поводу сообщает Крашенинников. Он говорит:[5] „народ, которой живет по островам около Чукотского носа, и имеет с Чукчами обхождение [здесь подразумеваются эскимосы острова Диомида в Беринговом проливе], с сими людьми [американцами, виденными Берингом на островах, т. е. с алеутами] конечно одного роду: ибо и у оного вставливать кости за красу почитается. Покойной Маиор господин Павлуцкой по бывшем некогда сражении с Чукчами нашел между мертвыми Чукоцкими телами двух человек того народа, у которых по два зуба моржовых под носом были вставлены в нарочно зделанных скважинах: чего ради тамошние жители и называют их зубатыми. А приходили они, по объявлению пленников, не для вспоможения Чукчам, но посмотреть, как они с Россианами бьются“.

Миллер, со слов Ваксельа, передает, что у американцев на Шумагинских островах „лица красною, а у иных разноцвет-

[1] Сарычев, II, стр. 17 и таблицы при стр. 16 и 18.
[2] G. Langsdorff. Bemerkungen auf einer Reise um die Welt in den Jahren 1803—07. Bd. II, 1812, p. 37, 38.
[3] Вениаминов, II, 1840, стр. 113.
[4] См выше, стр. 32—33, 124.
[5] Описание Земли Камчатки, I, 1755, стр. 126.

ными красками выкрашены были". [1] Ваксель [2] сообщает, что лица у одних были выкрашены красной, у других синей краской. Это показание чрезвычайно любопытно, хотя, нужно заметить, Стеллер при описании внешнего вида алеутов ничего о раскраске ими лица не говорит. По словам Вениаминова, „алеуты не имели обыкновения раскрашивать себе лица как, например, колоши", [3] т. е. тлинкиты, у которых раскрашивание лица (а также масок) [4] широко практиковалось при разных торжественных случаях — похоронах, празднествах, перед выступлением в поход и т. п. [5] Но, повидимому, во время религиозных церемоний алеуты раскрашивали себе лица, в пользу чего говорит их обыкновение приносить в жертву, между прочим, и краски. В. И. Иохельсон любезно сообщил мне, что в одном мифе, записанном им на острове Умнаке, рассказывается, как покойному алеуту при погребении положили краски четырех цветов, дабы он на том свете мог раскрасить свое лицо. Ст. Глотов, бывший на Умнаке и Уналашке в 1759—1762 годах, сообщает: „жители Умнака и Уналашки говорят похоже на алеутский язык, железо получают с лесистого острова [подразумевается полуостров Аляска] и из него куют ножи сами; юрты у них земляные, сажен по 40 длины; на Уналашке серебристая с блеском *краска, которою лица красят*". [6] Кокс (Coxe), впервые напечатавший отчет о посещении Креницыным и Левашевым в 1768 и 1769 годах островов Умнака, Уналашки и западной части полуострова Аляски, передает про здешних алеутов, [7] что они раскрашивают себе щеки полосами голубого и красного цвета (they paint their cheeks with strokes of blue and red). Но здесь, возможно, идет речь о татуировке, при которой узор притирался краской. Левашев

[1] Миллер. Сочин. и перев., II, 1758, стр. 216.

[2] Царскосельская рукопись, стр. 89.

[3] Вениаминов, II, 1840, стр. 112.

[4] Маски были в употреблении и у алеутов во время торжественных плясок. Их описывает Толстых в 1761—1764 гг. на Андреяновских островах (Берг. Землеведение, 1924, вып. 1—2, стр. 132); они употреблялись здесь еще в 20-х годах XIX столетия (Вениаминов, III, 1840, стр. 3).

[5] К работе Fr. Boas. Facial paintings in the Indians of Northern British Columbia. Mem. Amer. Mus., Nat. Hist. II, 1898, p. 13—24, приложен целый атлас, изображающий различные типы раскраски лица у индейцев хайда.

[6] Полонский. Перечень путешествий русских промышленных в Восточном океане с 1743 по 1800 г. Рукопись в архиве Географ. об-ва (шифр Б. V 2), л. 286.

[7] Coxe. Account..., 1780, p. 257 (ср. также p. 169).

(Зап. Гидрограф. департ., X) ничего не говорит, чтобы в его время (1768—1769) алеуты мужчины на Уналашке раскрашивали себе лица, про женщин же передает (стр. 100), что у них „щеки поперек ряда в два или три вытканы и натерты из-синя краскою". Точно также Паллас, описывающий быт алеутов Лисьих островов по данным тех же Креницына и Левашева, сообщает, что женщины „на лице, на спине, на руках и под мышками выводят разные узоры, которые сперва накалывают иглою, а потом натирают некоторою черною глиною".[1] По словам Вениаминова (II, стр. 113), „главные расположения такого шитья или накалывания были у всех [женщин] почти одинаковы и обыкновенно вышивались: вся борода, две полосы поперек лица от одной щеки до другой через нос, две полосы по бакенам и одна вдоль носа".

К описанию наружности шумагинских алеутов Миллер,[2] очевидно со слов Ваксeля, прибавляет, что „нос у них заткнут был травою, которую иногда вынимали, и тогда истекало из него множество мокроты, кою языком облизывали". О траве в носовом хряще упоминает, как мы видели, и Левашев.

Стеллер неправильно думал,[3] что „американцы" оседло живут на материке, на острова же являются лишь для промыслов, ибо здесь, полагал он, за отсутствием леса, нет ни топлива, ни строительных материалов. На самом деле алеуты живут и жили оседло на Шумагинских островах. Особенной нужды в лесе они не испытывают. Вместо дерева раньше уналашкинские употребляли для столбов, перекладин и стропил ребра больших китов,[4] а также пользовались выкидным лесом.[5] Почти всё едят сырым, кроме трески,[6] так что топить для варки приходится очень мало. По сведениям, собранным судном купца Толстых на Андреяновских островах в 1761 году, здешние алеуты „живут в подземельных пещерах, в коих и зимою огня не разводят... В чрезвы-

---

[1] Собр. соч. из месяцосл., IV, 1790, стр. 367. Между тем про эскимосов о-ва Кадьяк Глотов, зимовавший здесь в 1762—63 г., сообщает, что они „лицо иногда красят красками" (Собр. соч. из месяц., III, стр. 357).

[2] Сочин. и перев., 1758, II, стр. 215.

[3] Steller. Reise, p. 75.

[4] Вениаминов, II, стр. 210—211, 204—205.

[5] Левашев, в Зап. Гидр. департ., X, стр. 101 (Уналашка). — Сарычев, II, стр. 14, 157 (там же). — Langsdorff, II, p. 30 (там же).

[6] Вениаминов, II, стр. 233. Ср. также Левашев, стр. 101.

чайные же морозы жгут только сухую траву и греют около огня свое одеяние“.[1] Сарычев, бывший на Уналашке в 1790 и 1792 годах, говорит, что алеуты огонь в юрте разводят очень редко, а для освещения и отопления жгут в каменных плошках китовый жир. „Сим огнем не токмо освещают юрту, но и согревают себя во время холоду, ставя плошку под платье и закрывая ворот у парки, отчего теплота не может выходить вон, и через несколько минут под платьем бывает так тепло, как в бане“.[2]

Таким образом отсутствие леса на Алеутских островах не препятствовало алеутам жить здесь оседло.

Железо у алеутов

Выше мы уже говорили, что у алеутов были замечены железные ножи. Миллер (Сочин. и перев., 1758, II стр. 215), со слов Вакселя, пишет об этом следующее: „Один американец имел на боку у себя нож повешенной, которой, для особливого его виду показался нашим яко вещь диковинная. Длиною был он до 8 дюймов, к концу же не востер, но широк и весьма толст. Не можно угадать, к чему такой нож употребляется“. Стеллер просил своих спутников обменять один из ножей на имевшиеся на пакетботе ножи, но его не послушались. А между тем, говорит он, может быть удалось бы узнать, с каким народом островитяне имеют сношения. Стеллер уверяет, что он очень хорошо рассмотрел нож, когда один из американцев вынул его из ножен, чтобы разрезать пузырь: „можно было видеть, что он сделан из железа и притом не европейской работы; очевидно, американцы не только имеют железную руду, каковой нет на Камчатке, но умеют ее плавить и обрабатывать“ (р. 70).

По этому поводу нужно заметить следующее. До прихода европейцев американским туземцам не была известна плавка. Медь, железо, золото и серебро они обрабатывали холодным способом. Притом железо было очень мало распространено; эскимосы Смитова пролива (Гренландия) во времена Росса (Voyage of Discovery, 1819) пользовались

[1] Паллас, стр. 327—328.

[2] Сарычев. Путешествие, II, 1802, стр. 158. Ср. также Собр. сочин., выбранных из месяцословов, ч. III, СПб. 1789, стр. 354—55 (Андреяновские о-ва) „для тепла же никогда зимою и летом не топят“, стр. 354), стр. 362 (о. Умнак). — Левашев, стр. 102—103 (о. Уналашка).

метеорным железом.[1] Туземцы восточных штатов и местами на юго-западе Сев. Америки изготовляли холодным способом, без плавления, путем одной обивки, как из камня, грубые орудия из гематита (железная руда), но я не имею никаких сведений о том, чтобы в северо-западной Америке пользовались метеорным железом или гематитом. Сравнительно большим распространением пользовалась медь, которая в Аляске в самородном виде встречается по р. Медной.[2] Как мы уже упоминали (стр. 125), американские эскимосы на берегах Берингова пролива вплоть до 80-х годов XIX столетия пользовались орудиями из камня и кости, хотя железо им было известно, вероятно, еще с конца XVII столетия. В небольшом количестве железные копья и такие же топоры американские эскимосы получали от чукоч с азиатского берега Берингова пролива.[3]

О такого рода торговле слыхал и Стеллер. Он говорит, что чукчи ведут торговлю с Америкой „через посредство обитателей островов" (имеются в виду эскимосы островов Диомида, или Гвоздева, в Беринговом проливе), они сбывают „американцам" (т. е. эскимосам) ножи, топоры, пики, все из железа, в обмен на морских бобров, куниц и лисиц. Железные товары чукчи получают по дорогой цене от русских в Анадырске и им же сбывают иногда американские меха.[4]

Не исключена возможность, что алеуты получали русские ножи через посредство эскимосов.[5] Хотя регулярных торговых сношений у алеутов с эскимосами, повидимому, не было, но во время взаимных нападений они могли заимствовать друг от друга предметы материальной культуры.

Отметим также сообщенное выше (стр. 261) известие Глотова (1759—1762) насчет того, что жители Уналашки получают железо с востока и куют из него ножи сами.

Давыдов говорит, что эскимосам-конягам, живущим на о-ве Кадьяк, железо было известно задолго до прихода русских: „они находили иногда железные вещи, выкидыва-

---

[1] Handbook Amer. Indians, I, p. 615.

[2] Ibidem, p. 346.

[3] Северный архив, ч. XVIII СПб., 1825, стр. 195—201. См. также выше, стр. 125.

[4] Steller, Reise, p. 71.

[5] От эскимосов же алеуты могли задолго до Беринга получить сведения о русских. Вениаминов (20-е и 30-е годы XIX ст.) сообщает следующее (II, стр. 124): „алеуты старики уверяют, что некоторые из знаменитых шаманов еще задолго до прибытия русских предсказывали, что придут к ним из закрай-моря белые люди другого обычая".

емые морем на берег, и весьма ими дорожили".[1] Про атхинских алеутов Вениаминов (III, стр. 18—19) передает, что они задолго до прибытия русских находили на берегах железные и медные вещи. Очевидно, это железо происходило с разбившихся судов европейских или японских. Выше мы привели передаваемое Вениаминовым предание алеутов, которое говорит о судне, доставившем им железо. Японские суда, как мы видели выше (глава II), нередко терпели крушение у берегов Камчатки и Алеутских островов.[2] К этому прибавим еще следующее. Вывезенный в 1747 г. промышленниками с острова Атту алеутский мальчик показал в Камчатке, что на памяти его приходили к ним на остров Атту на небольших судах, об одном парусе, люди в длинном, пестром, шелковом и бумажном платье; головы у них до половины бриты, а оставшиеся назади заплетены в косы.[3] Очевидно, это были китайцы (если только тут нет недоразумения). Тот же мальчик передавал, что в давних годах на Атту приходило какое-то судно, с которого люди давали им железо, иглы и листовой табак, а брали бобровые кожи.[4]

---

[1] Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова. Ч. II, СПб., 1812, стр. 103. Ср. также Holmberg, p. 101.

[2] О влиянии кораблекрушений на распространение железа среди примитивных народов см. Т. A. Rickard. Drift iron, a fortuitous factor in primitive culture. Geogr. Review, XXIV, 1934, October, p. 525—543.

[3] А. Полонский. Перечень путешествий русских промышленников в Восточном океане с 1743 по 1800 г. Рукопись из архива Географ. общ. (шифр Б. V. 2), л. 14.

[4] Там же. — Это рассказ путанный; повидимому, мальчика плохо понимали. Вот его слова в передаче Полонского: „кроме Атту, Агату и Семича, есть еще о. Сабия, он же Салащ. Земля та великая, на ней леса довольно и жителей множество, люди же подобием русским и имеют огненное оружие и книги и поклоняются, как и они, с крестом, а называют их на их языке *куг*. С той земли приходило в давних годах на Атту небольшое судно и стояло в р. Атт. Люди с него брали с острова разных цветов краски, которых там довольно, а более всего белую руду, похожую на серебро, которая находится и на сопке, близ их жила, плитками; от алеутов они брали бобровые кожи, зато давали недельное железо, иглы и предлагали листовой табак, только его алеуты не брали, не понимая в нем тогда никакой силы". О показаниях этого алеута см. также у Палласа, l. c., стр. 284—285. Можно было бы думать, что наименование *куг* относится к курильцам (*кужи, куги*), но следует иметь в виду, что похожие местные названия носили дальние алеуты; так, жители, Унги и все прочие до Унимака называются *каган-таягунгин* (люди восточные), алеуты островов Креницына и части Уналашки—*кигигун* (северо-восточные), обитатели Четырехсопочных островов—*акуган* или *акугун*, крысьевцы—*кагун* и т. д. (Вениаминов, II, стр. 2—3).

Таким путем алеуты могли познакомиться с железом.

Как бы то ни было, до прихода русских железные орудия среди алеутов были большой редкостью. Вениаминов (II, стр. 106, 239), упоминая о „прежних“ орудиях алеутов, называет „каменные ножи и кинжалы“, но не говорит о железных. На одном из крупных алеутских островов (а на каком — неизвестно) судно Серебрянникова застало в 1753 году у алеутов железные ножи: „ножи их были почти все каменные, и редко кто имел железные; оружия не знали они никакого, кроме стрел с каменным или костяным востреем, кои спускали они с особливой деревянной дощечки“.[1] У алеутов Андреяновских островов в 1759 году не было никаких железных вещей.[2] Замечательно, что еще в первой половине XIX столетия алеутские железные топоры прикреплялись к ручке совершенно как каменные, при посредстве ремней.[3] Сарычев (1792) говорит про уналашкинских алеутов, что они „ножи и топоры получают от русских, только настоящих топоров употреблять не умеют, а делают их по-своему, привязывая к ним деревянную рукоятку, так что ими как шляхтою можно только шляхтить, а не тесать или рубить; большие же деревья колют обыкновенно деревянными клиньями“.[4]

Давыдов, бывший на острове Кадьяк в 1802—1803 годах, и про эскимосов-коняг сообщает, что они делали в то время железные топоры наподобие каменных.[5]

Байдарки

Лодки американцев (т. е. алеутов) Стеллер (Reise, p. 68—69) описывает следующим образом. Они имеют приблизительно 4 м в длину, 60 см в вышину и столько же в ширину по верху; спереди, к носу заострены, кзади борты сходятся углом. Повидимому, остов состоит из двух продольных шестов, на концах прилаженных друг к другу, а кроме того соединенных поперечными перекладинами. Снаружи корпус покрыт кожами, как кажется, тюленьими, и выкрашен в темнобурый цвет. Внизу, повидимому,

---

1 Паллас. Собрание сочин. из месяцословов, IV, стр. 310.
2 Паллас, стр. 319.
3 Вениаминов, II, стр. 249.
4 Сарычев, II, стр. 159.
5 Двукратное путешествие Хвостова и Давыдова, II, 1812, стр. 103—104.

прилаживается киль, который впереди соединен с носом вертикальной перекладиной[1] из дерева или кости. Приблизительно в 1,5 м от кормы находится круглое отверстие, с оторочкой из китовых кишек; при помощи шнурка, продетого через рубец, эту оторочку можно затянуть и снова распустить. Сев в лодку и вытянув вперед ноги, „американец“ стягивает оторочку вокруг тела и укрепляет ее при помощи петли; таким образом вода не может проникнуть внутрь. За гребцом на лодке лежат привязанные с десяток палок, выкрашенных в красную краску — точно таких же, что раньше туземцы доставили на судно в первую встречу, — для какой цели, Стеллер не мог догадаться, может быть для починки остова лодки на случай поломки. Лодка так легка, что на суше американец несет ее, вставив правую руку в дыру. Весло, длиной в сажень, представляет собою жердь, на обоих концах коей имеется по лопасти, шириной в поперечник ладони; этим веслом он гребет попеременно то на правой стороне, то на левой и передвигает лодку даже на сильном волнении с большой ловкостью.

Это описание алеутской байдарки совершенно правильно. На карте Вакселя изображен „американец в нерпечей кожаной лотке“ (см. выше рисунок на стр. 253). Крашенинников в своем „Описании Земли Камчатки“ (1755) одну из глав первого тома посвящает Америке, сообщая сведения по данным Стеллера; на двух таблицах при стр. 128 изображены: „американец в байдаре“ и „американская байдара“ — с рисунков Вакселя. Более новое изображение алеутской лодки с Уналашки можно видеть у Сарычева, во втором томе его „Путешествия“ (II, 1802, при стр. 162); оно совершенно отвечает описанию Стеллера.

Вообще, путешественники не находят достаточно слов для похвал алеутской байдарке. Так, Вениаминов (II, 1840, стр. 244) говорит: „байдарка Алеутская столь совершенна в своем роде, что и самый математик очень не много и даже едва ли что-нибудь может прибавить к усовершенствованию ее морских качеств“. Приводим, для сравнения с Стеллеровым, описание уналашкинской байдарки, какое дает Вениаминов (II, стр. 219—228). Прежде для выхода в море алеуты пользовались лишь однолючными байдарками (т. е. с одним отверстием вверху), двулючные они употреб-

[1] Фордерштевень. Он не обшивался кожей.

ляли лишь для перевоза легкого груза или для выезда в море старика с малолетним. Но считалось позором молодым и здоровым гребцам отправиться в море для промысла бобров на двулючной байдарке. Трехлючные же — есть нововведение, принадлежащее русским. Длина однолючной байдарки 4—5 м, ширина около полуметра, вышина около 20 см. Это, таким образом, очень длинные, узкие и низкие лодки, необычайно легкие и быстроходные. Основа байдарки есть верхняя рама (или шесты), с несколькими поперечными распорками (бимсами); к концам она сведена вместе. Наибольшая ширина ближе к носу. С нижней стороны рамы приделывается киль, который всегда состоит из трех частей, для того чтобы байдарка, как говорят, изгибалась на волне. Затем к килю прикрепляются штевни и ребра или лучки (шпангоуты), из ивовых и ольховых палок, в расстоянии друг от друга от 8 до 18 см, и на них сверху, вдоль байдарки, накладывается несколько шестиков. Для скрепления отдельных частей служит китовый ус. Теперь „решетка“ (остов) готова, остается только обшить ее. Обшивка, из сивучьих или нерпичьих (тюленьих) кож, покрывает байдарку сплошь, исключая фордерштевень и, конечно, люк, куда должен садиться ездок. Внутри нет никакой обшивки, но, когда садятся в байдарку, вниз кладут старый лавтак, подстилку и груз. Обшивку для прочности смазывают жиром, но все же она не выдерживает и года. К люку прикрепляются обтяжки (или цуки), которые защищают от проникновения воды внутрь. Их делают из сивучьих кишок или горла; вышиной обтяжка от 35 до 50 см; нижняя оторочка ее прикрепляется к байдарке китовым узом, а верхнюю гребец затягивает под пазухой шнурком из жилы и перехватывает через левое плечо. Весло для байдарки всегда делается двулопастным, длиною от 1,8 до 2,1 м, смотря по росту гребца, и по возможности из калифорнийской чаги, как самого легкого дерева (на двулючных байдарках бывают и однолопастные весла). Во время гребли весло держат посредине и гребут на обе стороны, то верхнею, то нижнею лопастью. К числу необходимых вещей при байдарке принадлежит пузырь, т. е. вычищенный сивучий или нерпичий желудок, который нужен в том случае, если лодка опрокинется; держась за пузырь, можно перевернуть лодку килем вниз, отлить воду и даже починить обшивку; или, при ветре, надутый пузырь поддерживает байдарку, даже если она и полна воды. Парусов на

байдарках никогда не употребляли. Управляют алеуты байдаркой с величайшим искусством; „никакая,—говорит Вениаминов,—сила ветра, ни волнение, ни даже не всякой толчок посторонней силы, если только Алеут видит их, не опрокинут его, лишь бы только весло у него было в руках". Единственно, чего опасается алеут, это прибоя и сулоя в проливах. По словам Вениаминова (II, стр. 220), в прежние времена алеутские байдарки были еще лучше: они были так легки, что семилетний мальчик мог переносить их, столь узки и острокильны, что без седока не могли держаться на воде, столь быстры на ходу, что „не отставали от птиц". Алеуты могут на байдарке в час пройти до десяти километров. Никакая шлюпка догнать их не в состоянии. Напротив, алеуты догоняют судно, идущее по четыре мили в час.

Сарычев (II, 1802, стр. 159) говорит, что для изготовления одной байдарки нужен был целый год.

Окрашенные в красный цвет заостренные палки, о которых говорит Стеллер, это древки стрелок для охоты на морских бобров. Они изображены Сарычевым (т. II) на таблице при стр. 160, а на другой таблице (при стр. 162) их можно видеть лежащими в виде связанного пучка на лодке впереди и позади гребца; они кладутся в ремешки, прикрепленные к байдарке. Стрелки окрашивают красною краскою, которую достают в скалах и разводят на собственной сукровице; от этого краска не смывается ни дождем, ни морской водой (Сарычев, II, стр. 161). На всякой байдарке прежде всего находились несколько бобровых стрелок, которые не снимались даже на берегу.[1]

Алеуты, охотившиеся на морских животных, не пользовались луком. Ни Стеллер, ни Чириков, ни Толстых (1760—1764) не упоминают о луке; последний даже определенно говорит о том, что алеуты Андреяновских островов „ружья и луков не имеют", а для метания стрел употребляют метательную дощечку: „имеют стрелы строганые разной длины, по четыре и с половиною по четыре фута, на концах врезывают каменные и костяные носки с зазубринами, острые, которыми бросают из доски, сделанной на то нарочно с небольшою скважиною".[2] Но на полуострове Аляске, охотясь за сухопутными животными, алеуты

[1] Вениаминов, II, стр. 249 (см. также стр. 247—248).
[2] Л. Берг. Землеведение, 1924, вып. 1—2, стр. 131.

подобно эскимосам, пользовались, как свидетельствует Иохельсон, [1] луком.

Шляпы

5 сентября к судну Беринга снова пригребли в байдарках девять американцев, с такими же криками и церемониями, как и в первый раз. Из них только двое приблизились к судну, и, не всходя на палубу, передали подарки: краску „цвета железа“ и жезлы с соколиными перьями, или, по описанию Миллера (стр. 217), „свой мирный знак, состоящей из пяти футовой палки, у которой на верхнем и тонком ее конце привязаны были всякие перья беспорядочно“. На головах у американцев были шляпы из древесной коры, выкрашенные в зеленый и красный цвет. Они имели целью, говорит Стеллер (р. 73), защитить глаза от солнца, ибо темя они оставляли совершенно непокрытым. Под шляпой, над лбом у некоторых были воткнуты пестрые соколиные перья, у других—пучки травы. Подобного рода шляпы, по словам Стеллера, носят камчадалы и коряки, у которых и приобретено несколько штук для кунсткамеры. „Судя по этим шляпам, можно думать, что американцы произошли из Азии“ (р. 73).

С судна стали знаками показывать, что хотели бы получить одну такую шляпу. Алеуты передали две, за что их отдарили ржавым железным котлом, пятью иголками и пронизком. К одной шляпе был прикреплен вырезанный из кости небольшой „идол“ в виде сидящей фигуры с пером вместо хвоста. [2] Шляпа эта, по словам Вакселя, [3] имела около 1,5 метров в длину.

Шапок алеуты, как известно, прежде не носили. Атхинские алеуты даже звали русских *салигугин*, т. е. с покрытой головой, или шапочниками (Вениаминов, III, стр. 19). Но при поездках на байдарках они употребляли оригинальные

[1] W. Jochelson. Archaeological investigations in the Aleutian Islands: Washington, 1925, p. 12. Ссылаясь на таблицу при стр. 304 у Golder, Bering's voyages, I, 1922, где на рисунке *H* изображен алеутский лук, Иохельсон (l. c.) говорит, что во времена Чирикова (1741) алеуты Андреяновских островов имели луки; но это неверн : таблица у Гольдера заимствована не у Чирикова, а из рукописи Левашева, плававшего в 1767—1768 гг. и посетившего, между прочим, и полуостров Аляску.

[2] У Хитрова: „резной маленькой статуй наподобие вида человеческого“.

[3] Царскосельская рукопись, стр. 90.

Рис. 45. Алеуты на о-ве Умнак (1909 г.) в камлейках из нерпичьих кишок. (Из Иохельсона, 1909.)

В руках алеуты держат стрелки с костяными наконечниками для охоты на морских бобров. На голове деревянные козырьки.

деревянные шляпы, имевшие, по словам Вениаминова (II, стр. 218), назначение защищать глаза от морских брызг. Эти деревянные шляпы были двух типов: глухие и с открытым верхом. Первые делались из корня какого-либо дерева, раскрашивались красками (узором в виде продольных полос) и украшались сивучьими усами, корольками и резными костяными фигурками.[1] Шляпы эти нередко были сильно удлиненные, отчего Чириков и называет их „жолобками“.[2] По свидетельству Вениаминова, они у алеутов ценились очень дорого, лучшая стоила от одного до трех калгов, т. е. рабов, и носили их лишь тойоны (начальники) и почетные лица.[3] Шапки же с открытым верхом, о которых упоминает Стеллер, есть не что иное как большие и длинные козырьки, надеваемые поверх камлейки. Они иногда тоже украшаются сивучьими усами, корольками и костью.[4] Изображение алеута с Уналашки в подобной шапке есть у Сарычева, в томе II, при стр. 16.

Получив подарки, туземцы вернулись на берег, развели здесь большой огонь и некоторое время громко кричали.

6 сентября пакетбот снялся с якоря и вышел в море, что американцы опять ознаменовали дружным криком. „Сие не меньше почитать можно за дружественное засвидетельствование, коим они нашим благополучного пути желали, как за радостное восклицание, что от незнаемых гостей избавились“, говорит по этому поводу Миллер.

Ветер был благоприятный, и около двух часов пополудни удалились от Шумагинских островов настолько, что потеряли из виду берег. Отметим, что через три дня после этого, 9 сентября, у острова Адах и корабль Чирикова встретился с алеутами.

---

[1] Вениаминов, l. c. См. также описание Левашева шляп с Уналашки, 1768—69 г., в Зап. Гидрогр. департ., X, стр. 99.

[2] Изображение такой алеутской шляпы в красках, из коллекции Русс. этногр. музея, есть в работе: Ф. К. Волков и С. И. Руденко. Этногр. коллекции из бывших росс.-амер. владений. Матер. по этногр. России, I, 1910, табл. IX, посредине (ср. там же, стр. 41). Еще в 1909 г. В. И. Иохельсон видел такие старинные шляпы у двух стариков алеутов на острове Умнак. См. W. Jochelson. Proc. XVIII Intern. Congress of Americanists, London, p. 386, pl. II, где изображены два алеута в шляпах и камлейках. Ср. рис. 45 на стр. 271.

[3] Langsdorff (Bemerkungen auf einer Reise um die Welt, II, 1812, p. 37) говорит, что приобретенная им на Уналашке в 1805 г. шляпа оценивалась в 80 руб.

[4] Вениаминов, l. c.

3. Плавание от Шумагинских островов к острову Беринга

От Шумагинских островов плыли все время на запад, вдоль цепи Алеутских островов, на некотором расстоянии к югу от них. Когда удавалось увидать землю, считали, что все время плывут вдоль материка Америки, а острова принимали за прибрежные.

8 сентября разразилась сильная буря, которая привела офицеров „Св. Петра“ в большое уныние. Стали сомневаться, удастся ли вернуться домой, и начали раздумывать, не придется ли зазимовать в Японии или в Америке.

18 сентября замечены на пролете большие стаи мелких куликов, тянувших на юго-запад. 24 сентября оказались приблизительно под 51° с. ш. близ острова Ахта, одного из Алеутских, наименованного островом св. Иоанна. Ветер все крепчал, достигая необычайной силы; волны переливались через палубу. В течение последующих трех недель Берингу нисколько не удалось продвинуться к западу. Штурман Эзельберг, старик, плававший пятьдесят лет по всем морям и океанам, говорил, что ни разу в жизни не видал такой жестокой бури, какая разразилась 27 сентября.

Утром 30 сентября снова поднялась от юго-запада страшная буря, какой не видели ни до этого, ни после. Более сильной бури, по словам Стеллера, себе даже и нельзя представить. Каждую минуту ждали гибели судна. Никто не мог ни лежать, ни сидеть, ни стоять. Управлять судном не было никакой возможности, и его носило по воде „равно как колоду, оставленную во власть волнам и ветрам“. Половина команды была больна и лежала, прочие же были без ума от ужасной качки. Варить не было возможности, и приходилось питаться полуобугленными сухарями, которые к тому же были на исходе. „Не подумайте,— говорит Стеллер (р. 83),— что я преувеличиваю наши бедствия: поверьте, что самое красноречивое перо не в состоянии было бы передать весь ужас, пережитый нами“.

1 октября буря продолжалась. Офицеры стали говорить о том, что следовало бы поискать убежища в Америке. В этот день, как и 24 сентября, Стеллер заметил на судне огни св. Эльма или, по его выражению „die ignes lambentes oder Castor und Pollux, welche die Seeleute Mohrfeuer nennen“;[1] того же числа наблюдалось необычайно быстрое движение

[1] Steller, р. 83—84.

облаков, которые во время бури бежали как стрела, причем иногда в противоположных направлениях. Стеллер имеет здесь в виду верхние и нижние облака. 2 октября начало стихать, но зыбь на море продолжалась еще целые сутки. Ветер продолжал дуть с юго-запада. 6 октября впервые около судна увидели много акул. 8-го опять началась буря с юго-восточным ветром, который спустя два часа повернулся с запада; 9-го шли весь день на северо-восток, т. е. обратно к Америке. Буря продолжалась и 10-го. Ваксель стал убеждать командора, болевшего цынгой, направить курс к Америке, чтобы перезимовать там. Но командор не дал своего согласия на это.

11 октября начало стихать. 12-го вечером поднялась буря с юго-западным ветром, снегом, дождем и крупой; видели радугу. 25-го, под широтой около 51°, видели на севере высокий остров, названный в честь св. Маркиана, — ныне по определению кап. Бертольфа, Кыска, один из Крысьих островов Алеутской гряды. 28-го открыли остров св. Стефана (или Булдыр[1]), другой из той же группы, а 29-го — о. Авраамия, под $52^1/_2$°, самый восточный из островов Семичи, относящихся к группе Ближних.

От недостатка воды и провизии и от ужасной качки больные стали очень быстро, один за другим, умирать. Беринг болел цынгой и лежал, а судном управляли Ваксель и Хитров.

В своем дневнике Стеллер не перестает возводить на них самые разнообразные обвинения, вроде того, что Ваксель и Хитров „предали и продали“ всех, но все это решительно ни на чем не основано и свидетельствует лишь об очень скверном характере этого натуралиста. Напротив, нужно удивляться, как это, несмотря на неслыханные бури, болезни и бедствия, офицерам „Св. Петра“ удалось все время держать счисление сравнительно в порядке и привести судно если не к самой Камчатке, то в непосредственную близость к ней.

Наконец, утром 4 ноября, милях в 16 расстояния, увидели перед собой высокую землю. В это время судно было в отчаянном положении. Каждый день по одному или по двое умирало от цынги. Снасти изорвались. Сухарей не было, а воды очень мало. „Невозможно описать, — говорит Стеллер, — как велика была радость всех, когда увидели землю. Умирающие выползали наверх, чтобы увидеть ее собственными глазами“.

---

[1] Golder. Bering's voyages, I, p. 201, 339, II, p. 124. Соколов (1851 стр. 395) считает о-в Маркиана за Амчитку, а Стефана—за Кыску.

Даже больной капитан-командор поднялся... Открывшаяся земля казалась Камчаткой, и именно окрестностями Авачинской губы. Все хотели верить этому, видели даже в очертаниях берега вход в гавань, Шипунский мыс, даже маяк. На самом деле, „Св. Петр“ был в виду острова Беринга, того самого, на котором несчастный командор нашел свою могилу и который отстоит на 2° севернее и на 8° восточнее Авачинской губы... (рис. 46).

К моменту подхода к острову на судне все ванты оказались перебитыми, и парусами управлять нельзя было; из экипажа 12 человек умерли, 34 были больны цынгой и к работе не способны, остальные 10 только при величайшем напряжении могли управляться с судовыми делами. Все, кто был на ногах, и офицеры и нижние чины, собрались в каюте Беринга и постановили итти к берегу, все равно, есть ли там удобное для стоянки судна место или нет, хотя Беринг, поддерживаемый Овцыным, советовал попробовать еще поискать гавани. Бросили якорь у открытого каменистого берега, но канат лопнул, и пакетбот понесло к берегу. Каким-то чудом волны, подхватившие судно, поставили его совершенно невредимо в спокойную лагуну, между грудою камней и берегом, на глубине $4^1/_2$ саженей.

Это было вечером 5 ноября 1741 года по гражданскому счислению.[1]

Вот сухая, дословная выписка из веденного Софроном Хитровым судового журнала „Св. Петра“, о событиях накануне крушения:

„4 ноября 1741 г. 7 час. веч.[2], ветер ONO, курс N, у марсели взяли последний риф, ветер крепчает.

„4 ноября 1741 г. 10 час. веч., закрепили гротмарсель, умерших солдат Давыдова и Попова спустили в море [Сибирский солдат Иван Давыдов умер около полуночи 3 ноября. Гренадер Алексей Попов в 5 часов утра 4-го — оба от цынги].

„5 ноября 1741 г. 2 часа ночи, умер гренадер Иван Небаранов.

„5 ноября 1741 г. 3 часа ночи, ветер NOtO, курс NtW, больных при команде 33 человека.

„5 ноября 1741 г. 7 часов утра, капитан командор со всеми обер и унтер офицерами и рядовыми служителями,

---

[1] Стеллер, пользующийся гражданским счислением, почему-то приводит 6 ноября.

[2] Счисление гражданское, как и ниже; в подлиннике счисление морское.

учиня консилиум, чтобы итить к видимой нами земле, за невозможностию во управлении судна работными людьми и худости ради такелажа и за неимением провианта и воды, о чем все согласно положили, чтоб нам возможно спасти себя и судно. И окончив консилиум, поворотили фордевинд и пошли WZW.

Рис. 46. Остров Беринга. Место крушения „Св. Петра". Вид с мыса Командор на север. (Из Суворова.)

„5 ноября 1741 г. в 9-м часу осмотрели, что грот ванты на правой стороне все перервались под свицсарвинем, [1] чего ради спустили грота реи.

„5 ноября 1741 г. 2 часа дня, поставили грот марсель.

„5 ноября 1741 г. 5 час. дня, в исходе сего часа, пришед на глубину 12 сажен, положили дагликс анкарь, [2] отдали каната $\frac{3}{4}$.

---

[1] *Швиц-сарвень* — это строп, которым стягиваются нижние ванты под марсом, когда путенс-ванты крепятся к нижним вантам (В. В. Вахтин. Краткий морской словарь для любителей морского дела. СПб., 1874). С голландского zwichtserving (R. van der Meulen. De Hollandsche Zee- en Scheepstermen in het Russisch. Verhandel. K. Akademie van Wetensch. te Amsterdam, afd. Letterkunde, X, № 2, 1909, p. 247).

[2] *Дагликс* (писали и *даглик*), с голландского dagelijksch (anker), т. е. ежедневный, это левый становой якорь.

„5 ноября 1741 г. 6 час. дня, в $\frac{1}{2}$ сего порвался у дагликс канат около 80 сажен, отчего нанесло нас на бурун, где было воды 5 сажен; положили мы той анкарь, который также в скором времени подорвало и перенесло нас через бурун ближе к берегу на глубину $4\frac{1}{2}$ сажени; где мы положили плехт анкарь,[1] отдали каната $\frac{3}{4}$; пеленгов за темнотою взять было невозможно“.

XVII. Остров Беринга

1. Высадка. Кончина Беринга

Утром 6 ноября спустили единственную оставшуюся шлюпку, на которой Стеллер, Плениснер и несколько больных съехали на берег. Плениснер пошел на охоту и принес с полдюжины куропаток (Lagopus ridgwayi). В те времена здесь их было так много и они были так не пугливы, что за час можно было набить в одном месте 80 штук.[2] Куропатки были изобильны до последнего времени, и Стейнегер рассказывает, что за зиму 1882/83 года два охотника набили на острове Беринга до 1400 штук.[3]

Добытая Плениснером дичь была отправлена на судно для капитан-командора. Стеллер в свою очередь послал несколько противоцынготных трав („настурциевых“) для салата.

Эту ночь Стеллер и его спутники провели на берегу. На следующий день он видел близ берега много морских коров („Manati“), и это обстоятельство заставило его усомниться, действительно ли он находится на Камчатке.

8 ноября стали перевозить больных на берег и размещать их в землянках, покрытых парусами. Перевезли на носилках и Беринга. Двенадцать матросов скончались во время плавания, преимущественно в последние дни, а из тех, что остались живы, еще девять человек умерли во время перевозки на берег или сейчас же по переносе на землю. Под 14 ноября Софрон Хитров, оставшийся на пакетботе, записывает: „Маловетрие, пришол бот з берегу, привезена на нем 1 бочка воды и повезли на нем на берег больных меня да служителей 7 человек, притом померло на пакет-

---

[1] *Плехт*, с голландского plecht (anker), это правый становой якорь.
[2] Pallas. Zoogr. rosso-asiat., II, 1811, p. 63.
[3] L. Stejneger. Bull. U. S. Nat., Mus. № 29, 1885, p. 202.

боте служителей, которые намерены были ехать на берег, матроз Иван Емельянов, канонер Илья Дергачев, сибирский солдат Василей Попков да при выходе з бота на берег умер матроз Селиверст Тараканов“. Под 16 ноября: „От морозу кругом судна и на судне такелаж весь обмерз льдом. На берегу при звозе с пакетбота умер сибирской солдат Сава Степанов“. 21-го последним свезен больной лейтенант Ваксель.

На берегу Беринг казался очень спокойным и довольным. Он спросил Стеллера, как он думает, что это за земля. По мнению Стеллера, вряд ли это была Камчатка. Против этого говорило прежде всего отсутствие у зверей, особенно у песцов, всякой боязни человека. С другой стороны, и далеко до Камчатки не могло быть, так как растительность была такая же, как и на полуострове; затем на берегу была найдена оконная ставня из тополевого дерева, очевидно русской работы, принесенная течением вероятно с устья реки Камчатки. Можно было бы думать, что это Кроноцкий нос. Но в этом заставляло Стеллера сомневаться следующее: он нашел ловушку на лисицу, зубья которой сделаны не из железа, а из раковин Dentalium; эта ловушка должна была, думал Стеллер, быть принесена волнами из Америки, ибо на Камчатке уже было известно железо. [1] Наконец, присутствие в море морских коров тоже не говорило за Камчатку.

Беринг прекрасно сознавал, что земля, на которую их выбросило, была не Камчатка, но скрывал это от команды, чтобы не лишать ее бодрости.

Судно оставалось на плохом якоре, и первый свежий ветер грозил совершенно уничтожить его. К счастью, во время бури 28 ноября „Св. Петр“ был выкинут на отмель.

Под 1 декабря Хитров записывает: „послан от капитана командора Беринга матроз Тимофей Анчегов и с ним 2 человека служилых по берегу для уведомления и осмотра сей земли, на которой мы обретаемся, что оная, матерой ли берег или какой остров, притом же велено примечать, есть ли какой лес“.

8 декабря, за 2 часа до рассвета, скончался начальник Камчатской экспедиции командор Беринг, полузасыпанный землею, которую он не позволял отгребать, чувствуя себя

[1] Steller, p. 105.

под нею в тепле. До последней минуты он был в полном сознании. Его похоронили, по протестантскому обряду, поблизости становища.

Если бы командора поместить в теплое помещение и питать хорошей пищей, то он оправился бы. Но в той обстановке, в какой он лежал, отек все увеличивался и закончился смертью.

Стеллер так характеризует Беринга.[1] Это был справедливый человек. За приветливость и спокойствие он пользовался всеобщей любовью, как среди офицеров, так и среди команды. Порученное ему дело Беринг исполнял с крайним разумением. Вместе с тем он не отличался решительностью, какая необходима в экспедициях, подобных Камчатской. В вину ему Стеллер ставит затем чересчур мягкое обращение с подчиненными.

Место могилы Беринга с точностью неизвестно. Руководясь описанием Стеллера, Русско-американская компания впоследствии поставила на предполагаемом месте погребения деревянный крест.[2] В 1892 году офицерами шхуны „Алеут" и служащими на Командорских островах поставлен в ограде церкви села Никольского на острове Беринга железный крест, обнесенный якорной цепью.

После смерти Беринга в командование вступил лейтенант Ваксель. Все решения принимались сообща, на „общих собраниях", на которых присутствовали как офицеры, так „и все ундер и рядовые служители". Постановления этих собраний, приведенные в „Журнале" Хитрова, подписывались всеми присутствовавшими. Хитров в своем „Журнале" пишет об этом следующее: „И людей было в таком бедственном состоянии приневолить по команде в такой отдаленности небезопасно, чего ради принуждены были все делать с общего с ними согласия".

Из 77 человек экипажа „Св. Петра" умерло к 8 января 31, среди них весьма опытный штурман Эзельберг, семидесятилетний старик, о котором все сожалели. Оставшиеся в живых сорок шесть человек жили на острове в течение 9 месяцев в вырытых в песке ямах, покрытых парусами.

Недостатка в топливе не ощущали: на берегу было много плавнику, или выброшенного волнами лесу. Питались морскими бобрами, котиками, тюленями, китами, морскими ко-

---

[1] Steller, p. 114.

[2] Фотография на стр. 281 взята из книги Е. К. Суворова, Командорские острова и пушной промысел на них. СПб., 1912, изд. Деп. земл.

Рис. 47. Могила командора Беринга. Крест, поставленный Российско-американской компанией. (Фотография Е. К. Суворова в 1910 г.).

ровами, сивучами. Хлеб берегли, и с середины ноября до начала мая каждый человек получал в месяц тридцать фунтов муки; первые два месяца прибавляли еще по нескольку фунтов ячменной крупы; в мае и июне давали лишь по 20 фунтов муки, а затем дачу муки и совсем прекратили, так как было в изобилии мяса. Многие сделали запасы сухарей в дорогу, на Камчатку. Из муки пекли аладьи на тюленьем и китовом жиру, а потом на жиру морской коровы. Только перед самым оставлением острова приготовили в специально построенных печах хлеб.

26 декабря люди, посланные на разведки, сообщили, что земля, на которой они находятся, есть, без сомнения, остров, ибо они обошли эту землю кругом. Но вместе с тем убедились, что материк не должен быть далек. „Знаков,—говорит Софрон Хитров, — от земли нашей Камчатской на сем острове во время вестового ветра, а от американской во время остового находилось не малое число, а именно с камчатской стороны находился лес рубленой избной, которой бывал в деле, и плотовые с проушинами слеги, разбитые боты, санки, на которых ездят оленные коряки. А от американской стороны лес толстой сосновой и их стрелки и весла, каких у наших на Камчатке не бывает. И во время чистого воздуха, с западной стороны сего острова многими служителями неоднократно казались к W сопки высокие, покрыты снегом, о которых мы рассуждали по своему счислению, что оные стоят на камчатском берегу; однако за подлинно в том утвердиться было невозможно“. [1]

2. История ознакомления с островом

Так был открыт остров Беринга. Впрочем, камчадалы, хотя никогда и не бывали на нем, но имели сведения о земле к востоку от устья реки Камчатки, а местным русским стало известно об этой земле еще лет за сорок до посещения острова Берингом. Слухи об этом проникли даже в Якутск, и 20 февраля 1710 года в якутской приказной палате допрашивали якутских служилых людей „про остров, который значится против Камчатского и Ковымского и Ленского устья“—вот каким громадным рисовался этот остров: от Новой Сибири через Медвежьи острова и вплоть до Командорских! Михайло Наседкин (или Насеткин) в допросе

[1] Зап. Акад. наук, XV, № 1, 1869, стр. 29. Также журнал Софрона Хитрова, л. 129.

показал, что в 1702 году он из Анадырского острога был послан в Камчадальский острог с приказчиком Многогрешным. До Пенжинского острогу шли они на оленях и на собаках, а на Пенжине, поделав карбасы, выплыли в Пенжинское устье, взяли у ясачных коряков байдары и пошли морем на Камчатку; дойдя до устья реки Лесной, отсюда пошли на нартах и лыжах на реку Камчатку вплоть до устья, в поход „на немирных камчацких мужиков". „И против Камчатского де устья значится остров, а какие на том острову люди есть, того он Михайло не ведает, и преж сего на том острову русские люди бывали ль, того де он Михайло ни от кого не слыхал".[1]

Это первые сведения об острове Беринга. Земля эта возбуждала интерес в Якутске, и за четыре дня до допроса Наседкина отсюда был послан на Камчатку приказчику Осипу Миронову указ, в котором говорилось: „в нынешнем 710 г. ведомо учинилось в Якуцком столнику князю Василью Ивановичу Гагарину: от устья до Камчатки реки значитца в море земля, остров; и тебе Осипу проведать, какие люди на том острове и какой веры и под чьим владением или собою живут и какой в том острове зверь и иное какое богатство у них есть ... сколь далече до устья Камчатки тот остров..., и о том всему учинить чертеж".[2]

Что последовало по этому указу, неизвестно. Миллер сообщает, что в бытность Беринга в Нижнекамчатске, зимой 1728/29 года, камчадалы уверяли его, что в „ясные дни с высоких берегов Камчатских земля в противоположную сторону видна бывает".[3] По словам Крашенинникова,[4] „жители Камчатские из давних времен думали, что против устья реки Камчатки земле быть должно; для того, что завсегда там казалось мрачно, каковоб впрочем около горизонта ясно ни было".

По всей видимости, остров до Беринга никогда не был посещен человеком.

Стеллер оставил подробное описание острова Беринга, которое было опубликовано лишь в 1781 году Палласом.[5]

---

[1] Пам. сиб. ист., II. стр. 502. — Миллер. Сочин. и перев., 1758, I, стр. 103.

[2] Пам. сиб. ист., I, стр. 412.

[3] Сочин. и перев., 1758, I, стр. 396.

[4] Описание Земли Камчатки, I, 1755, стр. 131—132.

[5] G. W. Steller. Topographische und physikalische Beschreibung der Beringsinsel, welche im östlichen Weltmeere an der Küste von Kamtschatka liegt. Pallas' Neue Nordische Beyträge, II, 1781, p. 255—301.

Кроме того, сведения об острове имеются в ненапечатанных доселе отчетах Хитрова и Вакселя. Из них опубликованы только Бихнером в 1891 году данные Вакселя о ловле морских коров и Пекарским (1869) описание острова, сделанное Хитровым.[1]

3. Описание острова

Стеллер дает сначала обстоятельное топографическое и геологическое описание острова. Он горист, и высшие точки достигают „не более тысячи саженей высоты". По словам Стейнегера (1898, р. 50), высший пункт, гора Стеллера, возвышается всего приблизительно до 670 метров. Стеллеру казалось, что к северо-востоку от острова видны высокие снеговые горы, которые, как он полагал, находились в расстоянии 100—150 верст, уже на материке Америки; с южного конца острова Беринга Стеллеру тоже виднелись неясные очертания какого-то острова. Но все это, понятно, был обман зрения. Зато правильно наблюдение Стеллера, что к востоку от острова Беринга лежит, параллельно ему, другой остров. Здесь имеется в виду остров Медный. Он был замечен с судна еще тогда, когда мореплаватели приближались к острову Беринга, но в то время не видели пролива, разделяющего оба острова.

Горы острова сложены, по Стеллеру, обыкновенной серой породой или гранитом, а берега состоят из плотного сероватого песчаника.[2] Морозевич за основную породу, слагающую как Берингов, так и Медный остров, признает *андезитовые туфы*, в которых Н. Н. Тихоновичу удалось на острове Беринга найти довольно богатую фауну двустворчатых моллюсков из группы Pecten, что позволило определить возраст этих туфов как верхнеолигоценовый или нижнемиоценовый.[3]

---

[1] Впоследствии подробное географическое описание острова дал американский зоолог (родом из Норвегии) Стейнегер: L. Stejneger. The Russian fur.-seal islands. Bull. U. S. Fish Commission for 1896; art. 1. Wash., 1896, p. 1—148, plates 1—66, 2-е дополненное издание: L. Stejneger. The Asiatic fur-seal island and fur-seal industry, в: The fur-seal and fur-seal islands of the North Pacific ocean by D. S. Jordan, part 4, Wash., 1898, pp. 384, plates and maps 113. — Из русских авторов Командорские острова в 1910 и 1911 гг. посетил зоолог Е. К. Суворов, написавший ценную книгу: Командорские острова и пушной промысел на них. СПб., 1912, изд. Деп. земл., 324 стр. с 63 рис. и картами.

[2] Beschreibung der Beringsinsel, p. 261.

[3] И. Морозевич. Месторождение самородной меди на Командорских островах. Тр. Геол. ком., № 72, 1912, стр. 13—14.

Остров сложен, вообще, из вулканических пород, и указание Стеллера на гранит, несомненно, ошибочно.

Далее наш автор описывает (p. 271—272) террасы, лежащие на высоте до 60 метров и заключающие наносный лес, кости китов и целые скелеты морских коров. Террасы отмечают как Стейнегер (1898, p. 51), так и Суворов (стр. 86).

За время пребывания на острове экипаж „Св. Петра" трижды испытал землетрясения. Сильнейшее из них произошло 7 (18) февраля 1742 года. Оно началось около часу дня и продолжалось шесть минут. Стеллер в это время находился в своей землянке. За несколько минут до землетрясения слышен был подземный шум в виде свиста и грохота, распространявшегося с юга на север и по мере приближения усиливавшегося. По прекращении шума наступило сильное сотрясение: столбы закачались, и все начало трещать. Стеллер выскочил из помещения и побежал к морю, чтобы посмотреть, что там делается. Несмотря на то, что на суше сотрясение продолжалось, море было совершенно спокойно, — как это нередко бывает при землетрясениях. Погода была тихая, небо ясное.[1] И теперь землетрясения нередки на Командорских островах: так, на острове Медном в 1910 году было 5 землетрясений, а в 1892 даже 18. Направление толчка преимущественно от юго-запада.

Климат. О климате острова Стеллер передает следующее (p. 269—271). В общем климат мало отличается от камчатского. Вернее было бы сказать — от климата юго-восточного берега Камчатки. На острове очень часты бури, в горных долинах ветер иногда достигает необычайной силы. Суворов подтверждает это, указывая (стр. 75), что ветер дует порою со скоростью свыше 30 метров в секунду. По словам Хитрова, „ветры бывают на сем острове так жестоко сильные, что с великою нуждою человеку на ногах устоять возможно. И можно сказать, что мы от декабря месяца до самого марта от тех жестоких ветров и снежной сверху и с гор пурги редко видали красной или чистой день".[2]

Самые сильные бури экипаж „Св. Петра" испытывал в феврале и апреле 1742 года от юго-востока и северо-запада; восточные ветры приносили погоду мягкую и ясную, северные — холодную и ясную. В середине мая (старого

[1] Steller. Neue nordische Beytr., II, p. 270.

[2] Зап. Акад. наук, XV, № 1, 1869, стр. 31. Также „Журнал" Хитрова, л. 130.

стиля) были сильные дожди. Действительно, в некоторые годы в мае выпадают довольно обильные осадки. Так, в 1899 году выпало в этом месяце (нов. стиля, как и всюду ниже) 53 мм. Вообще, дожди на Командорских островах, в отличие от дождей в Петропавловске, не носят муссонного характера. По наблюдениям в селении Никольском на острове Беринга за годы 1899—1906, впрочем, весьма неполным, в среднем выпадало за год 483 мм осадков.[1]

Стеллер говорит, что на большие холода им в зиму 1741/42 года не приходилось жаловаться. Льда в море не наблюдалось. Действительно, климат на острове Беринга отличается ровным, морским характером: зима сравнительно мягкая, лето прохладное; годовая амплитуда всего около 16°. Самый теплый месяц — август, с средней температурой от 10° до 11°; самый холодный — февраль или март: —3° и —4°, но случаются и сильные морозы. По наблюдениям, организованным Стейнегером, за 1882—1886 годы термометр достиг наинизшей точки в декабре 1882 года, когда абсолютный минимум был —18,5° Ц. Средний январский минимум за 1883—1885 годы был —5,5°; абсолютный максимум за то же время (август) 17,2,° средний августовский максимум 12,3° (Stejneger, 1898, p. 22—23). Эти цыфры достаточно рисуют умеренность климата на острове Беринга. Отметим, что широта с. Никольского, где производились наблюдения, 55° 14′. Для сравнения укажем, что в Коле, лежащей под 68° 53′ с. ш., средняя июльская 13,4, средняя февральская —12,1.

Что касается плавучих льдов, то иногда их заносит с севера в марте (Суворов, стр. 73). Но, во всяком случае, явление это не частое.

Относительно снегового покрова Стеллер сообщает, что 6 (17) ноября, в день прибытия к острову, снега еще не было, кроме высоких гор; между тем в это время в южной Камчатке лежит снега на ¾ метра. Но зато выпавший на острове снег долго не тает — на равнинах до конца мая, а на горах до середины июля, а на самых вершинах — совсем не тает. Толщина снега в низинах достигает 3 метров. Узкие ущелья в горах во время зимней пурги засыпаются снегом доверху.[2] Стейнегер (1898, p. 26) подтверждает, что в случае прохладного лета снег на Беринге не тает еще в сентябре,

[1] В. Власов. Камчатская экспедиция Рябушинского. Метеор. отд., вып. I, М., 1916, стр. 138.
[2] Steller. Beringsinsel, p. 270—271.

даже на уровне моря; так было, например, в 1895 году. В августе 1911 года Суворов (стр. 76) видел много снегу на западном берегу. В Петропавловске первый снег выпадает в среднем 17 октября, последний 25 мая. Санный путь в Петропавловске устанавливается около середины ноября.[1] Как и остров Беринга, Камчатка — это страна метелей; в Петропавловске, например, в марте в среднем 14 дней с метелью, но бывают годы, когда их 25.[2]

Стеллер жалуется на сумрачное небо острова Беринга: с конца мая и до июня 1742 года н. ст. погода по большей части была пасмурная, и шел дождь. В течение же июля погода была хорошая (р. 271). Действительно, Командорские острова самое облачное место в СССР: тогда как даже на Мурмане и Белом море (самые облачные места в Европейской части СССР) в среднем за год около 75% неба покрыто облаками, на Беринге средняя облачность за годы 1883—1885 составляет 81% (Stejneger, р. 24). Бывают годы, когда средняя облачность за месяц повышается до 98%; так было, например, в августе 1903 и в феврале 1904 года. А на Медном в марте 1903 года средняя облачность равнялась даже 99.[3] При этом облачность по месяцам распределена довольно равномерно; годами наименьшая облачность приходится на июль, годами же на другие месяцы. Между тем, в Петропавловске годовой ход облачности выражен ясно: максимум в июле (74%), минимум в ноябре (55%), годовая средняя 62.[4] На острове Медном в году всего 4 ясных дня.

За все время пребывания Стеллера на острове не случилось ни одной грозы. Стейнегер (1898, р. 26) подтверждает чрезвычайную редкость гроз на Командорских островах: на Медном за 8 лет была одна гроза; на Беринге Стейнегер испытал грозу 18 сентября 1882 года. В Петропавловске грозы тоже бывают очень редко. — (Равным образом Стеллеру не случилось видеть на острове ни разу северного сияния. Стейнегер говорит, что они редки, но описывает два слабых сияния 15 и 17 ноября 1882 года, отмеченные им на Беринге.)

„А от марта месяца вешним временем и в лете великие и беспрестанные бывают туманы и мокроты, и также мало случалось видеть приятного воздуха день“, пишет Хитров

---

[1] Власов, 1916, стр. 144, 145.
[2] Там же, стр. 150.
[3] Там же, стр. 121.
[4] Там же, стр. 119.

(стр. 31). Действительно, туманы здесь весьма часты, и из них сыплет мельчайший дождичек, называемый бусом.[1] Поэтому влажность на Беринге чрезвычайно велика: за 1885 год относительная влажность равнялась 90%, не спускаясь ни в одном из месяцев ниже 85; за три летние месяца влажность была около 92%. На Медном в июне и июле по 19 дней с туманом.

Песцы. В то время на острове водилось великое множество песцов, которые, никогда до того времени не видев человека, совершенно его не боялись. Как песцы сюда попали, является загадкой. Стеллер предполагает, что их занесло с плавучим льдом. Хотя льдов у острова почти не бывает, все же это предположение наиболее вероятно. Мы знаем, например, что на острове Георгия, из Прибыловских, открытых в конце XVIII столетия, раньше водились только голубые песцы, а затем принесло с севера на льдах и белых.[2] Песец острова Беринга это не Alopex lagopus, а особый вид Alopex beringensis, как сообщил мне А. А. Бялыницкий-Бируля, исследовавший череп этого песца. Повадки этих смелых и бесцеремонных хищников подробно описывает Стеллер.[3] Они проникали днем и ночью в землянки и таскали все, что им попадалось, даже такие вещи, которые им, казалось бы, ни на что не нужны, например ножи, палки, мешки, сапоги, шапки и проч. С необычайной ловкостью сбрасывали они тяжелые, в несколько пудов, камни с бочек, наполненных провиантом, и вытаскивали оттуда мясо; сначала нельзя было даже поверить, чтобы это могли проделывать песцы. Когда люди снимали шкуру с убитого зверя, то песцы вертелись тут же и старались вырвать мясо из рук, так что, случалось, при этом закалывали двух-трех песцов. Если мясо закапывали в землю и сверху клали камни, то песцы общими усилиями, как люди, спихивали камни. Если море выбрасывало на берег сивуча или морского бобра, то, к великому огорчению команды, песцы первыми пожирали мясо, а чего не могли съесть, то растаскивали по частям в горы, где прятали под камнями. Когда в теплое время люди спали на воздухе, песцы стаскивали с них шапки, одеяла из бобровых шкур, вытаскивали вещи из-под головы. Чтобы предохранить

[1] Суворов, стр. 75.

[2] И. Вениаминов. Записки об островах Уналашкинского отд., I, 1840, стр. 299—300.

[3] Steller, 1781, p. 274—279.

свеже убитого бобра от расхищения, люди на ночь ложились на него, но песцы ухитрялись выедать мясо под спящим человеком. Так что спать всегда приходилось с палкой в руках, чтобы иметь возможность в любой момент прогнать нахальное животное. Стоило людям в пути сесть и не двигаться, как песцы начинали обгладывать ремни у сапог. Пока мертвым готовили могилу, песцы объедали у трупа нос и пальцы на руках и ногах, а от больных цынгой едва можно было отогнать их. Человеческие испражнения они пожирали с жадностью.

Какая масса песцов была здесь некогда, можно судить по тому, что Стеллер на третий день по прибытии на остров убил топором свыше семидесяти штук, шкурами коих покрыл крышу своей землянки. Между тем за весь 1910 год на острове Беринга добыто лишь 1053 песца.

О жадности этих животных Стеллер передает удивительные вещи. Песцы набрасываются на мертвого тюленя и пожирают его мясо; если нескольких при этом убить, то остальные продолжают свое дело как ни в чем не бывало. Выкапывали ямы и бросали туда мясо или трупы песцов; моментально яма наполнялась песцами, которых и избивали палками. Шкурами песцов люди не интересовались и даже не снимали их, но тем не менее истребляли животных массами и обычно самым зверским образом: рубили живым ноги, хвосты, выкалывали глаза, запарывали до смерти, жгли живьем и проч. Стеллеру эти жестокости, которые производились каждое утро на особом месте, казались смешными шутками, и он с удовольствием рассказывает, как кружится песец, которому отрубили хвост.

В июне песцы на острове Беринга щенятся в скалах. Они мечут 9—10 детенышей, за которыми ухаживают самоотверженно. Если убить лисят, то самка долго преследует уходящего человека лаем.

Замечательно, что песцы на Командорских островах до сих пор не боятся человека. Вот что рассказывает Е. К. Суворов, бывший на острове Медном в 1910 году. Надоедливый песец неотступно бродит за вами по пятам в течение целых часов, держась от вас на расстоянии 3—4 шагов; неумолчно тявкая и лая, он не только неразлучно сопутствует человеку, но и разделяет все его отдыхи и остановки, внимательно рассматривая его своими желтыми глазами. [1]

[1] Суворов. Командорские острова, стр. 223.

Кроме песцов на острове нет никаких других млекопитающих. Впрочем, в 1870 году завезены мыши, еще позднее полевки (Evotomys rutilus) с Камчатки и, наконец, разведены северные олени.

Но во времена Беринга в море и на берегах острова было множество морских зверей: морских бобров, сивучей, котиков, тюленей, морских коров. Стеллер дал на латинском языке замечательное описание образа жизни сивуча, котика, морской коровы и морского бобра, напечатанное уже после его смерти Академией наук. [1]

Морские бобры. За девятимесячное пребывание на острове команда упромыслила свыше 700 морских бобров, шкуры коих вывезла на Камчатку. Морского или камчатского бобра (Enhydra lutris или Latax lutris, по-немецки Seeotter, Meerotter) правильнее называть морской выдрой, ибо с бобрами он не имеет ничего общего: это представитель семейства куниц и ближайший родственник речной выдры (Lutra). Он достигает $1^1/_2$ метра в длину и веса до 40 килограммов. Их некогда ловили в большом количестве на восточном берегу Камчатки и на Курильских островах, затем на Алеутских островах и у берегов северо-западной Америки на юг вплоть до Калифорнии. От них-то море между мысами Лопаткой и Кроноцким и получило название Бобрового.

На острове Беринга бобры целыми косяками встречались на берегу и не только не боялись человека, но даже приходили на огонь; по словам Стеллера, они только тогда уходили от людей, когда их несколько штук перебьют. Питаются они мелкой рыбой, раками, моллюсками. [2] Эти веселые и грациозные животные в теплые дни уходят в прибрежные долины и здесь играют „как обезъяны"; во время игры они обнимают друг друга передними лапами. Выйдя из воды, бобры, прежде чем лечь спать, отряхивают с себя, как собаки, воду, потом „умываются", на подобие кошек, передними лапами, приводят в порядок шерсть и затем ложатся клубочком. Преследуемый на суше, бобр изгибает спину и шипит, как кошка, делая вид, будто хочет броситься на врага, но большим мужеством он не отличается; если его сильно ударить по голове, он замертво падает на землю и

---

[1] Steller. De bestiis marinis. Novi Comment. Petrop., II, 1751. Вкратце также в Beschreibung der Beringsinsel, p. 279—298.

[2] По наблюдениям И. И. Барабаш-Никифорова (Калан, или морская выдра. М. 1933, изд. „Сов. Азия", стр. 59), главной пищей морской выдры на острове Медном являются морские ежи.

закрывает глаза передними лапами. Вообще для человека бобры нисколько не опасны. Размножаются в течение круглого года; мечут на суше одного детеныша; бывало так, что с самкой ходят двое детенышей: один возрастом с год, другой месяцев трех-четырех. Самка вынашивает детеныша 8—9 месяцев и затем кормит его около года. Самец имеет только одну самку, очень дружен с ней и не разлучается ни на суше, ни на море. Годовики, или „кошлаки", остаются при старших, пока не приступят к размножению. „Самки, — пишет Крашенинников,[1] — весьма горячи к детям. Малых и немогущих плавать носят на брюхе обняв передними лапами, и для того плавают всегда вверх брюхом, пока дети не научаться плавать. Когда промышленники в байдарах за ними гоняются, то не опокидают детей своих до крайней опасности; впрочем хотя их и оставляют, однако услыша голос пойманных будто нарочно промышленники предаются; чего ради промышленники и стараются наибольше о поимании или убиении медведка, а матку в таком случае почитают уже своею". Необычайную привязанность самки к детенышам отмечает и Стеллер. Будучи на берегу, мать иногда бросает детеныша в воду, чтобы он выучился плавать, а когда тот устанет, вытаскивает и „целует", как уверяет Стеллер. Иногда она его подбрасывает вверх и ловит передними лапами как мячик. Самку можно преследовать на суше или в воде самым жестоким образом, но она защищает своего детеныша до последней крайности, держа его во рту; по этой причине маток так легко убивать. Словом, они привязаны к детям более, чем иные матери, с легким сердцем бросающие своих грудных младенцев. Однажды Стеллер отнял у двух самок по детенышу; они визжали с горя как человек и подобно собакам следовали издали за похитителем, призывая к себе детенышей голосом, который напоминал плач ребенка. В ответ детеныши тоже визжали. Когда Стеллер сел на снег, самки подошли близко, намереваясь унести молодых. Через неделю Стеллер опять посетил то место, где он отнял детенышей, и застал здесь одну страшно исхудавшую матку, которую без труда убил. В другой раз Стеллер вместе с Плениснером издали заметили спящую самку с годовиком. Мать, проснувшись, пыталась побудить детеныша к бегству, но так как он предпочитал спать, то она схватила его передними лапами и бросила,

[1] Описание Земли Камчатки, I, 1755, стр. 287.

как камень, в воду.[1] Очень боятся бобры сивучей и котиков, которые их истребляют. Не любят они также тюленей. Друг с другом живут они очень дружно, не ссорясь (в отличие, например, от морских котов).

Мясо бобров, особенно самок, вкуснее тюленьего; мясо же сосунов, или „медведков", на вкус Стеллера не отличается от мяса барашка. Но на вкус других европейцев мясо морского бобра отвратительно. Как бы то ни было, бобровое мясо было на острове повседневной пищей экипажа „Св. Петра". Камчадалы и курильцы почитали печень и почки морского бобра за особое лакомство и ели их сырыми. На Камчатке и туземцы, и русские употребляли os penis бобра как средство против малярии.

Около 1725 года на Камчатке можно было выменять превосходную шкуру бобра за нож, а от русских купить за пять-шесть рублей. Но вскоре бобровые шкуры вошли в моду в Китае, и цены на них поднялись на Камчатке до 25—30 рублей, а в Иркутске (в 1735 году) до 100 рублей. В 1835 году Российско-американская компания платила алеутам на Алеутских островах за шкуру морского бобра 20 рублей, в 1852 году — 50 рублей; колошам в Ново-Архангельске (Ситхе) в 1836—1845 годах платили 140 руб.[2] Перед войной шкура морского бобра стоила в Лондоне в оптовой продаже 800 рублей. В середине XVIII столетия морской бобр на острове Беринга был истреблен, и теперь он водится почти исключительно у острова Медного.

В 1910 году на острове Беринга был упромышлен всего один экземпляр, а на Медном 89.[3]

В 1924 году бой морских бобров на Командорских островах был совершенно воспрещен, и для 1931 года Барабаш-Никифоров принимает численность бобрового стада острова Медного примерно в 550 голов. Между тем ко времени начала запрета, в 1924 году, бобров было упромышлено менее 20 штук.

Морская корова. Стадами в море у берегов острова водилась морская корова, водное млекопитающее из отряда Sirenia, ныне совершенно истребленное. Название „морская корова" нужно признать чрезвычайно удачным, ибо, по современным взглядам, Sirenia представляют собою как бы

---

[1] Novi Comment. Petrop., II, p. 395.

[2] Морской сборник, 1862, № 1, стр. 180—181.

[3] По Д. П. Филатову (Матер. к познанию русск. рыболов., III. в. 5, 1914, стр. 172), всего 76; в 1912 г. на Медном добыто лишь 46 бобров.

водных копытных. Стеллер, со свойственной ему удивительной проницательностью, сейчас же признал, что животное это родственно южноамериканскому manati, названному так испанцами за передние конечности, похожие на руки. Он думал даже, что морская корова Берингова острова тожественна с южноамериканской. На самом деле это не так. Стеллерова морская корова принадлежит к особому роду Rhytina и виду Rh. stelleri (или Hydrodamalis gigas). Южноамериканские же manati, на север идущие до Флориды, относятся к роду Manatus, распространенному и в западной Африке. Наконец, третий род, дюгонь (Halicore), живет в Красном море и в Индийском океане.

В 1890 году Бихнер нашел в библиотеке Царскосельского дворца рукопись Вакселя, а в нем рисунок морской коровы, сделанной с натуры Вакселем, и воспроизвел это изображение в своей работе.[1] Копия с подлинного рисунка Вакселя приводится в нашей работе, на стр. 299.

С 1768 года это безобидное млекопитающее совершенно истреблено.[2] Правда, Норденшельд в своем „Плавании «Веги»“ сообщает, что, как ему передавали в бытность на острове Беринга в 1879 году, последнюю морскую корову будто бы видели близ острова еще в 1854 году. Но Стейнегер, подробно расспрашивавший о том же в 1882 году собеседников Норденшельда, выяснил с несомненностью, что животное, которое видели беринговцы в 1846 году (а не в 1854), никоим образом не могло быть морской коровой; это было китообразное, возможно—самка нарвала.[3] Не может подлежать сомнению, что около 1770 года морская корова вымерла.

Зиму 1760/61 года на острове Беринга провел промышленник Адриан Толстых. В „репорте“, поданном в Большерецкую канцелярию казаком Петром Васютинским, одним из участников зимовки, говорится, что команда зимою питалась морскими котами и сивучами, которых здесь и промышляли, но ни слова не упоминается о морских коровах.[4]

---

[1] E. Büchner. Die Abbildungen der nordischen Seekuh (Rhytina gigas Zimm.). Mém. Acad. Sciences Pétersbourg (7), XXXVIII, № 7, 1891.

[2] K. E. von Baer. Untersuchungen über die ehemalige Verbreitung der nordischen Seekuh. Mém. Acad. Sc. Pétersbourg (6), Sciences natur., III, 1840, p. 69.

[3] L. Stejneger. Investigations relating to the date of the extermination of Steller's Sea-cow. Proc. U. S. Nat. Mus., VII (1884), Wash., 1885, p. 181—189.

[4] „Копия с репорта, поданного от возвратившегося из морского вояжу на судне селенгинского купца Андреяна Толстых камчатского козака Петра

Очевидно, их в это время было очень мало. Устюженский купец Василий Шилов, промышленники коего плавали на восток до Умнака, сообщил 5 февраля 1767 года, что только на острове Беринга есть морские коровы. [1]

Ни во времена Брагина (1773—1774), ни во времена Шелехова (1783—1784), которые зимовали на Беринговом острове и сообщили подробные сведения о промысловых животных, морская корова уже не водилась здесь. [2] Команда Брагина

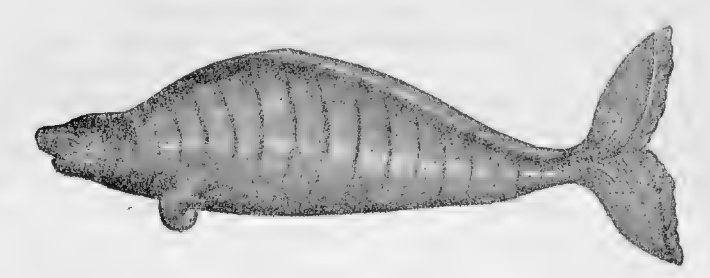


Рис. 48. Морская корова. Копия с рисунка Вакселя, сделанного с натуры в 1742 году.

питалась мясом и жиром котиков, морских бобров, нерп, сивучей, рыбой, птицей. О морской корове Брагин даже не упоминает.

В 1754 году на Беринговом острове зимовал обер-гитенфорвальтер Петр Яковлев. В его время морских коров было в море много. „А той одной коровы мясо всем 33-м человекам на один месяц с удовольствием происходило в пищу и с остатками, понеже всего чистого мяса и жиру, кроме костей, в одной корове быть признавалось до 200 пуд". Тот же Яковлев передает, что промышленники, зимующие на острове Беринга небольшими партиями, по 2—3 человека, не в состоянии вытащить раненую корову на берег и зря истребляют громадное количество животных: „они тем коровьим табунам, подле берегу в море обретающимся, чинят сугубую трату и гибель, так что из них человек с берегу или неглубоко заходит в море и колет упомянутою

Васютинского с товарищи". Дело Главного Гидрографич. управления, № 861 (см. Л. Берг. Землеведение, 1924).

[1] То же дело № 861.

[2] P. Pallas. Bericht von einer im Jahre 1772 angetretenen vierjährigen Seereise... des Peredofschiks D. Bragin. Neue Nordische Beyträge, II, 1781, p. 310. — Г. Шелехов. Путешествие. Часть I, 1812, стр. 3—4.

поколюгою, [1] привязавши на долгой шест и ранит одну или другую корову смертно; но те раненые коровы уходят в море и тамо, когда от ран обессилеют, тогда морем на берег не скоро мясо их выметывает и через долгое время после колотья каждая корова, если нераспластанная, искисает и к пище негодная бывает. И так оный промысел коров немноголюдством, хотя и много колют, да к рукам их ни одна свежая корова не приходит, и затем они претерпевают разный голод, а коровьим табунам чинят искоренение, которое подлинно считаться может без сумнения". Вернувшись в 1755 году в Нижнекамчатск, Яковлев советовал впредь воспретить на острове Беринга „вредительный" промысел морских коров, „дабы и оной Командорской остров опустошен не был, так как и Медный остров ныне опустошен, что к оному ему [Яковлеву] с реченною командою людьми для зимования на оном и пристать в 1754 г. невозможно стало быть затем, что всегдашний тут людям, за неимением морских коров, голод имеется, а напредь сего, как от оной же команды служилых и Камчадалов, кои на оном Медном острове бывали, ему сказывали, что на оном де бобровые промыслы тысячами, а морские коровы табунами многими находились, а ныне те коровы все так искоренены, что никогда не единой нигде не увидишь, в чем так ныне и подлинно оный Медный остров состоит, что при нем коровьих табунов уже не имеется". [2]

Как показал Бэр, нет никаких достоверных данных, которые позволяли бы думать, чтобы морская корова водилась, на памяти человека, где-либо в другом месте, кроме Командорских островов; Бэр даже думал—кроме острова Беринга. Но, как мы только что видали, она встречалась, около половины XVIII столетия, и на Медном. [3]

Иногда указывают, что морская корова водилась у берегов Камчатки, и ссылаются при этом на слова Крашенинникова. Но этот последний повторяет лишь сообщения Стел-

---

[1] Поколюга — это длинная заостренная стальная полоса.

[2] Извлечение из отчета Яковлева напечатано П. Пекарским в Зап. Акад. наук, X, 1867, стр. 184—186.— Краткой отчет Петра Яковлева о посещении им острова Медного с целью розыска руд напечатан Палласом в 1781 г. в Neue Nordische Beyträge, Bd. II, p. 302—307. Он посвящен главным образом топографическому описанию острова; из животных упоминается (p. 305) о морских бобрах, сивучах, котиках и песцах. О морской корове ни слова.

[3] Ср. также Зап. Акад. наук, XV, № 1, 1869, стр. 32—33.

лера, который говорит определенно:[1] „Иногда случается, что этих животных выбрасывает бурей мертвыми на берег, у Кроноцкого носа и около Авачинской губы; камчадалы, из-за предмета питания, называют их капустниками; об этом я узнал после возвращения с острова Беринга“. Ниже Стеллер передает по слухам известие, будто чукчи употребляют кожу морской коровы на обшивку лодок, но сообщение это явно неправдоподобно; здесь допущено смешение с моржем. Равным образом, ни у берегов Алеутских островов, ни у Северной Америки морских коров никогда не наблюдалось.[2]

Крашенинников, по данным Стеллера, так описывает этих животных, признаваемых им „как бы за некоторое средство, которым род морских зверей с рыбами соединить можно“. „Кожа на нем,—говорит он,—черная, толстая, как кора на старом дубе, шероховатая, голая и столь твердая, что едва топором прорубить можно. Голова у него в разсуждении тулова не велика. Глаза весьма малые и бараньих почти не больше, что в толь огромном животном не недостойно примечания. Бровей и ресниц нет. Ушей нет же, но токмо одне скважины, которые усмотреть не без трудности. Шеи почти не видно, ибо тулово с головою нераздельным кажется, однако есть в ней позвонки к поворачиванию принадлежашие, на которых и действительно поворачивается, а особливо во время пищи, ибо оно изгибает голову, как коровы на паству. Тулово как у тюленя кругловато, к голове и к хвосту уже, а около пупа шире. Ластов у него два, под самою шеею, длиною около трех четвертей аршина, которыми оно и плавает и ходит, за каменье держится и будучи тащено крюком, столь сильно упирается, что кожица с них отскакивает лоскутьями. Иногда примечаются ласты оные на концах раздвоенные как у коров копыта, но сие не по природе но по случаю. У самок по две титьки на грудях против свойства других морских животных. Длиною

[1] Nov. Comment. Petrop., II, p. 328; см. также Neue Nord. Beyträge, II, p. 298—299.

[2] К области ни на чем реальном не основанных слухов относится сообщение метеоролога Г. Свердрупа, участника экспедиции на „Мод“, о том, что, по словам „одного русского“, экземпляр морской коровы лет 8—10 тому назад (т. е. около 1910 года,) принесло течением к мысу Чаплина. См. Г. У. Свердруп. Плавание на судне „Мод“ в водах морей Лаптевых и Восточно-Сибирского. Матер. Якут. комм. Акад. наук, вып. 30, 1930, стр. 248.

бывают Манаты до четырех сажен, а весом до 200 пуд.[1] Водятся сии животные стадами по тихим морским заливам, особливо около устьев рек. Щенят своих хотя и всегда впереди себя плавать понуждают, однако с боков и с зади всегда их прикрывают и содержат в средине стада. Во время морского прилива столь близко подплывают к берегу, что их не токмо палкою или носком бить можно, но и часто, говорит Автор [т. е. Стеллер], по спине гладить ему случалось. От досады и битья удаляются в море, но вскоре назад возвращаются. Живут по родам, один от другого в близости. Во всяком роде самец, самка, взрослой щенок, да один щенок малинькой; по чему кажется, что они по одной самке содержат. Щенятся по большей части осенью, как можно бывает приметить по малым щенятам; носят, кажется, щенят более года, и более одного никогда не приносят, как можно рассуждать по краткости рогов у чрева и по числу титек, которых они токмо по две имеют".

„Прожорливость примечена в них весьма странная, ибо они от непрестанного ядения головы почти из воды не вынимают, и ни мало не пекутся о своей безопасности, так что можно между ими на лодке плавать, и по песку ходя выбирать и бить, которое угодно. Весь труд их во время еды состоит в том, что оне чрез четыре или пять минут выставливая рыло из воды как лошади чхают. Плавают тогда тихо, один ласт по другом вперед двигая, так как быки или овцы на пастве ходят. Половина тулова у них, то есть спина и бока, всегда поверьх воды, и на спине тогда у них сидят чайки стадами, и вши из кожицы их вытаскивают, также как вороны у свиней и овец таскают. Питаются не всякими морскими травами, но 1) морскою капустою, которая походит листом на капусту Савойскую (Fucus crispus Brassicae sabaudicae folio, cancellatus), 2) капустою дубине подобною (Fucus clauae facie), 3) капустою ж на ремень походящею (Fucus scutice antiquae Romanae facie), а 4) у которой листье борами (Fucus longissimus ad neruum

[1] Стеллер, в Neue Nord. Beytr., II. p. 296, указывает вес до „1200 пудов или 480 центнеров", но это, повидимому, поправка Палласа, основанная на недоразумении. В статье De bestiis marinis (Novi Comment. Petrop., II, p. 329) Стеллер говорит: „взрослое животное весит около 8000 фунтов, или 80 центнеров, или 200 русских пудов". Также Ваксель (отрывок у Büchner, l. c., p. 23) приводит цифры в 6000, 7000, 8000 фунтов, т. е. всего до 200 пудов. Впрочем, в журнале Вакселя сказано: „в одной корове *мяса* будет не меньше 200 пудов".

vndulatus) и где пробудут хоть один день, там великие кучи коренья и стеблей выбрасываются на берег. Сытые спят вверьх брюхом, и во время морского отлива в море удаляются, чтоб на берегу не обсохнуть. В зимние время от льду близ берегов носимого часто задыхаются, и выбрасываются на берег. Тож случается им, когда их во время сильной погоды волнами бьет об утесы. Зимою столь оне сухи, что и позвонки и ребра пересчитать можно. Весною сходятся как люди, а особливо вечером в тихую погоду: пред совокуплением делают различные любовные знаки, самка туда и сюда тихо плавает, а самец за нею до ее произволения".

„Особливого примечания достойна любовь между самцом и самкою: ибо самец, по тщетном употреблении всех способов к освобождению влекомой самки, и будучи бит до берегу за ней следует и иногда как стрела к ней уже к мертвой приплывает нечаянно, но и на другой и на третей день по утру заставали самца над телом убитой сидящего".

„Что касается до реву сего животного, то оно безгласно, токмо сильно дышет, а раненое тяжело вздыхает". [1]

Укажем еще, что внешний вид у морской коровы был как у китообразного; задних конечностей совсем нет, хвостовой плавник горизонтальный, как у дельфина.

Первая морская корова была убита на острове Беринга в конце июня 1742 года. Лов их организовал Ваксель. Вот как Хитров описывает этот оригинальный промысел. Отметив, что людям долгое время пришлось питаться мясом морских котов, он продолжает: „Мяса их весьма нам пища была противная. И как уже через долгое время гораздо стали противны, тогда начали промыслять морских коров таким образом: которые обыкновенно по природе во отдаленных местах от берегов в море не бывают, а всегда плавают близ берегов, имея спину свою над водою и как станет вода прибывать, тогда и они к берегу купно с водою приближаются и едят морскую капусту. А когда вода убывать начинает, тогда и они себя в море удаляют, дабы в малую воду столь великому зверю не обмелеть на лайдах. [2] И в то самое их приближение к берегу люди на ланг-боте приедут к ней близко: из которых один человек стоит на носу, имея в руках своих

---

[1] Крашенинников. Описание Земли Камчатки, I, 1755, стр. 290—294.

[2] Лайды, объясняет Хитров, есть „каменной плитной грунд".

большой железный крюк с острым зазубрем, к которому привязан конец не тонкого троса, а именно дюйма в 4 и в $4^1/_2$ А другой конец того троса держат на берегу человек больше двадцати. И когда тем крючком человек в нее ударит что есть силы и увязит, тогда и бережные люди держат оную и тянут за помянутый трос к берегу, а на боту, приближась к ней, режут ножами и колют всяким острым железом, дабы у толь великого зверя отнять ее силу, дабы не порвала троса, которое с нами и случилось, понеже оная корова силу имеет так велику, что таким множеством людей на силу держать можно. Мяса в ней и жира более 200 пуд, которым мы себя от того времени уже без нужды довольствовали, ибо оная мяса всех вышеописанных морских зверей приятнее, также и с собою до Камчатки соленого взяли число довольное". [1]

Морских коров было так много, что их мясом и салом можно было бы прокормить все население восточной Камчатки.

Под кожей у них находился слой плотного снежнобелого сала толщиной в четыре пальца. Вываренное сало имело вид и вкус оливкового масла, и спутники Стеллера пили его чашками. Мясо молодых морских коров напоминало телячье, а взрослых — не отличалось от говядины. На цынготных больных питание мясом и салом этого животного оказывало чудодейственное влияние. Молоко тоже было похоже на коровье, только слаще и жирнее.

Впоследствии промышленники употребляли кожу морских коров на обшивку крупных лодок, подымавших до двадцати человек. Эти лодки были столь легки, что их свободно могли нести четверо. [2]

Сивуч. 29 января был убит мореплавателями на Беринге первый сивуч, мясо которого всем пришлось по вкусу. Сивуч (рис. 49), Eumetopias jubata (или E. stelleri), по-немецки Seelöwe (морской лев), принадлежит к семейству ушастых тюленей (Otariidae), куда относится и котик. Крупные взрослые сивучи-самцы весят до 650 килограммов. Хотя сивуч животное сильное и свирепое, но человека он боится и при виде его издали пускается в бегство. Но если его довести до крайности, он не останавливается ни перед чем; в море,

---

[1] Зап. Акад. наук, XV, № 1, 1869, стр. 30, Также „Журнал" Хитрова, л. 130.

[2] Там же, стр. 33.

Рис. 49. Сивучи на островах Прибылова. (По Harriman Alaska Expedition.)

например, он легко переворачивает лодки с людьми. Самка мечет одного детеныша на суше в середине июля. Самцы очень привязаны к самкам. С детенышами родители обращаются довольно беспечно; самке случается во время сна задушить свое дитя. Взрослые мычат как быки, молодые блеют как овцы. Питаются рыбой, тюленями и другими морскими животными. По наблюдениям Стеллера, сивучи нередко заходят в стада котиков и играют с их самками и детенышами.

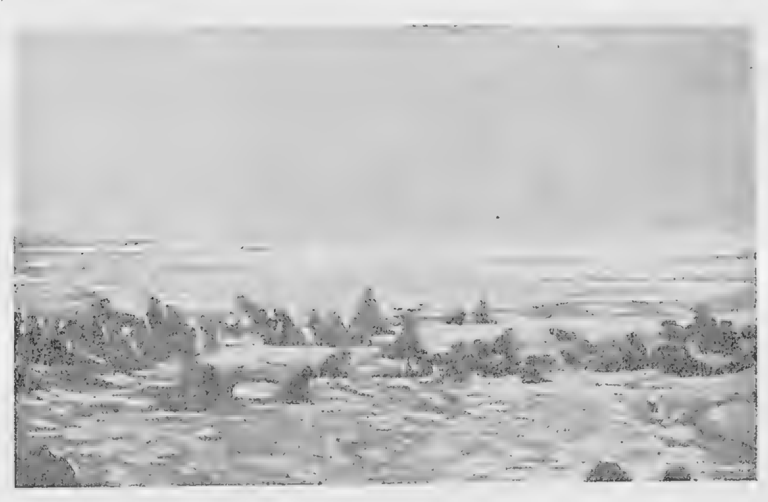


Рис. 50. Лежбище котиков на острове Беринга. (Из Е. К. Суворова.) В середине секач, слева матки, справа черные котики.

Котики (рис. 50). 18 и 19 апреля старого стиля были убиты два больших морских кота („котика", Arctocephalus ursinus или Callorhinus ursinus, по-немецки Стеллер его называет Seebär), весом каждый не меньше двадцати пудов. Вообще морские коты приваливают к Командорским островам весной. Образ жизни этого животного, подробно описанный Стеллером, в последнее время детально изучен, а потому мы на этом не останавливаемся.[1] Во времена Стеллера котики громад-

[1] Интересующихся образом жизни котика отсылаем к работам: Steller. Nov. Comm. Petrop., II, 1751, p. 331—366. — Wrangell. Beitr. zur Kenntn. des Russ. Reich., I, St. Petersb., 1839, p. 39—48. — И. Вениаминов. Записки об островах Уналашкинского отдела. II, СПб., 1840, стр. 349—382. — H. W. Elliot. Report on the seal islands of Alaska. Tenth Census

ными стадами встречались на острове Беринга. В 1913 году, во время посещения острова Д. П. Филатовым, здесь было всего два лежбища, на которых находилось около 3650 котиков, считая в том числе и детенышей („черных котиков"). В результате правильной организации котикового хозяйства, число котиков на Командорских островах в настоящее время заметно возросло: в 1930 году здешнее поголовье (считая с детенышами) исчислялось, по данным Л. В. Бойцова, в 26 787 штук; из них на острове Беринга 10 040 штук и на Медном 16 747. Упромышлено же из этого стада на обоих островах в том же году всего 652 штуки, в том числе только две матки, а прочие — самцы.

Киты. 20 апреля выбросило на берег совсем свежего громадного кита, длиной в тридцать метров. Он дал столько сала, что его хватило до отъезда. Это был кит из группы синих или исполинских полосатиков (из группы Balaenoptera sibbaldi) — не только самый большой из всех китов, но вообще самое крупное из всех ныне живущих позвоночных: длина его достигает 32 метров. Вениаминов (II, 1840, стр. 393) слыхал на Уналашке, что этот кит, или *кулема* по-алеутски, достигает иногда 42 метров длины, но в его время попадались только длиной от 10 до 20 метров. Латинское название этого кита Balaenoptera sulfurea. На юг он доходит до Калифорнии.[1]

Птицы Берингова острова мало отличаются от камчатских, говорит Стеллер. Он упоминает (р. 299) только о двух, не встречающихся на Камчатке. Первая из них — это очковый баклан „grosser Seerabe", Phalacrocorax perspicillatus Палласа, птица ныне, подобно морской корове, совершенно истребленная. Во времена Стеллера их было очень много,

of the United States (1880), Wash., 1884, p. 29—83 (Прибылова острова). — L. Stejneger, l. c., 1896, p. 60 — 137; 1898, p. 84 — 327. — D. S. Jordan. The fur seals and the fur-seal islands of the North Pacific. Wash., 1898.— Н. Гребницкий. Новейшие данные о жизни и промысле котов и бобров. Вестн. рыбопром., XVII, 1902, стр. 269—303. — Н. Смирнов. Очерк русских ластоногих. Зап. Акад. наук по физ.-мат. отд. (8), XXIII, № 4, 1908, стр. 33. — Е. Суворов. Командорские острова. СПб., 1912, стр. 1—324 (здесь литература). — Д. П. Филатов. Отчет о поездке летом 1913 г. на Командорские острова. Материалы к познанию русского рыболовства, III, в. 5, 1914, стр. 97—186. — Котиковый и песцовый промысел на о-вах Прибылова. Пер. с англ. Там же, V, вып. 3, 1916, 95 стр. — Л. В. Бойцов. Котиковое хозяйство. М. 1934, 195 стр., изд. Инст. пушн. хоз.

[1] D. C. Elliot. A. synopsis of the mammals of North America and adjacent seas. Public. Field Columbian Mus., Zool. ser., II, Chicago, 1901, p. 14.

и мясо их шло в пищу. Последние истреблены около 1850 года[1] алеутами, переселившимися сюда в первой половине XIX столетия. Птица эта достигала в длину, судя по двум экземплярам, хранящимся в Зоологическом музее Академии наук, свыше метра (точнее 1055 миллиметров) и веса до 5—6 килограммов. Части скелета этого баклана, насколько известно, нигде кроме Берингова острова не водившегося, были найдены в 1882 году Стейнегером на северо-западной оконечности острова.[2] Другой вид, о котором говорит Стеллер, это белый баклан (weisser Seerabe) с белой головой и хвостом. Что это за птица — неизвестно.

Вероятно, под именем „белого баклана" разумеется какой-либо из известных для Командорских островов бакланов. Кроме вышеупомянутого, уже вымершего Ph. perspicillatus, здесь встречаются Ph. bicristatus Pall. (большой урил) и Ph. pelagicus Pall. (малый урил). Повидимому, об этом белом баклане упоминает Паллас в своей Zoographia rosso-asiatica (II, p. 305) под именем Phalacrocorax albidus, описывая его со слов рукописи Стеллера так: „Ph. albo-cinereus, ventre flavescente. Hanc avem multoties in pilis marinis circa Beringii insulam vidi". В Neue nord. Beytr., II, p. 299, при упоминании о weisser Seerabe сделана вставка (очевидно Палласом, ибо Стеллер нигде не пользуется биноминальной номенклатурой): Pelecanus bassanus. Также при описании Ph. albidus Паллас прибавляет „an Sula bassana fuit?". Но это недоразумение, ибо Sula bassana (олуша) на Тихом океане не водится. В последней сводке о птицах Командорских островов, сделанной В. Л. Бианки (Краткий обзор авифауны Командорских островов. Ежегод. Зоол. муз. Акад. наук, XIV, 1909, стр. 48—76), о Ph. albidus совсем не упоминается. Равным образом ничего не говорит об этой птице и L. Stejneger (Results of ornithological explorations in the Commander Islands and Kamtschatka. Bull. U. S. Nat. Mus., № 29, 1885).

Растительность. Берингов остров безлесен. Только местами, в некоторых долинах имеются заросли тальника (Salix), рябины и каменной березы (Betula Ermani), достигающие 2,5 м высоты (Stejneger, 1898, p. 35).

Стеллер в двух рукописях, хранящихся в Академии наук,[3] перечисляет около 220 видов растений, найденных им на острове Беринга. Как тщательно он наблюдал флору, можно присудить по тому, что новейшая сводка здешней флоры приводит всего 205 видов цветковых растений.[4] Из кустарников

---

[1] Stejneger. Bull. U. S. Nat. Mus., Nr. 29, 1885, p. 180.

[2] Stejneger. Proc. U. S. Nat. Mus., XII (1889), 1890, p. 83—94.

[3] О них см. у Д. И. Литвинова. Библиография флоры Сибири. Труды Ботан. муз. Акад. наук, V, 1909, стр. 281—282.— Кроме того, растительность острова вкратце описывается Стеллером в: Beringsinsel, p. 299—301.

[4] B. Fedtschenko. Flore des îles du Commandeur. Cracovie, 1906. Изд. Краков. Акад. наук, 128 pp. — Здесь, p. 23—29, приводится список Стеллера, приуроченный к теперешним видовым названиям.

Стеллер упоминает, между прочим, шиповник (Rosa silvestris vulgaris = Rosa cinnamomea L.), рябину (Sorbus aucuparia humilis = Sorbus sambucifolia Maxim.), княженику (Braunbeeren, Rubus stellatus Smith), морошку (Brombeeren, Rubus folio ribes fr. flavo = Rubus chamaemorus L.), бруснику (Preisselbeeren, Vitis idaea foliis subrotundis=Vaccinium vitis idaea L.), голубику (Trunkelbeeren, Vitis idaea magna=Vaccinum uliginosum L.), сибирский рододендрон, или „пьяную траву“ (Chamaerhododendros lauri folio = Rhododendron chrysanthum Pall. и Ch. humilis=Rh. kamtschaticum Pall)., шикшу (Empetrum montanum fructu nigro=Empetrum nigrum L.), несколько видов ив, березовый ерник (Betula humilis montana foliis rotundis=B. nana L.); наконец, Alnus alpina minor, „spitzblättriges Ellerngebüsch“ (Betula Ermani Cham.); стволы этой березы могут, по Стейнегеру, достигать 5 см толщины. Из других местных растений, приводимых Стеллером, упомянем о саране, или камчатской лилии, Fritillaria kamtschatcensis (L.), луковицы коей съедобны, о камчатской „сладкой траве“ (Sphondylium=Heracleum lananum Michx.), корни и стебли которой съедобны, о шаламайнике (Ulmaria altissima Ricini folio=Spiraea kamtschatica Pall. или Filipendula kamtschatica Maxim.), о макарше (Polygonum viviparum L.), кипрее (Epilobium angustifolium L.), щавеле (Rumex arcticus Trautv.), полыни (Artemisia vulgaris L.), о зонтичном, носящем на Камчатке название „кутахчу“ (Angelica Gmelini Wormsk.=Coelopleurum Gmelini Led.), о „сельдерее“ (Angelica silvestris minor=Conioselinum kamtschaticum Rupr.).[1] Затем, Стеллер называет еще курильский чай, Potentilla fruticosa, листья которого давали чайный отвар, — растение, не найденное другими собирателями на острове Беринга.[2] Кроме того, чай настаивали еще из листьев брусники, грушанки (Pirola minor L.). и вероники (Ehrenpreis, Veronica aphylla L.). В качестве салата употребляли листья ложечной травы (Cochlearia officinalis L.), сердечника (Cardamine pratensis L. и C. hirsuta L.), Veronica americana Schweinitz и Mertensia maritima (L.).

Стеллер отмечает, что на острове Беринга есть целый ряд растений, которые встречаются с одной стороны на Камчатке, а с другой в „Америке“, т. е. на Алеутских островах и на острове Каяк. К числу таковых, по теперешним све-

[1] См. Beschreibung der Beringsinsel, 1781, p. 300—301.

[2] Равным образом никем не был находим и можжевельник, Wachholdergestripp.

дениям, относятся, например, камчатский аконит (Aconitum kamtschaticum), шаламайник (Filipendula kamtschatica), княженика (Rubus stellatus), рябина (Sorbus sambucifolia), сладкая трава (Heracleum lanatum), голубая жимолость (Lonicera coerulea) и др.

В середине марта посылали боцманмата Алексея Иванова с четырьмя человеками „для подлинного о сей земле уведомления". Вернувшись, посланный „объявил репортом, что земля наша, на которой мы обретаемся, подлинно остров". 9 апреля, через день по возвращении Алексея Иванова, состоялось „собрание, в котором были лейтенант Свен Ваксель, флота мастер Софрон Хитров, доктор Георг Штеллер и все ундер офицеры и рядовые служители пакетбота С. Петра". Обсуждалось сообщение Иванова. Постановлено: „Для получения нашей камчатской земли надлежит нам построить какое-нибудь судно, а для того строения обще положили ломать пакет бот С. Петр, понеже оное весьма к походу нашему, за худостию своею, негоден, к томуж и снять оного с берегу никакими мерами невозможно, и других ради резонов, которые явны в прежнем нашем общем, при осмотре оного пакет бота, совете". [1]

5 мая 1742 года из остатков „Св. Петра" начали строить новое судно, которое было готово к началу августа. Длина его по килю была 11 метров, ширина 3,7 метра. 1 августа снова было общее собрание, рассматривавшее вопрос, как поступить с имуществом пакетбота, ибо погрузить все на малое новое судно не было никакой возможности. Решено было взять с собою только самое необходимое, а все остальное оставить на острове, в особом сарае. Всему оставляемому составлена очень подробная опись. Кроме такелажа и запасных частей к нему, в описи упомянуты 9 пушек чугунных трехфунтовых, 5 пушек двухфунтовых, ядер трехфунтовых 20, „пушечного пороху помоклого" 31 пуд, „флаг: 1 адмирала" и пр., затем „подарочные вещи" „китайки васильковой мокрой концов 2, шару [2] китайского гнилого фунтов $39^3/_4$, мешков холщевых 2, наперстков медных и железных 40, шил разных рук 10, колокольчиков медных 64, зеркал 8 (негодных), ножей с череньем и без череньев 177, топоров 5 (негодных)".

---

[1] „Журнал" Хитрова, л. 122 а.

[2] Табака.

9 августа судно, названное тоже „Св. Петром", было спущено на воду. Запасы провианта состояли из 25 пудов ржаной муки, 5 бочек солонины из морской коровы, бочки говяжьей солонины и двух пудов гороха. Кроме того каждый получил по 4 фунта масла. Многие, экономя в хлебе, запасли по полупуду сухарей; другие захватили вяленого мяса морской коровы. Взяли с собою для балласта три фальконета и 659 ядер.

13 августа вышли в море, дав оставленному острову имя Берингова. Так как места на судне для 46 человек оказалось очень мало, то пришлось выбросить в море излишний багаж: подушки, постели, платье. Через два дня судно внезапно дало течь, и при переполнении его грузом стоило больших трудов заделать отверстие.

17-го утром увидели землю. Это, оказалось, был Кроноцкий мыс; решили итти к Аваче; но все время было затишье или противные ветра, и лишь 26 августа, частью на веслах, частью под парусами, удалось войти в Петропавловскую гавань. Еще в Авачинской губе от пригребших в байдаре камчадалов узнали, что капитан Чириков вернулся, а вместе с тем были опечалены известием, что все личные вещи экипажа, оставшиеся на берегу, расхищены, так как здесь считали, что „Св. Петр" со всеми людьми погиб.

В Охотск попали лишь в следующем, 1743 году. Известие о смерти Беринга дошло до Петербурга не скоро: еще в январе 1743 года Сенат посылал указ на имя покойного капитан-командора.

XVIII. Плавание Чирикова

Как уже рассказано, корабли Беринга и Чирикова разлучились 20 июня 1741 года, приблизительно под широтой 49°.

Пролежав сутки в дрейфе, Чириков взял курс на восток, а потом на ENE. С 11 июля стали показываться признаки земли: утки, чайки, плавающий в воде лес, тюлени. В ночь на 15 июля, под 55°36′ с. ш. [1] увидели землю, которую

[1] Так в подлинном журнале Чирикова, хранящемся в морском историческом архиве Ленинградского отделения Центрального исторического архива (см. F. A. Golder. Bering's voyages, I. N. Y., 1922, p. 290, перевод и факсимиле относящейся сюда страницы из журнала); в подлинном донесении Чирикова Адмиралтейств-коллегии от 7 декабря 1741 г., (см. „Борьба за великий Северный путь", сборник под ред. А. К. Дрезен том I, изд. Аркт. инст., печатается) тоже 55°36′, но в Морск. сборн., 1893, № 5, стр. 8, ошибочно 55°31′.

на основании расчета по расстоянию от Калифорнии, а равно по картам Гомана и Делиля, признали „подлинною Америкою“. Положение этого пункта по долготе на $5^1/_2{}^\circ$ восточнее, чем принимал Чириков.

На берегу, под 55°21′ с. ш., виднелись высокие горы и лес. Это был мыс Аддингтона на одном из островов к западу от северной половины острова Принца Уэльского, в южной части территории Аляски, в области распространения тлинкитов (колошей) из отделения ханега, на южном конце их местообитания. Южную треть острова Принца Уэльского (или Бобрового) занимают индейцы-*хайда*, или, как их называли русские, *кайганы*, народ по языку и социальному строю близкий к тлинкитам. Кайганы выселились сюда с острова Королевы Шарлотты в первой половине XVIII века. К сожалению, мы не знаем, были ли они на острове Принца Уэльского во времена Чирикова.

Таким образом, Чириков достиг американского берега на $1^1/_2$ суток ранее Беринга.

В полдень 15-го ветер стих. В расстоянии трех миль от земли послали на берег шлюпку, чтобы осмотреть, нет ли удобного для судна места. Но такового не оказалось. Посланные люди видели на берегу много сивучей, а в горах „великой лес, елник, пихтовник и сосняк“. Пошли вдоль берега на северо-запад.

17-го, под широтою 57° 50′, т. е. на берегу острова, ныне носящего имя Чичагова, усмотрев залив (на самом деле пролив Лисянского), послали на берег штурмана Абрама Дементьева с десятью вооруженными людьми. Им дана письменная инструкция: об отыскании якорного места, об условленных сигналах с пакетботом, о переговорах с жителями: как называется земля, под чьею властью, сколько жителей и о даче им подарков, для чего отпущены один котел медный и один железный, двести корольков, китайского табаку, бумажка игол, китайские материи, а также „десять рублевиков, которые лаская здешним народом по рассуждению вашему давать“. Далее, посланным наказывалось осмотреть землю, леса и травы, искать драгоценных камней и руд, для чего дан образец серебряной руды. Возвратиться они должны были самое позднее на следующий день. С судна видели, как лангбот приближался к берегу, а как приставал, того не видели.

Посланных ждали неделю, но они не возвращались. 23-го днем на берегу замечен в месте высадки Дементьева огонь,

Решили послать туда на маленькой лодке боцмана Савельева с одним матросом, плотником и конопатчиком и с провизией. Видели, как они пристали к берегу, но условленного сигнала (зажженного огня) от них не последовало. И эти посланные не вернулись. Судьба 15 человек команды Чирикова неизвестна. Мало правдоподобно, чтобы они были предательски умерщвлены здешними тлинкитами, которые до того никогда не видали европейцев. Скорее, как думает Гольдер,[1] лодки попали в водоворот, образуемый приливо-отливными течениями, и погибли. Такой случай произошел в 1786 году в этой области с двумя лодками Лаперуза.

24-го увидели две лодки, в начале принятые за свои. С одной из них, в довольно далеком расстоянии, люди кричали „агай, агай“, махали руками, но обе воротились. На этом месте продержались до вечера, когда, убедившись в гибели людей, отошли от берега и пошли далее на северо-запад. То обстоятельство, что „американцы“ не хотели приблизиться к судну, заставляло Чирикова предполагать, что они или убили посланных людей, или взяли их в плен. Но это неправдоподобно. Как указывает Эммонс (G. Emmons), известный исследователь быта тлинкитов, крик *агай*, о котором упоминает Чириков, вероятно, на самом деле, был словом *агау* (agou), что по-тлинкитски значит „иди сюда“. Таким образом у тлинкитов, никогда дотоле не видавших европейцев, без сомнения, были мирные намерения.[2]

Про штурмана Абрама Михайловича Дементьева Миллер пишет, что это был человек „молодой, прекрасный, добродетельный, опытный в своем ремесле и ревностный к службе отечества“.

Кроме потери людей, особенно чувствительна была еще гибель обеих лодок, лишившая возможности запасаться водой. Поэтому 26 июля, под широтой 58° 21′,[3] решили итти назад, в Камчатку. Наши мореплаватели имели перед собою величественный хребет св. Ильи, покрытый снегами и мощными ледниками. „Св. Павел“ находился в области приблизительно бухты Льтуа, близ южного конца упомянутого хребта, где у самого берега вздымаются к небу гигантские, обрывистые пики высотой до 6 тысяч метров (группа Fairweather). Ледники здесь доходят до самого берега моря,

---

[1] F. Golder. Russian expansion on the Pacific. Cleveland, 1914, p. 187.
[2] F. Golder. Bering's voyages, I, 1922, p. 311.
[3] Так в донесении Чирикова, в журнале 58° 37′.

снеговая линия лежит на высоте 600 метров.[1] Об этих местах Брукс выражается так: „голые скалы, обширные пространства снегов и льдов, обрывистые пики и гребни, подымающиеся почти до 3000—3600 метров высоты над морем, являют зрелище, равное коему по величию вряд ли найдется где-либо на земле“.[2]

28 июля были приблизительно в местах, которые дней за десять до того покинул Беринг. 31 июля, под широтой 58° 46′ видели берег, простиравшийся к западу — „горы высокие, покрытые снегами“; это был мыс Елизаветы, у юго-западного конца Кенайского полуострова.

Продолжая плавание, утром 4 сентября под 52°23′ с. ш. увидели вдалеке на севере высокую землю, крупный остров Умнак. Этот остров, принадлежащий к восточным Алеутским, был опять открыт и положен на карту передовщиком и мореходом яренским посадским Глотовым, во время плавания 1759—1762 годов. 1 сентября 1759 года он пристал к Умнаку и во время продолжительного пребывания здесь познакомился и с Уналашкой.[3] На Уналашке расположена сопка Макушинская — вулкан, достигающий 1670 м высоты, одна из высших точек Алеутской гряды.

8 сентября внезапно, после свежего ветра, среди непроницаемого тумана заштилело, и судно оказалось у самого берега (51°40′). Едва успели бросить якорь. На следующее утро, когда прояснилось, увидели, что, как бы чудом, судно занесено в небольшую бухту. Берега оказались высокие, каменистые, безлесные, покрытые травой. Это был остров Адак, один из крупных в группе Андреяновских. Поутру на семи байдарах подъезжали алеуты, в каждой — по одному. Сначала они минут пять кричали и „шаманили“, а потом стали говорить по обыкновенному, но на палубу, несмотря на приглашения, не всходили. Подарки, которые им предлагались, — чашки, звонки, табак, трубки, иголки, материя, даже медный котел, — произвели на них мало впечатления. Медный котел они даже вернули обратно: он им был не нужен, так как алеуты пищу не варили, а употребляли в сыром и вяленом виде или же жарили на каменных сковородах. Единственно, что им понравилось, это ножи.

[1] A. Brooks. U. S. Geol. Survey. Profess. Papers, Nr. 45, 1906, p. 245.

[2] l. c., p. 52. — Хребет св. Ильи, в узком смысле слова, тянется от горы св. Ильи на восток до Cross Sound (p. 29—30).

[3] Вениаминов. Записки об островах Уналашкинского отд., I, 1840, стр. 115.

Алеутов просили привезти, в обмен на ножи, воду. Действительно, несколько человек привезли в пузыре воду, но, получив нож, воды не хотели дать, требуя на каждого по ножу. Чириков пишет о них в своем журнале так[1]: „Собою они мужики рослые, лицом похожи на татар, видом бледны, а знатно, что здоровы, бород почти у них нет, от природы или выщипывают; только двух или трех человек видели с бородами короткими. В носах имеют коренья воткнутые, отчего у них и кровь текла... На голове у себя они имеют, вместо шляп, сделанные из березовых тонких досок жолобки, которые разными красками выкрашены и перьями натыканы, а у некоторых привязаны костяные штатурки [т. е. статуетки]“.[2] Алеуты подарили мореплавателям одну такую шляпу, а кроме того четыре стрелы, „коренья некакой травы, какие у всех у них в носы положены“, и, наконец, краски („некакой минерал, а по моему признанию антимониум крудум или сурма“).

Вечером того же дня вышли отсюда, при чем при отходе были вынуждены отрубить якорь.

Остров Адак был открыт вторично мореходом архангелогородцем Башмаковым, на судне „Иеремия“, 2 сентября 1752 года. Потерпев у берега Адака крушение, он прожил здесь до июля 1754 года. Про алеутов этого острова он сообщил: „народ чукотский, рожи шитые, вкладывают костяные зубы“.[3] В 1757—1758 годах он снова зимовал на острове совместно с Лазаревым.[4] В 1759 году на Адаке был убит мореход Шевырин.[5] В 1761 году Адак посещен Адрианом Толстых.[6] Первые промышленники нередко давали этому острову название Аяг или Аяга, под каким он и значится в первых описаниях.[7]

Недостаток воды на „Св. Павле“ давал себя чувствовать все более и более. Еще с 21 августа дача воды и пищи была уменьшена; затем стали варить кашу только через день; в остальное время питались сухарями и маслом,

---

1 Соколов, стр. 404.

2 Об алеутских шляпах мы говорили выше, стр. 270.

3 А. Полонский. Перечень путешествий русских промышленников в восточном океане с 1743—1800 г. Рукопись Геогр. общ., лист 20.

4 Там же, л. 38.

5 Там же, л. 31.

6 Там же, л. 38.

7 См. Месяцослов истор. и геогр. на 1774 и 1781 г. (перепечатано в Собр. сочин. из Месяцословов, III, 1789, стр. 350—351; IV, 1790, стр. 325).

иногда отваривая солонину в морской воде. С 14 сентября стали варить кашу по одному разу в неделю и выдавать в день по пять чарок воды, но за то „в подкрепление, сверх регламентной чарки водки, давалось еще по две". 16 сентября заболел Чириков; из команды многие были больны, один умер. Пакетботом распоряжался штурман Иван Елагин, которого Чириков за заслуги произвел в лейтенанты.

21 сентября увидели под широтой 52°35′ предпоследний из Алеутских островов, Агатту, а в отдалении самый западный, Атту. Эту землю, равно как и остров Адак, Чириков считал за продолжение материка Америки. С этого дня Чириков уже не мог выходить наверх. В октябре умерли лейтенанты Чихачев и Плаутинг и еще двое из команды. 8 октября (1741 года) увидели, наконец, Авачу, хотя считали себя уже на 11° к западу от нее. Задерживаемые ветром, только вечером 9-го могли войти в бухту, а 10-го, не имея гребных лодок, выстрелом потребовали пособия с берега. В то же утро скончался астроном Делиль де-ла-Кройер, только что приготовившийся к высадке на берег: выйдя из своей каюты на палубу, он упал и умер. В полдень съехал Чириков. Из 70 человек экипажа вернулось всего 49.

В следующем, 1742 году Чириков, не совсем еще оправившийся от болезни, решил опять заняться исследованием американских берегов. 25 мая он, имея только одного офицера, штурмана Елагина, вышел из Авачинской губы к востоку и 8 июня под широтой 52° увидел гористый остров, названный островом Федора, — ныне Атту. „Лесу на нем и зелености никакой нет, и весь состоит в горах каменных, на которых множество снегу". Из-за неблагоприятных ветров 16 июня повернули обратно в Камчатку. На возвратном пути Чириков видел остров Беринга, где тогда находился экипаж „Св. Петра", обошел его с южной стороны и назвал островом св. Иулиана; при нем видел множество морских котов. 1 июля вернулся в Петропавловскую гавань, а в августе того же 1742 года — в Охотск.

Чтобы закончить о работах экспедиции в восточных морях, следует еще прибавить, что во время ее произведены съемки берегов Охотского моря и Камчатки.

В 1743 году, по случаю голода в Восточной Сибири, экспедиция была приостановлена; но она более уже не

возобновлялась. Стоимость ее к концу 1742 года превысила 360 000 рублей.

Чириков жил, сначала, больной, в Енисейске. Вызванный оттуда в 1746 году, служил в Петербурге и Москве и в 1748 году скончался в чине капитан-командора. Г. Миллер говорит об этом замечательном мореплавателе, что „память его у всех, кои его знали, в забвение не прийдет“.

XIX. Исследования Алеутских островов в XVIII веке

Несколько слов об истории исследования Алеутских островов после Беринга и Чирикова.

Когда в 1742 году спутники Беринга вернулись с острова его имени на Камчатку, имея с собой большое количество бобровых мехов, это сейчас же вызвало целый ряд экспедиций купцов и промышленников на восток. Так постепенно была открыта вся цепь Алеутских островов вплоть до Аляски. [1]

---

[1] История открытия Алеутских островов изложена в следующих сочинениях, заключающих также немало сведений по древней этнографии алеутов:

(Я. Стелин) Краткое известие о новоизобретенном северном архипелаге. Месяцослов исторической и географической на 1774 год (перепечатано в Собрании сочинений, выбранных из месяцословов, III, СПб., 1789, изд. Акад. наук, стр. 335—362). — Jac. v. Stählin. Das von den Russen in den Jahren 1765, 66, 67 entdekte nordliche Insel-Meer zwischen Kamtschatka und Nordamerika. Stuttgart, 1774, 12°, 40 pp., карта. — Neue Nachrichten von denen neuentdekten Insuln in der See zwischen Asien und Amerika; aus mitgetheilten Urkunden und Auszügen, verfasset von J. L. S**. Hamburg und Leipzig, 1776, 8°. — W. Coxe. Account of the Russian discoveries between Asia and America. London, 1780, 4°, XXII + 344 pp. (Компиляция по предыдущим, но, кроме того, здесь впервые напечатан, p. 251—266, отчет экспедиции Креницына и Левашева). Отсюда этот отчет переведен с дополнениями Палласом в Neue Nordische Beyträge, I, 1781, p. 249—272, с картой. — П. Паллас. О российских открытиях на морях между Азиею и Америкою. Месяц. ист. и геогр. на 1781 год, стр. 1—150 (перепечатано в Собр. сочин. из месяц., IV, 1790, стр. 263—392). — P. Pallas Erläuterungen über die im östlichen Ocean zwischen Sibirien und America geschehenen Entdeckungen. Neue Nordische Beyträge, I, 1781, p. 273—313, с картой. — P. Pallas. Bericht von einer im Jahre 1772 angetretenen vierjährigen Seereise... des Peredofschiks D. Bragin. Там же, II, 1781. — В. Берх. Хронологическая история открытия Алеутских островов или подвиги Российского Купечества. С присовокуплением Исторического известия о меховой торговле. СПб., 1823, стр. III + 169. — А. Соколов. Экспедиция к Алеутским островам, капитанов Креницына и Левашева. 1764—1769. Записки Гидрограф. департ., X, 1852, стр. 70—103. — А. Полонский. Промышленники на Алеутских островах (1743—1800). Рукопись на 152 листах

В Алеутской гряде островов алеутами, а затем и нашими промышленниками отличены, как известно, следующие группы островов, начиная с запада: Ближние, Крысьи, Андреяновские и Лисьи.

После Чирикова и Беринга впервые отправился на восток тобольский крестьянин Емельян Басов. В 1743 году он, выйдя из устья Камчатки, посетил на судне „Петр" остров Беринга и зимовал здесь (1743—1744), в 1745 году высаживался на острове *Медном*; в 1746 году к востоку, во время плавания, видел много островов, но за дурной погодой не приставал. В 1745—1746 годах на *Ближних* островах зимовали мореход Михаил Неводчиков и передовщик Яков Чупров, а с ними 45 промышленников и камчадалов. В конце сентября 1745 года русские на острове *Агатту* (из Ближних), впервые после Чирикова и Беринга, встретились с алеутами. На следующий же день Чупров имел, вследствие какого-то недоразумения, кровавое столкновение с несчастными алеутами. Через два дня отправились на остров Атту, другой из Ближних; здесь тоже беспричинно перебили много туземцев, а одного мальчика взяли в плен, чтобы он мог впоследствии сделаться толмачом. У Полонского [1] мы заимствуем следующие данные. Когда промышленники устроились на зимовку на острове Атту, один из них, Беляев, со своей артелью пошел к алеутскому селению. Увидев русских, островитяне разбежались, осталось только двое мужчин на юрте и несколько женщин внутри ее. „Обоих мужчин промышленники убили, а женщин, выведя из юрты, кололи и бросали с утеса в море под тем предлогом, что по отобрании у них кормов, они должны же погибнуть с голода". Через несколько дней у другого селения перекололи 40 алеутов-мужчин; „затем начали выводить

в архиве Географ. общества (шифр. Б. V. 3).—А. Полонский. Перечень путешествий русских промышленников в Восточном океане с 1743 по 1800 год. Рукопись на 99 листах в архиве Геогр. общества (шифр Б. V. 2). Рукописи Полонского, относящиеся, повидимому, к 60-м годам прошлого столетия, заключают ценный материал, частью заимствованный из сибирских архивов. К сожалению, автор нигде не указывает своих источников. Пользование этими трудами, кроме того, значительно затруднено вследствие того, что автор не делает различия между впервые публикуемым материалом и данными, взятыми из литературы. Тем не менее рукописи Полонского представляют большую важность. — Л. Берг. Из истории открытия Алеутских островов. Землеведение, XXVI, вып. 1—2, 1924, стр. 114—132.

[1] Перечень путешествий, л. 12.

из юрт женщин и старых из них кололи, а молодых оставили себе для услуг". Передовщик Чупров „не только не принимал мер к ограничению жестокостей, но и сам, постоянно вооруженный болтом, убивал встречавшихся туземцев, перехватывал вооруженною рукою появлявшиеся байдарки и даже велел сварить саламат с сулемою для отравления приходивших в гавань". Слухи об этих жестокостях дошли до властей, промышленники отданы под суд, и Беляев присужден к наказанию.

Мих. Неводчиков составил карту новооткрытых островов — Атту, Агатту и Семичи, которая отослана в Сенат 4 мая 1751 года.

После Чирикова и Беринга (1741) Андреяновские острова впервые были посещены, насколько мне известно, судном „Петр", принадлежавшим купцу Трапезникову. Именно, во время плавания 1750—1752 годов мореход Наквашин побывал на острове *Атха*, где пойман для обучения русскому языку „иноземец" Халюнасан.[1] Затем, 2 сентября 1752 года судно „Иеремия", которым управлял мореход архангелогородец Башмаков, разбилось у острова *Адак*. Утром после крушения туземцы встретили русских неприязненно: одного убили и одного ранили (русских было всего 14 человек, да с ними 20 камчадалов). Русские оставались на острове вплоть до июля 1754 года, промышляя морских бобров.[2] В 1756 году тот же Башмаков снова отправился в плавание. 12 июля 1757 года он пристал к острову *Кыска* (из Крысьих), а 25-го высадился на острове *Танага*. Здесь промышленники оставались целый год, занимаясь промыслом.[3] Вследствие притеснений, которые чинились алеутам, последние стали относиться к русским враждебно. Приведем из рукописи Полонского[4] потрясающее описание одной из стычек между русскими и алеутами на острове Канага:

„В отсутствие Всевидова и Лазарева [первый — передовщик, второй сборщик с судна „Петр и Павел", коим управлял Башмаков], отправившихся с частью команды на другой остров за лесом для спуска на воду судна, островитяне напали, и с берега и с моря, на оставшихся в гавани. Промышленные спасались за бортом стоявшего на берегу судна и ружейными выстрелами прогнали алеутов. Остались на

[1] Полонский. Перечень путешествий, л. 9.
[2] Полонский, там же, л. 20.
[3] Полонский, там же, л. 25.
[4] Перечень путешествий, л. 26.

месте сражения две байдарки, на которых были тяжело раненые алеуты и в одной из них найден мальчик [увезенный на Камчатку, крещен там и потом поступил в казаки под именем Ивана Черепанова]. Через три дня приехал со своими родниками отец для выкупа мальчика; но опасаясь мщения, алеуты отказывались выходить на берег. Обманом удалось, однако, заманить на судно тойона [старшину] и одного алеута. Им растянули ремнями руки и ноги и начали мучить, поливая тело горящею смолою, а потом тойону отрубили голову". Спустя некоторое время Башмаков послал на берег рабочих, которые „произвели страшные убийства, а потом ограбили и сожгли селение".

В 1759 году острова Атха и Амля посетил мореход Сила Шевырин. На последнем острове русские зазимовали. Летом 1760 года Шевырин был убит алеутами на Адаке. [1]

В 1759 году иркутский купец Бечевин отправил из Охотска на Алеутские острова бот „Гавриил". 24 сентября бот остановился на зимовку у острова Атха; людей за кормами посылали на остров *Сигуам* (самый восточный из Андреяновских). [2]

В 1759—1762 годах на *Умнаке* и *Уналашке* был яренский посадский Степан Глотов; 1 сентября 1759 года он пристал к Умнаку и во время продолжительного пребывания здесь познакомился и с Уналашкой. Оба острова положены на карту.

В 1760—1764 годах селенгинский купец Адриан Толстых произвел на судне „Адриан и Наталия" подробное обследование группы островов, названных его именем. С ним было 54 человека команды: из них 32 русских и 22 камчадала; среди команды — камчатские казаки Максим Лазарев, плававший ранее с Башмаковым, и Петр Васютинский.

27 сентября (старого стиля, как и ниже) 1760 года судно отправилось из устья реки Камчатки в морской „вояж". [3] Через два дня прибыли на „Командорский остров", т. е. к острову Беринга. Сильными осенними ветрами судно, стоявшее на двух якорях, было выброшено на берег, но

---

[1] Полонский. Перечень путешествий, л. 31; также Собр. сочин. из месяцосл., IV, стр. 317—320.

[2] Полонский, л. 34.

[3] Описание плавания „Адриана и Наталии" составлено по „Копии с репорта, поданного от возвратившегося из морского вояжу на судне селенгинского купца Андреяна Толстых, камчатского казака Петра Васютинского стоварищи". Эта копия находится в деле Главного гидрогр. управления № 861.

никакого вреда не потерпело. Люди должны были здесь перезимовать. В зиму 1760/61 года они ловили тут морских китов и сивучей. Мясом китов питалась команда, а из кож сивучей делали обшивку для байдар. 24 июня 1761 года вышли в море, миновали „состоящей от командорского острова не в дальнем расстоянии, попримеру во сте пятидесяти верстах, медный остров“ и 6 августа подошли к острову Атту, самому западному из Ближних. Здесь Адриан Толстых встретился с знакомым ему ранее тойоном („главный начальник“) Бакутаном. Ему и бывшим у него под командою 7 алеутам подарили один чугунный котел весом в 8 фунтов, ржаной муки 15 фунтов, дабы и холста каждому на две рубашки, игол, четыре теплых камзола, похожих на мерлушечьи, каждому по паре теплых замшевых перчаток и по паре холодных и по кушаку. Кроме того тойону Бакутану даны сапоги козловые. Все это дано „без всякого от них истребования“, для засвидетельствования дружелюбия. Из Большерецкой канцелярии Алриану Толстых была дана „за казенною той канцелярии печатью и шнуром“ книга, в которую надлежало записывать взятый с алеутов ясак. Но взять ясака на острове Атту не пришлось, так как у тойона Бакутана и у его „команды“ не оказалось никаких зверей. К тому же, одновременно с судном „Адриан и Наталия“ у Ближних островов находилось еще несколько судов, именно лальского жителя Чебаевского, шуйского купца Посникова, иркутского посадского Трапезникова, и у всех у них были с собой „шнурозапечатанные ясашные книги“ из той же Большерецкой канцелярии...

В качестве лоцманов и толмачей Толстых взял у Бакутана двоих алеутов, „отчасти знающих российских разговоров“. 19 августа отбыли от острова Атту на восток. Погода была весьма бурная. 28 августа пристали к незнакомому острову, который потом оказался Адаком. По осмотре берегов обнаружено место, удобное для зимовки судна. На западной стороне острова нашли двух выброшенных морем малых китов. Мясо и жир этих китов пошли в пищу команде. В проливе между островами Адак и Канага Лазарев встретил знакомого алеута, зятя тойона с острова Канаги. Промышленники одарили его китовым мясом и жиром. Лазарев в сентябре того же 1761 года уплыл на одной байдаре с 9 промышленниками на остров Канагу. Тойон этого острова обещал Лазареву приехать на Адак; и действительно, через некоторое время прибыл на малых байдарах в сопровожде-

нии 14 алеут; в каждой байдарке было по алеуту. Все они были одарены Толстых. Ласковым обхождением добились от тойона того, что он заявил о желании „быть во верноподданической ее императорскому величеству должности и в вечном подданстве и в ясашном платеже и познавать российского государства людей совершенными приятелями“. Тойон согласился принять на остров Канагу для перезимовки четыре байдары с промышленниками; в числе их были Лазарев и Васютинский; Толстых же оставался на Адаке при судне, которое было вытащено на берег. На Канаге не было ни бобров, ни сивучей; здесь алеуты промышляли только нерпу (тюленя), а из рыб палтуса (из семейства камбал, Hippoglossus stenolepis), достигающего свыше 100 килограммов весу, и треску. Последнюю ловят костяными удочками, насаженными на поводки из морской капусты. В октябре 1761 года Лазарев с двумя байдарами отправился на другой остров Танаваян (Танага?). Жители этого острова тоже добровольно согласились платить ясак. Вскоре все байдары вернулись на Адак, не привезя с собой никакой пушнины. Отсюда Толстых посылал людей на острова Тагалак, Атху и Амлю. Всюду без затруднений объясачили алеутов и, кроме того, успешно производили промысел морских зверей. Всего за 1763 и 1764 годы упромышлено было компанией Толстых, пятью байдарами, бобров 1886, кошлаков (т. е. полувзрослых бобров) 778, медведков бобровых (т. е. питающихся еще молоком матери) 372, хвостов бобровых 2220, да от алеутов добровольно получено лоскутов бобровых 200, песцов, голубых и недопесков, 532. Кроме того от алеутов взято в ясачный платеж бобров-маток и кошлаков сто штук.

В 1764 году Толстых решил вернуться на Камчатку. Перед отплытием он пригласил к себе тойонов соседних островов и спрашивал, не было ли алеутам от русских обид. На это тойоны, „единогласно при всех тогда находящихся людях объявили, что как тойонам, так и прочим никакой обиды, кроме одного оказуемого им всем всякого благосклонного благодеяния и приязни, чинено не было“. Алеуты привезли в подарок тресковой юколы. В свою очередь русские одарили их котлами и котовыми лафтаками.

С острова Атхи суздальский крестьянин Иван Кокин привез пятнадцатилетнего безродного мальчика Фому, который жил при промышленниках и обучился русскому языку. Со стороны атхинского тойона не было препятствий к тому,

чтобы увезти мальчика на Камчатку. Кроме того русскими взят с собой двенадцатилетний мальчик алеут Стефан, сирота; его родители были убиты „от незнаемых народов смертной между собой войны", а он с сестрой взят в плен. Когда пленного мальчика привезли на байдаре к острову, где были русские, он ночью бежал к ним и отдал себя „к защищению".

14 июня 1764 года судно „Адриан и Наталия" отплыло с Адака на Камчатку. 19 июля пришли к небольшому острову Самия (Сабия, Шемия, Семичи, один из ближних, восточнее острова Агатту). Здесь 21 июля судно ветром было выброшено на камни и сильно повреждено. Пришлось всю кладь выгрузить на берег и починять судно. 19 августа снова отправились в путь, оставив на Самии двух вывезенных с острова Атту „для толмачества" алеутов, а равно тех двух мальчиков с Адака, о которых рассказано выше. На следующий день пристали к большому острову Атту, где застали промышленников с разбившегося судна „Св. Петр и Павел", принадлежавшего яренскому купцу Стефану Тырину. Взяв их на судно, 27 августа вышли в море и 4 сентября увидели камчатский берег у Чаяминского острожка. Противные ветры не позволяли подойти к устью реки Камчатки. Когда, наконец, 17 сентября судно „Адриан и Наталия" подошло к устью Камчатки и стало на двух якорях, во время шторма его выбросило на берег, разбило, а потом и унесло в море. Бо́льшая часть груза была спасена, но часть вещей погибла, и между прочим — ящик, в котором хранилось описание всего путешествия, островов и живущих на них алеутов. Удалось спасти вывезенную с острова Адака алеутскую байдарку, обтянутую кожею, с двумя небольшими выкрашенными „веслами" (на самом деле это были древка стрелок для охоты за морскими бобрами), деревянную шляпу („гребень") и поводок с костяными удами; все эти вещи были отправлены в Большерецкую канцелярию.

Сибирский губернатор Чичерин, получив описание Андреяновских островов, сделанное казаками Лазаревым и Васютинским, представил об этом деле Екатерине II. Ко дню тезоименитства императрицы Чичерин приносил ей „всеподданнейшее и рабское поздравление" приведенными в подданство и в платеж ясака „доныне неизвестными шестью островами" — хотя, как мы видели, острова эти были открыты еще до Толстых. К своей реляции Чичерин приобщил карту Андреяновских островов и некоторые при-

везенные оттуда алеутские вещи: три плетеных из травы мешка, нитки из рыбьих жил, костяные удочки и „три досточки из дерева, которые к тем островам море приносит, две подобные кипарису, а третья совершенно красное дерево“.[1]

В 1768—1769 годах состоялась мало удачная экспедиция капитанов Креницына и Левашева. Ими посещены Лисьи острова, Умнак, Уналашка и западная часть полуострова Аляски, произведены съемки, и составлена карта. С этого времени Алеутская гряда может считаться окончательно открытой. Следует еще отметить, что в 1790—1792 годах Г. А. Сарычев произвел полную опись всех Алеутских островов, а также всех островов Берингова моря на север до Берингова пролива.

В 1867 году Алеутские острова, вместе с Аляской, были проданы Соединенным штатам. По переписи 1930 года, на островах было всего населения 1116 человек.[2]

---

[1] Копия с реляции Чичерина имеется в том же деле № 861 Главн. гидрогр. департамента.

[2] Fifteenth Census of the United States: 1930. Population, vol. I, Washington, 1931, p. 1222.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

РАБОТЫ КАМЧАТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ НА СЕВЕРЕ СИБИРИ

Опись северных берегов Сибири от Вайгача до Б. Баранова мыса, что к востоку от устьев Колымы, представляет одно из самых замечательных достижений Камчатской экспедиции. Некоторые участки этих берегов до самого последнего времени наносились со съемок Камчатской экспедиции.

Прежде чем приступить к изложению хода работ экспедиции 1734—1743 годов, скажем несколько слов о том, в каком состоянии были к тому времени сведения о севере Сибири.

XX. Сведения о крайнем севере Сибири до XVIII века

Низовья *Оби* стали известны русским не позже второй половины XIV столетия. В Новгородской 4-й летописи, под 1364/65 годом значится: „тои зимы с Югры Новгородци приихаша, дети боярьскиа и молодыи люди, и воеводы..., воевавше по Обе реки до моря, а другаа половина рати на верх Оби воеваша“.[1] Следующие, по времени, сведения относятся к концу XV века. В 1483 году московские войска, во главе с князем Федором Курбским, перешли на Уральские горы. В описании этого похода рассказывается, что воеводы имели бой с вогуличами на реке Пелыме, притоке Тавды (Тобольский край), затем прошли по Тавде „мимо Тюмень в Сибирскую землю“, а „от Сибири шли по Иртишу реце в низ воюючи, да на Обь р. великую, в Югорскую землю“. Под именем Югорской земли в памятниках XII—XIV веков, повидимому, разумеется область, начинавшаяся у северо-западного склона Урала, но уже в XIV веке название это относится определенно к низовьям Оби.[2] Название югры объяс-

[1] Полное собр. русск. летопис., IV, ч. I, Петр., 1915, стр. 291.
[2] Е. Замысловский. Герберштейн. СПб., 1884, стр. 139.

няют из зырянского языка: jögra, или дикий человек, варвар, есть зырянское наименование вогулов, остяков, а также ненцев.[1] Судя по книге Большому Чертежу, Югорская земля была расположена приблизительно в области Березова: „А по Оби реке и по рекам, которые реки в нее пали. От устья вверх Обдорские грады. А выше Обдорских градов Югорские“. „А те грады по Сыгве и по Сосве — Югра“.

Обдорск (от зырянского Обдор — устье Оби) основан в 1595 году, но устья Оби и страна на восток до Енисея стали известны русским гораздо ранее. В 1595 году голландцы, во главе с Корнелием Наем, встретившись 24 августа (3 сентября) с русскими мореходами у Югорского шара, узнали от них, что холмогорцы ежегодно ходят морем на реку Обь и далее до реки Gilissy или Gillissy (Енисей), где торгуют сукном и другими товарами.[2] 31 августа голланцы, к югу от Югорского шара, вступили в сношения с с (ненцами), князец („король“) которых рассказал, что за Обью есть две других реки, из коих дальняя называется Molconsay (очевидно, имеется в виду река Таз, на которой через пять лет основан город Мангазея), а ближняя, часто посещаемая русскими торговыми суднами — Gilissy, что за Обью страна продолжается до мыса, который выдался по направлению к Новой Земле, что люди его племени живут там круглый год и что за тем мысом расстилается великое море, которое простирается, вдоль Татарии, вплоть до теплых стран.[3]

Впрочем, Енисей должен был быть известен русским задолго до 1595 года, судя по тому, что английский посол И. Баус просил в 1584 году московское правительство о разрешении англичанам торговать в устьях рек Печоры, Оби и Енисея.

В 1598 году из Москвы послан некто Федор Дьяков „для проведывания Мангазейской страны, даже до реки Енисея“.[4] Собрав там ясак, Дьяков вернулся в 1600 или

---

[1] Замечательно, что имя югров (угров, венгров) было известно еще Геродоту (IV, 22) в сарматском произношении iyrcae (иирки). Они жили по соседству с фиссагетами. Современная наука за предков венгров считает остяков и вогулов.

[2] Jan Huyghen van Linschoten. Voyagie ofte Schip-Vaert, van by Norden... tot voorby de Revier Oby. 1601, p. 161 (цитировано по перепечатке, изданной Linschoten-Vereeniging, VIII: Reizen van Jan Huyghen van Linschoten naar het noorden (1594—1595) utgegeven door S. P. H. Nafer. s'Gravenhage, M. Nijhof, 1914).

[3] Linschoten, p. 172. Извлечение из описания Линсхотена помещено в переводе в Зап. по гидрогр., XXXIX, в. 4, 1915, стр. 32. 35 оттиска.

[4] Г. Ф. Миллер. Описание Сибирского царства, I, СПб. 1750, стр. 373

1599 году в Москву. Относительно названия „Мангазея“ Миллер говорит, что оно происходит от „самоедского рода мокасе“, жившего при реке Тазе.[1] В 1600 году на реке *Тазе* кн. Мироном Шаховским и Данилом Хрипуновым заложен город Мангазея.[2] Впрочем, еще до того промышленники, русские и зыряне, построили в этой стране несколько острогов „для безопасности торговли с самоедами“.[3] Снабжение Мангазеи провиантом производилось на судах — Обью, Обской и Тазовской губами.

В 1610 году промышленники, выйдя на кочах из Туруханского зимовья, после четырехнедельного плаванья, в последних числах июня, достигли устьев Енисея, а через пять недель пошли морем, к устью реки *Пясиды,* т. е. Пясины, которой благополучно достигли.[4] Без сомнения, устье Пясины стало известно еще ранее 1610 года, о чем можно судить по карте голландца Исаака Массы, скопированной им с русского оригинала не позже 1609 года (см. ниже и рис. 20). Вообще Пясину русские открыли не позже, чем в 1605 году, судя по тому, что тот же Масса в своем „Кратком описании путей и рек... в Сибирь“, вышедшем в свет в 1612 году, но основанном на данных, полученных не позднее 1609 года, довольно подробно описывает поход с Оби на Пясину: отряд, состоявший из 700 русских, тунгусов, ненцев и татар, перешел через Обь и „через страну самоедов и тунгусов“ дошел до Енисея. Перейдя через эту реку, они, имея проводниками тунгусов, дошли до реки *Пясиды* (Pisida), но перейти через

---

1 Там же, стр. 372. По разысканиям Д. Н. Анучина (К истории ознакомления с Сибирью до Ермака. Древности. Тр. Моск. арх. общ., XIV, 1890, стр. 261), ненцы по р. Тазу носили название *молгонзеи,* от юрацко-ненецких слов *mal* — конец, *malhana* — конечный, т. е. живущие на краю земли. Страна Мангазея стала известна русским не позже начала XVI века.

2 Миллер, стр. 373. Ср. также стр. 390.

3 Там же, стр. 382.

4 И. Фишер. Сибирская история. СПб. 1774, стр. 237. — „Пясида“ по-ненецки значит „ровная, безлесная земля“ (Миллер) или тундра. — Миддендорф говорит, что туземцы на Пясине называли эту реку Пясиной или Пясингой.

Упомянутая в тексте экспедиция в устья Енисея, совершенная в 1610 г. во главе с двинянином Кондратием Курочкиным, имела большие последствия. Выяснилось, что Енисей впадает в то же Ледовитое море, „которым ходят немцы из своих земель к Архангельскому городу, и проезд с моря к енисейскому устью есть..., и большими кораблями из моря в Енисей пройти мочно“. Опасаясь конкуренции голландцев, московское правительство в 1620 году запретило ходить морем „в Мангазейское море“, т. е. на Обь и Енисей (С. В. Бахрушин. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М., 1928, стр. 85—86).

нее не решились, так как были напуганы звоном медных колоколов, который слышался с той стороны реки.[1]

Вскоре, около 1610 года, русские прослышали и про *Хатангу*, о чем впервые находим сведения у английских купцов Дж. Логана и У. Персглева (Persglove), которые провели зиму 1611/12 года в Пустозерске и здесь собрали сведения о странах, лежащих к востоку. 21 апреля 1612 года, записывает Логан в своем дневнике, один „пермяк" (Permack, очевидно — коми-зырянин)[2] рассказал ему, что „за рекой Енисеем (Yenissey) на восток простирается земля и что там имеется река, называемая Пясида (Paeseda), а за нею другая, называемая Хатанга (Catonga), которая течет в Китай (Cathay)".[3] Персглев также упоминает о реке Хатанге (Catowga), которая расположена за Пясидой (Pisida) и течет из Китая.[4] Таким образом, и о Хатанге русские впервые узнали около 1610 года.

В 1607 году мангазейцы появились на Нижней Тунгуске и обложили ясаком местных тунгусов. Отсюда пробрались в 1620 году на верхнее течение Вилюя, где от тунгусов же получили первые известия о реке *Лене* и об якутах.[5] Повидимому, ранее 1630 года туруханский промышленный Пенда с 40 людьми, собранными в Туруханске, пошел на Нижнюю Тунгуску, а отсюда перешел на Лену пониже Киренска, сплыл по этой реке до того места, где впоследствии был основан Якутск; отсюда вернулся назад по Лене до того места, где ныне Верхоянск, прошел затем „Бурятскою степью" к Ангаре, где, севши на суда, сплыл до Туруханска.[6] Это путешествие составляет, поистине, необычайный географический подвиг. К сожалению, никаких других подробностей о нем не сохранилось. Одновременно с мангазейцами проведывание Лены шло другим, более южным путем — из Енисейска. Отсюда в 1628 году был послан десятник Василий Бугор. Он сплыл по реке Куту до Лены, а по Лене спустился до устья Чаи. В 1630 году Бугор вернулся в Енисейск, оставив для ясачного сбора у устья Киренги четырех из своих казаков, а у устья Куты —

[1] См. перевод у М. П. Алексеева. Сибирь в известиях зап.-европейских путешественников и писателей. I, Иркутск, 1932, стр. 258—259. О дате 1605 г. см. у Алексеева, стр. 265.

[2] Алексеев, стр. 216.

[3] Там же, стр. 211.

[4] Там же, стр. 225.

[5] И. Фишер. Сибирская история, 1774, стр. 360.

[6] Там же, стр. 361.

двух.[1] Это были первые оседлые русские на Лене. Весною 1632 года сотник Петр Бекетов спустился из Устькута по Лене и заложил в том же году Якутский острог, через десять лет перенесенный выше по Лене, где теперь Якутск. В 1635 году партия казаков спустилась из Якутска вниз по Лене до устья и собрала ясак с здешних тунгусов.

В 1636 году десятник Елисей Буза послан из Енисейска на Лену с наказом осмотреть реки, впадающие в Ледовитое море, и объясачить туземцев. Первую зиму Буза с десятью своими товарищами провел в Олекминском остроге (на берегу Лены близ впадения реки Олекмы), незадолго до того (1635) основанном. Набрав здесь еще 40 промышленных, он следующим летом в две недели (?) дошел до западного устья *Лены*, а оттуда морем в одни сутки достиг устья *Оленека*. Поднявшись вверх по Оленеку, Буза объясачил тамошних тунгусов и построил зимовье. Следующею весною Буза прошел по-суху с Оленека на Лену, к устью реки Малоды, что выше Сиктяха. Построив здесь два коча, он летом 1637 года снова спустился в устье Лены, а отсюда морем пошел к устью *Яны*. Однако, близ устья реки Омолоя он был застигнут льдами, высадился на берег и в течение трех недель шел „через камень" к верховьям Яны, где застал якутов, от которых взял много соболей. Построив на Яне четыре коча, Буза прошел в 1639 году в Ледовитое море к устью *Чендона* (устье его восточнее Яны) и здесьз астал юкагирского шамана, который привел русских к юкагирам, ранее бывшим известными лишь по слухам. Без сопротивления согласились они платить ясак. Только в 1642 году Буза вернулся в Якутск.[2]

Впрочем, возможно, что Яна была открыта еще до Бузы. В 1633 году Иван Ребров подал в Жиганске челобитную о разрешении итти „в новое место, морем, на Янгу [Яну] реку". В другой челобитной, 1649 года, он сообщает, что с Янги он отправился „по морю на новую сторону на Индигирскую реку, а Собачья тож". На Яне он поставил зимовье, а на Индигирке два острога.[3] „А преж меня,—гово-

[1] Там же, стр. 353.

[2] Фишер. Сиб. ист., стр. 372—374. — Н. Оглоблин. Журн. Мин. нар. просв., 1903, май. Даты, приводимые этими источниками, не сходятся. Древнейшие сведения об Юкагирской земле см. у В. Огородникова. Из истории покорения Сибири. Покорение Юкагирской земли. Труды Гос. Инст. нар. обр. в Чите, I, Чита, 1922, стр. 249—352.

[3] Н. Оглоблин. Восточно-сибирские полярные мореходы XVII века Журн. Мин. нар. просв., 1903, май, стр. 45 (здесь сообщены новые данные по делам Сибирского приказа).

рит Ребров,—в тех тяжелых службах, на Янге и на Собачьей, не бывал никто — проведал я те дальние службы".

Как бы то ни было, достоверно известно, что в 1639 году на Индигирке побывал енисейский служилый человек Постник (Посник) Иванов. 25 апреля он с 30 служилыми вышел на конях из Якутска на Яну; шел „через Камень", т. е. через Верхоянский хребет, до верховьев Яны („Янги"). Здесь „на вершине Янги реки живут Тунгусы имени Ламутки". Ниже по течению Яны жили якуты и тунгусы. Путь из Якутска до янских якутов занял четыре недели. Во время зимовки на Яне (1638—1639) получили сведения о реке Индигирке и о живших на ней юкагирах. Летом 1639 года Иванов с 27 людьми пошел на конях „вверх по Толстэку реке" (имеется в виду река Толстах, впадающая в Яну справа, ниже Верхоянска) „на Индигерскую реку в Юкагирскую землицу". Путь шел через хребты на верховья Индигирки, через земли, населенные тунгусами — ламутами. Придя на Индигирку через четыре недели, взяли здесь у юкагиров аманатов, собрали ясак и поставили зимовье, в котором Иванов оставил своих 16 человек. „Юкагирская землица,— сообщает он,—людна, а Индигирская река рыбна; в Юкагирской землице соболей много; и в Индигирь реку многие реки впали, а по всем по тем рекам живут многие пешие и оленные люди".[1]

Юкагиры в то время обитали западнее теперешнего: ныне несмешавшиеся с другими народами юкагиры живут лишь в бассейне верхнего течения Колымы; в тундре же между Колымой и Индигиркой кочуют юкагиры, хотя и говорящие по-юкагирски, но сильно смешавшиеся с тунгусами. В тундре между Индигиркой и Яной юкагиры усвоили тунгусский язык, а между Яной и Леной они говорят по-якутски.[2] В низовьях Яны в 1675 году жили юкагиры.[3] У Ремезова, в его Чертежной книге Сибири, законченной в 1700 году, на „Чертеже земли Якуцкого города" имеется надпись по верхнему течению реки Яны: „а по Яне живут многие ясашные юкагиры".

Следует отметить, что смешение юкагиров с тунгусами началось уже давно. Казачий десятник Иван Тархов показал

[1] И. Фишер. Сибир. история, стр. 385. Дополнения к Актам истор, II, стр. 241—242.

[2] В. Иохельсон. Бродячие годы тундры между р. Индигиркой и Колымой. „Живая старина", 1909, вып. 1—2, стр. 43 (отт.).

[3] Доп. к Акт. истор., VI, стр. 406.

в Якутске в 1651 году, что к нему в 1650 году в Индигирский острожек (при впадении в Индигирку ее левого притока, Уяндины) явился „ясачной колымской юкагирской шаман“ и сообщил, что к верховьям Индигирки „Ламуцкие Юкагири подошли из-за Камени“ и не желают платить ясаку.[1] Ламутские юкагиры это не что иное, как помесь между юкагирами и ламутами. Ламуты — это тунгусское племя, живущее в северо-восточной Сибири и говорящее на языке, весьма близком к тунгусскому.

В течение 1640 и 1641 годов Иван Ерастов проведал всю Индигирку вплоть до моря и от взятого в плен юкагирского князьца прослышал про пути морем к реке Алазее, где тоже жили юкагиры.[2] Весной 1642 года Иван и Ерило Ерастовы сплыли в низовья Индигирки, а отсюда пошли на „Алазейскую реку, в кочах, морем“. На реке *Алазее* им встретилось много юкагиров, а „с ними были с тундры *чюхчи*—мужики с своими роды и с улусными людьми“.[3] Это была первая встреча русских с чукчами.

В 1641 году якутский воевода П. Головин отправил Михаила Стадухина на Емокон, т. е. Оймекон, в бассейне верхней Индигирки; здесь он объясачил тунгусов и якутов и проведал про реки Индигирку и *Колыму*. Построив коч, Стадухин „поплыл вниз по Индигирке и морем дошел на Ковыму реку“, где поставил ясачное зимовье (Нижнеколымск) и собрал с юкагиров ясак.[3] Это было в 1644 году.

В 1645 году якутский казак Иван Беляна, построивши коч на Алазее, спустился в устье „и вышел на море, и морем шли две недели, и пришед на Ковыму реку, и по Ковыме шли вверх 12 ден“. Через два года Беляна тем же путем вернулся обратно на Алазею.[4] Имеются сведения, что первым отважившимся пойти в устье Колымы морем на восток был мезенец Исай Игнатьев, который в 1646 году шел на восток двое суток „до губы, обитаемой чукчами“ (Чаунской губы).

В 1647 году Стадухин ходил с Колымы сухим путем на *Анадырь*, а отсюда „с Анандыря зимою перешел с товарищи своими, на лыжах с нартами, за Нос, на Пенжину реку“, о которой сообщает, что эта „река безлесная, а людей по ней живет много род, словут *коряки*“. С Пенжины

---

1 Доп. к Акт. истор., III, стр. 278.
2 Фишер, стр. 386—387.
3 Оглоблин, стр. 54.
4 Там же, стр. 59—60.

Стадухин перешел на реку Изику (Гижигу), где тоже жили коряки. „Вверх Изиги туж реку зовут Чондоном, а живут [там] Ходынские мужики юкагири". С Гижиги „морем прошел в судне на Виряму реку, и Товуем [это река Тауй] зовут туж реку"; здесь жили тунгусы. С Тауя переправился на реку Охоту.[1]

Устье Анадыря открыто в 1648 году Семеном Дежневым, прошедшим сюда по морю с устья реки Колымы.[2]

Так были открыты северные берега Сибири. Что касается карт, то никаких съемок, в современном смысле слова, до работ 1734—1743 годов здесь не производилось. Следует отметить, впрочем, что некоторые из казаков составляли „чертежи" пройденных ими путей, о чем упоминается, например, в отписках Стадухина, Дежнева и других. Бывший мангазейский воевода Андрей Палицын подал в Москве, в 1633 году, „великой реке Лене и розных землиц людем, которые по той Лене и по иным рекам живут, чертежь и роспись".[3]

Как мы уже говорили, довольно подробные сведения о низовьях Оби имелись в древней Руси уже в конце XV столетия. От русских они распространялись и в западную Европу. Так, Юлий Помпоний Лэт (Laetus), итальянский гуманист (1425—1498), посетивший в 1479—1480 годах „Скифию и Сарматию", упоминает о юграх (Ugari sive Ugri) на берегу Ледовитого океана; „летом, ко времени солнцестояния, у них непрерывный день". Лэту известна уже Сибирь (Sibarinum). Итальянский ученый побывал в Польше, в низовьях Днепра и Дона, и о юграх и о Сибири он мог услыхать только от русских.[4] Югры — это был народ, родственный современным остякам и вогулам. Также у польского ученого, Матвея Меховского (Mathias de Miechow), профессора и ректора Краковского университета, в его книге Tractatus de duabus Sarmatis Asiana et Europiana, вышедшей в Кракове в 1517 году, находим упоминание, между прочим, и о югре (Juhra). О юграх, а также о пермяках, башкирах, черемисах и карелах рассказывается, что они хлебов не сеют, живут в лесах, одеваются шкурами волков, оленей, медведей, собо-

---

[1] Оглоблин, стр. 42.
[2] Подробности см. выше, стр. 29 сл.
[3] Русск. Истор. библиот., II, 1875, стлб. 962.
[4] М. П. Алексеев. Сибирь в известиях зап.-европейских путешественников и писателей. I. Иркутск, 1932, стр. 59—74. Название Sebur находим еще на Каталанской карте 1375 г.

лей и белок.[1] Меховский видит в юграх родоначальников венгров — взгляд, к которому присоединяется и современная наука.

На картах имя Югории (Jugoria) встречается впервые на Moscoviae tabula relatione Dimetrii legati descrypta anno 1525 — карте, найденной в 1881 году в одном из атласов Баттиста Агнезе. Югория расположена здесь по правому берегу Печоры. Автор карты получил свои сведения о Московии от Дмитрия Герасимова, посланца великого князя Василия к папе Клименту VII.[2]

В 1542 году Антон Вид (A. Wied), немецкий художник, побывавший в Вильне, составил на русском и латинском языках карту, изображающую Россию от Балтийского моря на западе до Оби на востоке. Впервые здесь появляется Обь на карте. На левом берегу этой реки нанесен рисунок баснословной „золотой бабы“ — идола, в виде голой женщины на пьедестале, окруженной поклоняющимися ей туземцами; к западу *абьдори* (т. е. обдоры), к югу город *Сибирь.* В обширных лесах между Обью и Мезенью читаем: *великая перм, Тумен Великий, коньдорні* (кондоры), *вагуличь* (вогуличи), *югры* (iuhri ex quibus Hungari in Hungaria ut idem quaque idioma ostendit).[3] Сведения о России Вид получил от бывшего московского окольничего Ивана Ляцкого.

На картах Московии Герберштейна (1546, 1549 и др.) в интересующих нас местах, по сравнению с А. Видом, не встречаем ничего нового. В тексте же Rerum Moscoviticarum Commentarii (1-е изд. 1549) имеется глава „Указатель пути к Печоре, Югре и к реке Оби“.[4] Это, как говорит Герберштейн, есть дословный перевод русского дорожника, который он получил в бытность в Москве (а был он тут дважды,

---

[1] См. у Е. Замысловского. Герберштейн и его историко-географические известия о России. СПб., 1884, стр. 374. См. также его же: Описание Литвы, Самогитии, Руссии и Московии — Себастиана Мюнстера. Журн. Мин. нар. просв., 1880, сентябрь, стр. 120—121 (латинский текст Меховского).

[2] Сведения об этой карте и копию ее см. у H. Miechow. Die ältesten Karten von Russland. Mitt. geogr. Gesell. Hamburg (1882—83), Hamburg, 18 4.

[3] О карте Вида см. Miechow, 1 c., также H. Miechow. Das erste Jahrhundert russischer Kartographie und die Originalkarte des Anton Wied von 1542. Metteil. geogr. Gesell. Hamburg, XXI, 1906, p. 49—61, копия.

[4] Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московских делах. Пер. А. И. Малеина. СПб., 1908, стр. 127—133.

в 1517 и в 1526 годах). Здесь сообщается, что по Оби живут вогуличи и югричи (Ugritzschi).[1]

На карте „России, Москвии и Тартарии“ Антония Дженкинсона 1562 года к востоку от Оби обозначена Molgomzaia, т. е. Мангазея.

С начала XVII века на западе появляются карты России со множеством новых подробностей, основанные на русских описаниях и русских же чертежах. Как мы уже отметили, „Книга, глаголемая Большой Чертеж“, составленная в 1627 году, дает сведения, на востоке охватывающие бассейн Оби. Самый чертеж к этой книге, ныне утерянный, был в последний раз дополнен, как полагают, около 1600 года. Кроме того имелись чертежи и у частных лиц, особенно у мореходов.

В 1601—1609 годах в России жил голландец Исаак Масса, выучившийся русскому языку. В 1609 году он перевел с русского языка сочинение, в котором описывались открытия русских на северо-западе Сибири. Эта статья, вместе с картой (рис. 51), скопированной Массой не позже 1609 года с русского чертежа, напечатана в 1612 году в Амстердаме в сборнике под заглавием: „Beschryvinghe van der Samoyeden Landt in Tartarien, nieulijcks onder't ghebiedt der Moscoviten gebracht. Wt de Russche tale overgheset, Anno 1609. Amsterdam, 1612, Hessel Gerritsz“. На карте, носящей название „Caerte van't Noorderste Russen, Samojeden, ende Tingoesen landt“, изображен север России, начиная от Мурмана и до устья Пясины.[2] Относительно происхождения этой карты Масса рассказывает следующее:[3] „я имел приятеля в Московии, брат которого бывал там [у северных берегов западной Сибири], и он дал мне немую карту этих стран, сделанную по устным указаниям его брата. Он сам бывал в Вайгачском проливе и знает всю местность до р. Оби, но о более дальних странах только слыхал; таким образом, карта эта передает только береговые места. Я получил ее с большим трудом, так как русский, сообщивший ее мне, подвергся бы смертной казни, если бы о том узнали; поэтому я и не на-

---

[1] Там же, стр. 130. См. также Е. Замысловский. Герберштейн. СПб., 1884, стр. 132.

[2] Карта эта воспроизведена у В. Кордта. Матер. по истор. русск. картогр. (2), в. I, Киев, 1906, карта XII, ср. стр. 16—17; также у Nordenskiöld. Die Umsegelung. I, 1882, при стр. 210; Miechow, 1906, табл. II, ср. также р. 29—33.

[3] Цит. по Кордту, 1. с.

зову его имени". Мы находим на этой карте изображения и подписи Обской и Тазовской губы, рек Пура и Таза, Енисейского залива, у входа в который большой безымянный остров (ныне носящий имя Сибирякова), даже низовьев реки Пясины. Данные этой карты Массы лежат в основе соответственных мест карты Гесселя Геррица (Герарда) „Tabula Russiae", вышедшей в Амстердаме в 1613 году (рис. 52).[1]

В Тобольске, административном центре Сибири, скопилось в начале второй половины XVII века столько геогра-

Рис. 51. Карта северных берегов России от Кольского полуострова до Енисея, скопированная голландцем Исааком Массой с русского источника не позже 1609 года (из Л. Багрова).

фических сведений о Сибири, что явилась возможность дать общий, хотя и весьма грубый, чертеж этой страны. В 1667 году, по распоряжению воеводы Петра Годунова, в Тобольске составлен и отпечатан „Чертеж Сибирския Земли", копия с которого опубликована в 1914 году Л. С. Багровым.[2] Здесь на севере Сибири изображены реки Обь, Енисей, Пясида, Оленек. В океан, омывающий Сибирь с востока, впадают Лена, Камчатка, Амур. Сохранилась объяснительная записка к этому чертежу под названием: „Чертеж всей Сибири, збиранный в Тобольске по указу царя Алексея Михайловича".[3] В записке находим много топографических указаний о сибирских реках.

[1] Эту карту см. у Кордт, l. c., табл. XV. Также Miechow, 1906, табл. 3.

[2] Л. С. Багров. Карты Азиатской России. Пгр., 1914, стр. 11.

[3] Она напечатана в книге А. Титова. Сибирь в XVII веке. М., 1890, стр. 25—38.

В 1672 году чертеж 1667 года вышел новым, исправленным изданием.[1] Здесь имеются кое-какие добавления, например нанесена река Колыма. Объяснительная записка к этому чертежу под названием „Список с чертежа Сибирския Земли“, издана Спасским и Титовым.[2]

Чертеж 1667 году, список к нему, а также некоторые другие рукописные описания Сибири послужили амстердамскому бургомистру Н. Витсену для составления его известной карты севера и востока Европы и Азии 1687 года.

Наконец, подробные сведения о топографии Сибири, особенно о ее речной сети, мы находим на чертежах Ремезова. Тобольский сын боярский Семен Ремезов 10 января 1696 года получил боярский приговор с приказом составить чертеж Сибири. Это поручение он исполнил, отослав чертеж в Москву 18 сентября 1697 года. В настоящее время чертеж Ремезова, длиной в 2,8 метра и шириной в 2,1 метра, находится в Географическом обществе.[3] К 1 января 1701 года Ремезов закончил другой труд: „Чертежную книгу Сибири“ — атлас, состоящий из 23 карт и впервые опубликованный Археографической комиссией в 1882 году. На карте 1697 года северный берег Сибири почти прямолинеен, следуя в этом очертании чертежам 1667 и 1672 годов. В него впадают реки Обь с массою притоков, как и других рек, далее — Надым, Пура (Пур), Таз, Енисей, Пясида, Хепа (т. е. Хета, приток Хатанги, как правильно нанесено в атласе 1701 года), Анабара, Елец (р. Еле, впадающая с востока в Анабарскую губу),[4] Лена, впадающая в северо-восточный угол Сибири; в восточный берег впадают: Хромая, Яна, Шивера (Инди-

---

[1] См. Багров, l. c., стр. 13.

[2] Спасский. Временник О-ва истории и древностей российских. 1849, № 3.— Титов, l. c., стр. 41—54.

[3] Уменьшенная фотография у А. В. Григорьева. Подлинная карта Сибири XVII века. Журн. Мин. нар. просв., 1907, окт., стр. 374—381. Также у Багрова, l. c., стр. 15.

[4] А. А. Романов (Описание карты Ленско-Хатангского края. Лгр., 1933, изд. Арктич. инст., стр. 13) высказывает предположение, что река Елец это не река Еле (правильнее — Юёля), а Оленек, якутское название которого Елён. Нужно сказать, однако, что река „Оля“ (Юёля) была открыта мангазейцами не позже 1656 г. (Романов, стр. 11). Следует иметь в виду, что река с названием Елец имеется в бассейне Печоры: это приток печерской Соби, впадающей в реку Усу; по реке Елец некогда вел хорошо известный путь на реку Собь, приток Оби. См. С. Бахрушин. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М., 1928, стр. 62. Таким образом, возможно, что Ремезов написал Елец в районе Анабары по аналогии с печорской рекой того же имени.

Рис. 52. Карта Европейской России, изданная в 1613 году голландцем Гесселем Геррицем по автографу царевича Федора Годунова. (Из Л. Багрова.)

Здесь видно положение Югории, Iugoria, под 6[illegible]° с. ш.

гирка), Алазея, Амолон (Омолон), Колыма, Анадырь и др.[1] В исправленном и несколько дополненном виде карта 1697 года помещена в „Чертежной Книге Сибири" 1701 года, где она носит название: „Чертеж всех Сибирских градов и земель писан на Москве в Сибирском Приказе со всех городовых чертежей в 1698 году сентября в 18 число", в издании 1882 года лист 23-й.

На основании сибирских источников, главным образом — чертежей Ремезова, составлена впервые в 1715 году в Тобольске шведом Страленбергом карта Сибири, дополненная и изданная в 1730 году в Стокгольме.[2] Кроме данных Ремезова, на ней использованы кое-какие собственные наблюдения Страленберга во время его путешествий по Сибири вместе с Мессершмидтом в 1709—1722 годах. Об этой карте мы уже говорили выше (стр. 33, 67).

XXI. Опись северных берегов Сибири 1734—1743

Таковы были сведения о северных берегах Сибири ко времени начала работ второй Камчатской экспедиции. Переходим теперь к описанию ее хода (рис. 53).[3]

Сначала описные отряды, кроме действовавшего от Белого моря до Оби, находились под начальством Беринга, а потом перешли в непосредственное ведение Адмиралтейств-коллегии.

1. Сев. Двина—Обь

В 1734 году лейтенанты Муравьев и Павлов, на двух специально построенных судах („кочах"), приступили к описи назначенного им участка от Архангельска до устья Оби. Суда, носившие названия „Экспедицион" и „Обь", имели в длину по $16^1/_2$ метров. 10 июля вышли из устья Двины, а 25-го вошли в Югорский шар. Здесь занимались съемкой острова

1 Все надписи этой карты приведены в труде G. Cahen. Les cartes de la Sibérie au XVIII siècle. Nouv. Archives des missions scientifiques et littér. Fasc. 1, Paris, 1911, p. 90—99.

2 Она приложена к книге Ph. Strahlenberg. Das Nord und östliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730. Та же самая книга выпущена под обложкой: Historie der Reisen in Russland, Sibirien, und der Grossen Tartarey. Leipzig, 1730. Сюда приложена та же карта. — Копия карты у A. Nordenskiöld. Periplus. Stockholm, 1897, № 38.

3 Мы следуем А. Соколову. Зап. Гидр. департ., IX, стр. 256—328.

Вайгача и материка. До сих пор имелись, хотя и не точные, карты. Далее следовали берега, очень мало известные и на карту не положенные. 29-го вступили в Карское море, которое, против ожидания, оказалось совершенно свободным от льдов. 31-го подошли к земле Ямал у Мутного залива, где налились водою и запасли дров из выкидного лесу. Плывя вдоль западного берега Ямала, 18 августа достигли широты 72°35′. Отсюда вернулись, за поздним временем, для зимовки в устье Печоры. Прийдя сюда 4 сентября, отправили команды в Пустозерск. В донесении об этом плавании Муравьев писал: „И от тамошнего воздуха почитай все, хотя несколько времени, пребывали тяжкими головными, грудными и цынготными болезнями, паче горячками больны".

В 1735 году Муравьев и Павлов вышли из устьев Печоры, 29 июня и 15 июля достигли Югорского шара. Но в Карском море, сейчас же по выходе из Югорского шара, в этом году встретились тяжелые льды, среди которых шли, расталкиваясь шестами. 18 августа суда разлучились и вскоре пошли в обратный путь, — Муравьев с широты 73°4′, а Павлов с 73°11′. 9 сентября они встретились в устье Печоры и снова зазимовали в этом краю. Назначенные по инструкции два года прошли, но Адмиралтейств-коллегия решила дело продолжать, пока опись не будет закончена, о чем уведомила Муравьева: „без окончания по инструкции в совершенство оной экспедиции возвращения оттуда с командою не будет". К следующей компании было разрешено построить еще двое судов, именно дубель-шлюпки.

Зимовать экипажу пришлось в таком захолустье, как Пустозерск. Понятно, что зимою, от безделья, сильно докучали местным жителям, от которых посыпались жалобы в Петербург. Кроме того и начальство не ладило с подчиненными. Муравьев жаловался Адмиралтейств-коллегии на Павлова, обвиняя его в том, что он не желает составлять карту и вообще не исполняет его приказаний: „а для чего не знаю; разве ставя себе за не малой авантаж предо мною в том, что его в нынешнюю компанию случай допустил быть, по разлучении со мною, выше пред обсервациею моею и его объявлением, к полю [т. е., к полюсу] 7 минутами". Кормщик Язжин в своих доносах указывал, что неудачи экспедиции происходят „от несогласия оных лейтенантов", и обещался, если дело будет поручено ему, довести суда в одно лето от Архангельска или с Мезени до устья Енисея,

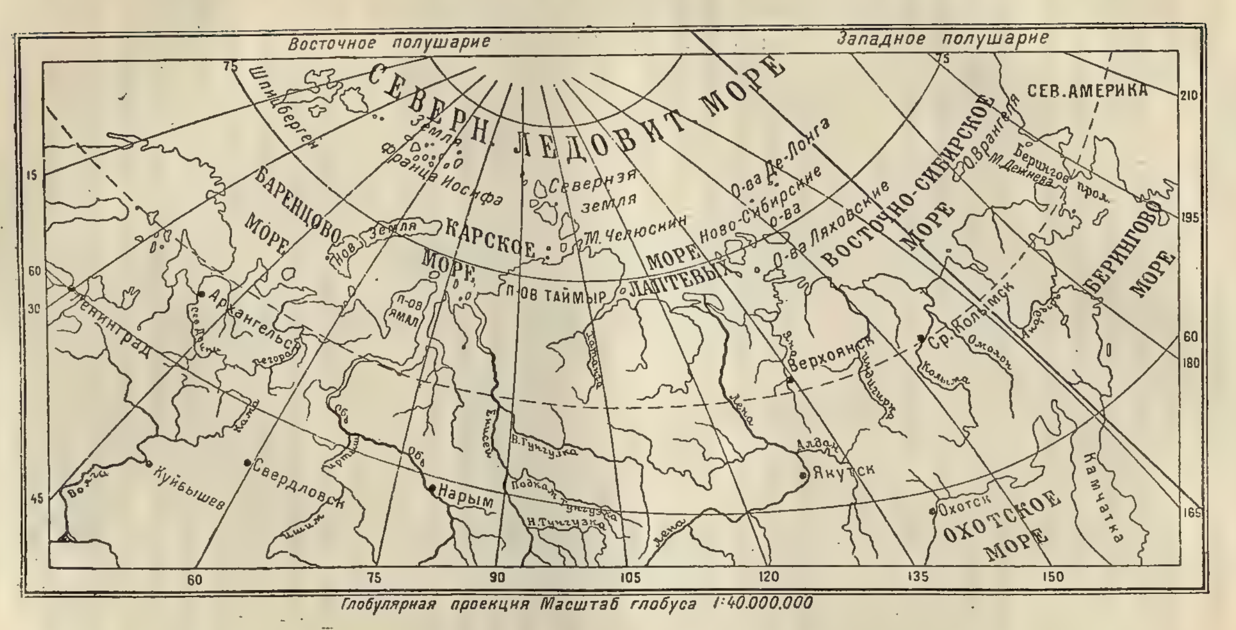


Рис. 53. Северные берега Сибири.

если только ему дадут девять бывалых на море мезенцев На это готовы были согласиться, но из Архангельска портовые власти сообщили об Язжине, что ему „той экспедиции вверить весьма опасно, понеже он, по известию, всегда находится в великом пьянстве.... И пути далее Вайгача не знавал“.

Как бы то ни было, Муравьев и Павлов были по жалобам на них, преданы суду и, по определению Адмиралтейств-коллегии от 28 февраля 1737 года, разжалованы в матросы „за многие непорядочные, леностные и глупые поступки“. Впрочем, через три года, они, по манифесту, были амнистированы с возвращением чинов, но с увольнением от службы.

В феврале 1736 года для продолжения экспедиции был назначен лейтенант С. Малыгин из Архангельска. Посланный с весны этого года геодезист (топограф) Селифонтов летом произвел, следуя на оленях, съемку как восточного, так и западного берегов Ямала и расставил по берегам знаки. Малыгину лишь 21 июня удалось выйти из устья Печоры, причем одно из судов еще раньше потерпело крушение. В море он встретил льды и лишь через месяц, 22 июля, достиг острова Долгого, к западу от Югорского шара. 7 августа к острову Долгому прибыли построенные в Архангельске суда под начальством лейтенанта Скуратова и Сухотина. У названного острова, а затем в Югорском шаре были задержаны льдами более месяца, и только 23 августа удалось выйти в Карское море, но на другой же день из-за льдов опять пришлось стать. Только 5 сентября, после того как льды были отнесены в море сильным юго-западным ветром, отправились вдоль берега далее и 10 сентября пришли к устью реки Кары, где решили перезимовать. Для зимовки вошли в реку Кару на 60 верст от устья, под 69°13′ с. ш. Жилища устроили из привезенных досок, а для топки употребляли кустарник с окрестной тундры. Для пропитания ловили рыбу в реке. Кроме того, в распоряжении экспедиции был посланный заранее табун оленей. Невдалеке находилось кочевье самоедов. В начале декабря начальство и бо́льшая часть команды, для сбережения провианта, переехали в Обдорск, а при судне оставили для караула 12 человек.

В следующем, 1737 году условия плавания были значительно легче. Выйдя из устья Кары 6 июля, к 21-му достигли Мутного залива на западном берегу Ямала, под 70°27′ с. ш.,

и к утру 23-го подошли к северной оконечности Ямала, именно к проливу между Ямалом и островом Белым (широта около $73^1/_2°$). Только 16 августа, когда подул северо-западный ветер, удалось обогнуть Ямал и вступить в Обскую губу. Это был первый случай такого плавания, ибо новгородцы переправляли свои суда в Обскую губу волоком, через Ямал. Обская губа была свободна от льда, и 11 сентября наши мореплаватели достигли устья Оби. Прийдя 2 октября (1737) в Березов, здесь зазимовали. Таким образом, цель этого отряда была достигнута. Малыгин уехал в Петербург с отчетом, а лейтенанту Скуратову было приказано отвести суда обратно в Архангельск. Это было дело не менее трудное, чем совершить плавание в передний конец, и оно потребовало двух лет. На зиму 1738/39 года пришлось оставить судно в устье Кары, и только в половине августа 1739 года суда пришли в Архангельск.

Опись берегов от Канина носа до устья Оби была повторена впервые в 1824—1828 годах Ивановым, Рагозиным, Пахтусовым и Бережных. [1]

Укажем на последние по времени карты Обской и Тазовской губ и Енисейского залива: 1) Обская губа и Енисейский залив, изд. Главн. гидрографического управления, октябрь 1932, составлена в 1929 г. по работам 1928—1929 гг. (карта № 1053). 2) Карта Гыданского полуострова в масштабе 1:1 000 000, составленная в 1930 г., с объяснительной запиской И. Я. Ермилова, в Трудах Полярной комиссии, вып. 9, 1933, изд. Акад. наук. 3) Обская губа и северная часть Тазовской, изд. Главн гидрографического управления 1934 г., по данным вплоть до 1932 г. 4) Гыдаямский залив, изд. Главн. гидрографического управления, 1934, составлена в 1933 г. по данным вплоть до 1932 г.

2. Обь — Енисей

Опись берега между устьями Оби и Енисея была поручена лейтенанту Д. Л. Овцыну. Он вышел 14 мая 1734 года из Тобольска на построенной здесь же дубель-шлюпке „Тобол“, длиною 21 метр. С ним был подштурман Стерлегов, геодезист Ушаков, рудознатец Медведев, а всего с командой 56 человек. К 11 июня прибыли в Обдорск. 5 августа достигли в Обской губе 70°4′. Конца губы не было видно, а начинались уже холода, почему решили вернуться назад и 4 сентября были в Обдорске, где и зазимовали. В продолжение зимы производили промер реки. Плавание 1735 года

[1] А. Соколов. Зап. Гидрогр. департ., V, 1847, стр. 1—110.

было еще неудачнее: в этом году в Обской губе было очень много льдов, так что к 17 июля удалось дойти только до 68°40′ с. ш., а между тем на судне развилась цынга, которою переболели командир и три четверти команды. Четверо умерли. Пришлось вернуться обратно. 10 августа были в устье Оби, а к началу октября в Тобольске

Согласно программе, работы должны были быть окончены в два года. Несмотря на неудачи, нельзя сказать, чтобы экспедиция Овцына была бесплодна: был произведен целый ряд съемок, между прочим геодезистом Прянишниковым в 1735 и 1736 годах снят с суши восточный берег Обской губы, а также Тазовская губа. Следующая съемка Тазовской губы сделана была в 1863 году Ю. И. Кушелевским, который прошел водою из Обдорска, Обскою и Тазовскою губами, в реку Таз, с целью найти удобный путь к графитовым приискам Сидорова на Курейке (приток Енисея у Туруханска).[1] Отметим, что одно из первых плаваний по Тазовской губе было совершено еще в 1600 году князем Мироном Шаховским, который направлялся из Обдорска в реку Таз, но попал в Пур.[2]

Из Тобольска Овцын отправился в Петербург с отчетом. Адмиралтейств-коллегия постановила работы продолжать. Экспедиция 1736 года из-за обилия льдов также не была удачна: когда 5 августа достигли 72°40′, пришлось повернуть назад, в Обдорск. Овцын же на зимовку поехал в Березов, что, как увидим, имело впоследствии для него роковое значение. Зато лето 1737 года благоприятствовало Овцыну (как и Малыгину). В Тобольске было выстроено еще одно судно, бот „Обь-Почтальон“ длиною 18 метров. 29 июня, как только устья Оби очистились от льда, оба судна отправились в плаванье. 7 августа вышли, наконец, в открытое море и увидели впереди льды, которые находились под 74°2′ с. ш. Здесь заметили кита. 16 августа обогнули мыс Матте-сале и отсюда повернули в Енисейскую губу. Продолжая плавание с великими трудностями, 31 августа вошли в Енисей, где их поджидала назначенная их встретить сухопутная партия. В октябре, не доходя нескольких верст до Туруханска, зазимовали.

---

[1] Ю. И. Кушелевский. Северный полюс и земля Ялмал. Путевые записки. СПб., 1868, стр. II+157, с картой. — Об экспедиции в Тазовскую губу, стр. 7—35. В этой малоизвестной книге имеется много ценных этнографических сведений о самоедах, но ничего не говорится ни о северном полюсе, ни о земле Ямал.

[2] И. Фишер. Сибирская история. СПб., 1774, стр. 205.

В следующее лето 1738 года Овцын привел „Тобол" в Енисейск (21 июня). Поручив штурману Минину отправиться на боте „Обь-Почтальон" к Хатанге, кругом Таймырского полуострова, сам поехал в Петербург с отчетами, но внезапно, в августе 1738 года, был арестован в Тобольске по доносу. Овцыну ставилось в вину знакомство с князем Иваном Алексеевичем Долгоруковым (сыном Алексея Григорьевича и братом Екатерины Алексеевны, невесты Петра II), бывшим в ссылке в Березове и казненным, в результате доноса, в 1739 году. Донос был послан тобольским канцеляристом Тишиным, который за оскорбление, нанесенное Екатерине Алексеевне Долгоруковой, был избит Овцыным. Дело это оказалось роковым не только для гидрографа, но и для всей семьи Долгоруковых. Овцына судили в Тайной канцелярии, разжаловали в матросы и послали в команду Беринга, в Охотск. Здесь он участвовал в плавании Беринга к Америке, в 1741 году, и в зимовке на острове Беринга. По указу 19 февраля 1741 года амнистирован с возвращением прежнего чина, а в 1749 году произведен в капитаны.

3. Енисей — Лена

4 июня 1738 года Минин и Стерлёгов вышли из Туруханска, намереваясь из устья Енисея дойти морем до Хатанги, т. е. обогнуть Таймыр. В устье Енисея были 3 августа. Стерлегову удалось дойти 23 августа до мыса, названного им Северо-восточным (73°14′). Так как кругом в море стояли сплошные льды, то он принужден был вернуться, а через неделю и вся экспедиция пошла обратно в Енисей. Плавание следующего, 1739 года было совсем неудачным, не удалось даже выйти из устьев Енисея в море. Выехав в январе 1740 года из Туруханска на собаках, Стерлегов к 14 апреля сделал опись морского берега от устья Енисея до определенной им астрономически широты 75°26′, где мыс, ныне называемый по имени Стерлегова. Этот пункт Стерлегов в своем журнале описывает так: „а мыс, на котором поставлен маяк с приметою, каменный, высокий; при оном усмотрена высота солнца в полдень 27° 54′, ширина 75°26′. Пель-компас склонение от правого севера весьма много стал показывать, и не равное; и уповаемо, что в здешних северных местах магнитная сила служить не стала".[1] Мыс этот „собою узок, вышиною

---

1 Зап. Гидрогр. департ., IX, 1851, стр. 24—25.

около 5 сажен берег, на котором земля черная с мягким ломаным камнем аспидом, а далее от берега глина со мхом; восточнее и западнее сего лежат берега низкие, пологие".[1]

От устья реки Енисея и вплоть до мыса св. Фаддея (на восточной стороне Таймырского полуострова) берег снят сухопутной съемкой, „понеже морем имели великие препятствия". „Чего ради оное морское описание оставя, описывали сухим путем, на собаках, по здешнему состоянию в нартах запрягши".

Морской партии, во главе с Мининым, удалось к 20 августа 1740 года дойти до $75^1/_4$ с. ш., где встретили густые льды, почему повернули назад. В 1741 году Минин занимался описью берегов Енисея, но намеревался продолжать морские работы и сделал в этом смысле представление Адмиралтейству. Но по отзыву Харитона Лаптева (1742), который произвел опись берегов Таймыра по-суху и убедился в непроходимости здесь моря, решено было дальнейших попыток не продолжать.

Съемка Енисейского залива и Обской губы была повторена в 1894—1896 годах экспедицией под начальством А И. Вилькицкого.

Берега между Пясинской губой и мысом Стерлегова Х. Лаптев описывает следующим образом: „У сих берегов чаятельно быть великим в море отмелям, понеже тороса изредко и во льду не видно прорубей нерпичьих, которые на глубоких местах великое множество продувают для отдыху своего; к томуж и щелей во льду нет, которые полная вода делает; и тем мнится, что тот лед к земле примерз. В параллели 74° 10′ ширины острова собою высокие и пологие, на которых великое множество аспида черного, но токмо хрупок и тонок, а писать на нем весьма мягок".[2]

4. Лена — Енисей

Для описи берегов к западу и востоку от устья Лены были назначены суда „Якутск", длиной 21 метр, и „Иркутск", длиной 18 метров, построенные в Якутске. Оба они, первое под начальством лейтенанта Прончищева, а второе—лейтенанта Ласиниуса, вышли из Якутска 30 июня 1735 года. Прончищев пришел к устью Лены, именно к Быковскому устью, 13 августа.

---

[1] Там же, стр. 23.
[2] Зап. Гидрогр. департ., IX, 1851, стр. 25.

С Прончищевым были подштурман Челюскин, геодезист Чекин и человек 50 команды. Кроме того отправилась в плавание жена Прончищева, разделявшая с ним все трудности путешествия и нашедшая вместе со своим мужем смерть в этой угрюмой стране...

25 августа „Якутск“ подошел к устью Оленека (72°54′). За поздним временем решили здесь перезимовать. В устье реки построили две избы из плавника (выброшенного на берег леса). Тут же было поселение из 12 семей русских промышленников, а поблизости находились кочевья тунгусов и якутов. 20 сентября река стала. С 14 ноября по 21 января солнце не показывалось над горизонтом.

В следующем, 1736 году река вскрылась 21 июня, но, задерживаемые льдами в море, могли двинуться в дальнейший путь только 3 августа. Уже к западу от Анабары 12 августа встречены густые льды. 13 августа пришли, пробиваясь среди льдов, к устью Хатангской губы (74°9′). На левом берегу ее видели зимовье, в нем хлеб и собак, но промышленников не оказалось. Продолжая плавание далее, 19-го достигли широты 77°29′; по пути на льдах видели множество белых медведей, а в воде моржей и белуг. [1] Глубина здесь была значительна, лот не доставал дна на 120 саженях (морских). Льды здесь были „самые глухие“, которым „и конца видеть не могли“. Больной Прончищев созвал к себе в каюту обер и унтер-офицеров, и „по консилиуму“ с ними решили итти обратно. 25 августа подошли к устью Оленека, но целую неделю не могли за противным ветром войти в устье. 29-го Прончищев скончался, и в командование вступил Челюскин. 2 сентября вошли в устье Оленека и остановились у прошлогоднего зимовья. 6-го погребли тело командира, а 11-го за ним последовала в могилу и его верная жена.

Через 139 лет после этого, 26 августа 1875 года, А. Л. Чекановскому удалось найти могилу Прончищева и его жены в устье Оленека, у мыса Тумуль.

В августе 1736 года Прончищев, будучи в устье Анабары, под 73°1′ с. ш., посылал вверх по Анабару геодезиста Чекина „для описания и осмотра руды, которая объявлена здешними обывателями“. Повидимому на основании его рассказов, на рукописной карте фон-Дезина 1742 года нанесена, при впадении реки Солемы в Анабарскую губу, гора, при которой

---

[1] Это китообразное (Delphinapterus leucas) на севере называется *белугой*, а вовсе не белухой, как у нас почему-то принято писать.

надпись: „гора каменная, из которой дым из щелей; а брали в ней нашатырь“. Об этом упоминает Соколов.[1] Впервые Миддендорф обратил внимание на то, что здесь идет речь о подземных пожарах залежей каменного угля.[2] Сведения о „горящей горе“ где-то между устьями Хатанги и Анабары были давно распространены в Сибири. Исаак Масса, пробывший в Москве с 1601 по 1609 год, в своем „Кратком описании путей и рек, ведущих из Московии на восток и северо-восток, в Сибирь, Самоедию и Тунгусию“, напечатанном в Амстердаме в 1612 году,[3] сообщает, очевидно со слов русских, следующее: „река Енисей (Jenisce) гораздо больше, чем Обь, и на восточном берегу своем имеет высокие горы, среди которых есть такие, которые извергают огонь и серу“. Люди, посланные воеводой за Енисей, часто видели, как в горах „подымалось пламя огня“, „они привезли оттуда небольшое количество серы и образцов камней, так что, повидимому, в этих горах находятся руды“. Иногда слухи о горах, извергающих пламя, давали повод говорить о вулканах на севере Сибири. Мессершмидт, будучи в 1723 году в Туруханске, собирался посетить горящую гору на Хатанге, где добывают много нашатыря.[4] О ней же по слухам упоминают Страленберг[5] и Гмелин (Reise, II, 1752, p. 526), бывший в Туруханске в 1739 году. Нашатырь отсюда в Туруханске и Енисейске употребляли при паянье. Местоположение этой горы с точностью было неизвестно. Гмелин, согласно разъяснению Миддендорфа, полагает ее на реке Попигай, впадающей с востока в Хатангскую губу, недалеко от устья Хатанги. Около середины XVIII столетия описываемый подземный пожар совсем или отчасти прекратился, и Миддендорф, будучи через сто лет в Хатангском погосте, не мог получить по этому вопросу никаких сведений.[6] Разъяснение этот

---

[1] Зап. Гидрогр. департ., IX, стр. 11—12.

[2] A. Middendorff. Sibirische Reise. Bd. IV, Th. I, Lief. 2, 1860, p. 259—261.

[3] Переведено на русский язык у: М. П. Алексеев. Сибирь. Иркутск, 1932, стр. 256—261.

[4] Middendorff, l. c., p. 260, Anmerk. 3.

[5] Strahlenberg, 1730, l. c., p. 324 („близь Ледовитого моря между Енисеем и Хатангой“). На карте же, приложенной к этой книге, огнедышащая гора нанесена в верховьях Оленека (Olenets), к востоку от этой реки; около горы надпись: Mons ignivomens in cujus cineribus Sal ammoniacu reperitur.

[6] Но зато Миддендорф узнал про другой подземный пожар, именно — недалеко от впадения реки Тамуры (Таймуры) в Тунгуску; об этом пожаре

вопрос получил только во время Хатангской экспедиции 1905 года: близ устья реки *Огневки*, впадающей в Хатангскую

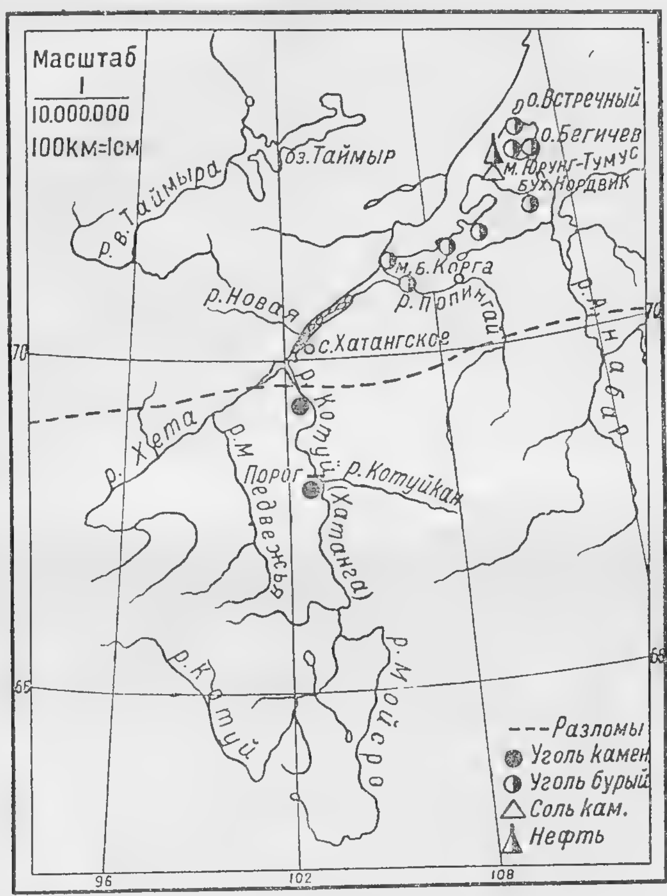


Рис. 54. Карта района Хатанги. (Из Н. Н. Урванцева, 1935.)

губу километрах в 50 к востоку от устья Попигая, И. П. Толмачев обнаружил ясные следы бывшего каменноугольного пожара, истребившего на пространстве многих десятков

упоминает, впрочем, еще Витсен (1692). По словам Третьякова (Зап. Геогр. общ. по общ. геогр., II, 1869, стр. 223), близ реки Горелой, впадающей справа в Нижнюю Тунгуску, около 1800 или 1770 г. существовали подземные гари, от которых река и получила свое имя.

квадратных километров два пласта мезозойского каменного угля. Местные жители о пожаре давно забыли. [1]

После смерти Прончищева в командование вступил штурман Челюскин. В половине декабря он, вместе с геодезистом Чекиным, поехал в Якутск. Но они доехали только до Сиктяха на Лене (почти под 70° с. ш.). Не получив здесь подвод, должны были прожить до июня 1737 года, когда по реке отправились в Якутск. Хотя Беринга здесь уже не было, но он перед отъездом в Охотск получил донесения Челюскина. Посоветовавшись с академиками и своими офицерами, Беринг отложил продолжение экспедиции до решения Адмиралтейства. Последнее обнаруживало замечательный интерес к этому научному предприятию и проявляло непоколебимую настойчивость. 3 декабря 1737 года Адмиралтейство определило: работы продолжать „с наиприлежнейшим старанием“ не только в следующее лето, но и в другое, и в третье, и даже в четвертое. На случай, если льды никак не позволят произвести опись с моря, говорилось в другом указе, то надлежит сделать опись кругом Таймырского полуострова сухопутно.

Преемником Прончищева назначен Харитон Лаптев. Дубель-шлюпка „Якутск“ летом 1737 года была приведена с устья Оленека в Якутск. На ней Х. Лаптев вышел 9 июня 1739 года с экипажем в 45 человек. 21 июля вступили в море западным рукавом Лены. В дельте этой реки, по описанию Лаптева (стр. 9), „кочуют в летних юртах якуты, которые довольствуются рыбами, оленями, гусями, лебедями и утками дикими, которых великое множество по озеркам мелким. Они же якуты промышляют песцов белых и голубых, чрез всю зиму; ездят на собаках.“

Море у западного устья Лены и до Оленека было у берегов свободно от льда. 24 июля миновали устье Оленека; здесь, говорит Лаптев (стр. 10), „в зимовьях живут русские промышленники издавна, семей около 10, которые чрез жен своих соединились многие с новокрещенными якутами и на их природу и обычаи схожи“. Между устьями Оленека и Анабара берег крутой, ровный, безлесный. 28 июля достигли губы Нордвик, почему-то получившей от русских промышленников с устья Анабара это скандинавское имя. В губе

[1] И. П. Толмачев. Изв. Геогр. общ., XLVIII (1912), стр. 398, или оттиск, СПб., 1915, стр. 18 (см. карту). См. также выше, стр. 349, рис. 54, из работы Н. Н. Урванцева, Хатанга — новый горнопромышленный район. „Сов. Арктика“, 1935, № 1, стр. 49.

стоял лед, почему для описания ее посылали на берег геодезиста. 6 августа подошли к устью Хатанги; теснимые льдами, принуждены были укрыться в Хатангской губе под 74°42′ с. ш., где простояли целую неделю. 14 августа вышли из губы и, все время плывя среди льдов, к 21 августа достигли мыса св. Фаддея под широтою 76°47′, где сплошные льды совершенно загородили дорогу. Мыс этот, пишет Лаптев (стр. 18), „лежит утесом каменным; на нем местами мелкой камень белой, подобен алебастру. Земля глина. Здесь мамонтовый рог выкопали из земли, длиной в 4 фута. У сего мыса стоя [1739 г.], видели морских зверей, великих собою, подобно рыбе; шерсть маленькая, белая, яко снег; рыло черное. По здешнему называют *белуга*“. Это — белуга, Delphinapterus leucas, из зубатых китообразных. Она часто входит в Енисей, подымаясь выше Дудинки, а в 1826 году прошла даже до Подкаменной Тунгуски.

Удобного пристанища на берегу у мыса св. Фаддея не оказалось, почему решили итти на зимовье в Хатангскую губу, куда вернулись 29 августа. Здесь близ устья речки Блудной, под 72°56′ с. ш., благополучно перезимовали: больных не было. Поблизости жило несколько семейств сидячих тунгусов. На корге, в устье Хатанги „в горе, в ссыпном яру, перпендикулярно от ватер-линии, в 25 саженях вышины, из земли торчат толстые бревна гнилые, и все в лучины раздробилися; над ними земли наросло вышиною 5 сажен“ (стр. 15).

О Хатанге у Лаптева говорится: „Река Хатанга вышла из лесных мест, пустых, из озера Большого зовомого; и сей на ней лес стоячий, окончился в 73° ширины. По ней коренными зимовьями живут русские и новокрещенные якуты, начав с вершин, от 72° ширины и по самое устье. Жители довольствуются не столько рыбою, но больше оленями, которых промышляют на плаву чрез реку, осенью, когда идут олени с моря в лесные места, и весною, когда також на плаву, идут от комаров из лесных мест к морю и к озеру Таймурскому в тундреные чистые места. По сей реке промышляют песцов белых и голубых, против других мест довольнее. Собою песцы большие. Изредка промышляют волков бело-черных и белых; только не много их [стр. 39]. На сей реке находится много морского ладону: цвет и дух имеет как янтарь, но токмо крошек“ (стр. 41).

Указание Лаптева на произрастание по Хатанге высокоствольных деревьев под 73° с. ш. показалось А. Соколову сомнительным, и он поставил при этой цыфре знак вопроса.

Между тем, сообщение Лаптева близко к истине. На Хатанге, как известно, древесная растительность подымается к северу так далеко, как нигде в другом месте на земле. Окрестности села Хатангского, лежащего под 72° с. ш., почти сплошь облесены.[1] Миддендорф принимает, что лес по Хатанге простирается примерно до 72°30′ с. ш. А. И. Толмачев в 1928 году видел к северу от Хатангского, несколько поотдаль от реки Хатанги, под широтой 72°40′, три лиственицы (Larix dahurica) высотой до 120—130 сантиметров.[2] Возможно, что во времена Лаптева (1740) „стоячий лес" по Хатанге доходил еще немного дальше, до 73° с. ш.

Лов оленей на плаву, т. е. во время переправ через реки, практиковался на Пясине, Таймыре и Хатанге еще во второй половине XIX века. Вот как его описывает Третьяков. С наступлением осени, олени, собравшись значительными табунами, направляются на юг. Во время переправы через реки впереди идут передовые олени, подымая высоко голову и осматривая окрестность. Когда передовые войдут в воду, за ними кидается весь табун. Олени плывут один за другим, в несколько рядов. В это время промышленники врываются на лодках в середину табуна и начинают колоть оленей. Несколько сот обезумевших животных, которые мечутся и плещутся в окровавленной воде, сталкиваясь рогами, дикие крики охотников, старающихся не допустить оленей на берег, люди на берегу, приканчивающие недобитых раненых оленей, — такова картина массового истребления безобидных изящных животных. Опытный охотник в полчаса набивал свыше 70 штук оленей.[3] Описываемый олень принадлежит к восточносибирскому подвиду — Rangifer tarandus sibiricus и именно к тундровой форме, отличающейся от лесной своим мелким ростом и более светлой окраской. Этот олень дважды в год совершает правильные перекочевки: осенью — на юг, из тундры в леса, весною обратно — из лесов в тундру.

Что касается белых волков, о которых говорит Лаптев, то о них упоминают и другие авторы.[4] По словам Третья-

[1] А. И. Толмачев. О распространении древесных пород и о северной границе лесов в области между Енисеем и Хатангой. Труды Полярной комиссии, вып. 5, 1931, стр. 21.

[2] Там же, стр. 22.

[3] П. Третьяков. Туруханский край. Зап. Геогр. общ. по общей географии, II, 1869, стр. 492—494.

[4] Ph. Strahlenberg (Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730, p. 430) говорит: „волки обычно бывают серые;

кова,[1] белые волки, изредка попадающиеся в Туруханском крае, ценятся выше серых. Кривошапкин сообщает, что такие волки, кроме Туруханского края, встречаются в Березовском округе.[2] Миддендорф говорит, что таймырские волки, известные в продаже под именем туруханских, отличаются своей величиной и белизной.[3] Во время зимовки „Зари" у западного берега Таймыра, на берегу залива Миддендорфа, были замечены 10 сентября 1900 года (нового стиля) четыре волка, один темный, прочие светлые, почти белые.[4] Волк Колымского округа, по наблюдениям В. И. Иохельсона, крупнее обыкновенного русского волка и с более светлой шерстью; под старость он принимает совсем белый цвет с легким желтоватым оттенком. Впрочем, в продаже ценится не совсем белый волк, а такой, у которого на спине заметна примесь черных волос.[5] Стеллер упоминает о нахождении (редком) снежно-белых волков на Камчатке. Такие же волки описаны и из арктической Америки. Белый волк севера Сибири есть географическая форма обыкновенного Canis lupus.[6]

Янтарь, о котором упоминает Лаптев, попадается небольшими кусками (величиной с горошину) на всех берегах Северного Ледовитого моря как в Европе, так и в Азии, а также на берегах Камчатки, Алеутских островов, Кадьяка и пр.[7] Лопатин находил кусочки янтаря на левом берегу Енисейской губы, у Зверева; здесь же на берегу много кусков каменного угля.[8] Можно отметить, что янтарь встречается также в постплиоценовых отложениях северной морской трансгрессии с раковинами Nucula tenuis, например

в Сибири же они по большей части белые, особенно на брюхе; к тому же они крупнее обычных и имеют очень мягкую и теплую шерсть. Местами попадаются также черные как уголь."

[1] П. Третьяков, там же, стр. 300.

[2] М. Кривошапкин. Енисейский округ и его жизнь. СПб., 1865, т. II, стр. 81.

[3] A. Middendorff. Sibirische Reise. Band IV, Theil 2, St. Pbg, 1867, p. 985.

[4] E. Toll. Die russische Polarfahrt der Sarja. Berlin, 1909, p. 87.

[5] В. И. Иохельсон. Очерк зверопромышленности и торговли мехами в Колымском округе. Труды Якут. эксп. Сибирякова. СПб., 1898, стр. 96.

[6] Эта форма носит название Canis lupus albus Kerr 1792 (см. С. И. Огнев. Звери восточной Европы и северной Азии. II, М., 1931, стр. 182).

[7] Middendorff, l. c., IV, Th. 1, Lief. 2, 1860, p. 257.

[8] И. А. Лопатин. Дневник Туруханской экспедиции 1866 г. Зап. Геогр. общ., XXVIII, № 2, 1897, стр. 107, 108.

по берегу залива св. Иннокентия, что южнее Зверева. [1] В частности, относительно янтаря на Хатанге мы находим сведения на карте Страленберга 1730 года: именно, по притоку Хатанги, Хете, надписано: in hoc Flumine Cheta Electrum invenitur. И. П. Толмачеву в 1905 году не удалось обнаружить янтаря на Хатанге, но он узнал, что в низовьях этой реки янтарь находят по преимуществу на песчаных берегах тундровых озер. [2]

С устья Хатанги Лаптев посылал в октябре 1739 года боцманмата Медведева на реку Пясину для описи берега от ее устья до устья реки Таймыра. Но Медведеву удалось пройти по берегу всего сорок верст. В конце марта 1740 года был послан геодезист Чекин для описи того же берега, но в обратном направлении, от устья реки Таймыра на запад до Пясины. Чекин прошел по реке Таймыру к морю, а отсюда вдоль морского берега на запад, достигнув на сто верст к западу от того места, где берег повернул к югу (т. е. от мыса Северо-западного, для которого Лаптевым принята широта 76°38′). 17 мая 1741 года он вернулся обратно. Мыс Северо-западный лежит на самом деле не на материке, а на северной оконечности острова Таймыр. В настоящее время этот мыс носит имя Лаптева (76°22′ с. ш.).

В 1740 году только 12 июля можно было войти в Хатангскую губу и лишь через месяц из-за льдов достигли устья ее. Здесь 13 августа под $75^1/_2$° с. ш. „Якутск“ потерпел крушение: сдавленное льдами судно понесло ветром и течением к северу. Ото льдов сделалась пробоина, и судно начало заливать. Утром следующего дня, продолжая отливать воду, стали выгружать на лед провизию. К вечеру, когда льды тронулись и снова понесли судно в море, было решено свести всю команду на лед. Берега удалось достичь только через полтора суток, 16-го. Тут развели огонь из плавника, обогрелись и начали перевозить провиант на берег, пока лед с остатком провианта не унесло в море (31 августа). Команда, больная и изнуренная холодом и непосильными трудами, стала роптать и отказывалась работать, „говоря, что им все равно умирать — работая и не работая“ (Соколов, стр. 305). Но Лаптев восстановил дисциплину. Только в половине октября смогли прибыть к месту своей

---

[1] Лопатин, l. c., стр. 111, 112. О том, что на берегу моря между Енисеем и Хатангой находят иногда янтарь, упоминает Strahlenberg, l. c., p. 332.

[2] Толмачев, l. c., стр. 392—393.

прежней зимовки в вершине Хатангской губы. Из больных четверо умерло.

Отказавшись от мысли обогнуть Таймыр с моря, неутомимый Х. Лаптев решил приняться за сухопутные съемки. 17 марта 1741 года с места зимовки отправлен к устью Пясины на собаках Челюскин; ему надлежало описать берег между устьями Пясины и Таймыра. Геодезист Чекин послан 22 апреля для описи берега между устьями Хатанги и Таймыра, а сам Лаптев с четырьмя человеками отправился 24 апреля к устью реки Таймыра. Почти вся остальная команда отправлена на оленных санках в Енисейск.

Чекин вскоре вынужден был вернуться, дойдя до широты 76°35′. Несчастный геодезист и двое его спутников ослепли от необычайного холода. Челюскин достиг устья Пясины и, идя по берегу моря, встретился 1 июня под широтой 75°21′ с Лаптевым, шедшим ему навстречу от устья реки Таймыра. Отсюда вернулись на Пясину 9 июня. С Пясины поехали на Енисей, в Мангазейск, т. е. Туруханск, где и провели зиму.

Теперь оставалось только положить на карту северную оконечность Азии. С этой целью в декабре 1741 года послан Челюскин. Выехав с устья Хатанги в конце февраля 1742 года, он прибыл к мысу св. Фаддея 1 мая и отсюда начал береговую опись по направлению к мысу, теперь называемому именем Челюскина, от него же получившему название Северо́восточного. Под широтой 77°27′ Челюскин сделал астрономическое определение по полуденной высоте солнца.[1] Здесь, напав на медвежий след, он ездил за 18 верст в море, где увидел четыре белых медведей, из коих один был убит. Пройдя еще 13 верст (от 77°27′ с. ш.), прибыли к мысу: „сей мыс каменный, приярый, высоты средней; около него льды гладкие и торосов нет. Здесь именован мною оной мыс Восточной-Северной мыс“ (стр. 63). На нем водрузили маяк из нарочно привезенного бревна. Соколов, на основании показаний журнала Челюскина, полагает широту мыса Северо-восточного, или Челюскина, в 77°34′ (стр. 63).

Бэр[2] и Миддендорф совершенно неосновательно заподозрили правдивость показаний Челюскина. Они думали, что он вовсе не был на Северо-восточном мысу. Но после того

---

[1] Зап. Гидрогр. деп., IX, стр. 62.

[2] C. Baer. Neueste Nachrichten über die nördlichste Gegend von Sibirien zwischen den Flüssen Pjässida und Chatanga. Beitr. z. Kenntn. Russ. Reiches, IV, 1841, p. 275.

как А. Соколов в 1851 году опубликовал выдержки из подлинного журнала Челюскина, достоверность его открытий не подлежит больше никакому сомнению. Мало того, Норденшельд, впервые после Челюскина, в 1878 году, производивший в этой области опись, но не знавший о статье Соколова, подтвердил точность съемки своего предшественника; мыс, говорит он, нанесен на русских картах совершенно правильно.[1] Астрономическое определение, произведенное Норденшельдом на мысе Челюскина (точнее, чуть западнее мыса) 20 августа 1878 года, тоже весьма близко к определению Челюскина: оно дало 77°36′49″ с. ш. и 103°17′ в. д. от Гринича.[2] Астрономическое наблюдение, сделанное 1 сентября 1901 года астрономом русской полярной экспедиции Ф. Г. Зебергом, дало широту 77°40′48″; северная оконечность мыса Челюскина, по приведению от места наблюдения, окажется под 77°41′30″ с. ш., 104°30′ в. д.[3] Амундсен, зимовавший на судне „Мод“ близ мыса Челюскина в 1918/19 году, также подтверждает правильность съемки, сделанной Челюскиным, которого он совершенно справедливо аттестует как „необычайно способного и энергичного человека“. Во время стоянки корабля „Мод“ Свердруп сделал 6 и 7 мая 1919 года астрономическое определение мыса Челюскина: оно дало 77°43′ с. ш. и 104°17′ в. д.[4]

О климате этих мест может дать представление устроенная недавно на полуострове Челюскина метеорологическая станция. Средние месячные температуры воздуха с октября 1932 года по август 1934 года здесь таковы:[5]

Я	Ф	М	А	М	И	И	А	С	О	Н	Д
—25,5	—22,6	—25,7	—20,9	—15.2	—1,7	+1,2	+0,1	—5,3	—10,0	—25,0	—30,8

С апреля по октябрь небо покрыто облаками, зимою же, как вообще в восточной Сибири, ясно.

---

[1] A. E. Nordenskiöld. Die Umsegelung Asiens und Europas auf der Vega. I, Leipzig 1882, p. 309.

[2] A. Lindhagen. Vega-expeditionens geografiska ortsbestämningar, in: A. E. Nordenskiöld. Vega-expeditionens vetenskapliga iakttagelser, I, Stockholm, 1882. p. 468, 471.

[3] А. М. Бухтеев. Основные астрономические пункты русской полярной экспедиции 1900—1903 гг. Зап. Акад. наук (8) по физ.-мат. отд., XXVI, № 2, 1911, стр. 12, 20.

[4] R. Amundsen. Nordostpassagen. Kristiania, 1921, p. 163, 167.— Р. Амундсен. На корабле „Мод“. Лгр., 1929. Гос. изд., стр. 174.

[5] Б. Рихтер. Полуостров Челюскин. „Сов. Север“, М. 1935, № 3—4, стр. 126.

Породу, которая обнажается на мысе Челюскина, Норденшельд определил как глинистый свинец; он прорезан кварцевой жилой.[1]

Мимо северной оконечности Азии прошли, после открывшего его Челюскина, в 1878 году Норденшельд, в 1893 году Нансен на „Фраме", в 1901 году Толь на „Заре", но ни

Рис. 55. Северная Земля. Северный берег пролива Шокальского (фотография Р. Л. Самойловича, 1932 г.).

один из них не заметил расположенных к северу острова М. Таймыра и Северной Земли, хотя, как мы видели, Челюскин прошел по льду еще 20 километров вглубь моря. 1 сентября (нов. стиля) 1913 года транспорты „Таймыр" и „Вайгач", под начальством Б. А. Вилькицкого, идя с востока,

[1] Umsegelung, p. 310. В 1932—33 г. Г. Д. Аллером произведена геологическая съемка полуострова Челюскина в масштабе 1 : 10 000. Район сложен допалеозойской метаморфической толщей, метаморфизованными породами нижнего палеозоя, почти горизонтальной третичной толщей, отложениями бореальной трансгрессии и ледниковыми. Допалеозойская и палеозойская толщи, сильно дислоцированные в северо-восточном направлении, прорваны гранитными интрузиями (Г. Д. Аллер. Бюлл. Аркт. инст., 1933, № 12, стр. 411—412).

встретили у самого мыса Челюскина лед, который их не пропустил к западу. Поднявшись на север, они 2 сентября, милях в 20—25 от мыса Челюскина, под 78°5′ с. ш., открыли низменный остров, М. Таймыр, а на следующий день, в расстоянии 20 миль к северо-западу от него, возвышенную Северную землю (рис. 55), вдоль восточных берегов которой они поднялись на север до 81° с. ш.[1] В следующем, 1914 году „Таймыр" и „Вайгач" под начальством Б. А. Вилькицкого, следуя с востока, благополучно миновали мыс Челюскина 2 сентября.[2] 9 сентября 1918 года мимо мыса Челюскина прошел Амундсен на корабле „Maud".

За последние годы советские суда неоднократно плавали по проливу Вилькицкого, отделяющему мыс Челюскина от Северной земли. Отметим историческое плавание ледореза „Литке", когда В. Ю. Визе в одну навигацию с 13 июля по 20 сентября 1934 года прошел, мимо мыса Челюскина, весь путь от Берингова пролива до Мурманска.[3] В навигацию 1935 года, замечательного в истории арктических плаваний, обычные коммерческие суда „Ванцетти" и „Искра" прошли из Мурманска, мимо мыса Челюскина, во Владивосток, а „Сталинград" и „Анадырь" проделали такой же путь в обратном направлении в течение 86 дней. Наконец, пароход „Рабочий" в том же 1935 году прошел из Архангельска в Колыму за 64 дня. Такого удачного года, как 1935, еще ни разу не было в сибирской Арктике.

Некоторые сведения о землях к северу от оконечности Таймыра могли иметься у сибирских туземцев. На карте Страленберга 1730 года на северной оконечности Сибири, между реками Пясиной и Хатангой, к северо-востоку от реки Горбицы, т. е. реки Таймыра, следовательно в области, соответствующей мысу Челюскина, обозначены Mont. Paternoster; они при посредстве Montes glaciales соединяются с непомерно растянутой на восток Новой Землей. В тексте своей книги[4] Страленберг сообщает, что он беседовал с людьми, которые путешествовали по узкому полуострову, идущему

---

[1] Современное описание и карты Северной Земли см. у: Н. Н. Урванцев. Северная Земля. Лгр., 1933, изд. Аркт. инст.

[2] Л. Брейтфус. Зап. по гидрогр., XXXIX, в. 1, 1915, стр. 106. — Л. Старокадомский. Через Ледовитый океан из Владивостока в Архангельск. Пгр., 1916, стр. 17 (оттиск из Морск. сборн.)

[3] В. Ю. Визе. Бюлл. Аркт. инст., 1934, № 10, стр. 352.

[4] Strahlenberg. Der Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia, p. 17.

по направлению к Новой Земле, и видели „Ледяные горы“.[1] Третьяков, бывший долгое время заседателем Туруханского округа, передает (1869) о местах у мыса Челюскина следующее: „нам не раз приходилось слышать о том, что на море есть иная земля, откуда переходят песцы и белые медведи. Не тянутся ли от Новой Земли, в виде архипелага, острова к Северовосточному мысу?“[2] 19 августа 1878 года Норденшельд видел на мысе Челюскина много куликов и громадную стаю гусей (черных казарок, Branta bernicla), тянувших на юг, „возможно,—говорит он,—с какой-либо земли, расположенной к северу от мыса Челюскина“.[3] Толь (1900), основываясь на нахождении зимой полярных куропаток и песцов на полуострове Челюскина, тоже полагал, что они приходят сюда с севера, где должны находиться острова.[4]

Обогнув северную оконечность Азии, Челюскин продолжал съемку по направлению к устью реки Таймыра. Деятельный Лаптев в феврале решил ехать ему навстречу. Прибыв к устью реки Таймыра в начале мая, он, за недостатком провизии, не мог следовать дальше, а послал навстречу Челюскину двоих солдат с запасами продовольствия. Посланные встретились с Челюскиным 15 мая, севернее устья Таймыра. Отсюда прошли тундрой к устью этой реки. В июле Лаптев и Челюскин через Туруханск прибыли в Енисейск. Экспедиция была закончена, и Лаптев с отчетами поехал в Петербург.

Харитон Лаптев, один из замечательнейших русских путешественников, скончался в декабре 1763 года в звании обер-штер-кригс-комиссара флота.

В своем отчете о плаваниях, который опубликован А. Соколовым более чем сто лет после окончания экспедиции (в 1851 году, в „Записках Гидрографического департамента“, IX, стр. 8—58), Лаптев сообщает весьма любопытные данные о северном побережье Ледовитого моря, между устьями Енисея и Лены, о реках, сюда впадающих, а также о народах, обитающих здесь. О тунгусских шаманах Лаптев пишет следующее: „Шаманство их состоит разными манерами: иные ножами режутся и кричат, иные скачут и в бубен бьют и

[1] На стр. 18 сообщаются маловразумительные сведения о путешествии из области Таймыра „на Новую Землю“, полученные от туруханского старожила.

[2] Третьяков. Зап. Геогр. общ. по общ. геогр. II, 1869, стр. 231.

[3] Nordenskiöld. Umsegelung Asiens und Europas. I, Leip., 1882, p. 308.

[4] E. Toll. Die russische Polarfahrt der Sarja. Berlin, 1909, p. 158.

поют, иные замышляются и тихо говорят, потом придет в такое безумие, что в беспамятстве якобы видит дьявола и говорит с ним, чего от него требует. Оное шаманство от них приходит не инако, как нарядяся в особливое к тому платье страшное, на котором множество звонцов медных и разных штучек железных на тоненьких плетенках, в четверть аршина долгих, нашитых на рукавах и на стану, где главные по швам“ (стр. 55). Относительно образа жизни тунгусов Лаптев говорит так: „Палатки у них называются *чум*, из оленьих кож, зимние с шерстью, летние из ровдугу, то-есть замша; растягивают на шестах, которые с собою возят. Имеют ружье [т. е. оружие]: лук с стрелами да полосу, яко нож, в аршин долгий, одного железа, да копье. На себе носят латы кольчужные и плащенные из железа. Одеяние их короткое, из оленьей кожи“ (стр. 56).

На тундре, лежащей у южного побережья озера Таймыр, летом „кочуют с оленями самоеды, называемые *тавги*“. Они „питаются дикими оленями, которых промышляют на плаву на реках, а в тундре загоняют в поставленные из крыльев махавки, меж которыми стреляют из луков. Питаются же они в летнюю пору на реках рыбою. Платье носят верхнее и нижнее из оленьих кож, зовутся *парки*, нижние и верхние; а из лап носят обувь; вместо подошв лбы оленьи. Ездят зимою и летом на санках; сделаны высокие от земли, на которых клади больше не подымет пяти пуд пара оленей“ (стр. 44).[1] К северо-восточным берегам озера Таймыр „самоеды за стужею“ уже не ходят (стр. 43). То же подтверждает и Миддендорф: в 1843 году он не встретил ненцев ни на северных берегах озера Таймыр, ни в низовьях реки Таймыра.[2] Но в настоящее время тавгийцы летом заходят и несколько севернее Таймырского озера (см. ниже).

Название *тавги* происходит от *тау*, как эту народность называют родственные им юраки.[3] Тавгийцев по переписи 1926/27 года насчитано 808 человек.[4] Они, согласно Патканову,[5] разделяются на два рода — авамский и вадеевский.

[1] Описание ненецкой одежды и санок см. у Кушелевского, стр. 59.

[2] A. Middendorff. Sibirische Reise. Band IV, Theil 2, Lief. 3: Die Eingeborenen Sibiriens, 1875, p. 1439.

[3] Б. Долгих. Население полуострова Таймыра и прилегающего к нему района. „Северная Азия“, 1929, № 2, стр. 52.

[4] Долгих, стр. 70.

[5] С. Патканов. Зап. Геогр. общ. по отд. стат., XI, в. 2, 1911, стр. 431.

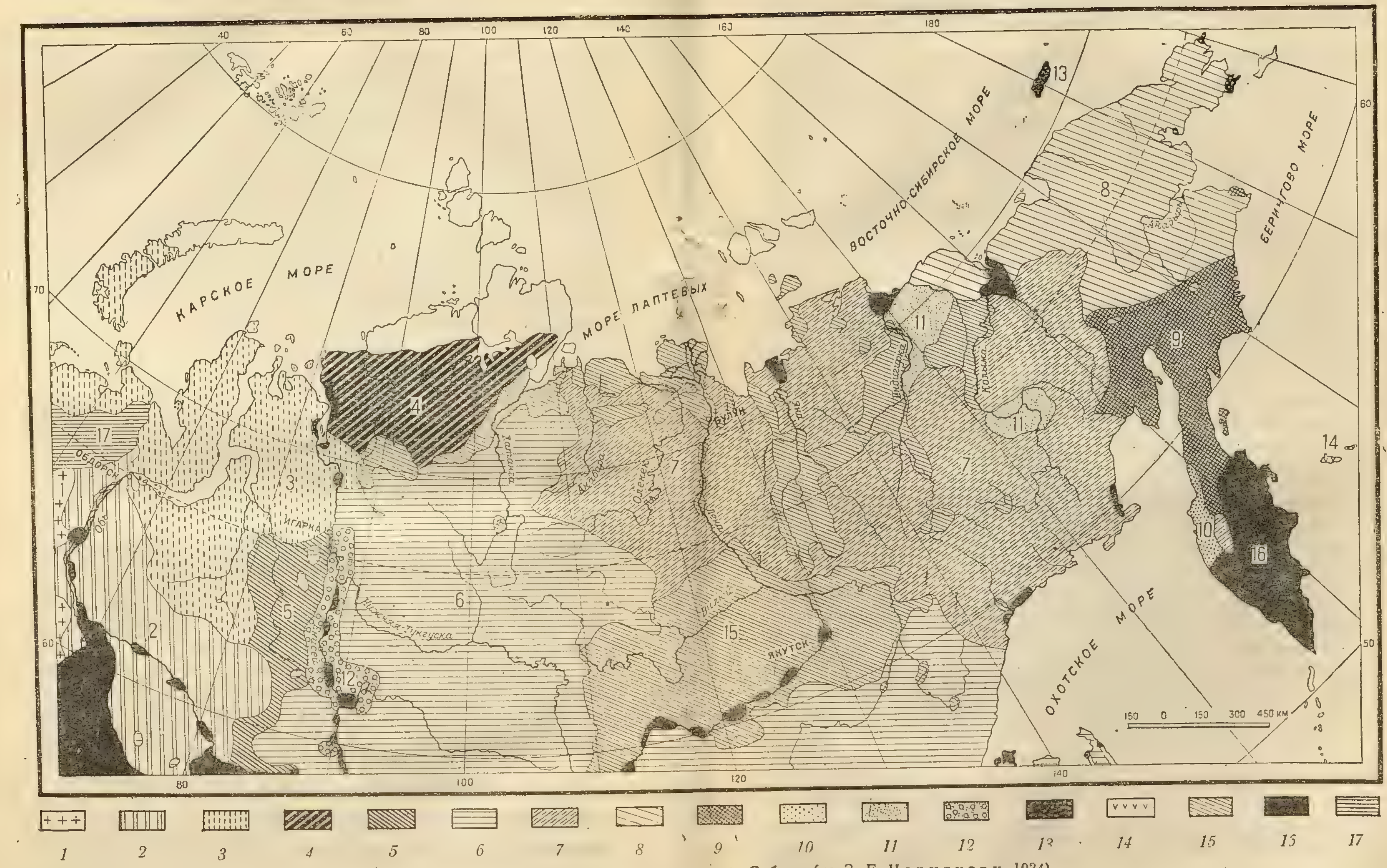


Рис. 56. Карта распределения народов по северу Сибири (по З. Е. Чернякову, 1934).

1. Вогулы. — *2.* Остяки. — *3.* Ненцы. — *4.* Тавгийцы. — *5.* Остяко-ненцы. — *6.* Тунгусы. — *7.* Ламуты. — *8.* Чукчи. — *9.* Коряки. — *10.* Камчадалы. — *11.* Юкагиры. — *12.* Кеты (енисейцы). — *13.* Эскимосы — *14.* Алеуты. — *15.* Якуты (по нижней Хатанге и западнее — долганы) — *16.* Русские. — *17.* Коми (зыряне).

Авамцы летом кочуют по тундрам, начиная от Енисея около Дудинки, далее по Пясине, Аваму (притоку Дудыпты, впадающей в Пясину) и в бассейне реки Таймыра на север до 75° с. ш. По переписи 1926/27 года авамцев было 585 душ. *Вадеевцы* зимою живут на левом берегу нижней Хеты, а летом доходят до южного берега озера Таймыр, а некоторые продвигаются еще далее на север, к северо-востоку от озера Таймыр, достигая 75° с.ш.;[1] вадеевцы сами себя называют *асси-ня*, от слов *асси* — тунгусы и *ня* — название, каким себя обозначают авамцы, и, действительно, вадеевцы, как принимают Миддендорф и Патканов,[2] есть осамоедившиеся тунгусы. По переписи 1926/27 года вадеевцев было 223 человека.[3] Тавгийцев Долгих,[4] исследовавший их в 1926/27 году, характеризует следующим образом: они почти не употребляют тканей для одежды, одеваются в свой, национальный костюм, не имеют каких-либо постоянных построек, не имеют русских имен и сохраняют свои языческие верования.

Крайний север Таймыра необитаем: летние кочевья ненцев (самоедов) не простираются далее линии, идущей от Гольчихи на Енисейской губе до слияния Пыра с Пясиной, отсюда к району озера Таймыр (под 75°) и, наконец, к Хатангской губе, именно — приблизительно к месту впадения в нее М. Балахны. Толь (Die Polarfahrt der Sarja, p. 127) задает вопрос, почему ненцы (самоеды) летом не посещают северного Таймыра, где много оленей, птиц, тюленей, наконец, — рыбы в устьях Пясины и Таймыра, и предполагает, что причиной является скудость топлива, именно недостаток выкидного леса на здешних берегах. Вряд ли это, однако, так. Выкидного лесу немного на берегах полуострова Челюскина,[5] но на прочих берегах Таймыра плавнику довольно: в устье Пясины, по словам Лаптева (стр. 27), „плавника лесу весьма много, которым жители довольствуются" (см. также стр. 47); то же говорит Миддендорф относительно устья реки Таймыра и Таймырского залива[6] и подтверждает (p. 254) об устье Пясины.

---

[1] Долгих, стр. 59.

[2] Патканов, стр. 431.

[3] Долгих присоединяет к тавгийцам еще долган-самоедов (65 чел.) и роды хантайский (199 чел.) и карасинский (170 чел.). Мы следуем Патканову.

[4] Долгих, стр. 72.

[5] См. Зап. Гидрограф. департ., IX, стр. 61—62, а также стр. 20,

[6] Middendorff. Sib. Reise, IV, 1, p. 252, 254.

О лове оленей на плаву мы уже говорили выше (стр. 352). *Махавки* — это частоколы, которыми самоеды и юраки промышляют оленей. Весной, когда олень идет из лесов в тундры, махавки устраиваются в виде длинных, в четыре-пять километров, частоколов, сходящихся под углом. Узкий конец перегораживается сетями из тонких ремней. На кольях, вышиной в метр, навешивают тряпки и перья, чтобы напугать оленя и не дать ему проскользнуть между кольями. Загнав в махавку оленей, их у перегороженного конца стреляют из луков или колют рогатиной. Летом махавки делают из земли и дерна и узкий конец их выводят в речку или озеро; когда олени, вырвавшись из махавок, бросятся в воду, охотники с лодок („ветки") начинают их колоть.[1]

По словам Лаптева (стр. 42—43), особенно много диких оленей бывает в низовьях реки Таймыра и на Таймырском озере, и именно летом, с мая; они ходят стадами по тысяче голов. „Великое множество" оленей (и гусей) также на реки Пясине (стр. 47).

Река Пясина, говорит Лаптев, вышла из озера Пясинского; озеро это мелкое, „но токмо срединою идет глубокая вода из речки впадающей в нее [в озеро], Нарыльской". Эти данные полностью подтвердил Н. Н. Урванцев, работавший здесь в 1919—1926 годах. Глубина Пясинского озера летом 2—3 метра (при длине около 90 километров), а зимой лед во многих местах лежит непосредственно на дне. В средней части озера, начиная от устья реки Норильской, тянется довольно глубокая впадина, „борозда", представляющая собою русло реки Норильской (Пясины). Ширина этой борозды 200—300 метров, глубина зимою 1921 года 4—5 метров и больше. Зимою, таким образом, Пясинское озеро сокращается до пределов борозды.[2]

„По реке Пясинге стоячий лес окончился в параллеле 70°10′ ширины". Это наблюдение Лаптева в общем правильно. Действительно, на реке Пясине лиственица (Larix sibirica) в небольшом количестве есть у станка Введенского, под 70°10′ с. ш.; здесь местность носит лесотундровый харак-

---

[1] Третьяков, стр. 491—492. См. также М. Кривошапкин. Енисейский округ и его жизнь. Спб., 1865, т. II, стр. 105—106 (долганы у Дудинки).

[2] Н. Н. Урванцев. Следы четвертичного оледенения центральной части севера Сибири. Труды Глав. геолого-развед. объедин., вып. 113, 1931, стр. 38.

тер.[1] Отдельные же лиственицы, по наблюдениям Урванцева (1929), доходят до впадения Дудыпты в Пясину, т. е. до $70^1/_2{}^\circ$ с. ш. „По сей реке [Пясине], с самой вершины, живут русские промышленники и до 71° 10′, которые промышляют, как и прочие, песцов. Питаются рыбою; из реки довольное число ловится. А дале сих мест и до устья все пустое место; но токмо по ней самоеды до устья реки Повры [Пыры?] в лете кочуют, где ловят рыбу и оленей на плаву. По здешней тундре, меж рек Енисея и Пясинги, состоят самоеды, слывут *хантаянские*" (стр. 47) — имеется в виду Хантайский род енисейских ненцев; их по переписи 1897 года было 204 чел.,[2] по переписи 1926/27 года 199 человек (подсчитаны не полностью); их язык (*самату*) близок к языку ненцев-юраков.[3] Последние, по словам Лаптева, живут между низовьями Оби и Енисея, что справедливо и для настоящего времени. „Сии юраки, приходя, многих [русских] грабили и до смерти убивали" (стр. 53). Напротив, о ненцах, тунгусах и якутах Лаптев отзывается с похвалой: „самоеды с охотой помощь чинят Камчатской экспедиции" (стр. 44). „Мужеством и человечеством и смыслом тунгусы всех кочующих и в юртах живущих превосходят" (стр. 56).

Юраки—это западные ненцы (рис. 56), кочующие по тундрам от Белого моря на западе до Енисея и (даже несколько далее) на востоке.[4] Как предполагает Кастрен, слово юраки родственно словам *югра, Югрия.*[5] Туруханские юраки, или юраки в собственном смысле слова, разделяются на два рода: Тазовский, кочующий по тундрам от реки Таза до Тазовской губы, и Береговой, кочующий по обе стороны полярного течения Енисея. По переписи 1897 года, всего туруханских юраков числилось 466 душ,[6] а после того число их значительно уменьшилось от оспы, и в 1907—1908 годах

[1] А. И. Толмачев. О распространении древесных пород и о северной границе лесов в области между Енисеем и Хатангой. Труды Полярной комиссии, вып. 5, 1931, стр. 7.

[2] Патканов. Зап. Геогр. общ., отд. стат., XI, в. 2, стр. 410.

[3] Долгих, стр. 53. Вообще хантайцы ныне сильно смешались с юраками (там же, стр. 75).

[4] A. Castren. Ethnologische Vorlesungen über die altaischen Völker, 1857, p. 83.

[5] l. c.

[6] С. Патканов. О приросте инородческого населения Сибири. СПб., 1911, изд. Акад. наук, стр. 45. — С. Патканов. Зап. Геогр. общ. отд. стат., XI, в. 2, стр. 412—414.

юраков Берегового рода было не более 16.[1] Новейшие исследователи дают о юраках более сочувственный отзыв, чем Лаптев. Так, Третьяков (стр. 93) говорит про них: „в умственном отношении юраки едва ли уступают тунгусам и, несмотря на скромность, характером гораздо тверже, а в отношении аккуратности по своему хозяйству уступают разве долганам“ (т. е. объякутившимся тунгусам).[2] Впрочем, юраки всегда отличались воинственностью: первое столкновение с русскими они имели на ручье Пуре, впадающем в Тазовскую губу, в 1600 году, когда партия немирных юраков напала на отряд кн. Мирона Шаховского и, убив 30 человек, заставила его вернуться обратно.[3]

О туруханских русских Лаптев сообщает (стр. 49—50): „у всех промышленников по реке Енисею русских не весьма довольно богатства их в чем бы то ни было; понеже коренных, или назвать давне живущих, на сих местах очень мало, но многие набродные, из русских городов, с пашпортами просроченными или без пашпортные. Обычаи имеют: велики охотники в карты играть, покупая дорогою ценою;[4] також слабы очень к вину горячему, которое временно привозят государево из города Мангазейска [т. е. из Туруханска]... Многие свои заводы проигрывают и пропивают Мангазейским служилым и жителям“. В Туруханске в то время было „с 70 домов жителей разных чинов русских; довольствуются привозным хлебом, а родятся огородные овощи: капуста и редька и репа, а более ничего“.

О реке Енисее Лаптев сообщает такие сведения.[5] По этой реке, считая сверху, вплоть до 61° с. ш. живут русские; „село последнее к морю Дубческое, в котором хлеб пашут всякой; а ниже сего села нет пашни никакой и жителей до города Мангазейска; но токмо остяки новокрещеные по берегам реки в берестяных юртах живут и рыбою питаются“. Имеются здесь в виду *енисейцы*, или *кеты*, неправильно назы-

---

[1] К. Рычков. Береговой род юраков. Зап. Зап.-сиб. отд. Геогр. общ., XXXVIII, стр. 157.

[2] Ср. также отзыв о юраках у Кривошапкина, II, стр. 151.

[3] Фишер. Сибирская история. СПб., 1774, стр. 206.

[4] В наказе, данном мангазейским воеводой кн. Василию Мосальскому и Савлуку Пушкину в 1601 г., говорится: „и тобольских и березовских служивых людей, которые с ними посланы, и Литву, и казаков, и стрельцов от всякого воровства и от убивства унимати, и зернью и карты играть не велети“ (Г. Миллер. Описание Сиб. царства, I, 1750, стр. 389). Зернь — это игра в кости.

[5] Зап. Гидрогр. деп., IX, стр. 48.

вавшиеся раньше енисейскими остяками, неправильно — потому, что с остяками они по языку и происхождению не имеют ничего общего. В культурном же отношении кеты близки к остяко-ненцам. Кет на языке этого народа означает человек. По переписи 1926/27 года кетов было немного более 1000 человек. Берестяные юрты, о которых говорит Лаптев, весьма характерны для этого народа. Кеты кочуют по Енисею между деревнями Дубческой (Ворогово, под 61° с. ш.) и Ермаковой (почти под полярным кругом), а также по Елогую, Курейке и низовьям Подкаменной Тунгуски. Язык кетов не имеет ничего общего с языками соседей; его сближают то с тибетским, то с языками Передней Азии.

В том же отчете Лаптева мы находим ряд любопытных сведений о тундре. Так, относительно области у озера Таймыра он говорит (стр. 44): „По сей тундре, а паче близ моря, лежащие находятся мамонтовые роги, большие и малые, також и другие от корпуса кости“. „А на иных реках здешней тундры из берегов вымывает и целые звери мамонты, с обеими рогами; на них кожа толщиною в 5 дюймов, а шерсть и тело истлелые; а прочие кости, кроме помянутых рогов, весьма дряблые... Сей зверь мамонт есть, мнится быть, и ныне в море Северном, на глубоких местах; понеже случалося по самым берегам моря находить роги, ничего в землю не вofficial вослые, о которых уповательно волнами выбивает; а по тундре все роги находятся в земле верхним из острых концов, а тупым концом на верху земли“ (стр. 45).

Принимая мамонта за морское животное и находя остатки его в тундре далеко от моря, Лаптев полагал, что „чаятельно быть в прежних годах большим водам в море, что тундру закрывало водою“.

Лаптев дает описание растительности низовьев Енисея и Таймырской тундры (стр. 51): ниже Туруханска местами имеется строевой лес, но чем далее к морю, тем его меньше, и состоит он из мелкой лиственицы, но и она кончается под 69°43′ с. ш., у Крестовского мыса. Это наблюдение совершенно точное: северная граница распространения сибирской лиственицы (Larix sibirica) проходит на Енисее несколько севернее 69°40′ с. ш., неподалеку от станка Селякина; здесь лиственица представлена разрозненными, низкорослыми, до 2—2½ метров высотой, деревцами.[1] Далее же к морю „нет

[1] А. И. Толмачев, l. c., стр. 5.

никакого лесу стоячего, но токмо плавнику довольно". „Около моря, по всем тундрам, кроме северных мысов, восточного и западного [имеются в виду мысы Челюскина и Лаптева], т. е. до 74° ширины, на мокрых местах растет тальник,[1] не выше двух дюймов вверх, которой толстыми стеблями стелется по земле, на аршин и меньше, в летнее время, и малой лист издает. А на иных местах, где влажнее земля, растет березник тонкий, кустами, не выше фута, по здешнему зовут ярник,[2] который употребляют Самоеды в лете вместо дров, или есть варят; лист на них в копейку серебряную, больше не бывает летом. От вышеупомянутой ширины (74°) к северу никакого нет лесу, и с нуждою редкая трава выходит".

„Здешней [т. е. Таймырской] тундры речки, — говорит Лаптев,—которые известно, что из безлесных мест вышли, на них находится лес плавник гнилой, едва на дрова с нуждою годен; и случилося в 1742 году, в тундре наехать от речек не меньше 10 верст, в параллели в 73° ширины, одно дерево гнилое ж в земле, подобно с корнем, вверх торчит толщиною в 5 дюймов диаметру, не выше 5 фут над землею".[3] Лаптев ошибочно принимал эти деревья за наносный лес, принесенный морем, и считал, что прежде море стояло выше: „чаятельно быть в прежних годах большим водам в море, что тундру заливало водою". Правда, в четвертичное время тундра на значительное расстояние от берега была покрыта морем, но следами его являются не те явления, о которых говорит Лаптев, а другие. Так, на острове Нансена (у берегов зап. Таймыра) А. А. Бялыницкий-Бируля нашел раковины четвертичных морских моллюсков (Mya truncata, Astarte, Saxicava, Pecten islandicus и др.) на высоте 35—37 метров над современным уровнем моря.[4] Миддендорф обнаружил раковины Mya truncata, Tellina, calcarea, Saxicava rugosa и др. в низовьях Таймыра на высоте 20—60 метров над уровнем реки; встречались они также в расстоянии 200 километров от моря.[5] По Хатанге песчаные отложения

---

1 Salix.

2 Betula nana.

3 Зап. Гидрогр. деп., IX, 1851, стр. 45—46.

4 Toll, l. c., p. 374. — А. Бируля. Зап. Акад. наук, физ.-мат. отд. (8), XVIII, № 2, 1907, стр. XVI.

5 Middendorff, IV. 1, p. 250—251. О четвертичной трансгрессии в низовьях Енисея см. у Лопатина, l. c., стр. 15—18 и passim. Fr. Schmidt, l. c., p. 17—20, 48—68.

морской трансгрессии с остатками раковин доходят на юг до $71^1/_2$° с. ш., подымаясь до абсолютной высоты в 25 метров.[1]

Как известно, в тундре, за много верст не доходя до современной лесной границы, встречаются остатки деревьев, несомненно росших здесь на месте. Произрастание лесов в тундре относится, надо думать, к тому более сухому и теплому времени, которое предшествовало современной климатической эпохе и приходилось за несколько тысяч лет до нашей эры.[2] Нахождение пней в тундре отмечено целым рядом наблюдателей (Миддендорф, Фр. Шмидт, Лопатин и др.). На берегу Енисейской губы, близ устья реки Зырянки, севернее 72° с. ш., Лопатин нашел под почвой и илом слой с растительными остатками и пнями березы от 10 до 13 сантиметров в отрубе; причем один ствол березы найден в стоячем положении, корнями вниз, так что дерево это, без сомнения, росло здесь же.[3] А между тем теперешняя граница леса находится очень далеко к югу отсюда ($69^3/_4$°). В тундре, в низовьях Енисея, на вышеупоминавшемся (стр. 365) Селякинском яру, Лопатин обнаружил в слое торфа ствол лиственицы до 35 сантиметров в отрубе и ствол березы с корой.[4] О такого же рода наблюдениях в тундре по Енисею и в Енисейском крае упоминает и спутник Лопатина Ф. Б. Шмидт.[5] В эпоху мамонта, в тундре по реке Гыда (севернее 70° с. ш.) росли лиственицы, полярные березы и ивы, как ныне у Дудинки под $69^1/_3$° с. ш. Шмидт полагает, что это время приходится на теплую послеледниковую эпоху.[6] Н. Н. Урванцев наблюдал на реке Пясине под 72° с. ш. ископаемые стволы лиственип и мощные линзы торфа, тогда как современная граница лесной растительности проходит здесь под $70^1/_2$° с. ш.[7]

Без сомнения, в тундрах Сибири встречается выкидной лес не только современный, но и постплиоценовый; послед-

---

[1] И. Толмачев, l. c., стр. 386.

[2] См. об этом Л. Берг. Об изменении климата в историческое время. Землеведение, 1911, № 3, стр. 72 сл. (также в книге „Климат и жизнь“, М., 1922, и Ландшафтно-географические зоны СССР. I, 1931, стр. 36).

[3] И. А. Лопатин. Дневник Туруханской экспедиции 1866 г. Зап. Геогр. общ. по общ. геогр., XXVIII, № 2, 1897, стр. 87.

[4] Там же, стр. 124.

[5] Fr. Schmidt. Wiss. Res. der an den unt. Jenissei ausgesandten Expedition. Mém. Acad. Sc. Pétersb. (7), XVIII, Nr. 1, 1872, p. 26.

[6] Там же, p. 34—35; ср. также p. 76—77.

[7] Н. Н. Урванцев. Тр. Гл. геол.-развед. объедин., вып. 113, 1931, стр. 45.

ний может оказаться на известной высоте над уровнем моря в результате поднятия берегов, какое испытал север Сибири. Так, на морском побережье между Енисеем и Пясиной можно встретить древний плавник на высоком обрывистом берегу, на высоте 4—6 метров над уровнем моря, в расстоянии нескольких километров вглубь суши. [1] Но, по словам Ф. Шмидта (l. c., p. 20), плавник в отложениях четвертичной морской трансгрессии представлен обычно щепками, а не цельными лесинами. Высокоствольный же плавник приурочен к современным и древним морским береговым линиям и к берегам рек.

Наконец, Лаптев сообщил данные о приливах и отливах в устье Енисея, Пясины, в Таймырской и Пясинской губах. В устье Енисея прикладной час 5 час. 30 мин.,[2] в устье Пясины 3 часа.[3] В Хатангской губе летом разность высокой и низкой воды 1,2—3,4 метра, прикладной час 11 час. 55 мин. [4] Точные сведения о приливах у берегов Таймыра мы получили только благодаря наблюдениям Русской полярной экспедиции, произведенным с декабря 1900 по май 1901 года у северного берега зап. Таймыра на рейде „Заря", под 76° 8′ с. ш. и 95° 8′ в. д. от Гринича. На всем протяжении Северного Ледовитого моря, начиная от Земли Франца-Иосифа и Мурмана и вплоть до Чукотского полуострова, приливы, как известно, полусуточные, т. е. с двумя полными и двумя малыми водами в сутки. Для устья Анабара это вполне определенно отмечено Прончищевым в августе 1736 года. [5] На рейде „Заря" средняя амплитуда прилива 38 сантиметров, средняя амплитуда сизигийного прилива 53 сантиметра, квадратурного 20 сантиметров, прикладной час 1 час. 37 мин.[6] По мере движения на восток амплитуда уменьшается, и в Питлекае (Чукотский полуостров) она в среднем падает до 6 сантиметров.

---

[1] Н. Н. Урванцев, там же, стр. 44.
[2] Зап. Гидрогр. деп., IX, 1851, стр. 31.
[3] Там же, стр. 27.
[4] Там же, стр. 14—15, 69—72.
[5] Там же, стр. 11.
[6] А. М. Бухтеев. Приливы у сибирского побережья Сев. Лед. океана по наблюдениям Русск. поляр. эксп. в 1900—3 гг. I. Приливы на рейде „Заря" у северного берега зап. Таймыра. Зап. Акад. наук по физ. мат. отд. (8), XXVI, № 4, 1912, стр. 9—10. Более новые данные о приливах у сибирского побережья см. в статье В. С. Стахевич. Приливы в морских устьях рек СССР. Зап. Гидрол. инст., XVII, 1935 (печатается).

5. Берега к востоку от Лены

Лейтенант Ласиниус, которому была поручена опись берега к востоку от Лены, вышел из устьев этой реки на палубном боте „Иркутск“ 7 августа 1735 года. Уже через четыре дня были встречены льды, которые понудили 13-го искать „отстойных мест к зимовью“. 14 августа достигли залива Борхая, недалеко к востоку от Ленской дельты, и здесь зазимовали, устроив из выброшенного морем леса

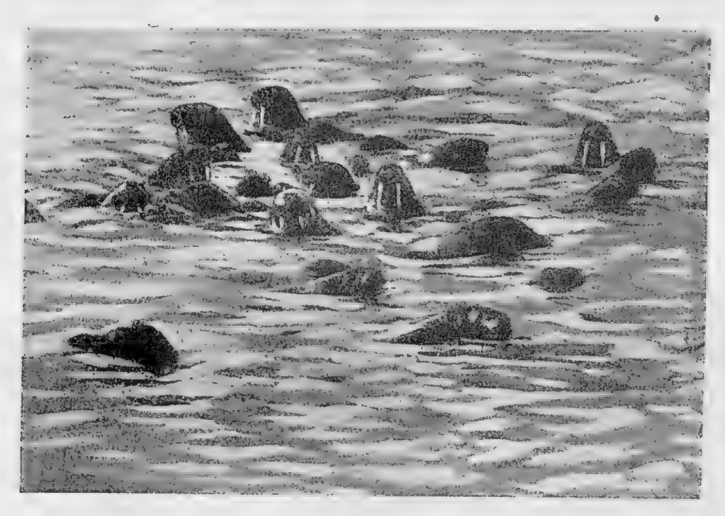


Рис. 57. Моржи в Сибирском Ледовитом море (из „Азиатской России“).

казарму. Вскоре открылась цынга, и первой жертвой ее пал сам начальник, умерший 19 декабря. За короткое время погибло еще 35 человек. Оставшиеся в живых иеромонах, подштурман Ртищев и 7 нижних чинов весною пришли в Якутск.

Вместо Ласиниуса начальником экспедиции в 1736 году был назначен лейтенант Дмитрий Лаптев, достойный брат Харитона. Спустившись по Лене, он уже 18 июля был в заливе Борхая и вступил в командование ботом „Иркутск“. Но пройти дальше меридиана мыса Борхая ему не удалось. 14 августа „по сделанному консилиуму“ решили итти обратно в Лену. В низовьях этой реки, недалеко от Булуна, под

широтой 70°40′, и зазимовали. Зимою сильно страдали от цынги, и один из матросов умер. Следующим (1737 года) летом Д. Лаптев отвел бот в Якутск, а сам поехал в Петербург. Здесь ему было предписано продолжать попытки пробиться к востоку на судне, буде же это окажется совершенно невыполнимым, то ехать с описью берегом до устья Колымы, а отсюда, съездив в Камчатку, взять судно и постараться обойти „Чукотский мыс“ с востока на запад.

Рис. 58. Юкагиры (из снимков В. И. Иохельсона в Институте антр. и этн. Акад. наук).

Пробывши два месяца в Петербурге, Д. Лаптев в марте 1738 года отправился в Сибирь. Ранней весной 1739 года из Якутска был послан матрос Лошкин на собаках, для описи берега от устья Яны до св. Носа (против Ляховского острова), а геодезист Киндяков для съемки реки Индигирки от верховьев до устья. Лаптев же из Якутска на том же боте „Иркутск“ спустился по Лене и 5 июля (1739 года) вышел в море. Только через месяц он подошел к мысу Борхая, где снова оказались густые льды. Впрочем, поплыли дальше, прорубаясь и проталкиваясь через лед. 7 августа достигли устья Яны. 14-го миновали мыс св. Нос, широта которого принята в 72° 50′, тогда как по астрономическому определению лейтенанта Давыдова в 1912 году она равна 72° 52′. Потом следовали на восток с тихим и попутным ветром,

не встречая льдов вплоть до 18-го. С этого дня началась непогода, ветры сделались свежими и противными, нанесло много льду. 22 августа пришли к устью Индигирки. Отсюда послали на берег для разведок матроса и лоцмана; ждали их шесть дней, но они не вернулись. 28-го пошли дальше и, пройдя еще 18 миль, снова посылали на берег лодки, из коих одна снова не вернулась. 1 сентября все море замерзло,

Рис. 59. Юкагирки (из снимков В. И. Иохельсона в Институте антр. и этн. Акад. наук).

но через четверо суток ветром разломало лед, и судно понесло в море. Так его несло сорок верст, когда ветер переменился, и явилась возможность пойти обратно к берегу. 9 сентября посланные на берег вернулись с радостным известием, что „Иркутск" находится у восточного устья реки Индигирки, и привезли посланных ранее людей, считавшихся погибшими. Эти несчастные едва не погибли тут с голоду и холоду, питаясь травою и песцами. Попытки ввести „Иркутск" в устье Индигирки оказались тщетными. Поэтому команду начали перевозить на берег, отстоявший в 15 километрах. Перевозку закончили к 22 сентября (1739 года). Зимой и весной следующего года матрос Лошкин и топограф Киндяков сняли берег от Индигирки до Колымы, штурман Щерби-

нин описал реку Яну, а Лаптев — Хрому. С зимовки Д. Лаптев послал Адмиралтейств-коллегии с матросом Лошкиным донесение, в котором писал, что пройти морем от Анадыря до Колымы, как предполагала Адмиралтейств-коллегия, вряд ли удастся. На это Лаптеву было в июне 1740 года предписано, если окажется возможным, обойти Чукотский нос водою, а если, за препятствием от льдов, водою итти будет невозможно, то сухим путем. Но еще задолго до получения этой инструкции Лаптев начал в июне 1740 года готовиться к новому походу. Нужно было вывести вмерзшее в лед судно в безопасное место. Для этого с помощью команды и 85 туземцев, прорубили во льду канал длиной в километр. Толщина льда была от $1^1/_2$ до 2 метров, и работа эта потребовала трех недель. Но едва судно вывели на чистую воду, как льдами его выкинуло на мель. Пришлось совершенно разгрузить судно. Только к 29 июля могли привести „Иркутск“ в надлежащий вид и через два дня отправились к востоку, сопровождаемые всюду тяжелыми льдами. 4 августа достигли Среднеколымского устья, а 14-го подошли к Большому Баранову камню. Отсюда начинались сплошные льды, почему решено было повернуть назад. 23 августа остановились на зимовку в устье реки Колымы, у Нижнеколымска, состоявшего тогда из 11 дворов. Осенью геодезист Киндяков был послан на Колыму для описи ее, штурман же Щербинин был отправлен на Анадырь для осмотра дороги туда по случаю предполагавшейся описи этой реки.

В следующее лето (1741 года) Д. Лаптев опять сделал попытку пройти на восток. Хотя лето было очень теплое, но и эта попытка не увенчалась успехом. 25 июля подошли к Большому Баранову камню, но уже на другой день льды принудили возвратиться. Через несколько дней опять подходили сюда, но снова продвинуться дальше не могли: 6 августа „учиня консилиум, что за вышеобъявленными препятствиями прибыть на Камчатку невозможно, возвратились в реку Колыму и впредь на оное море ботом не выходить“. 10 августа вернулись к месту прежней зимовки, в устье Колымы. Отсюда Лаптев в конце октября отправился на 45 нартах собак на Анадырь, в Анадырский острог. Перегрузившись по дороге на оленные сани, он 17 ноября прибыл в Анадырск, где тогда было довольно многочисленное население: 632 души коряков и юкагиров. Построив здесь весной 1742 года две лодки, он произвел летом съемку

реки Анадыря вплоть до устья.[1] Затем вернулся в Нижнеколымск, а отсюда в начале 1743 года в Якутск. В декабре этого года Д. Лаптев уже был в Петербурге.

Таким образом в течение 10 лет был положен на карту весь северный берег Сибири от Вайгача до Большого Баранова мыса и Анадыря.

Рис. 60. Ламут и ламутка (из снимков В. И. Иохельсона в Инст. антр. и этн. Акад. наук).

Теперь проследим, что сделано на севере после работ Прончищева и Д. Лаптева. Берег от устья Яны до устья Оленека описали в 1822 году штурманы Ильин и Бережных в составе экспедиции Анжу, от устья Яны до устья Индигирки в 1821 году Анжу и Бережных. В 1821—1823 годах Анжу сделал съемку Новосибирских островов. Берег между устьями Колымы и Индигирки описал в 1821 году штурман Козьмин в составе экспедиции Врангеля.

В 1761/62 году купец Шалауров и мореход Бахов прошли из устья Яны морем на восток до Чаунской губы. Им мы обязаны съемкой берега от устья Колымы вплоть до юго-восточной оконечности острова Аион.[2] „Карта

[1] (А. Соколов). Река Анадыр. Зап. Гидрограф. департ., X, 1852, стр. 163—166.

[2] О плавании Шалаурова см. P. Pallas. Neue Nord. Beytr., I, 1781, p. 285—287. — Врангель, Путешеств. по Сибири и Ледов. морю, I, 1841, стр. 84—92; II, 1841, стр. 313—314.

плавания купца Шелаурова на собственном его судне от реки Лены до реки Колымы в 1761 году, а оттуда до Шелагского мыса в 1762 году" имеется в архиве Главного гидрографического управления (№ 1358). В 1764 году отважный Шалауров снова предпринял путешествие к Шелагскому мысу, но обратно не вернулся. В 1823 году спутник Врангеля, Матюшкин, нашел зимовку Шалаурова (1764/65 года) к востоку от устья реки Веркон.

В 1778 году Кук, пройдя через Берингов пролив, достиг на северо-западе мыса Северного или Шмидта. Это плавание побудило русское правительство послать на северо-восток Сибири в 1785 году экспедицию во главе с Биллингсом и Сарычевым. Биллингсом в 1791 году отправлен сержант Гилев, который описал берег от губы св. Лаврентия до острова Колючина. Сам же Биллингс описал Колючинскую губу. Берег от устья Колымы до острова Колючина снят в 1821—1823 годах Врангелем и Матюшкиным, между Беринговым проливом и мысом Сердце-Камень — Шишмаревым в 1821 году. В 1909 году берег от дельты Колымы до мыса Дежнева положен на карту топографом М. Я. Кожевниковым и геодезистом Э. Ф. Вебером во время Чукотской экспедиции.[1]

Новейшая карта берегов от устья реки Колымы до острова Врангеля издана в 1934 году Главным Гидрографическим управлением; она основана на съемках гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана в 1911—1913 годах, восточно-полярной экспедиции воздушного флота 1931—1932 годов, Комитета Северного морского пути 1932 года и Государственного Гидрологического института 1932 года.

---

[1] М. Я. Кожевников. Чукотская экспедиция 1909—1910 гг. Труды Полярн. ком. Акад. наук, вып. 18, 1935, с атласом иллюстраций и карт.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Литература об экспедициях Беринга

Экспедиция Беринга, особенно вторая, в свое время считались секретными, и в начале сведения о них были очень мало распространены.

1. Первая экспедиция

Картографические результаты плавания Беринга к проливу его имени в 1728 году впервые появились на „Генеральной карте о Российской империи", опубликованной в Петербурге в 1734 году обер-секретарем сената Иваном Кириловым. Часть этой карты с корректурного оттиска, найденного мною в картографическом отделе библиотеки Академии наук и помеченного 21 августа 1733 года (№ 3528), помещена выше (при стр. 136).

Первое печатное известие о первой экспедиции Беринга (1725—1729 гг.) появилось в 1735 году в Париже на французском языке в 4-м томе сочинения иезуита Du Halde, „Description... de la Chine...", где на стр. 452—458 помещено: „Relation succinte du voyage du capitaine Beerings dans la Sibérie". К этому сочинению приложена, между прочим, карта под заглавием: „D'Anville, Carte des pays traversés par le Cap-ne Beerings depuis la ville de Tobolsk jusqu'à Kamtschatka", составленная картографом д'Анвилем в 1732 году по материалам, сообщенным ему из Петербурга Иосифом Делилем. Та же карта помещена в атласе д'Анвиля „Atlas général de la Chine", вышедшем в Париже в 1735 году. Среди бумаг И. Делиля, хранящихся в Bibliothèque Nationale в Париже, имеется и копия карты первого путешествия Беринга, найденная там Гастоном Каан (Cahen).[1] Подлинник

[1] G. Cahen. Les cartes de la Sibérie au XVIII-e siècle. Nouv. Arch. des missions scientifiques et littéraires. Nouv. série. Fasc. I, Paris 1911, p. 174, note 1.

1730 года воспроизведен в брошюре Л. Багрова „Карты Азиатской России". Петроград, 1914, стр. 19 (перепечатано в моей статье в „Зап. по гидрогр.", II, в. 2-й, 1919), а найденная мною в картографическом отделении библиотеки Академии наук копия с составленной мичманом Чаплиным копии (№ 3552) приложена к настоящей книге (см. при стр. 100). Донесение Беринга напечатано по-русски впервые в 1847 году (см. ниже список литературы); перепечатано целиком в книжке Вахтина 1890 г., стр. 86—96; здесь же, на стр. 4—73 напечатан подлинный журнал мичмана Чаплина, плававшего с Берингом по Берингову проливу.

7 августа 1736 года кабинет ее величества истребовал от Академии наук ряд сибирских карт; среди прочих карт посланы: „Карта писана чрез Шестакова" (1726 года), а также „Морская карта первой экспедиции морем и сушею капитана Беринга".[1] Упомянутая выше карта Шестакова должна быть очень похожей на ту, что приложена при стр. 108 настоящей книги.

2. Вторая экспедиция

Подробного отчета о второй экспедиции также не появлялось. Подлинные шханечные журналы экспедиции 1733—1743 годов были отосланы в 1754 году сибирскому губернатору Мятлеву в Иркутск по случаю предполагавшегося возобновления экспедиции, откуда в 1759 году пересланы в Тобольск губернатору Соймонову, где, как полагают, сгорели в 1788 году.[2]

Карты

Копии шханечных журналов, а равно некоторых карт, сохраняются в архиве Главного гидрографического управления.

В 1891 году Е. А. Бихнеру удалось найти в библиотеке Царскосельского дворца большую рукопись Ваксели на немецком (весьма плохом) языке, повидимому перевод журнала Ваксели. Царскосельская рукопись озаглавлена: „Auszug So wohl, aus meine, als aus andere Officiers, auf den Kam-

[1] К. Свенске. Материалы для истории составления атласа Российской Империи, изданного Императорской Академией Наук в 1745 г. Зап. Акад. наук, IX, приложение № 2, 1866, стр. 138.
[2] Соколов, 1851, стр. 196, 468.

schatsischen Expediton halltende Journalen, welche A° 1733 Von St. Petersburg, abgefärtiget wurde; worinnen Ist in der Kürtze andeführet, die Absichten dieser Expedition, dassen fortsetzung, neue Entdeckungen, Zustossende unglücksfälle und Endigung; welches durch ein geschicktere Feder, wie der meinige; deutlicher, umständlicher, wie auch weit läufiger kan ausgeführet werden, ohne etwas Von der Materia, oder Sache an sich selbsten zu Verendern von Swen Waxell Capitain von der Flotte zu Russland". Так как Ваксель был произведен в капитаны только 20 ноября 1749 года, то рукопись составлена или переписана не ранее конца этого года. Как она попала в библиотеку дворца, неизвестно. К ней приложена карта открытий во время плавания 1741 года с изображениями морской коровы, сивуча, морского кота и американца, а кроме того таблица размерами $32^1/_2 \times 39$ см с изображением морской коровы, котика и сивуча. Копии с изображений животных воспроизведены в 1891 году Е. А. Бихнером (Mém. Acad. Sci. Pétersbourg (7), XXXVIII, № 7). Я имел возможность в 1922 году пользоваться этой рукописью.

После возвращения с Берингова острова, в 1742 году, Вакселем была послана в Адмиралтейств-коллегию карта плавания Беринга; копия с нее, хранящаяся в архиве Главного гидрографического управления (№ 1940), носит название: „Карта сочиненная видимой земли американской и с островами вновь сысканными, под командою бывшаго Гдина капитана командора Беринга. С журнала лейтенанта Вакселя кампаний 741 и 742 годов". На этой карте есть изображения, под которыми подписано: „морская корова", „кот морской", „лев морской или сивучь" и „американец в нерпичеи кожаной лотке".[1] Уменьшенная в 2,7 раза копия этой карты впервые опубликована в 1893 году в Морском сборнике № 5. Подобная карта есть и в вышеупомянутой рукописи Вакселя.

8 апреля 1746 года в Академию наук поступило такое повеление из императорского кабинета: „имеющиеся при Академии карты камчатской экспедиции черные и белые и на почтовой бумаге сделанные, все, какие есть письменные ли или печатные, не оставливая ничего, также и недавно

---

[1] Она описана П. Пекарским в Зап. Акад. наук, XV, 1869. В составленном Б. Эвальдом каталоге атласов и карт, хранящихся в депо морских карт и книг Гл. гидрогр. управления мор. м-ва Пгр., 1917 (прилож. к Зап. по гидрогр.), я не нахожу указаний на эту карту (ср. стр. 59, 116, 145).

присланные в Академию от адъюнкта Стеллера репорты и описания той же экспедиции, каковы оные есть и с реестром, с чем от него присланы — взнесть в кабинет ее императорского величества". [1]

В анонимной книге Oude en Nieuwe Staat van't Russische of Moskovische Keizerryk ... Utrecht, 1744, by Johannes Broedelet, 4 части, 830 pp., дано на стр. 591—592 краткое сообщение о плавании Шпанберга (Sparenberg) к Курильским островам к Японии в 1739 году, не заключающее ничего существенного. К 1-й части этой работы приложена карта России, составленная в 1743 году известным картографом J. M. Hasius'ом; она носит название: „Kaert van het geheele Russische Keizerryk mitsgaders Groot en Klein Tartaryen... door Joh. Matthias Hasius, en nu vermaeerdert met nieuwe ontdekkingen in't Jaer 1739 door den Kapitein S p a n b e r g gedaen. Utrecht, 1743". Хотя здесь сообщается о том, что на карте нанесены открытия Шпанберга, сделанные в 1739 году, но на самом деле здесь нет в интересующих нас местах ничего нового кроме следующего: из Курильских островов вблизи Камчатки обозначены Purumschir I., известный и до Шпанберга, а затем „Ins Hopnar"; последнее есть прочитанное латинскими буквами русское слово Нерпич(ий), которому на „Генеральной карте Российской Империи" в академическом атласе 1745 года соответствует „Ост. Нерипа"; Нерпичий остров (среди Курильских) был открыт Шпанбергом в конце июля 1738 года; на позднейших русских картах Курильских островов ему соответствует, как указал А. Соколов (Зап. Гидрогр. департ., IX, 1851, стр. 347), остров Екарма. Вот и все, что изображено на этой карте из открытий Шпанберга.

Картографические данные плаваний Беринга и Чирикова к берегам Америки использованы впервые, насколько мне известно, в книге Ph. B u a c h e. „Considerations geographiques et physiques sur les nouvelles decouvertes au Nord de la grande mer, appellée vulgairement la Mer du Sud". Paris, 1753, 158 p., 4°, с 17 картами. [2] Здесь имеются, между прочим, карты: 1) „Carte des nouvelles découvertes au nord de la Mer du Sud, tant à l'est de la Siberie et du Kamtchatka qu'à l'ouest de la Nouvelle France". Dressée sur les mémoires de Mr De l'Isle, professeur royal et de l'Académie des sciences par Ph.

---

[1] П. П е к а р с к и й. История Академии наук. I, СПб. 1870, стр. 314.
[2] Книга эта имеется в Ленинграде в Публичной библиотеке.

Buache de la même Académie et presentée à l'Académie dans son assemblée publique du 8 avril 1750; 2) „Carte des nouvelles découvertes entre la partie orientale de l'Asie et l'occidentale de l'Amerique avec des vuës sur la Grande Terre reconnuë par les Russes en 1741". Dressée par Ph. Buache, présentée à l'Académie des sciences le 9 Août 1752.

В сентябре 1752 года Делиль опубликовал в Париже карту, мало чем отличающуюся от сейчас упомянутых карт в книге Бюаша; она носит название: „Carte générale des découvertes de l'Amiral de Fonte, d'autres Navigateurs Espagnols, Anglois et Russes pour la recherche du Passage à la Mer du Sud". Par M. De l'Isle de l'Académie royale des Sciences etc. Publiée à Paris en Septembre 1752. Карта эта воспроизведена в нижецитированной статье A. Greely 1892 года, а оттуда заимствована нами (см. стр. 24). На ней нанесены фантастические „открытия адмирала де Фонте и его капитанов в 1640 г." в северно-западной Америке и, между прочим, в области Анианского пролива (для которого дана особая карточка совсем в другой редакции, чем на главной карте). Берег северо-восточной оконечности Азии изображен на карте по данным 1-й экспедиции Беринга, курс которой обозначен на карте („Route du Cap-ne Beering du Kamtchatka au N. E. en l'année 1728"), причем на американской стороне Берингова пролива, никак не названного, написано: „Terres vues par Mr Spanberg en 1728, frequentées a présent par les Russes, qui en apportent de tres belles fourures". К востоку от Камчатки впервые нанесен остров Беринга (I. de Beering). Курильские острова изображены по съемкам Шпанберга 1738—1739 годов. Под 45° с. ш. имеется и пресловутая Земля Гамы. Пути Беринга в Америку нет, но есть „Route du Kamtchatka à l'Amerique par le Capitaine Tchirikow et Mr De l'Isle de la Croyere en Juin et Juillet 1741" и обратный путь их же в сентябре того же года. На берегу сев.-зап. Америки написано: „Terres vuës par les Russes en 1741 ou le Capitaine Tchirikow perdit sa Chaloupe armée de 10 hommes". На месте Алеутских островов нанесен гигантский остров, в несколько раз больший всей Камчатки, с надписью: „Côtes vuës par Mrs Tchirikow et De l'Isle en Septembre 1741".

Съемки Курильских островов и Японии Шпанберга и Вальтона использованы на карте № 19 в „Атласе Российском" 1745 года, изданном Академией наук.

Соколов в 1751 году дал карту путей Беринга и Чирикова 1741 года, составленную с копий подлинных карт: Беринга,

вычерченной Вакселем и Хитровым, и Чирикова, сделанной им самим. Далее у Соколова имеется карта путей Шпанберга и Вальтона 1738—1739 годов со съемкой Курильских островов и Японии, с копии подлинных карт и, наконец, карта острова Каяк с подлинного плана Хитрова. Фотографический снимок с копии подлинной карты Шпанберга (съемки 1738—1739 годов) напечатан впервые Егерманом в 1914 году (при стр. 448). Андреевым в 1893 году дана копия карты плавания Беринга к берегам Америки, снятая с подлинной 1744 года, и копия карты плавания Чирикова (с позднейшими добавлениями).

Съемки северных берегов Сибири использованы отчасти в „Атласе Российском" 1745 года. Отчасти же они нанесены Г. Миллером на карту, изданную Академией наук в Петербурге в 1758 году под названием: „Nouvelle carte des découvertes faites par des vaisseaux Russiens aux côtes inconnues de l'Amerique septentrionale avec les pais adiacents. Dressée sur des mémoires authentiques de ceux, qui ont assisté à ces decouvertes, et sur d'autres connoissances, dont on rend raison dans un mémoire separé." Эта карта, выгравированная еще в 1754 году, должна иллюстрировать статью Г. Миллера в „Сочинениях и переводах" за 1758 год.[1] Значительно более влияния оказали съемки Камчатской экспедиции на изображение северных берегов Сибири на картах Трескота, выпущенных им в Петербурге в 70-х годах XVIII столетия.

Печатные известия

В „Gazette de France" от 16 ноября 1743 года помещено краткое сообщение из С.-Петербурга от 20 октября о кораблекрушении и смерти Беринга на острове, о возвращении Стеллера и части команды на Камчатку, о достижении Чириковым берегов Америки.[2]

Как указал Л. Стейнегер,[3] первый более или менее обстоятельный отчет о 2-й экспедиции Беринга был напечатан

---

[1] Подробности об этой карте см. у Г. Миллера. Сочин. и перев., 1758, ч. 2, стр. 401—423. Также у Cahen, l. c., p. 270—272. Благодаря любезности Л. С. Багрова я располагал фотографической копией с карты издания 1758 года.

[2] Переведено у: Golder. Russian expansion on the Pacific 1641—1850. Cleveland, 1914, p. 212—213, в оригинале p. 326. Здесь же, на стр. 330, перепечатано краткое сообщение „Gazette de France" от 27 февраля 1740 г. об открытии Шпанбергом 34 островов в Курильской гряде.

[3] L. Stejneger. An early account of Bering's voyages. Geogr. Review, 1934, October, p. 638—642.

в 1747 году в Копенгагене в книге P. v. Haven, Nye og forbedrede Efterraetninger om det Russiske Rige.[1] Здесь на стр. 16—43 переведена на датский язык часть отчета Вакселя, посланного им в Адмиралтейств-коллегию из Петропавловска 15 ноября 1742 года; сообщаются также некоторые сведения о плавании Шпанберга к берегам Японии. Автор говорит (р. 20), что он получил материалы в бытность свою в Москве, в 1744 году, от некоего „курляндского дворянина" (Плениснера?).

Далее краткие данные мы находим во втором томе „Путешествия" Гмелина (1752).

Краткие и в значительной степени неверные сведения сообщаются в брошюре [J. N.] De l'Isle. Explication de la carte des nouvelles découvertes au Nord de la Mer du Sud. Paris, 1752, 18 pp., приложенной к вышеупомянутой книге Ph. Buache, 1753. Здесь подробно рассказывается о фантастическом плавании испанского адмирала де Фонте у берегов северо-западной Америки и кратко и совершенно неверно о плавании Беринга в 1741 году.[2] Относительно путешествия Чирикова говорится, что брат Делиля, Луи Делиль-Лякройер, имел задачей „показывать верный путь Чирикову", а на картах Ж. Н. Делилем отмечено: „Земля, усмотренная Чириковым и Делилем", „Путь из Камчатки в Америку, проделанный Чириковым и Делилем". Что касается Беринга, то, насколько можно понять из краткого описания Делиля, он достиг на восток не далее острова, названного его именем. Эта брошюра, напечатанная без разрешения Академии и сообщавшая о событиях, считавшихся секретными, и карты Делиля, неправильно освещавшие ход экспедиции, вызвали большое неудовольствие в Петербурге, и Академия поручила своему члену, историку Г. Миллеру написать возражение. Таковое было составлено и выпущено в 1753 году в Берлине анонимно, под заглавием: Lettre d'un officier de la marine Russienne à un Seigneur de la Cour concernant la carte des nouvelles découvertes au Nord de la Mer du Sud, et le mémore qui y sert d'explication publié par M. De l'Isle à Paris en 1752. Traduit de l'Original Russe. à Berlin chez Haude et Spener [1753], 60 pp.[3] Брошюра эта представляет боль-

---

[1] Экземпляр ее имеется в библиотеке Академии наук.

[2] Надо думать, что о подробностях плавания Беринга Делиль вообще не был осведомлен.

[3] Известный арктический исследователь A. W. Greely (The cartography and observations of Bering's first voyage. Nat. geograph. magaz., III,

шую редкость. В библиотеке Академии наук имеется один экземпляр (шифр $\frac{X\ Jx}{II}$), переплетенный вместе с немецким переводом вышеупомянутой статьи Делиля, выпущенным тем же издательством в Берлине в 1753 году, и статьей Dobbs'a по поводу обеих вышеназванных работ Делиля и Миллера (Berlin, 1754, Haude und Spener, 30 pp.).

На русском языке брошюра никогда не была опубликована. [1]

В своем ответе Миллер впервые сообщает правильные сведения о плавании Беринга, исправляет ошибки Делиля, дает критическую оценку открытиям де Фонте и указывает настоящее место его брату де-ла-Кройеру (о нем см. выше, стр. 140): берега Америки „видели" не только де-ла-Кройер и Чириков, но и весь экипаж судов, а астрономические определения, какие посылались от имени де-ла-Кройера,

---

1892, p. 222) высказал совершенно неосновательное предположение, что автором „Lettre d'un officier" был Ваксель. Об этом не стоило бы упоминать, если бы Гольдер (Golder. Bering's voyages, I, 1922, p. 362; II. 1925, p. 6, 265) и Стейнегер (L. Stejneger. Who was J. L. S.?* Library Quarterly, IV, № 2, 1934, p. 337) не присоединились к мнению Грили. Ваксель был малограмотный человек и никоим образом не мог быть автором интересующего нас „Письма". Что эту брошюру составил Миллер, об этом мы имеем свидетельство самого Миллера. В автобиографии, написанной историографом в 1775 году и напечатанной в книжке Н. В. Голицына (Портфели Г. Ф. Миллера, М, 1899), говорится (стр. 141): „Когда в 1752 году господин Делиль в Париже издал известие и карту о учиненных во время Камчатской экспедиции россиянами американских мореплаваниях, с истиною мало сходное, тогда из Москвы прислан был в Академию указ, чтоб опровергнуть оное сочинение изданием другого, которое было бы оного основательнее. По сей причине сочинил я на французском языке: Lettre d'un Officier de la Marine Russienne, т. е. письмо офицера российского флота, которое в 1753 году напечатано в Берлине. Сие сочинение иностранцами переведено на немецкой и аглинской языки. В то же время сочинена по имеющимся при мне известиям и под моим надзиранием оным же мореплаваниям карта, которая вырезана на меди в 1744, а издана в свет в 1758 году".

О том, что автором „Lettre" был Миллер, можно прочитать и у П. Пекарского, История Императорской Академии наук в Петербурге, I, 1870 стр. 143 (президент Академии гр. К. Разумовский 13 марта 1753 г. распорядился, чтобы историограф Миллер написал опровержение, в котором были бы показаны „все нечестивые в сем деле Делилевы поступки"), стр. 407—408.

[1] По свидетельству Пекарского (1870), современный рукописный перевод на русский язык имеется в библиотеке Академии наук. Брошюра перепечатана в Nouvelle Bibliothèque Germanique, vol. XIII, переведена также на немецкий и английский языки.

произведены, на самом деле, геодезистом А. Д. Красильниковым, впоследствии адъюнктом Академии. [1]

Более обстоятельно рассказал об экспедиции Г. Миллер в „Сочинениях и переводах“ за 1758 год. В 1793 году он напечатал дневник Стеллера с описанием путешествия 1741 года в Америку и обратно. Ряд подлинных документов опубликовал В. Андреев в 1893 г. в „Морском сборнике“. Наиболее же полный отчет о всей экспедиции дал известный историк русских морских плаваний гидрограф А. Соколов в 1851 году.

В 1922—1925 годах Американским географическим обществом издан в Нью-Йорке превосходный труд Ф. А. Гольдера, Bering's Voyages, в котором впервые в переводе на английский язык приведены многие неопубликованные первоисточники по 2-й экспедиции Беринга, а также весьма ценные вводные статьи и обширные комментарии Гольдера, Стейнегера, кап. Бертольфа и Joerg'а. Здесь в I томе дан перевод журналов, веденных на пакетботе „Св. Петр“ и на гукере того же имени Софроном Хитровым и Харламом Юшиным с 23 апреля 1741 по 7 сентября 1742 года, перевод донесения Ваксели Адмиралтейств-коллегии от 15 ноября 1742 г. из Петропавловска, перевод журнала, веденного на пакетботе „Св. Павел“, перевод донесений Чирикова Адмиралтейств-коллегии от 7 и 9 декабря 1741 года, весьма ценная карта путей „Св. Петра“ и „Св. Павла“, составленная кап. Бертольфом (заимствованная нами, см. стр. 204). Во II томе дан перевод Стеллерова описания плаваний в Америку и обратно, а также описания Берингова острова; перевод сделан Стейнегером и частью Joerg'ом с изданий, редактированных Палласом и вышедших в свет в 1781 и 1783 годах,

[1] Об этом нужно было упомянуть, потому что некоторые до сих пор склонны преувеличивать заслуги, если таковые вообще были, Людовика Делиля-де-ла-Кройера. Так, французский ученый Gaston Cahen, автор почтенного, неоднократно нами упоминавшегося труда „Les cartes de la Sibérie au XVIII-e siècle“ (Nouv. Arch. des missions scient., I, 1911, p. 225), склонен думать, что карта всей России в „Атласе Российском“, изданном в 1745 г. Академией наук, есть плод трудов „братьев Делиль“; М. С. Боднарский в своей прекрасной статье „Первые русские географические атласы“ (Землеведение, XXXIX, в. 1—2, 1932, стр. 107) называет Л. де-ла-Кройера „выдающимся европейским ученым“. Таковым был, действительно, его брат, Жозеф-Никола (по-русски Осип Николаевич) Делиль, с 1714 г. адъюнкт Парижской Академии наук, 1726—1747 член Петербургской академии. Об астрономических определениях де-ла-Кройера см. (Ал. Соколов) Зап. Гидрогр. департ., VII, 1849, стр. 537—542. На Тихом океане им сделано лишь одно определение долготы — именно Петропавловска.

но с дополнениями по копии с рукописи Стеллера, найденной Гольдером в архиве Академии наук в 1917 году. Дана подробная библиография.

Издательством Главного Управления Северного морского пути в настоящее время печатается собрание документов, относящихся к 1-й и 2-й экспедициям Беринга и извлеченных из архивов Ленинградского отделения Центрального исторического архива („Борьба за великий северный путь, 1725—1917 гг.“, под редакцией А. К. Дрезен).

В. Ю. Визе и проф. Грековым обработаны журналы Лаптевых и Прончищева. Рукопись хранится в Совете по обследованию производительных сил в Академии наук.

Я имел возможность пользоваться копией журнала Софрона Хитрова, хранящейся в рукописном отделении Академии наук.

Но кроме того в архиве Академии наук имеется много материалов по 2-ой экспедиции Беринга; они хранятся в бумагах Миллера, Стеллера и Крашенинникова (см. Г. А. Князев. Архив Академии наук СССР, Лг., 1933, стр. 125—126, 178, 180).

3. Список литературы об экспедициях Беринга

Андреев В. Документы по экспедиции капитан-командора Беринга в Америку, в 1741 г. Морской сборник, 1893, № 5, стр. 1—16, с 2 картами.

Донесение флота капитана Беринга об экспедиции его к восточным берегам Сибири. Зап. Военно-топогр. депо, X, 1847, стр. 69—79.

Берг Л. С. Известия о Беринговом проливе и его берегах до Беринга и Кука. Записки по гидрографии, II (1919).

Берг Л. С. Открытие Камчатки и Камчатские экспедиции Беринга. Пгр., 1924, 248 стр. Гос. изд-во.

Берх Василий. Первое морское путешествие россиян, предпринятое для решения географической задачи: соединяется ли Азия с Америкою? и совершенное в 1727, 28 и 29 годах под начальством флота капитана 1-го ранга Витуса Беринга. С присовокуплением краткого биографического сведения о капитане Беринге и бывших с ним офицерах. СПб., 1823, 126, с картой.

Бэр К. Заслуги Петра Великого по части распространения географических знаний. Зап. Геогр. о-ва, III, 1849, IV, 1850.

Baer K. E. Peter's des Grossen Verdienste um die Erweiterung der geographischen Kenntnisse. Beiträge zur Kenntniss des Russ. Reich., XVI, 1872, p. XV + 291.

Вахтин В. Русские труженики моря. Первая морская экспедиция Беринга для решения вопроса, соединяется ли Азия с Америкой. СПб., 1890, IV + 124 стр.

Врангель Ф. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю в 1820—24 гг. СПб., 1841, часть I, стр. 36—84.

Gmelin J. G. Reise durch Sibirien. Göttingen, I, 1751 (во введении некоторые сведения о 1-й экспедиции); II, 1752.

Golder F. A. Russian expansion on the Pacific 1641—1850. Cleveland (Ohio), 1914, 368 pp.

Golder F. A. Bering's voyages. An account of the efforts of the Russians to determine the relation of Asia and America. Vol. I. The log books and official reports of the First and Second expeditions 1725—1730 and 1733—1742, with a chart of the second voyage by Ellsworth P. Bertholf. New York, 1922, X + 371 pp. — Vol. II. Steller's Journal of the sea voyage from Kamchatka to America and return on the second expedition 1741—1742 translated and in part annotated by Leonhard Stejneger. New York, 1925, XI + 291 pp. — American Geographical Society, Research series Nr. 2, W. L. G. Joerg, editor.

Dall Wm. H. A critical review of Bering's first expedition 1725—30, together with a translation of his original report upon it. National Geographic Magazine, II, № 2, 1890, p. 1—59 (оттиска) с картой. (Перевод донесения Беринга из Зап. Воен.-топ. депо, X, с подробным разбором положений судна „Св. Гавриил" во время плавания 1728 г.)

Du Halde. Description géographique, historique... de la Chine et de la Tartarie chinoise. Vol. IV, Paris, 1735, p. 452—458, с картой.

Егерман Э. „Путь до Япон". Записки по гидрографии, XXXVIII, в. 3, 1914, стр. 446—456, с копией карты Шпанберга.

Крашенинников С. Описание Земли Камчатки. СПб., 1755, 2 т., 18 + 438 стр. с картами и 4 + 319 стр. Изд. Акад. наук.

Лаптев Х. Описание, содержащее от флота Лейтенанта Харитона Лаптева в Камчатской экспедиции, меж реками Лены и Енисея, в каком состоянии лежат реки и на них всех живущих промышленников состояние. Зап. Гидрогр. департ., IX, 1851, стр. 8—58.

Литке Ф. Путешествие вокруг света на военном шлюпе Сенявине 1828—29. Отделение мореходное. СПб. 1835 (разбор 1-го плавания Беринга).

Миллер Г. Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю с Российской стороны учиненных. Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. СПб., 1758, май, стр. 387—397; июль, стр. 9—32; август, стр. 99—129; сентябрь, стр. 195—232; октябрь, стр. 309—336 (то же по-немецки: G. Müller. Sammlung russischer Geschichte, Bd. III, 1758).

Пекарский П. Архивные разыскания об изображении несуществующего ныне животного Rhytina borealis. (Со снимком старинного изображения Rhytina borealis.). Зап. Акад. наук, XV, прил. № 1, 1869, стр. 33. (Здесь напечатано донесение Стеллера сенату о плавании в Америку, отрывки из журнала Хитрова и др.)

Полонский А. С. Первая камчатская экспедиция Беринга 1725—29 года. Зап. Гидрогр. департ., VIII, 1850, стр. 535—556.

Сарычев. О плавании Российских морских офицеров из рек Лены, Оби и Енисея, а также и от города Архангельска к востоку по Ледовитому морю с 1734 по 1742 г. Зап. Адмиралт. департ., 1820, ч. 4, стр. 306—378.

Соколов А. Берег Ледовитого моря между рек Оби и Оленека. По съемке 1734—42 г. Зап. Гидрогр. департ., IX, 1851, стр. 1—77, с картой (здесь, между прочим, напечатаны записки X. Лаптева о берегах между Леной и Енисеем).

Соколов А. Северная экспедиция 1733—43 года. Там же, стр. 190—469, с картами.

Соколов А. Таймурский полуостров. Сведения о нем, собранные за 100 лет. Вестник Русского геогр. общества, ч. I, кн. 2, отд. VI, 1851, стр. 79—88 (по данным X. Лаптева).

Steller, G. W. De bestiis marinis. Novi Comment. Acad. Petropol. II (1749), Petropoli, 1751, p. 289—398, с таблицей, изображающей морского бобра. — Переведено на немецкий язык в книжке: G. W. Steller's ausführliche Beschreibung von sonderbaren Meerthieren. Halle, 1753, pp. XX + 218 с табл.

Steller G. W. Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, dessen Einwohnern, deren Sitten, Nahmen, Lebensart und verschiedenen Gewohnheiten, herausgegeben von J. B. S(cherer), Frankfurt und Leipzig, 1774, VIII + 24 + 384 + 72 + IV pp., с картой и рис.

Steller G. W. Topographische und physikalische Beschreibung der Beringsinsel, welche im östlichen Weltmeer an der Küste von Kamtschatka liegt. Neue Nordische Beyträge, II, 1781, p. 255—301.

Steller G. W. Tagebuch seiner Seereise aus dem Petripauls Hafen in Kamtschatka bis an die westlichen Küsten von Amerika, und seiner Begebenheiten auf der Rückreise. Neue Nordische Beyträge, V, 1793, p. 129—236; VI, 1793, p. 1—26 (То же отдельно под заглавием: Reise von Kamtschatka nach Amerika mit dem Commandeur-Capitän Bering. St. Petersburg, 1793, 133 pp.).

Дополнения и исправления автора

К стр. 92, строка 13 сверху. По новейшим данным (К. И. Панин) мыкыжа всю свою жизнь проводит в пресной воде; поэтому ее надо исключить из числа проходных рыб.

К стр. 165, строка 15 снизу. Вместо Шиша-котан надо читать Шиашкотан.

К стр. 274, строка 13 сверху. Вместо Ахта надо читать Атха.

К стр. 326, прим. 3. Издательством Главного управления Северного морского пути в настоящее время выпускается в свет перевод описания путешествия голландцев, сделанный проф. А. И. Малеиным: Плавания Баренца (Diarium nauticum).

К стр. 381, строка 2 снизу. Вместо 1751 надо читать 1851.

Указатель латинских названий растений и животных

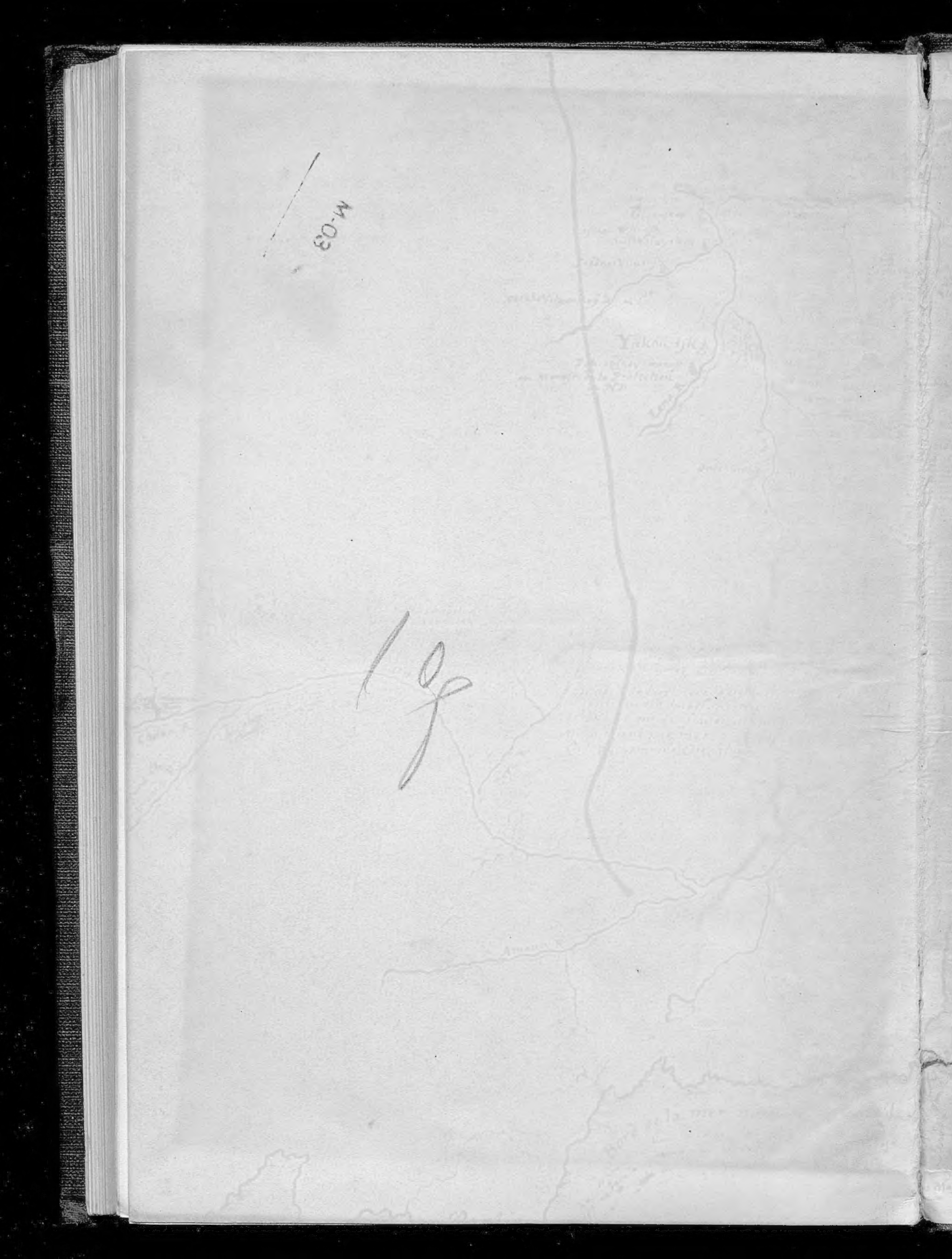
Указатель имен лиц

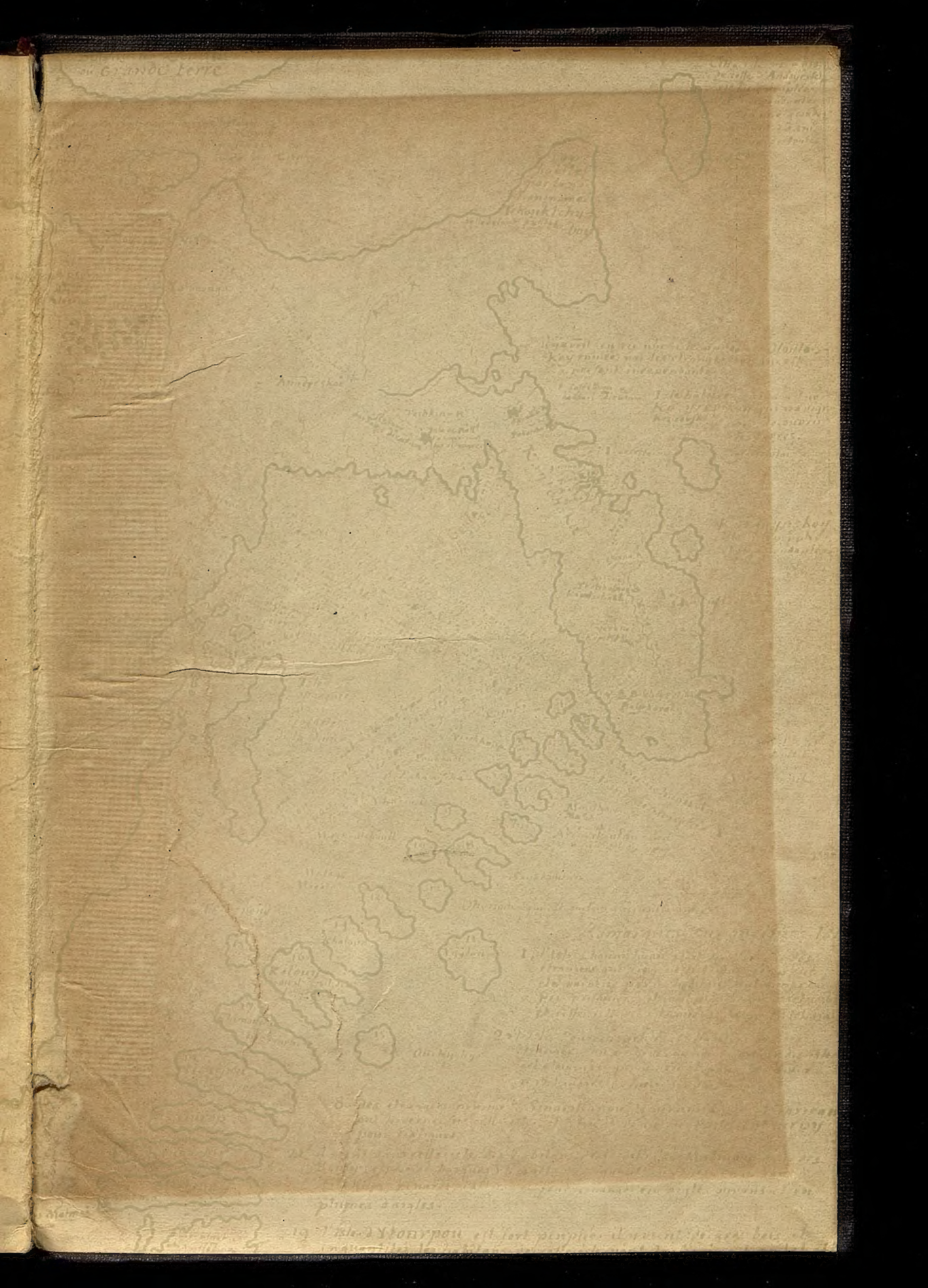
Указатель предметов

СОДЕРЖАНИЕ

Ответ. редактор *И. Г. Ростовцев*
Редактор серии *М. М. Смирнов*
Технический редактор *Ю. А. Таубер.*
Сдано в набор 15 сентября 1935 г.
Подписано к печати 17 декабря 1935 г.
Бум. 62×94 см. 76 000 тип. зн. в бум. л.
Объем: $13^1/_2$ б. л.; $25^3/_4$ п. л.; $22^3/_4$ авт. л.
Тираж 10 000 экземпляров. Изд. № 72.
Ленгорлит № 32879. Заказ № 1909.

Тип. „Коминтерн“ и школа ФЗУ им. КИМ'а. Ленинград, Красная ул. 1


M-03



ИЗДАТЕЛЬСТВО